

**Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО»**

ГЕОПОЛИТИКА И ЭКОГЕОДИНАМИКА РЕГИОНОВ

Научный журнал

Том 6 (16) Выпуск 3

2020

**Симферополь
2020**

ISSN 2309-7663

Журнал основан в 2005 году.

Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС 77-61822 от 18.05.2015 г.

*Печатается по решению Ученого совета ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(протокол № х от xx.xx.2020 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – д. геогр. наук, профессор ВОРОНИН И. Н.
Заместитель главного редактора – д. геогр. наук, профессор ВАХРУШЕВ Б. А.
Ответственный редактор – к. геогр. наук СИКАЧ К. Ю.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

к. полит. наук **БЕДРИЦКИЙ А. В.**; д. геогр. наук, профессор **БОКОВ В. А.**;
к. геогр. наук **ГОРБУНОВ Р. В.**; д. экон. наук, доцент **ИБРАГИМОВ Э. Э.**;
д. биол. наук, профессор **ИВАНОВ С. П.**; д. биол. наук, профессор
ИВАШОВ А. В.; д. геогр. наук, доцент **ИВЛИЕВА О. В.**; д. полит. наук
ИЛЬИН М. В.; д. биол. наук, профессор **ЛИТВИНСКАЯ С. А.**; д. геогр. наук,
профессор **ПЛОХИХ Р. В.** (Казахстан); д. геогр. наук, профессор
ПОЗАЧЕНЮК Е. А.; д. эконом. наук **РОТАНОВ Г. Н.**; д. геогр. наук, профессор
ХОЛОПЦЕВ А. В.; д. эконом. наук, профессор **ЦЕХЛА С. Ю.**; д. геогр. наук,
профессор **ЯКОВЕНКО И. М.**; д. геогр. наук, профессор **ÇALIŞKAN V.**
(Турция); PhD of geogr. and polit. **EDIRİPPULIGE S.** (Австралия); д. геогр. наук,
профессор **ГЪАТО Р.** (Республика Сербская Босния и Герцеговина); д. геогр.
наук, профессор **ИБРАГИМОВ А. И. оглы** (Турция).

Статьи публикуются в авторской редакции и корректуре.

Мнение автора может не совпадать с позицией редакции.

Редакция не вступает в переписку с читателями.

Подписано в печать xx.xx.2020. Формат 60x84/8

39,53 усл. п. л. Заказ № НП/324. Тираж 25 экз. Бесплатно

Дата выхода в свет xx.xx.2020 г.

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://geopolitika.cfuv.ru>

РАЗДЕЛ I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ

УДК 911.3 (26)

А. Г. Дружинин^{1,2,3}

Особенности формирования диаспор ведущих этносов Центральной Азии в приморских регионах России

¹ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

²ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет
им. И. Канта», г. Калининград, Российская Федерация

³ФГБУ «Институт географии РАН», г. Москва,
Российская Федерация

e-mail: alexdru9@mail.ru

Аннотация. Для России этнодемографическая проблематика — не только традиционно значима, но и теснейшим образом корреспондирует с актуальными вопросами пространственного социально-экономического развития, с евразийскими интеграционными процессами. С начала 2000-х годов всё более осязаемое влияние на трансформацию этнодемографической структуры российских регионов оказывает миграционная активность ведущих этносов Центральной Азии; наибольшая динамика формирования соответствующих этнических диаспор характерна, при этом, для российских регионов, лидирующих по уровню и темпам своего экономического развития. В статье сделана попытка идентифицировать (на основе данных последних всероссийских переписей населения) сопряжённость этнической миграции с процессами талассоаттрактивности, выявить воздействие «морского фактора» на локализацию этносов Центральной Азии в регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: этносы, этнические диаспоры, приморские регионы, евразийство, Россия, Центральная Азия, Евразия

Введение

Прошло практически столетие с момента издания (1921 г.) сборника «Исход к Востоку» [1], ознаменовавшего собой конституирование особого философско-политического направления, известного как «евразийство», чьи идеи, концепты ныне не только оказались важной, полноправной частью отечественного общественного дискурса [2], но и стали значимым маркером и инструментом сложных, противоречивых постсоветских геополитических и геоэкономических процессов. Одни из базовых положений «евразийства» (например, о «Евразии» как особой пространственной целостности, о судьбоносном характере для России славяно-тюркского этнокультурного диалога) продолжают являть свою актуальность; иные фундаментальные аспекты данной доктрины (акцент на преимущественную «континентальность» нашей страны, риски для неё вовлечения в океанические хозяйственные обмены) в новой реальности — оказались лишь частично верифицированы, обретя, при этом, дополнительные стороны, грани. В частности, ныне (в связи, в том числе и с приоритетом становления «Большой Евразии») существенно возрастает мотивация, ценность партнёрства Российской Федерации с государствами Центральной Азии

(макрорегиона, в XXI столетии обретающего в евразийской геоэкономике и геополитике ключевые позиции [3–7]), реализуемого в существенной мере благодаря масштабному миграционному «скрепу». Одновременно с этим, наперекор инерции пространства и его структур, наша страна в силу множества обстоятельств (в том числе и собственно евразийских процессов [8]) вынуждена всё в возрастающей мере становиться и «морской» державой, что повышает значимость её побережий, инициирует их социально-экономическую притягательность.

Цель статьи — идентифицировать (на основе данных последних всероссийских переписей населения) сопряжённость этнической миграции с процессами талассоаттрактивности («притяжения к морю» [9]), выявить воздействие «морского фактора» на локализацию этносов Центральной Азии в регионах Российской Федерации.

Материалы и методы

Инструментальной основой проведённого исследования выступают культивируемые российской общественной географией представления о «факторе моря» в пространственной социально-экономической динамике [10], об эффектах «притяжения к морю» населения и систем расселения [11], а также наработки в области демографии и этногеографии современной России [12–16], имеющиеся подходы по учёту влияния на этнодемографические структуры миграционных процессов [17–19]. Авторские выводы и аналитика базируются на данных Росстата, включая материалы Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов. Иллюстрируя лишь «верхушку айсберга» присущих стране этнодемографических изменений, соответствующая статистика даёт возможность, тем не менее, в целом корректно отразить особенности локализации этнических диаспор, в том числе и крупнейших этносов Центральной Азии. Особый акцент, при этом, сознательно сделан на выявлении особенностей размещения на территории России представителей узбекского этноса (на его долю приходится не только 84% населения Республики Узбекистан, но почти 40% демографического потенциала всего центрально-азиатского макрорегиона) и идентификации, на этой основе, приморских регионов Российской Федерации, характеризующихся наиболее ощутимым влиянием «центрально-азиатского фактора» на этнодемографическую динамику.

Результаты и обсуждение

Миграционный поток в Россию представителей центрально-азиатских этносов устойчиво нарастал все 2000-е годы, достигнув максимума в 2011 г. Соответствующим образом видоизменялось и «присутствие» титульных народов Центральной Азии в этнодемографической структуре Российской Федерации. Если, согласно переписи 1989 г., свою принадлежность к ним декларировали 331 тыс. чел., а в 2002 г. — 339 тыс., то в 2010 г. — уже 695 тыс. (что более чем удвоило долю центрально-азиатских этносов в населении нашей страны: с 0,21% до 0,48%). Почти 48% прироста численности представителей пяти ведущих центрально-азиатских этносов пришлось, при этом, непосредственно на лиц узбекской национальности. Повсеместный (по всем регионам России) рост

соответствующей диаспоры сочетался с выраженной пространственной неравномерностью процесса, с превалированием экономических мотивов миграции, с преимущественной концентрацией представителей узбекского этноса в ведущих, экономически наиболее «сильных» регионах. Данная тенденция характерна и для приморских территорий, где, в то же время, как свидетельствует авторский анализ, численность узбекской диаспоры за последний межпереписной период (2002–2010 гг.) прирастала более интенсивными темпами, чем по России в целом (табл. 1).

Таблица 1

Локализация представителей узбекского этноса в приморских регионах России в 2002 и 2010 гг.*

	Число узбеков в 2002 г., чел.	Число узбеков в 2010 г., чел.	Изменение численности узбеков за 2002-2010 гг.	Рост численности узбекской диаспоры за 2002-2010 гг., раз	Доля узбеков в населении 2002 г, промилле	Доля узбеков в населении 2010 г, промилле	Изменение доли узбеков в населении за 2002-2010 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8
Россия	123 000	289 862	166 862	2,36	0,85	2,03	1,18
Республика Карелия	273	554	281	2,03	0,38	0,86	0,48
Республика Коми	709	939	230	1,32	0,70	1,04	0,34
Ненецкий автономный округ	10	118	108	11,8	0,24	2,80	2,56
Архангельская область без автономного округа	184	335	151	1,82	0,14	0,28	0,14
Калининградская область	631	2 245	1 614	3,56	0,66	2,39	1,73
Ленинградская область	1 001	6 717	5 716	6,71	0,60	3,91	3,30
Мурманская область	463	1122	659	2,42	0,52	1,41	0,89
г. Санкт-Петербург	2 987	20 345	17 358	6,81	0,64	4,17	3,53
Республика Калмыкия	142	211	69	1,49	0,49	0,73	0,24

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8
Краснодарский край	2 210	3 469	1 259	1,57	0,43	0,66	0,23
Астраханская область	1 030	2658	1 628	2,58	1,02	2,63	1,61
Ростовская область	1 820	2 753	933	1,51	0,41	0,64	0,23
Республика Дагестан	245	418	173	1,71	0,10	0,14	0,04
Ямало-Ненецкий автономный округ	979	1 775	786	1,81	1,93	3,40	1,47
Красноярский край	2 778	6 434	3 656	2,32	0,94	2,28	1,34
Республика Саха (Якутия)	1 207	3 332	2 125	2,76	1,27	3,48	2,21
Камчатский край	267	646	379	2,41	0,75	2,01	1,26
Приморский край	1 634	8 992	7 358	5,50	0,79	4,60	3,81
Хабаровский край	1 257	3 212	1 955	2,56	0,87	2,39	1,52
Магаданская область	201	532	331	2,65	1,10	3,39	2,29
Сахалинская область	298	1 518	1 220	5,09	0,55	3,05	2,50
Чукотский автономный округ	36	79	43	2,19	0,67	1,55	0,88

* Составлено автором по данным переписей населения 2002 и 2010 гг. (данные по Республике Крым и городу Севастополь не учитывались).

Согласно переписи 2002 г., в приморских регионах страны (данные по Республике Крым и городу Севастополь в расчёте не учитывались) на постоянной основе проживало 20 362 представителя узбекского этноса (16,6% от общероссийского показателя). В 2010 г. соответствующая цифра возросла до 68404 человек (23,6 % от всего узбекского населения РФ). В итоге, если в целом по России за 2002–2010 гг. численность диаспоры возросла в 2,36 раза, то непосредственно в приморских регионах — в 3,36 раза. Весомую часть прироста «приняли» Санкт-Петербург (36%) и Ленинградская область (11,9%). Иными значимыми аттракторами миграции оказались Приморский край (15,3% всего прироста узбекской диаспоры), Астраханская область (3,4%), Калининградская

область (3,3%), Сахалин (2,5%). Всё это — ведущие, наиболее значимые («опорные») приморские регионы России (табл. 2).

Таблица 2

**Типологическая группировка приморских регионов России
по «присутствию» в них узбекской этнической диаспоры и её динамике
за 2002-2010 гг.***

Численность диаспоры	Наиболее крупные (более 10 тыс. чел.)				Санкт- Петербург** (4,17)***;
	Достаточно крупные (5- 10 тыс. чел.)			Красноярский край (2,28)	Ленинградская обл. (3,91); Приморский край (4,6)
	Средние (2- 5 тыс. чел.)	Ростовская обл. (0,64)	Краснодар- ский край (0,66)	Астраханская обл. (2,63) Респ. Саха (3,48), Хабаровский край (2,39)	Калининградская обл. (2,39)
	Малочислен- ные (менее 2 тыс. чел.)	Респ. Калмыкия (0,73)	Респ. Карелия (0,86); Архангель- ская обл. (0,28); Респ. Дагестан (0,14); Ямало- Ненецкий АО (3,40)	Мурманская обл. (1,41); Камчатский край (2,01); Магаданская обл. (3,39); Чукотский АО (1,55)	Сахалинская обл. (3,05), Ненецкий АО (2,80)
		Незначитель- ный рост либо сокращение численности	Умеренный рост (в 1,5-2 раза)	Средний рост численности (в 2-3 раза)	Наиболее интенсивный рост (в 3 раза и более)
Динамика диаспоры					

*составлено автором по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.
(типологическая группировка не включает регионы Крыма)

** ведущие «морские» регионы

*** (...) доля представителей узбекского этноса в населении региона согласно переписи 2010 года, в промилле

Локализация диаспоры (корреспондируя с общей миграционной привлекательностью компонент российского пространства) свидетельствует, тем не менее, о её ориентации не столько на приморские виды деятельности, сколько на ведущие («подпитываемые» в том числе и морской экономикой), наиболее развитые в социально-экономическом отношении приморские регионы и центры. Основной вектор миграции, при этом, направлен на Балтику (51,2% всего численного прироста узбекской диаспоры) и в регионы Тихоокеанской России (23,5%). Ощутимо ниже популярность причерноморских и прикаспийских регионов, где не столь существенны возможности заработка, а также сложнее укореняться в иноэтнической среде.

Выводы

Присущие современной Евразии устойчивые межстрановые и межрегиональные социально-экономические градиенты выступают важнейшим фактором миграционного «поведения» представителей центрально-азиатских этносов, а, следовательно — и формирования, локализации на территории России соответствующих диаспор. «Столицеориентированные» векторы иноэтнической миграции (направленные не только на Москву и Санкт-Петербург, но и на ряд ведущих региональных центров страны) дополняются, при этом (как свидетельствует аналитика по узбекской диаспоре), выраженными эффектами её талассоаттрактивности. Есть основания полагать, что очередная (перенесённая в связи с пандемией COVID-19 уже на 2021 год) всероссийская перепись ещё чётче высветит устойчивый тренд «мореориентированного» (и, при этом, избирательного, сфокусированного на побережьях с выраженной социально-экономической динамикой) пространственно-локализационного «поведения» диаспор ведущих этносов Центральной Азии (узбеки, таджики, киргизы) на территории Российской Федерации.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы»

Литература

1. Исход к Востоку» Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София. 1921. 135 с.
2. Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону; изд-во Южного федерального университета. 2020. 268 с.
3. Малышева Д. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 5, С. 101–108.
4. Eder T. S. (2014) China-Russia Relations in Central Asia. Energy Policy, Beijing's New Assertiveness and 21st Century Geopolitics. 89 (2), P. 287–294.
5. Pabst A. (2009) Central Eurasia in the emerging global balance of power. American Foreign Policy Interests. 31 (3), P. 166–176.
6. Radnitz, Scott (2018) Between Russia and a Hard Place: Great Power Grievances and Central Asian Ambivalence Europe-Asia Studies 70(10), P. 1597–1611.
7. Svanstom, N. (2012) Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics: Rivalry or Partnership for China, Russia and Central Asia? 2012. P. 1–248.
8. Дружинин А. Г. Евразийские векторы морехозяйственной активности России: общественно-географические проекции // География и природные ресурсы. 2020. № 2. С. 5–14.
9. Дружинин А. Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 28–43.

10. Druzhinin A., 2019. The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia. *Quaestiones Geographicae*. 38 (2). Boducki Wydawnictwo Naukowe, Poznań, P. 91–100.
11. Федоров Г. М., Михайлов А. С., Кузнецова Т. Ю. Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // *Балтийский регион*. 2017. Т 9, № 2. С. 7–27.
12. Вишневский А. Г., Андреев Е. М., Трейвиш А. И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. Москва, 2003. Сер. 53 Р Научные Труды. 61 с.
13. Дружинин А. Г. «Северокавказская составляющая» трансформации этнической структуры регионов России: (аналитика и комментарии к итогам всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.) // *Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география*. 2013, № 2 (7). С. 3–15.
14. Манаков А. Г. Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в начале XX–начале XXI в. // *Географический вестник*. 2019, 2 (49). С.13–24.
15. Стрелецкий В. Н. Этнические общности в геокультурном пространстве России (Историческая динамика и региональная структура) // *Вестник исторической географии*, № 1. Смоленск. Изд-во СГУ, 1999. С.31–53.
16. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.
17. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. Трудовые иммиграции в России: динамика и возможные последствия // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2015. № 1 (123). С. 91–100.
18. Письменная Е. Е., Рязанцев С. В., Тикунов В. С. Географические особенности трудовой миграции в контексте евразийской интеграции // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2014. № 5. С. 42–52.
19. Ткаченко А. А. Иммиграция в Россию: новые тенденции XXI века // *Мир новой экономики*. 2014. № 3. С. 32–40.

A. Druzhinin

Peculiarities in Forming Diasporas of the Leading Ethnic Groups of Central Asia in the Coastal Regions of Russia

South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation;
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad,
Russian Federation;
Institute of Geography of the RAS, Moscow, Russian Federation
e-mail: alexdru9@mail.ru

Abstract. *For Russia, ethnodemographic issues are not only traditionally significant, but also closely correspond to topical issues of spatial socio-economic development and Eurasian integration processes. Since the beginning of the 2000s, the migration activity of the leading ethnic groups in Central Asia has had an increasingly significant impact on the transformation of the ethnodemographic structure of Russian regions. At the same time, the greatest dynamics in the formation of the corresponding*

ethnic diasporas is typical for the Russian regions which are leading in terms of their level and temps of economic development. The purpose of this article is to identify contingency of ethnic migration with the coastalization processes (basing on the data from latest national population census), to identify the impact of the 'maritime factor' on the localization of the Central Asian ethnic groups (Uzbeks, Kyrgyz, Tajiks) in the regions of the Russian Federation.

Keywords. Ethnic groups, ethnic diasporas, coastal regions, Eurasianism, Russia, Central Asia, Eurasia.

References

1. Iskhod k Vostoku» Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evraziycev. Kniga 1. Sofiya. 1921. 135 s. (in Russian)
2. Druzhinin A. G. Evrazijskie priority Rossii (vzglyad geografa-obshchestvoveda). Rostov-na-Donu; izd-vo YUzhnogo federal'nogo universiteta. 2020. 268 s. (in Russian)
3. Malysheva D. Postsovetskie gosudarstva Central'noj Azii v politike Kitaya. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2019, t. 63, № 5, S. 101–108. (in Russian)
4. Eder, T.S. (2014) China-Russia Relations in Central Asia. Energy Policy, Beijing's New Assertiveness and 21st Century Geopolitics. 89 (2), P. 287–294. (in English)
5. Pabst, A. (2009) Central Eurasia in the emerging global balance of power. American Foreign Policy Interests. 31(3), P. 166–176. (in English)
6. Radnitz, Scott (2018) Between Russia and a Hard Place: Great Power Grievances and Central Asian Ambivalence Europe-Asia Studies 70(10), P. 1597–1611. (in English)
7. Svanstom, N. (2012) Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics: Rivalry or Partnership for China, Russia and Central Asia? 2012. P. 1–248. (in English)
8. Druzhinin A. G. Evrazijskie vektory morekhozyajstvennoj aktivnosti Rossii: obshchestvenno-geograficheskie proekcii // Geografiya i prirodnye resursy. 2020. № 2. S. 5–14 (in Russian). (in Russian)
9. Druzhinin A. G. 'Talassoatraktivnost' naseleniya v sovremennoj Rossii: obshchestvenno-geograficheskaya eksplikatsiya // Baltijskij region. 2017. T. 9, № 2. S. 28–43 (in Russian)
10. Druzhinin A., 2019. The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia. Quaestiones Geographicae. 38 (2). Boducki Wydawnictwo Naukowe, Poznań, P. 91–100. (in English)
11. Fedorov G. M., Mihajlov A. S., Kuznecova T. YU. Vliyanie morya na razvitie ekonomiki i rasseleniya stran Baltijskogo regiona // Baltijskij region. 2017. T. 9, № 2. S. 7–27. (in Russian)
12. Vishnevskij A. G., Andreev E. M., Trejvish A. I. Perspektivy razvitiya Rossii: rol' demograficheskogo faktora. Moskva, 2003. Ser. 53R Nauchnye Trudy. 61 s. (in Russian)
13. Druzhinin A. G. «Severokavkazskaya sostavlyayushchaya» transformacii etnicheskoy struktury regionov Rossii: (analitika i kommentarii k itogam vserossijskih perepisej naseleniya 2002 i 2010 gg.) // YUzhno-rossijskij forum: ekonomika, sociologiya, politologiya, social'no-ekonomicheskaya geografiya. 2013, № 2 (7). S. 3–15 (in Russian)

14. Manakov A. G. Transformaciya territorial'noj struktury konfessional'nogo prostranstva Rossii v nachale XX - nachale XXI v. // Geograficheskij vestnik. 2019, 2 (49). S. 13–24. (in Russian)
15. Streleckij V. N. Etnicheskie obshchnosti v geokul'turnom prostranstve Rossii (Istoricheskaya dinamika i regional'naya struktura) // Vestnik istoricheskoy geografii, № 1. Smolensk. Izd-vo SGU, 1999. S.31–53. (in Russian)
16. Druzhinin A. G. Rossiya v mnogopolyusnoj Evrazii: vzglyad geografa-obshchestvoveda. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2016. 228 S. 17. (in Russian)
17. Rybakovskij L. L., Kozhevnikova N. I. Trudovye immigracii v Rossii: dinamika i vozmozhnye posledstviya // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2015. № 1 (123). S. 91–100. (in Russian)
18. Pis'mennaya E. E., Ryazancev S. V., Tikunov V. S. Geograficheskie osobennosti trudovoj migracii v kontekste evrazijskoj integracii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya. 2014. № 5. S. 42–52. (in Russian)
19. Tkachenko A. A. Immigraciya v Rossiyu: novye tendencii XXI veka // Mir novoj ekonomiki. 2014. № 3. S. 32–40. (in Russian)

Поступила в редакцию 01.07.2020 г.

DOI: 10.37279/2309-7663-2020-6-3-14-26

УДК 911.3+314.8

Т. Л. Бородина¹,
Н. Д. Корнеева²

Динамика демографической ситуации в регионах России в начале XXI века и ее особенности в субъектах с этническим компонентом

ФГБУ «Институт географии РАН», г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: borodina@igras.ru¹, nataliyakorneeva@list.ru²

Аннотация. В работе проведен пространственный анализ составляющих динамики численности и показателей рождаемости населения в регионах России за период с начала 2000-х годов. Прослежена динамика показателей рождаемости для регионов разных типов: староосвоенных регионов с выраженной депопуляцией, северных регионов нового освоения, регионов с незавершенным демографическим переходом, в том числе динамика суммарного коэффициента рождаемости отдельно для городского и сельского населения. Отмечено, что для регионов с этническим компонентом необходимо учитывать особенности расселения отдельных национальностей. Разрабатываемые государством меры поддержки семей с детьми и повышения рождаемости должны учитывать специфику демографической ситуации в регионах.

Ключевые слова: динамика населения, естественное движение, рождаемость, демографическая политика, регионы России.

Введение

Сокращение численности и суженное воспроизводство населения являются одними из главных вызовов, с которыми сталкивается Россия. Поэтому демографические проблемы признаются наиболее актуальными в современной России. В частности, именно с них начал В. В. Путин свое Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 г [1]. От решения демографических проблем в России во многом зависят социальное и экономическое развитие, перспективы модернизации и конкурентоспособность экономики, геополитическая стабильность и решение этнокультурных проблем [2]. Продолжающаяся убыль населения России, вызванная как низкой рождаемостью, так и слишком высокой для развитых стран смертностью, старение населения и сокращение доли населения в трудоспособном возрасте в сочетании с относительно низкой внутренней мобильностью и недостаточно эффективной миграционной политикой ставит под угрозу будущее страны [2]. Таким образом, необходимо проведение более активной демографической политики как на федеральном, так и на региональном уровне. Среди специалистов-демографов нет единого мнения, насколько меры, разрабатываемые в рамках демографической политики, влияют на ход демографических процессов [3]. Оценки экспертов в отношении вклада материнского капитала и других мер по стимулированию рождаемости в рост показателей рождаемости сильно расходятся. Одни считают, что введение материнского капитала действительно стимулировало повышение

рождаемости [4], другие — что влияние программы было очень скромным, и что она помогла родиться детям, которые так или иначе были запланированы [5; 6]. Очевидно, что эти меры должны быть разными для разных территорий. На уровне регионов должны разрабатываться региональные программы демографического развития, учитывающие специфику того или иного региона.

Целью этой работы является анализ динамики показателей естественного прироста и рождаемости в регионах России за период с начала 2000-х годов и выявление особенностей этой динамики в регионах различных типов, в том числе с национальными особенностями.

Материалы и методы

Для анализа были взяты официальные статистические показатели, разрабатываемые Федеральной службой государственной статистики России (Росстат) в разрезе регионов-субъектов Федерации за период с 1990 по 2020 гг. Количество субъектов за этот период неоднократно менялось — сначала увеличилось в результате образования республик из бывших автономных образований и деления субъектов (например: деления Чечено-Ингушской АССР на Республику Ингушетию и Чеченскую Республику), а начиная с 2005 г. происходило уменьшение количества субъектов в результате их слияния.

Слияние субъектов и, как следствие, прекращение публикации статистических данных по ранее «самостоятельным» территориям приводит к значительному ухудшению возможностей пространственного анализа значений и динамики социально-экономических и демографических показателей. Например, потеря статуса субъектов Федерации для огромных регионов-частей Красноярского края — Таймырского и Эвенкийского АО — приводит к «размазыванию» значений показателей по всей территории края. Количество регионов-субъектов Федерации уменьшилось к 2014 г., по сравнению с началом 1990 г. с 89 до 83. В 2014 г. в качестве отдельных субъектов в состав РФ были включены Республика Крым и г. Севастополь, таким образом, сейчас в составе РФ насчитывается 85 регионов-субъектов Федерации. Для анализа были взяты по регионам России динамические ряды с 1990 по 2020 гг. показателей естественного прироста/убыли населения, рождаемости и смертности, миграционного прироста, суммарного коэффициента рождаемости.

На основе анализа динамики показателя естественного прироста/убыли населения России (рис. 1) были выбраны характерные временные отрезки: период 2000–2002 гг., когда наблюдалась максимальная естественная убыль населения; период 2009–2011 гг., при некотором сокращении величины депопуляции; период 2013–2015 гг., когда впервые после 1991 г. естественный прирост был положительным, и 2018 г., когда опять устойчиво проявилась естественная убыль населения. Для каждого из этих периодов были рассчитаны среднегодовые значения показателей по регионам и построены карты пространственного распределения показателя естественного прироста/убыли населения. На эти же периоды были построены карты пространственного распределения показателей миграционного прироста, рождаемости, смертности и суммарного коэффициента рождаемости. В данной работе мы приводим лишь некоторые результаты этого исследования.

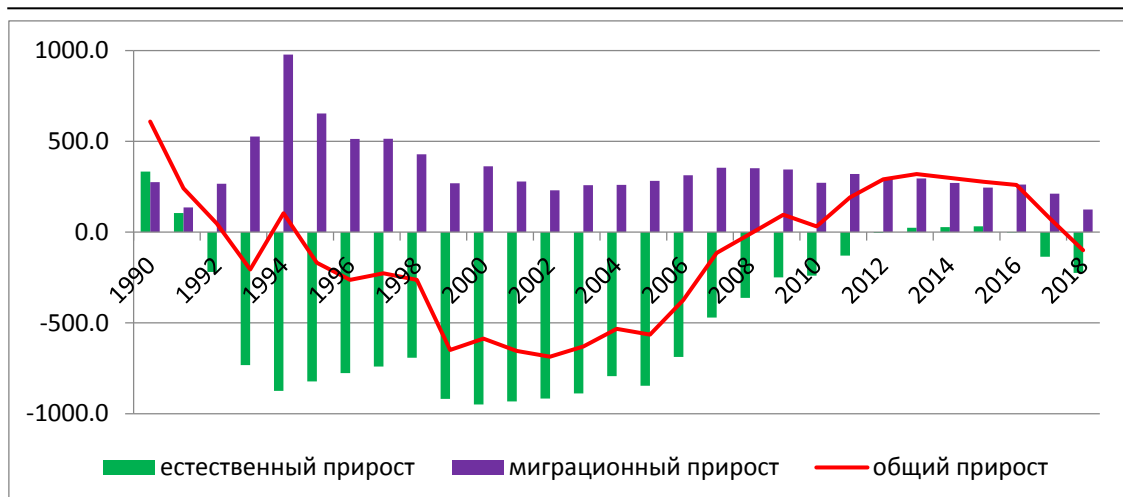

Рис. 1. Изменение численности населения России и его компонентов в 1990–2018 гг.

Составлено авторами по: [7].

Результаты и обсуждение

Региональные особенности динамики естественного прироста.

Численность населения России сокращалась в период 1993–2008 гг., с 2009 г. население снова начало увеличиваться, в том числе в 2014 г. за счет включения Крыма в состав Российской Федерации. В период 2009–2012 гг. прирост происходил за счет превышения миграционного притока над естественной убылью населения, три года в период 2013–2015 гг. положительными были обе (демографическая и миграционная) компоненты прироста, с 2016 г. естественный прирост населения опять сменился убылью, и прирост населения происходил только за счет миграционного притока (рис. 1). С 2018 г. население России вновь начало сокращаться, поскольку уменьшившийся почти вдвое миграционный прирост (125 тыс. человек в 2018 г., по сравнению с примерно 250 тыс. в 2015–2017 гг.) не компенсирует демографическую убыль. В 2018 г. население сократилось примерно на 100 тыс. человек, а в 2019 г. — на 32 тыс. чел., при том, что естественная убыль продолжает увеличиваться (316 тыс. чел.) при выросшем в 2019 г. миграционном приросте (285 тыс. чел., по сравнению с 125 тыс. чел. в 2018 г.) [7].

Политики приписывали рост населения успехам государственной демографической политики, в том числе стимулированию рождаемости за счет средств «материнского капитала». Однако, специалисты предупреждали, что увеличение численности населения носит временный характер и связан с гребнем «демографической волны» (вступление в детородный возраст более многочисленного, по сравнению с предыдущим периодом, поколения, рожденного в середине 1980-х г.), которая вскоре пойдет на спад.

Характер процессов миграции населения и величина миграционных потоков в этот период были достаточно стабильными, поскольку продолжал действовать «западный дрейф» — устойчивый тренд последних двух десятилетий по концентрации населения в ограниченном числе центров и ареалов. Поэтому

можно сказать, что особенности динамики населения определялись именно естественным движением населения.

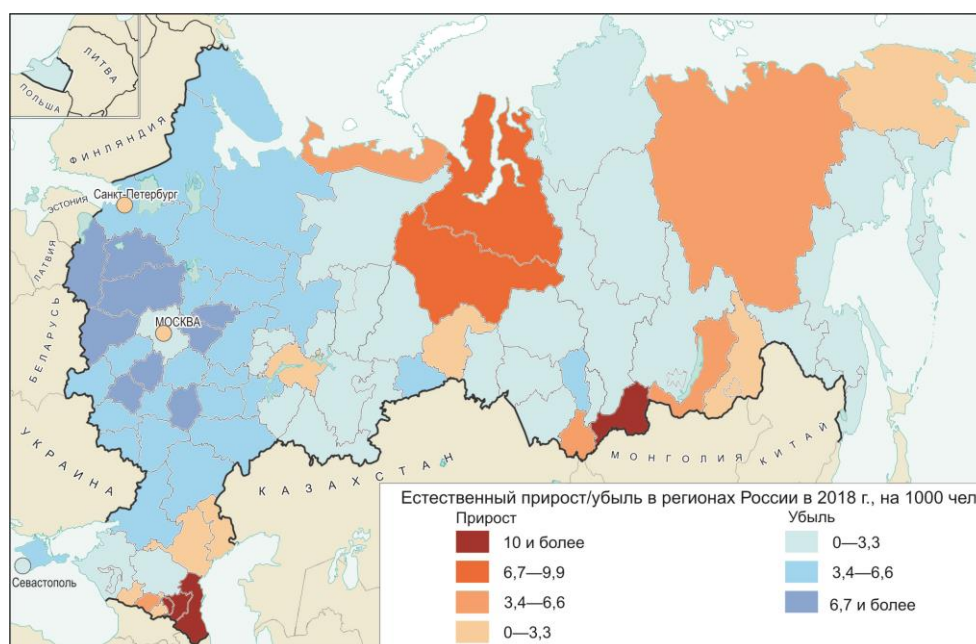

Рис. 2. Естественный прирост/убыль населения в регионах России в 2018 г., на 1 000 человек

Составлено авторами по: [7].

Н. В. Зубаревич разделила все регионы России на три группы по особенностям возрастной структуры населения, считая этот показатель суммирующим фактором, отражающим степень модернизации демографического поведения, динамику миграционных процессов в регионе за длительный период. Таким образом, это деление можно применить в целом к демографическим процессам. Были выделены следующие три группы: 1) омоложенные районы с незавершенным еще демографическим переходом (республики Северного Кавказа, Тыва); 2) северные регионы нового освоения с высокой долей трудоспособных возрастов и повышенной долей детей благодаря длительному миграционному притоку молодежи в предшествующие десятилетия; 3) староосвоенные регионы с сильно постаревшей возрастной структурой населения и низкой долей детей, а также сильно выраженной депопуляцией [8].

Переход от демографической убыли к демографическому приросту 2013–2015 гг. произошел либо в регионах с незавершенным демографическим переходом (республики Северного Кавказа и юга Сибири), либо в регионах с более молодой возрастной структурой населения (многие регионы Сибири). Таким образом, меры стимулирования рождаемости дают эффект только в регионах с более сбалансированной возрастной структурой населения, здесь для закрепления тенденций положительной динамики населения необходимо уменьшение миграционного оттока (рис. 2).

В демографически истощенных областях Европейской части России со значительным превышением уровня смертности над уровнем рождаемости результаты реализации мер стимулирования рождаемости почти не заметны, в

них тенденцию демографической убыли населения переломить не удалось. В целом пространственная картина распределения ареалов демографического прироста и демографической убыли населения почти не меняется, происходит лишь усиление или ослабевание интенсивности происходящих процессов.

Региональные особенности динамики общего коэффициента рождаемости. Естественный прирост (или убыль) населения определяется разницей между количеством родившихся и количеством умерших. Общий коэффициент рождаемости определяется числом родившихся на 1 000 человек населения (в расчете на среднегодовую численность). Очевидно, что прежде всего этот показатель зависит от особенностей возрастной структуры населения: он будет выше в тех регионах, где выше доля женщин в детородных возрастах. Доля женщин в фертильном возрасте будет выше там, где в течение продолжительного времени сохранялась повышенная рождаемость, при этом не было значительного миграционного оттока, а также при значительном миграционном притоке молодежи. Наоборот, в ситуации долговременного миграционного оттока молодежи и лиц трудоспособного возраста в регионе будет неизбежно наблюдаться трансформация возрастной структуры населения в сторону преобладания лиц старших возрастов, таким образом, доля женщин фертильных возрастов, и, следовательно, общий коэффициент рождаемости будет уменьшаться.

Общий коэффициент рождаемости составлял в 1990 г. в целом по России величину 13,4‰, далее он начал сокращаться, достигнув минимального значения 8,3‰ в 1999 г., затем опять стал расти до максимальных значений в 13,3‰ в 2012 и 2014–2015 гг. (т.е. фактически вернувшись к значению 1990 г.), затем опять сократился к 2018 г. до значения 10,9‰ (рис. 3).

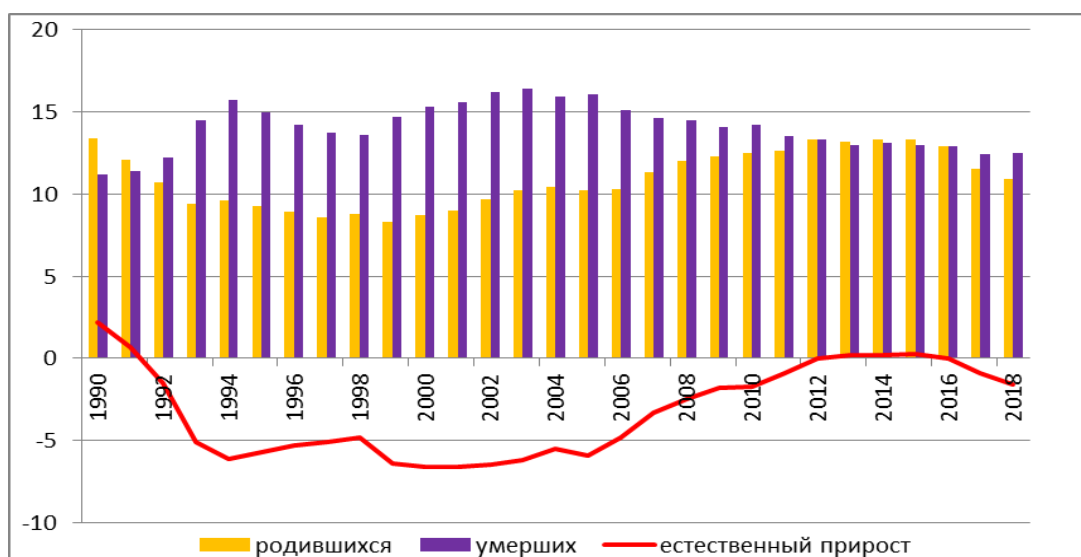

Рис. 3. Динамика числа родившихся и умерших на 1 000 человек в России в 1990–2018 гг.

Составлено авторами по: [7]

По регионам минимальные коэффициенты рождаемости в начале 2000 г. были в Санкт-Петербурге, Ленинградской и Тульской областях (менее 7‰), а максимальные — в Республике Ингушетия (более 20‰), в Дагестане, Республике Алтай и Тыве — в диапазоне 15-16‰. Данные по Чеченской Республике Росстат приводит, начиная с 2004 г. (25‰). В период максимальных значений этого показателя в 2012–2015 гг. минимум был опять в Ленинградской области (около 9‰), а также в Тульской и Тамбовской областях и в Мордовии. Максимальное значение общего коэффициента рождаемости было достигнуто в 2010 г. в Чеченской Республике (несколько ранее общероссийского «пика») — 29,9‰. С 2011 г. этот показатель в Чечне постепенно сокращается, снизившись к 2018 г. до 20,7‰. Это говорит о том, что Чеченская Республика позже, чем другие республики Северного Кавказа, но все-таки совершает демографический переход. В Дагестане и Ингушетии также при повышенных показателях рождаемости этот процесс начался несколько раньше, а остальные северо-кавказские национальные республики по уровню рождаемости схожи с Краснодарским и Ставропольским краями. В лидеры по уровню рождаемости выходит Тыва. Максимальное значение показателя общего коэффициента рождаемости там было в 2011 г. (27,5‰). Затем уровень снижается, и в 2018 г. составляет 20,2‰.

Таким образом, в целом при похожем пространственном распределении показателей естественного движения населения и общего коэффициента рождаемости не совсем совпадают регионы — «лидеры» и регионы — «аутсайдеры» (рис. 2 и рис. 4).

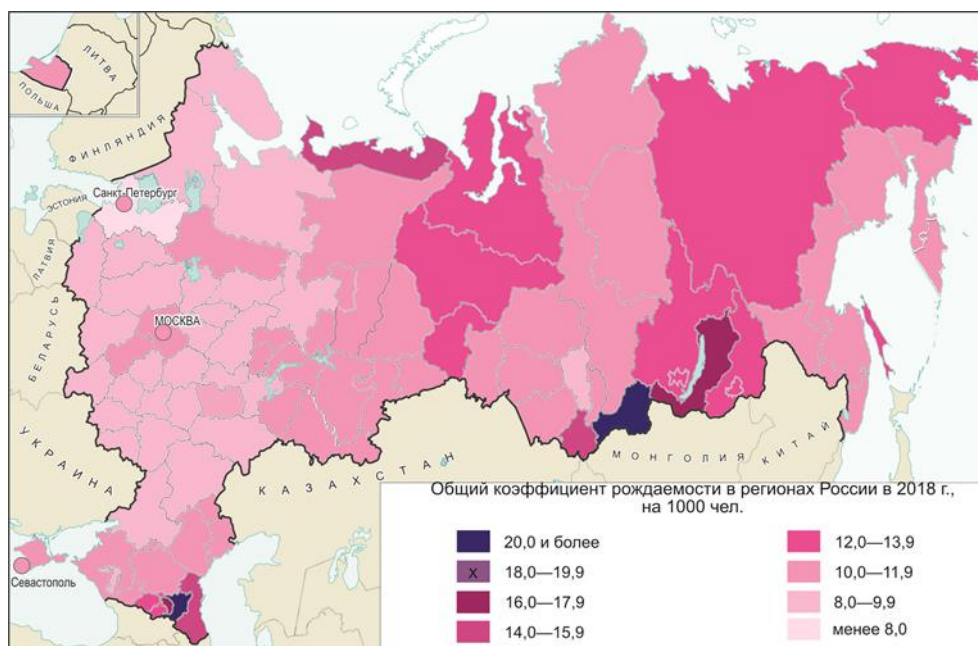

Рис. 4. Общий коэффициент рождаемости в регионах России в 2018 г.
Составлено авторами по: [7].

Наибольшие значения естественной убыли населения в Псковской и некоторых других областях Центра и Северо-Запада детерминируются в большей степени повышенным уровнем смертности, а не максимально низкой рождаемостью. В регионы-лидеры по уровню рождаемости не попали Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, в которых наблюдается высокий

естественный прирост, вследствие повышенной доли молодежи в возрастной структуре населения.

Региональные особенности динамики суммарного коэффициента рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости — это число детей, которые могут быть рождены в среднем одной женщиной на протяжении всей жизни при условии сохранения неизменными возрастных показателей рождаемости [4]. Учитывая, что такое условие вряд ли выполнимо, суммарный коэффициент рождаемости является интегральной характеристикой текущего уровня рождаемости, но при этом характеристикой достаточно точной, потому что не зависит от особенностей половозрастной структуры населения, но говорит о репродуктивном поведении. Обычно суммарный коэффициент сельского населения выше, чем городского (рис. 5). Это говорит о более традиционном репродуктивном поведении в сельской местности.

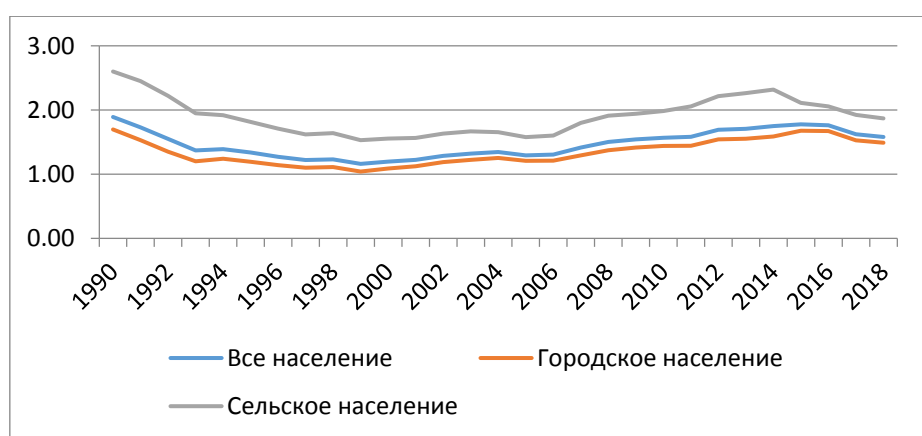

Рис. 5. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России в 1990–2018 гг.

Составлено авторами по: [7].

Суммарный коэффициент рождаемости составлял в среднем по России в 1990 г. 1,89; к 1999 г. упал до уровня 1,16, далее рос до 2015 г., достигнув величины 1,78; а к 2018 г. опять сократился до 1,58. Регионы-аутсайдеры — практически те же, как и по показателю общего коэффициента рождаемости. Это Ленинградская и Тульская области, но к ним добавляются Москва и Московская область. При том, что столичный регион намного более благополучен по показателям естественного прироста и общего коэффициента рождаемости, низкий уровень суммарного коэффициента рождаемости говорит, прежде всего, о характере репродуктивного поведения москвичек и жительниц Московской области. Тренд динамики регионов-аутсайдеров по этому показателю практически совпадает с общероссийским трендом (рис. 6, рис. 7).

Линия ЯНАО, являющегося одним из российских лидеров по показателю естественного прироста, проходит несколько выше общероссийской, но гораздо ниже линий регионов-лидеров по показателю суммарной рождаемости — Чеченской Республики и Тывы.

Интересно сравнение трендов Дагестана и Тывы. Они практически совпадают в период до начала 2000-х годов, но затем показатель суммарного коэффициента рождаемости в Дагестане остается с некоторыми колебаниями практически на стабильном уровне, что говорит о тенденции пути по

Динамика демографической ситуации в регионах России в начале XXI века и ее особенности в субъектах с этническим компонентом

демографическому переходу, а уровень суммарной рождаемости в Тыве растет до 2014 г., достигая величины 3,43; сократившись далее до величины 2,97 в 2018 г. Максимальные уровни суммарной рождаемости в Чеченской Республике были в 2008 и 2010 гг. (3,45), далее начали сокращаться.

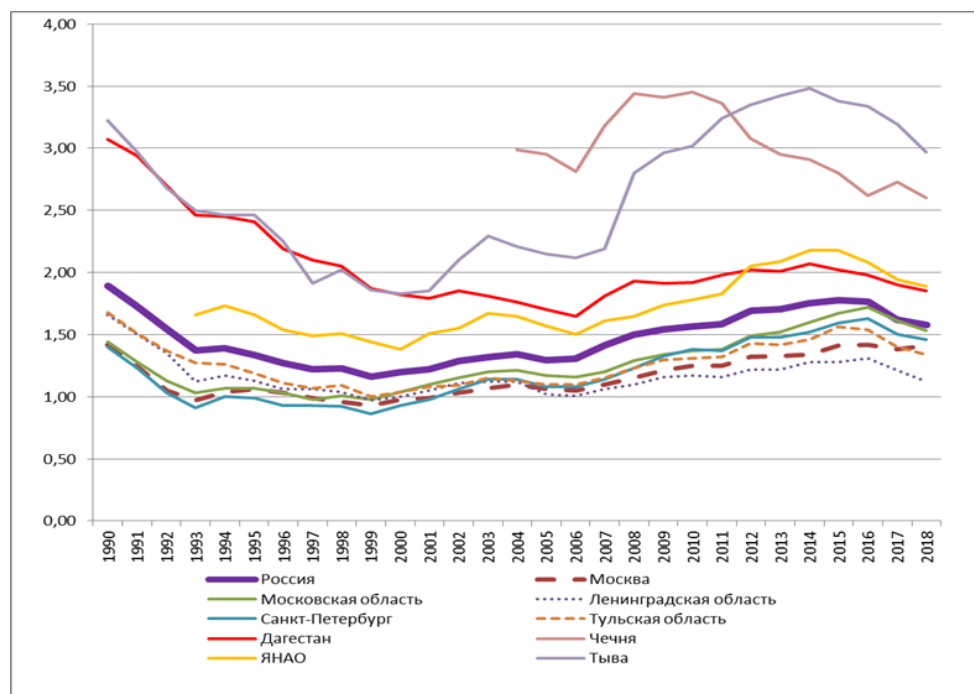

Рис. 6. Динамика суммарного показателя рождаемости в некоторых регионах России в 1990–2018 гг.

Составлено авторами по: [7].

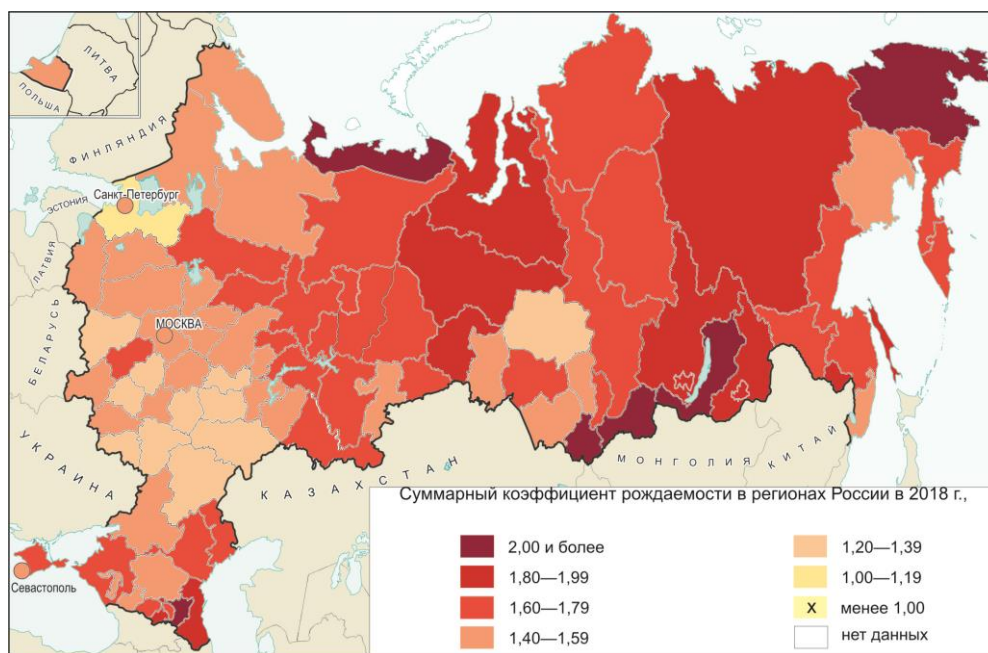

Рис. 7. Суммарный коэффициент рождаемости в регионах России в 2018 г.

Составлено авторами по: [7].

Как уже было отмечено, обычно суммарный коэффициент рождаемости у сельских жительниц выше, чем у горожанок. Чаще всего это свидетельствует о более традиционном репродуктивном поведении сельских жительниц. Эта особенность наблюдается в большинстве российских регионов, но на ситуации в некоторых стоит остановиться отдельно (рис.8).

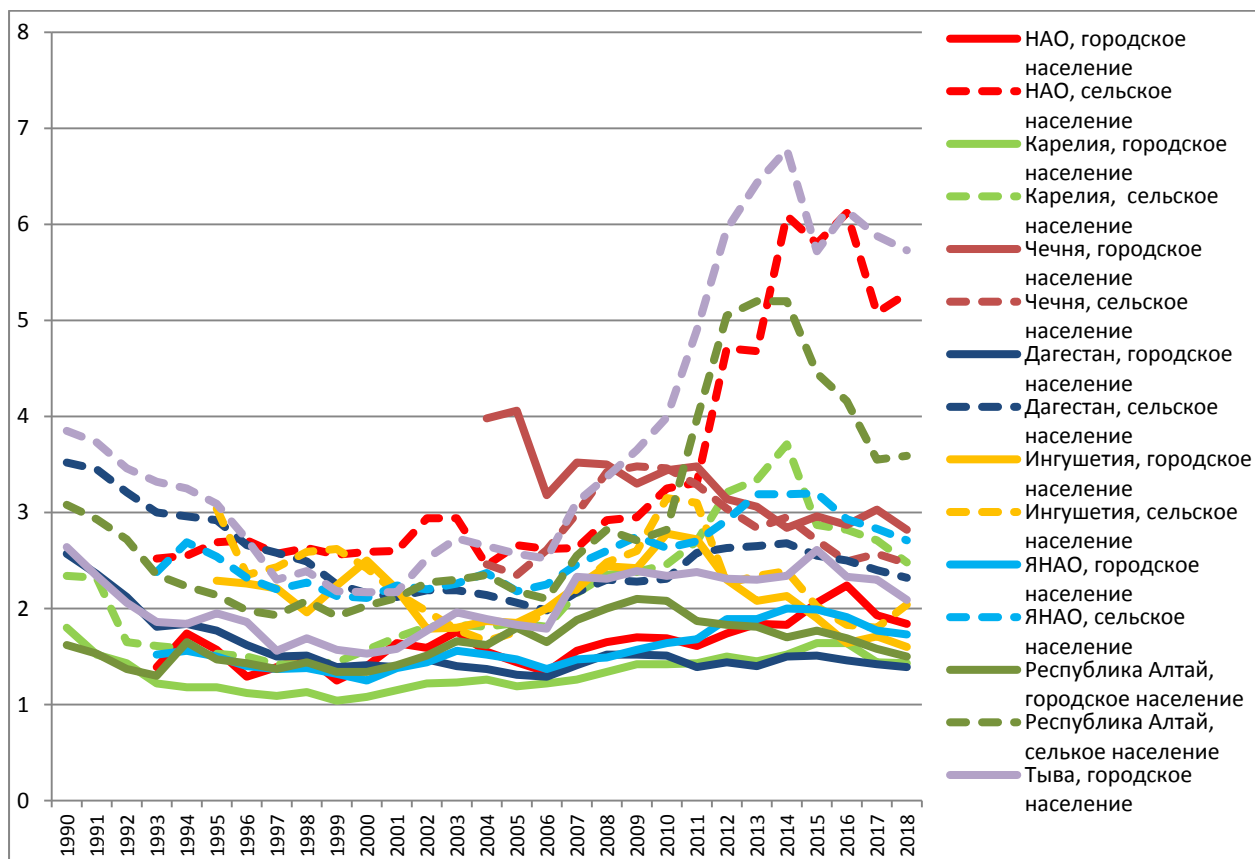

Рис. 8. Динамика суммарного коэффициента рождаемости городского и сельского населения в некоторых регионах России в 1990–2018 гг.
Составлено авторами по: [7].

В национальных территориальных образованиях в качестве факторов, влияющих на разницу в значении суммарного коэффициента рождаемости городского и сельского населения, можно выделить:

- 1) соотношение основных этносов, проживающих в регионе;
- 2) различия в репродуктивном поведении у разных национальностей;
- 3) особенности расселения различных национальностей;
- 4) уровень социально-экономического развития.

В разных регионах эти факторы складываются по-разному. В Карелии доля титульной нации (карелов) составляет около 7% от общей численности населения (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.), причем репродуктивное поведение здесь не имеет национального оттенка, и на первый план выходит уровень жизни и доходов населения. Можно предположить, что рост рождаемости у сельских жительниц Карелии в какой-то степени был ответом на осуществление программы «Материнский капитал», стартовавшей в 2008 г. Ненецкий

Автономный Округ и Ямало-Ненецкий Автономный Округ входят в число регионов с наиболее высоким уровнем ВРП за счет развития сырьевых отраслей. Коренные этносы этих регионов проживают преимущественно в сельской местности, у них еще не завершен демографический переход. В НАО проживает всего 44 тыс. жителей, из которых 33 тыс. — горожане и 11 тыс. жители сельской местности. Большинство горожан — приехавшие на работу рабочие-нефтяники и газовики, а среди сельских жителей много представителей коренных северных народов. Особенностью НАО является самая большая среди регионов России разница в значении показателей суммарной рождаемости для городского и сельского населения. Для городского населения НАО в 2018 г. этот показатель составил 1,84, что, безусловно, выше, чем по России в целом для городского населения (1,49), но не радикально, в то время как для сельского населения он составил рекордную величину 5,28. Максимальным он был в 2016 г, достигнув значения 6,12, при этом увеличившись вдвое за 5 лет. Такой рост рождаемости в сельской местности, безусловно, произошёл в том числе благодаря осуществлению государственных мер поддержки рождаемости, в том числе программы «Материнский капитал». Для народов, проживающих в республиках Северного Кавказа, модель многодетной семьи является традиционной. Но к настоящему времени эти регионы находятся на разных ступенях демографического перехода. Уровень рождаемости в Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии-Алании практически не отличается от соответствующих показателей соседних Краснодарского и Ставропольского краев (рис. 7.). В Дагестане рождаемость выше, но максимальных уровней уже не достигает. Максимальные показатели Ингушетии и Чеченской Республики также остались в прошлом. Эти две республики наиболее однородны в этническом отношении, причем в Чечне уровень рождаемости в городах выше, чем в сельской местности (рис. 8.). Максимальные значения суммарного коэффициента рождаемости среди всех российских регионов в последние годы фиксируются в Республике Тыва. В сельской местности этой республики этот показатель в 2014 г. достиг значения 6,78, в 2018 г. — 5,73. Для сравнения — то же самое для городского населения Тывы — 2,34 в 2014 г. и 2,09 в 2018 г. Тыва относится к наименее экономически развитым регионам России, доля титульного этноса в населении превышает (данные 2010 г.) 80%. При низком уровне доходов у большинства населения государственные меры поддержки рождаемости дают ощутимые результаты.

В мае 2018 г. был принят Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В нем выделено 9 национальных целей, из которых первой и второй обозначены обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации и повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году — до 80 лет). Для достижения этих целей принято 12 национальных проектов, одним из которых является национальный проект «Демография». Целевыми показателями проекта «Демография» являются увеличение к 2024 г. суммарного коэффициента рождаемости до значения 1,7 и увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет [9]. Дальнейшие шаги для улучшения демографической ситуации были провозглашены в Послании Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 г., в том числе было предложено выплачивать материнский капитал уже за первого ребёнка [1].

При всей важности и актуальности предлагаемых мер необходимо отметить, что применять один и тот же набор инструментов демографической политики для разных регионов России с разным характером демографических процессов неэффективно. Обязательно должна учитываться региональная специфика. Например, для демографически истощённых регионов с деформированной возрастной структурой важны меры по повышению качества жизни старшего поколения, а для регионов с традиционно высокой рождаемостью — создание новых рабочих мест для молодых людей, оканчивающих школу и университеты. Региональная специфика должна, прежде всего, учитываться при разработке региональных программ в рамках национальных проектов, в том числе необходимо учитывать особенности национального состава населения регионов.

Анализ динамики демографических показателей по регионам говорит о том, что для выработки адекватных мер стимулирования рождаемости и поддержки семей с детьми недостаточно обращать внимание только на показатель суммарной рождаемости. Необходим анализ комплекса демографических показателей (рождаемости, смертности, миграционного движения, возрастной структуры), а также других показателей социально-экономической ситуации, включая величину валового регионального продукта и уровня доходов населения.

Статья подготовлена по материалам исследований по теме ГЗ №0148-2019-0008 (АААА-А19-119022190170-1) «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности (2019–2021 гг.)».

Литература

1. Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>.
2. Елизаров В. В. Стимулирование рождаемости и поддержка семей с детьми в современной России // Рождаемость и планирование семьи в России: История и перспективы. («Демографические исследования», выпуск 18). Сборник статей / Под ред. Троицкой И. А., Авдеева А. А. М. 2011. С. 123–151.
3. Хасанова Р. Р., Малева Т. М., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Проактивная демографическая политика: 10 лет спустя. Эффекты, инструменты, новые цели. М: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 58 с.
4. Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л. Результативность демографической политики России / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2016. 307 с.
5. Захаров С. В. Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России Ч. 1 // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3 № 3. С. 6–38.
6. Захаров С. В. Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России Ч. 2 // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3 № 4. С. 6–26.
7. Росстат [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gks.ru.

8. Зубаревич Н. В. Поколения в переходной России: региональное и поселенческое измерение // Россия и ее регионы в XX веке: территория–расселение–миграции. / Ред. О. Глезер и П. Полян. М.: ОГИ, 2005. С. 125–145.
9. Национальный проект «Демография». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/839/events/>; <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography>.

T. L. Borodina¹,
N. D. Korneeva²

Dynamics of the demographic situation in the Russia's regions at the beginning of the XXI century and its features in subjects with an ethnic component

Institute of Geography RAS, Moscow, Russian Federation
e-mail: ¹borodina@igras.ru, ²nataliyakorneeva@list.ru

Abstract. *The paper presents a spatial analysis of the components of population dynamics and birth rates in the regions of Russia for the period from the beginning of the 2000s. The dynamics of birth rates for different types of regions is traced: old-developed regions with pronounced depopulation, Northern regions of new development, regions with incomplete demographic transition, including the dynamics of the total birth rate separately for urban and rural populations. It is noted that for regions with an ethnic component, it is necessary to take into account the peculiarities of the settlement pattern of different nationalities. The measures developed by the state to support families with children and increase fertility should take into account the specifics of the demographic situation in the regions.*

Keywords: *population dynamics, natural movement, birth rate, demographic policy, regions of Russia*

References

1. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu (The President's Address to the Federal Assembly) on 15 January 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>. (in Russian)
2. Elizarov V. V. Stimulating the birth rate and supporting families with children in modern Russia, in *Rozhdaemost' i planirovanie sem'i v Rossii: Istoriya i perspektivy*. («Demograficheskie issledovaniya», vypusk 18) (Birth rate and family planning in Russia: History and prospects. (Demographic research, issue 18). Troitskaya I. A. & Avdeev A. A., eds. Moscow. 2011 P. 123–151. (in Russian)
3. Hasanova R. R., Maleva T. M., Mkrtchyan N. V., Florinskaya YU.F. Proaktivnaya demograficheskaya politika: 10 let spustya. Effekty, instrumenty, novye celi (Proactive demographic policy: 10 years later. Effects, tools, and new goals). Moscow: Delo Publ. RANEPa, 2019. (in Russian)
4. Arhangel'skij V. N., Ivanova A. E., Rybakovskij L. L. Rezul'tativnost' demograficheskoy politiki Rossii (Effectiveness of Russia's demographic policy), L. L. Rybakovskij, Ed. Moscow: Econ-Inform, 2016. (in Russian)
5. Zakharov S. V. Modest demographic results of the Pro-natalist policy in the context of the long-term evolution of the birth rate in Russia. Part. 1. Demograficheskoe obozrenie, 2016, V. 3, no. 3, S. 6–38. (in Russian)

6. Zakharov S.V. Modest demographic results of the Pro-natalist policy in the context of the long-term evolution of the birth rate in Russia. Part. 2. Demograficheskoe obozrenie, 2016, V. 3, no. 4, S. 6–26. (in Russian)
7. Rosstat. URL: www.gks.ru. (in Russian)
8. Zubarevich N.V. Generations in transitive Russia: regional and settlement dimension, in Rossiya i ee regiony v XX veke: territoriya–rasselenie–migratsii (Russia and Its Regions in 20th Century: Territory–Settlement Pattern–Migrations), O. Glezer and P. Polyan, Eds., Moscow: OGI, 2005, S. 125–145. (in Russian)
9. The national project “Demography”. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/839/events/>; <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography>. (in Russian)

Поступила в редакцию 03.07.2020 г.

УДК 911.3-027.21 [911.3:316]-027.21

Л. А. Ожегова¹,
К. Ю. Сикач²,
И. Н. Воронин³,
А. Б. Воронина⁴

Географическая модель трансформации хозяйства Крыма в ситуации изменившейся политической реальности

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация

e-mail: ¹luda-ojegova@rambler.ru, ²sikach89@gmail.com,

³voronin.igor53@yandex.ru, ⁴voronina-simf@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема трансформации хозяйственного комплекса. Разработана структурированная географическая модель трансформации хозяйства региона. Сформулированы и классифицированы факторы формирования, функционирования и развития социально-экономических процессов. Рассмотрены причины и особенности трансформации хозяйства Крыма в ситуации новой политической реальности.

Ключевые слова: трансформация хозяйства, географическая модель трансформации, территориальная социально-экономическая система, Крым, ось развития.

Введение

Исследование особенностей трансформации пространственной структуры хозяйства Республики Крым — региона с богатой и сложной историей — имеет чрезвычайно важное значение в современных условиях. События 2014 года, связанные с присоединением Крыма к России, имели важное геополитическое, геоэкономическое значение не только для нашей страны, но и для мира в целом, так как полуостров всегда был точкой притяжения интересов глобальных игроков в силу своей географической уникальности. Эти события явились драйвером, определившим вектор дальнейшего социально-экономического развития полуострова, изменения в отраслевой и территориальной структуре его хозяйства, трансформации социокультурного и экономического ландшафтов Крыма, оставаясь до настоящего времени предметом острых споров экспертного сообщества.

Вопросы трансформации хозяйства Крыма являются предметом изучения исследователей разных отраслей науки — экономики, истории, политологии, социологии и др. При изучении трансформационных процессов в хозяйстве региона, на наш взгляд, целесообразно использовать традиционные для социально-экономической географии подходы социально-экономической структуризации геопространства, разработанные Э. Б. Алаевым [1], П. Я. Баклановым [2, 3, 4, 5], Ю. Н. Гладким [6], И. М. Маергойзом [8], А. И. Тревишшем [2], Б. С. Хоревым [10], А. И. Чистобаевым [6, 9], М. Д. Шарыгиным [9, 11] и др.

Ученые-географы кафедры экономической и социальной географии и территориального управления факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии Крымского федерального университета имени

В. И. Вернадского также уделяют большое внимание исследованию как хозяйственного комплекса Крыма в целом, так и отдельных его аспектов. Эта проблематика затрагивается в работах И. Н. Воронина, А. Б. Швеца, Л. А. Ожеговой, Д. А. Вольхина, К. Ю. Сикач, Г. В. Сазоновой [12–18].

Несмотря на существенный вклад отечественных и зарубежных ученых в развитие научных идей и представлений об организации хозяйственного комплекса региона, его отраслевой и территориальной структуре, динамике и трансформациях, приходится констатировать, что в большая часть работ по Крымскому региону носит экономический характер и не затрагивает географических аспектов проблематики пространственного устройства территориальных систем и пространственных трансформаций региональной хозяйственной системы. Преимущество географического подхода состоит в специфике методов исследования географии, позволяющих оценить разномасштабные пространственные процессы с учетом их территориальной специфики.

Пристального внимания научного сообщества требуют вопросы, связанные с коренными преобразованиями географического рисунка новой крымской экономики, переформатирование которой началось с масштабных перемен в сфере инфраструктуры, прежде всего транспортной и энергетической. Именно создание современной инфраструктуры снимает ограничения и риски пространственного развития территории полуострова, меняет приоритеты его территориального развития и хозяйственный ландшафт.

Поэтому **целью** данного исследования является разработка географической модели трансформации хозяйства Крыма в ситуации изменившейся политической реальности.

Материалы и методы

Методологической основой данного исследования являются основные подходы, определенные в рамках философской, общенаучной и общественно-географической методологии. Философской основой исследования является материалистическая диалектика. Среди общенаучных подходов приоритет имел системно-структурный подход. Применялись также сравнительный, исторический подходы. Общественно-географическая методология определила необходимость применения в исследовании геосистемного, пространственно-временного и других подходов. Методическую основу исследования составляют общенаучные (системно-структурный анализ, исторический, сравнительный, статистические методы) и собственно географические методы (картографический и т. д.).

Результаты и обсуждения

Социально-экономическое развитие на разных пространственных уровнях — глобальном, региональном, локальном — сопровождается новыми, ранее не известными тенденциями. Глубина происходящих изменений позволила отдельным экономистам сделать вывод о наступлении особого временного феномена или эпохи трансформаций, предполагающих качественное обновление экономики на пути к ее новой модели [19].

Для полного понимания исследуемой проблематики необходимо детально определиться с понятием и сущностью процесса трансформации. Понятие «трансформация» начали активно использовать в общественных науках во второй половине XX века. Термин «трансформация» (от лат. *trans* — через, за и *forma* — форма, внешний вид, образ, облик, т.е. изменение формы, переход «через» форму) в буквальном переводе на русский язык означает «преобразование, превращение, видоизменение». В Большом современном толковом словаре русского языка дается следующая трактовка: трансформация (латин. *transformatio*) — преобразование или изменение вида, формы, существенных свойств чего-либо. В экономическом словаре отмечается, что «трансформация» (от лат. *transformatio* — изменять) — это преобразование структур, форм и способов, изменение целевой направленности деятельности [20].

То есть трансформация предполагает разнообразные качественные преобразования социально-экономической системы и ее структурных элементов, изменение форм и способов экономической деятельности. По мнению Е. А. Карпуниной, трансформация — движение, описываемое некоторым изменением определенных параметров экономической системы, в числе которых направление, темпы, интенсивность, длительность и прочие характеристики процесса трансформации. Это форма движения, некоторая качественная сторона движения системы во времени и в экономическом пространстве [19].

Она предусматривает ослабление одних типов и форм собственности и усиление других, поэтапную переориентацию экономической структуры региональных хозяйственных систем и всего экономического пространства [21].

В широком смысле процесс трансформации — это форма развития экономических систем, связанная с эволюционными и революционными изменениями, переходами экономических систем из устойчивого в неустойчивое состояние. Эволюция здесь рассматривается как постепенный процесс изменений параметров системы, а момент перехода системы к другой траектории развития называется революционными трансформациями [22].

Любая географическая модель трансформации хозяйства региона есть не только своеобразного сочетания факторов, которые определяются экономическими, социокультурными и геополитическими особенностями, но и имеет специфику, относящуюся к различным историческим этапам развития территории, которую нужно не изменять, а учитывать и эффективно использовать.

Каждый регион имеет свои специфические особенности трансформации, исследование и мониторинг которых будет способствовать устойчивому развитию общества и оптимизации его территориальной организации.

При разработке географической модели трансформации хозяйства Крыма применялся территориальный подход, поскольку хозяйство — основная таксономическая единица экономико-географического исследования, один из важнейших компонентов территориальной организации общества (ТОО). Территориальная организация общества — пространственная организация жизни людей, сложившаяся на определенном этапе социально-экономического развития.

Из всей совокупности компонентов ТОО нами выделено хозяйство как базовая компонента всей системы. Как и любая система, хозяйство может быть представлено в виде схемы, компоненты которой составляют структуру системы. Вход в такую систему означает совокупность условий, ресурсов и факторов ее

функционирования. Структура системы отражает совокупность внутренних устойчивых связей между ее компонентами. Сложность структуры хозяйственной системы определяется как большим количеством существующих в ней разнородных и разноуровневых элементов, компонентов и подсистем, так и многочисленными динамическими в пространстве и времени взаимосвязями между ними. Среди частных структур для географов наибольший интерес имеет территориальная структура.

При разработке модели мы рассматривали хозяйство как многокомпонентную структуру, включающую ряд частных структур: функциональной, территориальной и информационно-управленческой.

На основе перечисленных выше подходов были выделены следующие составляющие географической модели трансформации хозяйства региона: блок функциональных компонентов; блок динамических компонентов; блок территориальных компонентов; факторы формирования и развития социально-экономических процессов; блок компонентов, которые осуществляют информационно-управленческое воздействие на динамику процессов трансформации. Перечисленные компоненты связаны рядом внутренних межкомпонентных, информационных и управленческих связей (рис. 1.).

Блок *функциональных компонентов* представляет собой частную функционально-компонентную структуру хозяйства региона. К таким компонентам относятся: производственная компонента (как совокупность отраслей хозяйства с дальнейшим их делением на иерархические уровни), социальная компонента (в виде населения и системы расселения, оказывающих существенное влияние на развитие и размещение отраслей хозяйства), природно-ресурсная компонента (как совокупность природных условий и ресурсов, являющихся одним из основных факторов производства), инфраструктурная компонента. Они связаны системой межкомпонентных связей, поскольку каждый из них может влиять на другие составляющие системы. Функционально-компонентная структура является иерархической, поскольку каждый из ее компонентов содержит элементы более низкого порядка.

Блок *динамических компонентов* отражает особенности функционирования хозяйственной системы региона в виде одновременных *социально-экономических ситуаций*, которые отражают состояние хозяйства региона на данный момент времени. Динамика (последовательная смена) таких ситуаций рассматривается как *социально-экономический процесс*. В каждом отдельном временном промежутке доминируют те или иные компоненты хозяйственной системы, которые и определяют ее характер. Определение таких доминант для различных временных промежутков дает возможность проанализировать социально-экономическую динамику региона; выделить факторы, ее определяющие, и тенденции развития в будущем. Следствием протекания социально-экономического процесса в географическом пространстве и во времени является формирование *социально-экономических систем*. Если протекание социально-экономических процессов приводит к коренным изменениям в компонентах системы, то мы можем говорить о трансформации социально-экономической системы региона.

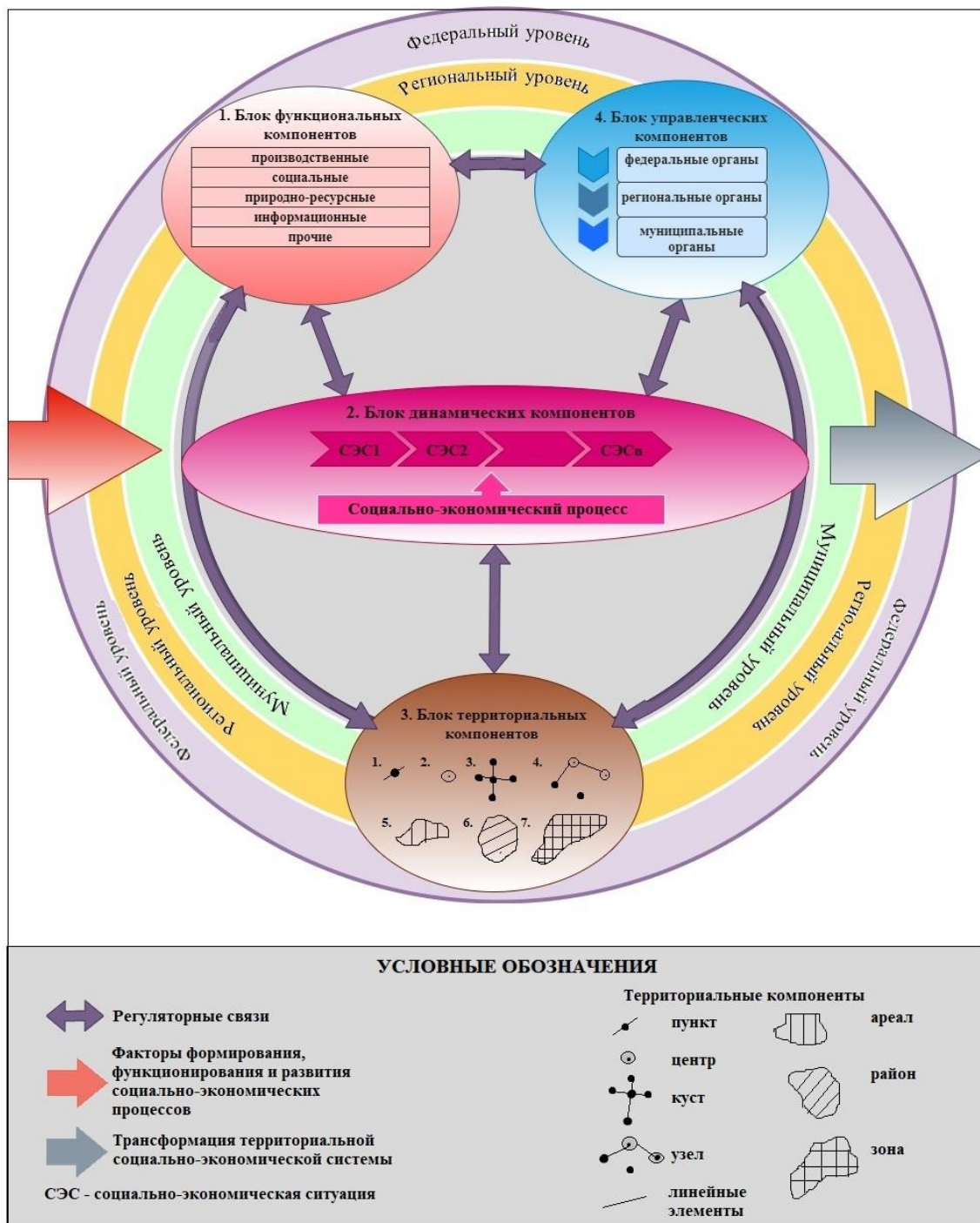

Рис. 1. Географическая модель трансформации хозяйства региона.
Разработано авторами

Блок территориальных компонентов представлен территориальной структурой хозяйственной системы региона и раскрывает ее пространственное строение. Территориальная структура трактуется как «совокупность таких связей и между такими элементами, где обязательным условием их (связей) реализации является преодоление пространства» [1]. Территориальная структура хозяйства представляет собой соотношение и взаимное расположение различных форм

территориального сосредоточения жизнедеятельности человека, которые называют элементами территориальной структуры. В основе территориальной структуры лежит пространственная упорядоченность и сочетание компонентов, их взаимное расположение, взаимодействие. В хозяйственном комплексе выделяют такие элементы территориальной структуры: *точечные* (пункты, центры), *узловые* (кусты, узлы, агломерации), *региональные* (муниципальные районы, городские округа, мезорайоны, районы, зоны), *ареальные* (участки территории, занятые сельскохозяйственными и лесными угодьями, искусственными насаждениями, акватории водохранилищ, прудов и т.п) и *линейные* (пространственные сочетания транспортных сетей и потоков вещества, энергии, информации). Элементы территориальной структуры хозяйства могут быть горизонтальными и вертикальными.

Блок компонентов, которые осуществляют информационно-управленческое воздействие на динамику социально-экономических процессов, составляет *управленческую структуру*. Информационно-управленческое воздействие на динамику социально-экономических процессов осуществляют органы управления различного уровня (федерального, регионального, муниципального). Управленческая структура имеет прямые и обратные связи с элементами функциональной и территориальной структуры.

Движущими силами социально-экономических процессов и причинами уникальности территориальных социально-экономических систем (ТСЭС) выступают факторы их формирования, функционирования и развития. Анализ социально-экономических процессов предполагает выявление комплекса факторов, определяющих их формирование и развитие и выяснения механизмов их влияния на трансформацию хозяйства региона.

Хозяйственное развитие любого региона определяется рядом факторов. Выявление таких факторов и механизмов их влияния на различные компоненты хозяйства позволяет понять характер протекания социально-экономических процессов в регионе. Результатом взаимного влияния таких факторов является формирование региональных и локальных хозяйственных систем, их динамика и трансформации.

Фактор — это движущая сила любого процесса или явления. В рамках данного исследования под *факторами социально-экономических процессов* понимается совокупность причин, обуславливающих формирование уникальных социально-экономических характеристик определенной территории и движущие силы социально-экономических процессов. Факторы социально-экономических процессов действуют постоянно, но сила их воздействия меняется с развитием общества.

Факторы включают различные аспекты территориальных различий в условиях развития хозяйства (географическое положение, природные условия, история развития территории, экономические, политические, социальные, демографические, этнические, религиозные различия).

Нам представляется возможным классифицировать факторы социально-экономических процессов по характеру воздействия, по уровню влияния, по продолжительности действия, по генезису и т.д.

По влиянию на социально-экономические процессы выделяются факторы формирования, функционирования и развития ТСЭС. *Факторы формирования*, генерирующие образование различных форм социально-экономических

процессов, их территориальных особенностей, определяют направленность социально-экономических процессов. *Факторы функционирования* способствуют поддержанию равновесия между экономическими и социальными составляющими хозяйства территории, определяют механизм стабильного существования территориальной социально-экономической системы, обеспечивая сохранение ее уникальности. *Факторы развития* обеспечивают адаптацию территориальной социально-экономической системы к меняющимся условиям общественной среды, определяют направления трансформации социально-экономических процессов.

По роли в существовании территориальной социально-экономической системы факторы могут быть генерирующими и лимитирующим. Первые генерируют разного рода социально-экономические процессы и определяют дальнейшую их трансформацию. Лимитирующие факторы вносят равновесие между различными компонентами хозяйства территории, обеспечивая устойчивое существование территориальной социально-экономической системы.

По уровню влияния на социально-экономические процессы следует выделять факторы макро-, мезо- и микроуровней. Мощным фактором макроуровня выступает глобализация, которая рассматривается как постепенное превращение разнородного мирового экономического пространства в единую глобальную систему, в которой свободно перемещаются информационные потоки, товары, услуги, капиталы и т.д. Этот фактор усиливается воздействием НТР, технологизацией и информатизацией общества. На мезо- и микроуровне растет влияние региональных факторов, что проявляется в росте территориальной идентичности и т.д.

По продолжительности действия факторы могут быть постоянно действующими или изменяющимися. Факторы могут осуществлять прямое и опосредованное влияние на социально-экономические процессы.

По генезису все факторы можно объединить в две группы: естественные, общественные. К *естественным (природным) факторам* относятся природно-географические и экологические факторы. Географические факторы создают предпосылки для развития хозяйства определенной территории. Природно-географические условия могут быть более или менее благоприятными для жизнедеятельности населения, определять специфику его хозяйства, отраслевую и территориальную структуры. Экологические факторы определяют степень безопасности производств и уровень комфортности проживания населения на определенной территории.

Группа *общественных факторов* объединяет исторические, политические, научно-технические факторы, демографические, социальные, этнические, управленческое воздействие, факторы глобализации и т.д. К историческим факторам социально-экономического развития территории принадлежат история заселения и хозяйственного освоения, смена государственной принадлежности территории, миграции населения и тому подобное. Политические факторы играют роль драйверов трансформаций социально-экономических процессов. Большое влияние на социально-экономические процессы оказывают научно-технический прогресс и инновационная деятельность человека, природные и материальные ресурсы и тому подобное, что часто сопровождается коренными преобразованиями отраслевой и территориальной структуры хозяйства региона. К социальным факторам относятся социальная структура населения, структура

занятости, уровень заболеваемости, уровень преступности и т. д. Демографические факторы определяют процессы воспроизводства населения, формирование его качественного состава. Этнический, конфессиональный, социальный состав населения определяют хозяйственную самобытность регионов. Внешние миграции заметно влияют на трудоресурсный потенциал региона, половозрастную структуру населения, формирование этнической и конфессиональной палитры региона. Внутренние миграции связаны с перераспределением населения между отраслями, сельскими и городскими поселениями и т. д. Управленческое воздействие обеспечивает реализацию стратегии социально-экономического развития региона, предотвращая хаотичное течение социально-экономических процессов.

Рассмотренные факторы тесно переплетены между собой, что требует комплексного исследования их влияния на социально-экономические процессы.

На наш взгляд, решающим фактором, определившим историческую судьбу Крыма и всех хозяйственных трансформаций, является его пограничное, рубежное положение на стыке разномасштабных пространственно-временных геополитических, геоэкономических и социокультурных процессов. Длительное историческое время судьба Крыма определялось общностью судьбы с мировыми государствами и империями. И политические изменения всегда сопровождались экономическими и социокультурными трансформациями.

Этот тезис подтверждает длительная история хозяйственного освоения, сопровождавшаяся изменениями в освоенности территории, ее пространственной организации, хозяйственной специализации. С античных времен и вплоть до конца XVIII века происходило очаговое экстенсивное освоение территории полуострова на основе использования местных ресурсов. Формирование каркаса хозяйственного ландшафта территории связано с важнейшим для истории Российской империи геополитическим событием — присоединением Крыма к Российской империи в 1783 году, после чего началась закладка основ будущего хозяйственного комплекса. Изменение политического статуса Крыма стало драйвером хозяйственных трансформаций — началось повсеместное освоение территории полуострова, которое в течении последующих двух столетий сопровождалось созданием специализированного промышленного и сельскохозяйственного производства, транспортной и социальной инфраструктуры, развитием внешней торговли. Именно в этот период сложился географический рисунок хозяйственного каркаса Крымского региона.

Политические трансформации начала XX века сопровождались экономическими трансформациями уже в рамках нового государства — СССР. Происходит стремительная индустриализация полуострова, появляются новые отрасли промышленности (электроэнергетика, топливная промышленность, горно-металлургическая приборостроение, химическая промышленность, легкая), осваиваются сельскохозяйственные территории крымских степей (появляется орошаемое земледелие благодаря строительству Северо-Крымского канала), стремительно развивается транспорт и санаторно-курортное хозяйство.

Распад СССР в 1991 году и очередная смена политического статуса Крыма привела к тотальной деградации хозяйства, исчезновению многих отраслей промышленности и сельского хозяйства. В отраслевой структуре устойчивые темпы роста сохранились только в пищевой и химической отраслях

промышленности. В структуре хозяйства росла доля сферы услуг, особенно финансовых.

В результате всех этих процессов в географическом рисунке хозяйства Крыма четко проявилась главная ось развития, проходящая в направлении Север-Юг. Ее прохождение определялось доминированием хозяйственных связей с материковой Украиной, которая обеспечивала Крымский полуостров электроэнергией, водой (Северо-Крымский канал), товарами (главные автодороги и железнодорожного сообщения были направлены на материк), телекоммуникацией (магистральные сети Интернет-провайдеров и сотовых операторов заходили в регион с территории Украины) и т.д. Все социально-экономические процессы тяготели именно к этой оси. Регионы Восточного Крыма, особенно Ленинский район, город Керчь относились к категории периферийных без каких-либо перспектив для экономического роста.

События 2014 года вновь привели к смене политического статуса Крыма. Начался новый этап развития Крыма — интеграция в политическое и экономическое пространство России, этап очередной трансформации хозяйства региона. Особенности последовавшего переходного периода поставили перед экономикой полуострова новые задачи, связанные с решением серьезных проблем, таких как низкая транспортная доступность региона, недостаточная его обеспеченность стратегически важными природными ресурсами, потеря традиционных рынков сбыта, запрет экспорта продукции в страны ЕС, экономические санкции, ограничивающие инвестиционную и предпринимательскую деятельность [23].

Именно эти факторы определяли хозяйственное развитие региона на начальных этапе интеграции. Их действие привело к изменениям отраслевой и территориальной структуры хозяйства Крыма, отразилось на показателях развития целых отраслей хозяйства и отдельных регионов.

Трансформации в Крыму вызваны разными причинами. Внутренние причины, обусловившие необходимость трансформации хозяйства региона, вызваны накопившимися еще в украинский период противоречиями, которые стали тормозом к интенсивному развитию хозяйства полуострова, ограничивали рост благосостояния населения. В частности, негативном фактором для предприятий Крыма стал разрыв традиционных производственных связей с предприятиями материковой России, которые сформировались еще в период СССР, в первую очередь в рамках военно-промышленной направленности крымского машиностроения, представленного предприятиями приборостроения, судостроения и судоремонта. Политика русофобии, проводимая украинской политической элитой, препятствовала свободе обмена опытом, идеями, научной информацией между ними, серьезно тормозя экономическое развитие хозяйства региона. Однако, даже наличие политической воли к осуществлению социально-экономических преобразований наталкивалось на объективную реальность, тормозившую реализацию задуманного — это сложившиеся десятилетиями существенные диспропорции в структуре хозяйства Крыма; значительная доля технологически устаревших производств; высокая степень изношенности ОПФ; неконкурентоспособность значительной части производимых предприятиями региона товаров и услуг; потеря традиционных рынков сбыта продукции и разрыв хозяйственных связей с различными регионами бывшего Советского Союза; высокая степень тенизации экономики; отсутствие механизмов, стимулирующих

финансирование экономического роста; низкий уровень инвестирования, в т.ч. иностранного, в производственную сферу и т.д.

К природным факторам социально-экономических трансформаций можно отнести те движущие силы изменений, которые определяются конкурентным преимуществом Крымского региона относительно других регионов РФ. Сюда следует отнести, прежде всего, преимущества географического характера, которыми обладает полуостров — приморское положение, плодородные почвы, теплый климат, а также природные и рекреационные ресурсы. Подобное сочетание факторов способствовало формированию таких базовых отраслей как: пищевая промышленность, производство строительных материалов, машиностроение, сельское хозяйство, а также курортная сфера.

Анализ социально-экономической ситуации в Крыму до и после 2014 года представлен в многочисленных работах [24, 25]. Отметим только, что сопоставление сформировавшихся застойных тенденций внутри региона со среднероссийскими показателями социально-экономического развития явилось существенным источником мотивации к трансформациям в хозяйстве Крыма. А внутренняя потребность в обеспечении более эффективного хозяйствования и переводе экономики на интенсивный, инновационный тип развития стала главной побудительной причиной социально-экономических трансформаций в российском Крыму.

Необходимость в коренных преобразованиях хозяйственного комплекса Крыма назрела уже давно, но реализация многочисленных программ реформирования 2000-х года наталкивалась на отсутствие финансирования и политической воли украинской элиты развивать Крым.

Изменение государственной принадлежности Крыма изменило ситуацию коренным образом. С 2014 года реализуется ряд программ социально-экономического развития Крыма как федерального, так и регионального и муниципального уровней. Определяющее значение для развития Крыма сыграла Федеральная целевая программа (ФЦП) «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополь до 2020 года» [26], реализация которой уже сегодня принципиально изменила пространственные векторы социально-экономического развития региона.

Среди сложившихся пространственных особенностей развития Крыма, которые выполняют роль лимитирующих факторов социально-экономического развития, следует отметить, во-первых, крайнюю неравномерность размещения системы расселения, особенностью которой является слабая связь районных центров с тяготеющими к ним территориями. Одна из причин сложившейся ситуации — слабое развитие (а часто и отсутствие) транспортной инфраструктуры. Во-вторых, существенный дисбаланс в уровне социально-экономического развития территорий Крыма. Северные районы (Красноперекопский, Раздольненский, Первомайский, Джанкойский) и восточное побережье Нижнегорского, Советского, Кировского, Ленинского районов оказались наименее развиты вследствие своего периферийного положения, что, наряду с менее благоприятными природными условиями, обусловило низкую плотность населения, низкую транспортную доступность и слабое развитие социальной инфраструктуры. Напротив, южные, горно-предгорные и западные районы исторического освоения имеют большую плотность населения, более

высокую концентрацию производственных мощностей и, как следствие, более высокий уровень развития.

Результатом такого развития территории полуострова стало формирование трех осей развития: главная ось: Севастополь–Симферополь–Джанкой–материковая Украина (являлась в украинский период основной транспортно-коммуникационной осью полуострова, совпадая с основной железнодорожной и автомобильной магистралями); вторая по значимости ось: Черноморско-Азовское побережье (с преимущественно курортно-рекреационной направленностью в развитии); третья ось: Керчь–Джанкой–Красноперекоск–материковая Украина (ось транспортно-коммуникационного и производственного развития). Главным центром развития являлся город Симферополь; а города Севастополь, Керчь, Феодосия, Армянск, Феодосия, Евпатория, Ялта выполняли роль центров второго порядка.

За очень короткий срок с 2014 года произошла существенная трансформация осей развития и, прежде всего, географии транспортной сети Крыма — главное направление транспортных и товарных потоков сменилось с Север–Юг на Восток–Запад, соответственно главной осью развития становится направление Керчь–Феодосия–Симферополь.

В ходе реализации принятой 11 августа 2014 года Правительством РФ ФЦП «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополь до 2020 года» происходит усиление субширотной транспортной оси Керчь–Феодосия–Симферополь с ответвлением на г. Евпаторию и г. Севастополь в результате прокладки энергомоста Ростов–Керчь–Симферополь, сооружения Крымского моста, строительства федеральной трассы «Таврида», увеличения пропускной способности железнодорожной линии Керчь–Феодосия–Джанкой. Благодаря реализации ФЦП Крым уже успешно интегрирован в российское экономическое пространство, обеспечена его транспортная доступность, снимаются инфраструктурные ограничения, тормозившие устойчивое развитие региона [27]. Ось Керчь–Джанкой–Красноперекоск–Армянск сохраняет свое производственное и транспортно-коммуникационное назначение, особенно с открытием грузового железнодорожного сообщения по Крымскому мосту в 2020 году. Черноморско-Азовская ось сохраняет свое определяющее значение в качестве курортно-рекреационной. На перспективу число центров развития будет расти за счет реализации программ социально-экономического развития территорий и инвестиционных проектов.

В качестве модели регионального развития Республики Крым и города Севастополя выбрана «кластерная экономика», которая позволяет реализовать конкурентный потенциал территорий. В республиканском документе «Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 г.» приморские города Евпатория, Керчь, Феодосия и Ялта определены как «территории роста», как звенья главных экономических осей полуострова: Керчь–Феодосия–Симферополь — с ответвлениями на Севастополь и Евпаторию; Керчь–Феодосия–Судак–Алушта–Ялта–Севастополь; Феодосия–Джанкой–Красноперекоск–Армянск и др. [28]. В данной Стратегии заложены кластерные технологии, в результате чего в Крыму должны быть созданы 7 кластеров в приоритетных сферах развития экономики полуострова: судостроительный, химический, агропромышленно-пищевой, медико-биологический, IT-кластер, кластер креативной индустрии, туристические кластеры [29].

Выводы

Трансформация территориальной структуры хозяйства — ключевой процесс регионального развития. На наш взгляд, наиболее оптимальным подходом к изучению процессов трансформации регионального хозяйства следует считать системно-структурный подход, который позволяет выявить существенные изменения экономических функций территории, специализации хозяйства и его отраслевой структуры, экономического ландшафта территории.

Исследовать трансформацию хозяйства региона предлагается через изучение социально-экономических процессов, которые проявляются в непрерывном изменении социально-экономических ситуаций. Социально-экономический процесс можно трактовать как тенденцию к эволюционным изменениям в развитии хозяйственного комплекса территории и ее основных социально-экономических характеристик. Социально-экономическая ситуация представляет собой фиксированное состояние социально-экономического процесса на определенный момент времени. В результате различного рода социально-экономических процессов формируются социально-экономические системы, под которыми понимается устойчивое функциональное и пространственно-временное сочетание отдельных социально-экономических компонентов жизнедеятельности общества, с целым рядом взаимосвязей и взаимозависимостей между ними.

Таким образом, решение проблем хозяйственного развития Крыма следует искать не только в трансформации социально-экономической компоненты системы, но в сочетании всех факторов развития, в том числе экономических, политических, социокультурных.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-05-00725 А.

Литература

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
2. Артоболевский С. С., Бакланов П. Я., Трейвиш А. И. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ // Вестн. РАН. 2009. № 2. С. 101–112.
3. Бакланов П. Я., Мошков А. В. Структурные трансформации хозяйства в Тихоокеанском регионе России // Экономика региона. 2016. № 1. С. 46–63.
4. Бакланов П. Я. Структуризация территориальных социально-экономических систем // Вестник Московского университета. Сер.5. География. 2013. № 6. С. 3–8.
5. Бакланов П. Я. Типы структурных трансформаций в территориальных социально-экономических системах // Вестник Московского университета. Сер.5. География. 2015. №6. С. 12–17.
6. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение. М.: Изд-во ЮРАЙТ. 2018. 360 с.
7. Субботина Т. В., Шарьгин М. Д. Территориальные социально-экономические системы. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2011. 269 с.
8. Маергойз И. М. Территориальная структура хозяйства. М.: Наука, 1986, 300 с.

9. Трофимов А. М., Чистобаев А. И., Шарыгин М. Д. Теория организации пространства. Сообщение III. Пространственно-временная организация общества // Изв. Русского географического общества. 1993. Вып. 5. С. 11–21.
10. Хорев Б. С. Территориальная организация общества: Актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР. М.: Мысль, 1981. 320 с.
11. Шарыгин М. Д. Эволюция учения о территориальных общественных системах // Географический вестник. Пермь, 2006. №1. С. 4–13.
12. Воронин И. Н. Интеграция экономики Крыма в социально-экономическое пространство России: итоги первой пятилетки // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 5(15). Вып. 2. 2019. С. 5–14.
13. Вольхин Д. А. Трансформация экономической безопасности Крыма в условиях интеграции в российское социально-экономическое пространство // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 5 (15). Вып. 2. 2019. С. 79–91.
14. Ожегова Л. А., Сикач К. Ю., Ожегов А. Ю., Барановская О. В. Трансформация транспортной сети Республики Крым // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 5 (15). Вып. 2. 2019. С. 187–196.
15. Сазонова Г. В., Сидорчук И. Б. Об изменениях в рекреационной отрасли российского Крыма // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 5 (15). Вып. 2. 2019. С. 162–175.
16. Швец А. Б., Вольхин Д. А. Крым в пространстве Юга России: приоритетные форматы и векторы межрегиональных взаимодействий // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып. 4. 2018. С. 319–336.
17. Швец А. Б. Риски интеграции Крыма в экономическое пространство Юга России // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 5(15). Вып. 2. 2019. С. 15–27.
18. Швец А. Б. Геополитическая стабильность и вызовы Причерноморья // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Том 4(14). Вып. 2. С. 19–29.
19. Карпунина Е. К. Трансформация как способ развития экономической системы // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. Гуманитарные науки. Экономика, 2011. Выпуск 4 (96). С. 27–36.
20. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М., 1999. 479 с.
21. Троцкий А. Я., Мищенко И. В. Исследование пространственных трансформаций в хозяйственной системе региона // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2. С. 181–187.
22. Кабаненко М. Н., Дуброва Л. И. Отраслевая и территориальная трансформация сельского хозяйства России // Экономические отношения, 2020. Том 10. № 2. С. 527–543.
23. Боровская Л. В., Мельник В. Д. Проблемы и пути оптимизации социально-экономического развития Республики Крым // Science time. 2016. № 4 (28). С. 120–133.
24. Урусова Э. А., Шумилова Т. Э. Республика Крым: вопросы экономического и социального развития. Список литературы на русском языке за 2013–2016 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/respublika-krym-voprosy-ekonomicheskogo-i-sotsialnogo-razvitiya-1> (дата обращения: 15.08.2020).
25. Урусова Э. А., Шумилова Т. Э. Республика Крым: вопросы экономического и социального развития. Список литературы на русском языке за 2013–2017 гг.

- Часть 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/respublika-krym-voprosy-ekonomicheskogo-i-sotsialnogo-razvitiya-1/viewer> (дата обращения: 15.08.2020).
26. Об утверждении Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» / Постановление Правительства РФ от 11.08.2014 г. № 790. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/14254> (дата обращения: 15.08.2020).
27. Ожегова Л. А., Сикач К. Ю., Ожегов А. Ю. Воссоединение Крыма с Россией: причины и геополитические последствия // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып. 3. 2018. С. 389–394.
28. Вольхин Д. А. Экономическая кластеризация в приморских зонах Крыма: факторы, локализация и перспективы развития // Научная мысль Кавказа. 2017. № 3. С. 12.
29. Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года, утвержденная Законом Республики Крым от 09.01.2017. № 352-ЗРК/2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/352z.pdf>.

L. Ojegova¹,
K. Sikach²
I. Voronin³,
A. Voronina⁴

Geographical model of transformation the economy of the Crimea in a situation of changed political reality

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: ¹luda-ojegova@rambler.ru, ²sikach89@gmail.com,
³voronin.igor53@yandex.ru, ⁴voronina-simf@rambler.ru

Abstract. *In the article the problem of transformation of the economic complex is considered. A structured geographical model of regional economy transformation has been developed. Factors of formation, functioning and development of socio-economic processes are formulated and classified. The reasons and features of the transformation of the economy of the Crimea in the situation of a new political reality are considered.*

Keywords: *economic transformation, geographical model of transformation, territorial socio-economic system, Crimea, development axis.*

References

1. Alaev E. B. Social'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatijno-terminologicheskij slovar'. M.: Mysl', 1983. 350 s. (in Russian)
2. Artobolevskij S. S., Baklanov P. YA., Trejvish A. I. Prostranstvo i razvitie Rossii: polimasshtabnyj analiz // Vestn. RAN. 2009. № 2. S. 101–112. (in Russian)
3. Baklanov P. YA., Moshkov A. V. Strukturnye transformacii hozyajstva v Tihookeanskom regione Rossii // Ekonomika regiona. 2016. №1. S. 46–63. (in Russian)

4. Baklanov P. YA. Strukturizatsiya territorial'nyh social'no-ekonomicheskikh system // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya. 2013. № 6. S. 3–8. (in Russian)
5. Baklanov P. YA. Tipy strukturnykh transformatsiy v territorial'nyh social'no-ekonomicheskikh sistemah // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya. 2015. № 6. S. 12–17. (in Russian)
6. Gladkij YU. N., CHistobaev A. I. Regionovedenie. M.: Izd-vo YURAJT. 2018. 360 s. (in Russian)
7. Subbotina T. V., SHarygin M. D. Territorial'nye social'no-ekonomicheskie sistemy. Perm': Izd-vo Permskogo gos. un-ta, 2011. 269 s. (in Russian)
8. Maergojz I. M. Territorial'naya struktura hozyajstva. M.: Nauka, 1986, 300 s. (in Russian)
9. Trofimov A. M., CHistobaev A. I., SHarygin M. D. Teoriya organizatsii prostranstva. Soobshchenie III. Prostranstvenno-vremennaya organizatsiya obshchestva // Izv. Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1993. Vyp. 5. S. 11–21. (in Russian)
10. Horev B. S. Territorial'naya organizatsiya obshchestva: Aktual'nye problemy regional'nogo upravleniya i planirovaniya v SSSR. M.: Mysl', 1981. 320 s. (in Russian)
11. SHarygin M. D. Evolyutsiya ucheniya o territorial'nyh obshchestvennykh sistemah // Geograficheskij vestnik. Perm', 2006. № 1. S. 4–13. (in Russian)
12. Voronin I. N. Integratsiya ekonomiki Kryma v social'no-ekonomicheskoe prostranstvo Rossii: itogi pervoj pyatiletki // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Tom 5 (15). Vyp. 2. 2019. S. 5–14. (in Russian)
13. Vol'hin D. A. Transformatsiya ekonomicheskoy bezopasnosti Kryma v usloviyah integratsii v rossijskoe social'no-ekonomicheskoe prostranstvo // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Tom 5 (15). Vyp. 2. 2019. S. 79–91. (in Russian)
14. Ozhegova L. A., Sikach K. YU., Ozhegov A. YU., Baranovskaya O. V. Transformatsiya transportnoj seti Respubliki Krym // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Tom 5 (15). Vyp. 2. 2019. S. 187–196. (in Russian)
15. Sazonova G. V., Sidorchuk I. B. Ob izmeneniyah v rekreacionnoj otrasli rossijskogo Kryma // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Tom 5 (15). Vyp. 2. 2019. S. 162–175. (in Russian)
16. SHvec A. B., Vol'hin D. A. Krym v prostranstve YUga Rossii: prioritetye formaty i vektory mezhregional'nyh vzaimodejstvij // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Tom 4 (14). Vyp. 4. 2018. S. 319–336. (in Russian)
17. SHvec A. B. Riski integratsii Kryma v ekonomicheskoe prostranstvo YUga Rossii // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Tom 5 (15). Vyp. 2. 2019. S. 15–27. (in Russian)
18. SHvec A. B. Geopoliticheskaya stabil'nost' i vyzovy Prichernomor'ya // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2018. Tom 4(14). Vyp. 2. S. 19–29. (in Russian)
19. Karpunina E. K. Transformatsiya kak sposob razvitiya ekonomicheskoy sistemy // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta im. G. R. Derzhavina. Gumanitarnye nauki. Ekonomika, 2011. Vypusk 4 (96). S. 27–36. (in Russian)
20. Rajzberg B. A., Lozovskij L. SH., Starodubceva E. B. Sovremennyy ekonomicheskij slovar'. 2-e izd., ispr. M.: INFRA-M., 1999. 479 s. (in Russian)
21. Trockovskij A. YA., Mishchenko I. V. Issledovanie prostranstvennykh transformatsiy v hozyajstvennoj sisteme regiona // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2. S. 181–187. (in Russian)

22. Kabanenko M. N., Dubrova L. I. Otrasleyaya i territorial'naya transformatsiya sel'skogo hozyajstva Rossii // Ekonomicheskie otnosheniya, 2020. Tom 10. № 2. S.527–543. (in Russian)
23. Borovskaya L. V., Mel'nik V. D. Problemy i puti optimizatsii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Krymya // Science time. 2016. № 4 (28). S. 120–133. (in Russian)
24. Urusova E. A., SHumilova T. E. Respublika Krym: voprosy ekonomicheskogo i social'nogo razvitiya. Spisok literatury na russkom yazyke za 2013-2016 gg. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/respublika-krym-voprosy-ekonomicheskogo-i-sotsialnogo-razvitiya-1> (data obrashcheniya: 15.08.2020). (in Russian)
25. Urusova E. A., SHumilova T. E. Respublika Krym: voprosy ekonomicheskogo i social'nogo razvitiya. Spisok literatury na russkom yazyke za 2013-2017 gg. CHast' 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/respublika-krym-voprosy-ekonomicheskogo-i-sotsialnogo-razvitiya-1/viewer> (data obrashcheniya: 15.08.2020). (in Russian)
26. Ob utverzhdenii Federal'noj celevoj programmy «Social'no-ekonomicheskoe razvitie Respubliki Krym i g. Sevastopolya do 2020 goda» / Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11.08.2014 g. № 790. URL: <http://government.ru/docs/14254> (data obrashcheniya: 15.08.2020). (in Russian)
27. Ozhegova L. A., Sikach K. YU., Ozhegov A. YU. Vossoedinenie Kryma s Rossiej: prichiny i geopoliticheskie posledstviya // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Tom 4 (14). Vyp. 3. 2018. S. 389–394. (in Russian)
28. Vol'hin D. A. Ekonomicheskaya klasterizatsiya v primorskih zonah Kryma: faktory, lokalizatsiya i perspektivy razvitiya // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2017. № 3. S. 12. (in Russian)
29. Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Krym do 2030 goda, utverzhdannaya Zakonom Respubliki Krym ot 09.01.2017. № 352-ZRK/2017 URL: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/352z.pdf>. (in Russian)

Поступила в редакцию 10.06.2020 г.

DOI: 10.37279/2309-7663-2020-6-3-43-50

УДК 614.712

С. А. Епринцев¹,
С. А. Куролап¹,
О. В. Клепиков^{1,2},
С. В. Шекоян¹

**Оценка воздействия техногенного
загрязнения воздушной среды на медико-
демографические процессы крупных
урбанизированных регионов**

¹ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
г. Воронеж, Российская Федерация;

²ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет
инженерных технологий», г. Воронеж,
Российская Федерация
e-mail: ¹esa81@mail.ru, ²klepa1967@rambler.ru

Аннотация. По данным Федерального информационного фонда социально-гигиенического мониторинга ФЦГиЭ Роспотребнадзора изучено загрязнение атмосферы урбанизированных регионов Центральной России. Выявлены наиболее токсичные антропогенные поллютанты и регионы с наибольшими превышениями максимально-разовых и среднесуточных предельно-допустимых концентраций антропогенных поллютантов в городской среде. Для оценки воздействия техногенного загрязнения воздушной среды на медико-демографические процессы в крупных урбанизированных территориях Центральной России проведено изучение в среде ГИС динамики общей смертности населения от злокачественных новообразований различных органов, а также динамики смертности населения от лейкемии. Проведённые исследования показали, что ряд медико-демографических процессов прямо коррелирует с загрязнением атмосферы антропогенными поллютантами.

Ключевые слова: урбанизированные территории, антропогенные поллютанты, медико-демографические показатели, предельно-допустимые концентрации, смертность населения, злокачественные новообразования, лейкемия, экологическая обусловленность.

Введение

Медико-демографическая безопасность является важным критерием устойчивого развития территории, а риски возникновения угроз данному критерию — мощный вызов современному обществу. Техногенное загрязнение воздушной среды современных городов влечет массовое появление экологически-обусловленных заболеваний населения, снижение качества жизни и прочие негативные последствия [1–7].

Целью настоящего исследования является оценка воздействия техногенного загрязнения воздушной среды на медико-демографические процессы на примере урбанизированных территорий Центральной России.

Теоретические основы изучения проблемы изменения медико-демографических условий при техногенном загрязнении атмосферы урбанизированных территорий обоснованы во многих классических трудах отечественных и зарубежных ученых по урбоэкологии, геохимии окружающей

среды и экологии человека: Н. С. Касимовым, В. Р. Битюковой, С. М. Малхазовой [8], А. А. Келлером, В. И. Кувакиным [9], Б. Б. Прохоровым с соавторами [10], R. G. Mueller с соавторами [11], V. Speller, A. Learmonth [12] и другими. В частности, концепция риска, обоснованная в трудах ведущих отечественных гигиенистов Г. Г. Онищенко с соавторами [13;14], Б. А. Ревича с соавторами [15] и других, исходит из того, что сочетание в окружающей среде потенциально опасных химических веществ и других вредных экологических факторов создает угрозу здоровью человека.

Ключевое звено концепции — здоровье населения и его охрана от вредоносного воздействия на основе анализа, выявления и устранения факторов риска. В последние годы стремительно развивается новое научное направление, базирующееся на теории риска для здоровья, связанного с химическим загрязнением окружающей среды. Оно получило развитие на базе совместных разработок Федерального научного центра гигиены им. Эрисмана, Федерального Центра экологической политики России и Американского агентства по охране окружающей среды (US. EPA).

Материалы и методы

Оценка техногенного загрязнения атмосферы, а также медико-демографических показателей крупных урбанизированных регионов предполагает работу с большими массивами геоданных, что делает необходимым использование геоинформационных ресурсов для проведения заявленных исследований [1; 2; 5; 16; 17]. Научно-методический подход использования ГИС-технологий для оценки экологических и медико-демографических факторов показал свою эффективность при создании Медико-экологического атласа города Воронежа [16].

Данный атлас обобщил комплексные исследования факторов, обеспечивающих экологическую безопасность [16]. В исследованиях были задействованы ведущие учёные региона, а также представители природоохранных и управленческих структур. Результаты исследований стали мощным справочным материалом при разработке региональной экологической политики [16].

Наиболее информативным источником экологических и медико-географических данных на территории России служит федеральный информационный фонд социально-гигиенического мониторинга Роспотребнадзора [17]. Изучение медико-демографического потенциала урбанизированных регионов Центральной России при воздействии техногенного загрязнения атмосферы проведено по методологии оценки экологической комфортности населения урбанизированных территорий, разработанной в Воронежском государственном университете [3]. Данная методология основана на сопоставлении экологических, социально-экономических факторов, а также степени комфортности природных условий [3].

Результаты и обсуждение

Анализ техногенного загрязнения атмосферы урбанизированных регионов Центральной России, проведённый по данным Федерального информационного фонда санитарно-гигиенического мониторинга ФБУЗ ФЦГиЭ Роспотребнадзора [17] показал наличие превышений ПДК по ряду загрязнителей.

Оценка удельного веса среднесуточных проб атмосферного воздуха населенных мест Центральной России, превышающих гигиенические нормативы в 2017–2019 годах показала, что в ряде городов Тверской, Тамбовской, Белгородской областей, а также в городе Москве наблюдается превышение предельно-допустимых концентраций бенз(а)пирена, являющегося сильным канцерогеном и относящегося к первому классу опасности. Основными источниками данного поллютанта являются предприятия теплоэнергетики, нефтехимические и асфальтобитумные производства, а также выбросы автотранспорта [17]. В ряде проб воздуха, отобранных на территории города Москвы, наблюдаются превышения среднесуточных концентраций ПДК формальдегида. Данный загрязнитель является канцерогеном, а также может стать причиной появления ряда экологически-обусловленных заболеваний. При этом, в некоторых пробах, отобранных на территории города Москвы, концентрация формальдегида превышает среднесуточные ПДК более чем в 5 раз, что не может не вызывать беспокойство. Основным источником загрязнения атмосферы формальдегидом являются выхлопы отработанных газов транспорта, а также выбросы промышленных предприятий [17].

Существенная доля проб воздуха, отобранных на территории городов Белгородской области, показала превышения среднесуточных концентраций оксида углерода [17], являющегося фактором неканцерогенного риска ряда экологически-обусловленных заболеваний. Основным источником данного загрязнителя являются выхлопы отработанных газов транспорта.

В некоторых пробах, отобранных на территории городов Воронежской области (преимущественно в областном центре), фиксируются превышения среднесуточных ПДК диоксида азота и пыли [17].

Проведя анализ удельного веса проб атмосферного воздуха городов Центральной России с превышением максимально-разовых концентраций [17], установлено, что в городах Владимирской и Воронежской областей, почти 20 процентов проб имеют превышения ПДК пыли. Данный факт представляется возможным объяснить интенсивными строительными работами в указанных регионах, а также высокой плотностью автотранспортных потоков. Загрязнение атмосферы пылью является фактором неканцерогенного риска возникновения бронхиальной астмы и других заболеваний органов дыхания.

На территории города Москвы, а также городов Московской и Калужской областей около 10 процентов проб атмосферного воздуха имеют превышения максимально-разовых ПДК дигидросульфида (сероводорода). Причём, в ряде проб, отобранных на территории г. Москвы, наблюдаются опасные концентрации данного поллютанта (превышающие максимально-разовые ПДК более чем в 5 раз). Загрязнение атмосферы сероводородом является фактором неканцерогенного риска появления у населения заболеваний органов зрения и пищеварения. Основным источником загрязнения атмосферы сероводородом является химическая промышленность.

В ряде городов Центрально-Чернозёмного региона (Воронеж, Курск и другие) фиксируются превышения в атмосфере фенола и формальдегида [17].

Для оценки воздействия техногенного загрязнения воздушной среды на медико-демографические процессы крупных урбанизированных территорий в среде ГИС на исследуемых территориях Центральной России проведено изучение динамики общей смертности населения от злокачественных новообразований,

смертности от злокачественных новообразований органов дыхания, пищеварения, щитовидной железы, а также динамики смертности населения от лейкемии. Кроме того, проанализирована динамика демографических процессов, удельный вклад в которые может внести загрязнение атмосферы антропогенными поллютантами — динамика младенческой смертности и динамика общей смертности.

Анализ динамики смертности населения от злокачественных новообразований в городах Центральной России показал наиболее высокие фоновые показатели в Тульской, Брянской и Орловской областях (табл. 1). Наибольший рост данного показателя за пятилетний период (с 2014 по 2018 годы) наблюдается в г. Москве, а также городах Ивановской и Тамбовской областях (табл. 1). Данный показатель коррелирует с загрязнением воздушной среды городов бенз(а)пиреном и формальдегидом.

Оценка динамики смертности населения городов Центральной России от лейкемии за пятилетний период (2014–2018 гг.) показал, что наиболее высокие показатели по данному фактору наблюдаются в городах Курской, Брянской, Тульской и Ярославской областей. На территории г. Москвы, а также городов Тамбовской, Ярославской, Рязанской и Калужской областей наблюдается уверенный рост смертности населения от лейкемии за пятилетний период, что также коррелирует с загрязнением воздушной среды по ряду показателей [17].

На территории городов Тульской, Брянской, Курской, Костромской, Калужской, Белгородской и Владимирской областей наблюдается наиболее высокий уровень смертности населения от злокачественных новообразований органов дыхания. Устойчивый рост данного показателя за пятилетний период зафиксирован в городах Брянской, Белгородской, Липецкой и Тамбовской областей, а также на территории города Москвы. Смертность населения от злокачественных новообразований органов дыхания коррелирует как с превышением среднесуточных, так и с превышением максимально-разовых ПДК антропогенных поллютантов на территории городов Центральной России [17].

Таблица 1

Динамика смертности населения от злокачественных новообразований за 2014–2018 гг. в городах Центральной России, (на 1 000 чел. населения)

Субъект РФ	2014	2015	2016	2017	2018
1	2	3	4	5	6
Белгородская область	1,88	1,89	1,91	1,85	1,88
Брянская область	2,23	2,36	2,34	2,32	2,41
Владимирская область	2,00	1,91	1,95	1,80	1,79
Воронежская область	1,44	1,67	1,41	1,51	1,55
Ивановская область	1,90	1,94	2,06	1,81	2,23
Калужская область	2,06	1,90	1,92	1,84	1,81
Костромская область	2,24	1,99	1,94	1,92	2,05
Курская область	2,22	2,23	2,23	2,13	2,00
Липецкая область	1,73	1,81	0,92	1,79	1,76
Московская область	1,61	1,56	1,50	1,24	1,33
Орловская область	2,23	2,28	2,21	2,25	2,24
Рязанская область	2,29	2,31	2,19	2,04	1,06

Продолжение Таблицы 1

1	2	3	4	5	6
Смоленская область	1,93	1,85	1,83	1,91	2,07
Тамбовская область	1,27	1,40	1,39	1,33	1,38
Тверская область	2,31	2,18	2,30	2,40	2,10
Тульская область	2,60	2,57	2,55	2,55	2,60
Ярославская область	2,05	2,03	2,03	2,01	2,04
г. Москва	1,14	1,47	1,24	1,87	1,52

Составлено по: [17].

Из общих демографических показателей следует выделить динамику младенческой смертности. Наибольшие значения за пятилетний период (2014–2018 гг.) по данному показателю наблюдаются на территории Костромской, Брянской, Смоленской, Тульской областей и в г. Москве. Уверенный рост младенческой смертности за пятилетний период выделяется на территории Смоленской области [17]. В формирование данного показателя вносят вклад множество факторов, при этом удельный вклад качества окружающей среды также очевиден [3].

Выводы

Оценка техногенного загрязнения воздушной среды крупных урбанизированных регионов Центральной России показала, что на территории большинства городов наблюдаются превышения среднесуточных и максимально-разовых предельно-допустимых концентраций антропогенных поллютанов. Наиболее токсичными загрязнителями городов Центральной России являются бенз(а)пирен, формальдегид, сероводород. Наибольшие превышения максимально-разовых и среднесуточных ПДК по различным загрязнителям фиксируются на территории г. Москвы, городов Московской, Тамбовской, Тверской, Белгородской, Владимирской и Калужской областей.

Анализ медико-демографических показателей регионов Центральной России показал широкий разброс значений в пределах исследуемых территорий. Наибольший рост смертности от появления различных злокачественных новообразований фиксируется на территории г. Москвы, а также Брянской, Белгородской, Липецкой, Тамбовской и Калужской областей.

Оценка воздействия техногенного загрязнения воздушной среды на медико-демографические процессы крупных урбанизированных регионов показала, что ряд медико-демографических процессов прямо коррелируют с загрязнением атмосферы антропогенными поллютантами.

Наиболее сильные корреляционные зависимости обнаружены при воздействии загрязнения атмосферы бенз(а)пиреном и формальдегидом на показатель интегральной смертности населения от злокачественных новообразований, а также смертности населения от лейкемии.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 20-17-00172.

Литература

1. Yeprintsev S. A., Klevtsova M. A., Lepeshkina L. A., Shekoyan S. V., Voronin A. A. Assessment of the dynamics of urbanized areas by remote sensing // В сборнике: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science Current Problems and Solutions. 2018. С. 012034.
2. Епринцев С. А., Шекоян С.В. Изучение параметров качества окружающей среды урбанизированных территорий в условиях повышенной антропогенной нагрузки // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2014. Т. 10. № 2. С. 520–525.
3. Епринцев С. А. Оценка экологической комфортности населения урбанизированных территорий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2014. Т. 19. № 5. С. 1410–1412.
4. Епринцев С. А., Клевцова М. А., Калаев В. Н., Шекоян С. В. Мониторинга состояния биотехносферы урбанизированных территорий (на примере города Воронежа) как фактора экологической безопасности населения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2017. № 1. С. 126–132.
5. Епринцев С. А., Шекоян С. В. Геоинформационное картографирование урбанизированных территорий как механизм пространственной оценки социально-экологических факторов // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5. № 3. С. 109–115.
6. Епринцев С. А., Клепиков О. В., Шекоян С. В., Жигулина Е. В. Формирование очагов экологически обусловленной заболеваемости как критерий «отклика» на качество окружающей среды // Наука Юга России. 2019. Т. 15. № 3. С. 70–80.
7. Сафонова И. В., Епринцев С. А., Каверина Н. В. Оценка антропогенного загрязнения почвенного покрова урбанизированных территорий городского округа г. Воронеж // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2014. № 3. С. 99–104.
8. Регионы и города России: интегральная оценка экологического состояния / Н. С. Касимов, В. Р. Битюкова, С. М. Малхазова и др. М., 2016. 560 с.
9. Келлер А. А., Кувакин В. И. Медицинская экология. СПб, 1998. 255 с.
10. Общественное здоровье и экономика / Б. Б. Прохоров, И. В. Горшкова, Д. И. Шмаков, Е. В. Тарасова. М., 2007. 292 с.
11. Mueller R. G., Joyce A. A., Borejsza A., Goman M. Anthropogenic landscape change and the human ecology of the lower Rio Verde valley // Polity and Ecology in Formative Period Coastal Oaxaca. 2013. P. 65–96.
12. Speller V., Learmonth A. The search for evidence of effective health // BMJ: British Medical Journal: International Edition. 1997. Т. 315. № 7104. P. 361–363.
13. Анализ риска здоровью в стратегии государственного социально-экономического развития / Г. Г. Онищенко, Н. В. Зайцева, И. В. Май и др. Пермь, 2014. 738 с.
14. Санитарная охрана территории Российской Федерации в современных условиях / Г. Г. Онищенко, В. Ю. Смоленский, Е. Б. Ежлова и др. Саратов, 2014. 460 с.
15. Ревич Б. А. Оценка опасности для здоровья населения Москвы высокой температуры и загрязнения атмосферного воздуха / Б. А. Ревич, Д. А. Шапошников, С. Л. Авалиани и др. // Гигиена и санитария. 2015. Т. 94. № 1. С. 36–40.
16. Куролап С. А. Медико-экологический атлас города Воронежа / С. А. Куролап, О. В. Клепиков, С. А. Епринцев и др., Русское географическое общество,

Воронежский государственный университет, Центр гигиены и эпидемиологии в Воронежской области. Воронеж, 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.geogr.vsu.ru/atlas.htm> (дата обращения: 08.06.2020)

17. Федеральный информационный фонд СГМ. 2019. ФБУЗ ФЦГиЭ Роспотребнадзора. [Электронный ресурс], Режим доступа: https://www.fcgie.ru/fif_sgm.html (дата обращения: 08.06.2020)

S. A. Yeprintsev¹,
S. A. Kurolap¹,
O. V. Klepikov^{1,2},
S. V. Shekoyan¹

Assessment of the impact of man-made air pollution on the medical and demographic processes of large urbanized regions

¹Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
e-mail: esa81@mail.ru

²Voronezh State University of Engineering Technologies,
Voronezh, Russian Federation
e-mail: klepa1967@rambler.ru

Abstract. According to the data of the Federal information Fund for social and hygienic monitoring of the Federal state statistics Service of Rospotrebnadzor, air pollution in urbanized cities of Central Russia was studied. The most toxic anthropogenic pollutants and regions with the highest excess of the maximum single and average daily maximum permissible concentrations of anthropogenic pollutants in the urban environment were identified. To assess the impact of anthropogenic air pollution on the medical and demographic processes of large urbanized territories in the GIS environment in the studied territories of Central Russia, the study of the dynamics of total population mortality from malignant neoplasms of various organs, as well as the dynamics of population mortality from leukemia, was conducted.

Research has shown that a number of medical and demographic processes are directly correlated with atmospheric pollution by anthropogenic pollutants.

Keywords: urbanized territories, anthropogenic pollutants, medical and demographic indicators, maximum permissible concentrations, population mortality, malignant neoplasms, leukemia, environmental conditionality.

References

1. Yeprintsev S. A., Klevtsova M. A., Lepeshkina L. A., Shekoyan S. V., Voronin A. A. Assessment of the dynamics of urbanized areas by remote sensing // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science Current Problems and Solutions. 2018. P. 012034. (in Russian)
2. Yeprintsev S. A., Shekoyan S. V. Izuchenie parametrov kachestva okruzhayushchej sredy urbanizirovannyh territorij v usloviyah povyshennoj antropogennoj nagruzki // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2014. T. 10. № 2. S. 520–525. (in Russian)
3. Yeprintsev S. A. Ocenka ekologicheskoy komfortnosti naseleniya urbanizirovannyh territorij // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Estestvennye i tekhnicheskie nauki. 2014. T. 19. № 5. S. 1410–1412. (in Russian)
4. Yeprintsev S. A., Klevcova M. A., Kalaev V. N., Shekoyan S. V. Monitoringa sostoyaniya biotekhnosfery urbanizirovannyh territorij (na primere goroda

- Voronezh) kak faktora ekologicheskoy bezopasnosti naseleniya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya. Geoekologiya. 2017. № 1. S. 126–132. (in Russian)
5. Yeprintsev S. A., SHekoyan S. V. Geoinformacionnoe kartografirovanie urbanizirovannyh territorij kak mekhanizm prostranstvennoj ocenki social'no-ekologicheskikh faktorov // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2019. T. 5. № 3. S. 109–115. (in Russian)
 6. Yeprintsev S. A., Klepikov O. V., SHekoyan S. V., ZHigulina E. V. Formirovanie ochagov ekologicheskoi obuslovlennoj zabolevaemosti kak kriterij «otklika» na kachestvo okruzhayushchej sredy // Nauka YUga Rossii. 2019. T. 15. № 3. S. 70–80. (in Russian)
 7. Safonova I. V., Yeprintsev S. A., Kaverina N. V. Ocenka antropogennogo zagryazneniya pochvennogo pokrova urbanizirovannyh territorij gorodskogo okruga g. Voronezh // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya. Geoekologiya. 2014. № 3. S. 99–104. (in Russian)
 8. Regiony i goroda Rossii: integral'naya ocenka ekologicheskogo sostoyaniya / N. S. Kasimov, V. R. Bityukova, S. M. Malhazova i dr. M., 2016. 560 s. (in Russian)
 9. Keller A. A., Kuvakin V. I. Medicinskaya ekologiya. SPb, 1998. 255 s. (in Russian)
 10. Obshchestvennoe zdorov'e i ekonomika / B. B. Prohorov, I. V. Gorshkova, D. I. SHmakov, E. V. Tarasova. M., 2007. 292 s. (in Russian)
 11. Mueller R. G., Joyce A. A., Borejsza A., Goman M. Anthropogenic landscape change and the human ecology of the lower Rio Verde valley // Polity and Ecology in Formative Period Coastal Oaxaca. 2013. P. 65–96. (in Russian)
 12. Speller V. The search for evidence of effective health / V. Speller, A. Learmonth // BMJ: British Medical Journal: International Edition. 1997. T. 315. № 7104. P. 361–363.
 13. Analiz riska zdorov'yu v strategii gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya / G. G. Onishchenko, N. V. Zajceva, I. V. Maj i dr. Perm', 2014. 738 s. (in Russian)
 14. Sanitarnaya ohrana territorii Rossijskoj Federacii v sovremennyh usloviyah / G. G. Onishchenko, V. YU. Smolenskij, E.B. Ezhlova i dr. Saratov, 2014. 460 s. (in Russian)
 15. Revich B. A. Ocenka opasnosti dlya zdorov'ya naseleniya Moskvy vysokoj temperatury i zagryazneniya atmosfernogo vozduha / B. A. Revich, D. A. SHaposhnikov, S. L. Avaliani i dr. // Gigiena i sanitariya. 2015. T. 94. № 1. S. 36-40. (in Russian)
 16. Kurolap S. A. Mediko-ekologicheskij atlas goroda Voronezh / S. A. Kurolap, O. V. Klepikov, S. A. Yeprintsev i dr. // Russkoe geograficheskoe obshchestvo, Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, Centr gigieny i epidemiologii v Voronezhskoj oblasti. Voronezh, 2019. URL: <http://www.geogr.vsu.ru/atlas.htm> (data obrashcheniya: 08.06.2020) (in Russian)
 17. Federal'nyj informacionnyj fond SGM. 2019. FBUZ FCGiE Rospotrebnadzora. URL: https://www.fcgie.ru/fif_sgm.html (data obrashcheniya: 08.06.2020) (in Russian)

Поступила в редакцию 14.06.2020 г.

DOI: 10.37279/2309-7663-2020-6-3-51-57

УДК 314.3

В. А. Рубцов,
М. В. Рожко,
Н. М. Биктимиров

Межнациональные браки и их влияние на этнодемографические процессы (на примере Республики Татарстан)

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Институт управления, экономики и финансов,
г. Казань, Российская Федерация
e-mail: niyaz825@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено влияние межнациональных браков на демографическое развитие населения на примере одного из национально-территориальных образований России — Республики Татарстан.

В статье говорится о роли национальности одного из родителей и сохранении различий в межнациональных браках между городским и сельским населением. Раскрыты причины роста межнациональных браков и факторы, влияющие на вступление в такие браки, возможности контактов между этносами, проживающими на территории Татарстана.

Ключевые слова: межнациональные браки, рождаемость, межэтнические контакты, этническая самоидентификация, разводы, этнос, ассимиляция, Республика Татарстан.

Введение

Демографическое будущее по своей сути неопределенно, что необходимо учитывать при принятии социально-экономических решений, в том числе маркетинговых, финансовых и других.

Проблема выявления роли этнического фактора в демографическом потенциале в целом, а также его влияния на рождаемость до настоящего времени разработана слабо во многом из-за скудности статистических публикуемых демографических показателей в этническом плане и сложности выявления взаимосвязей данного фактора с другими факторами [1; 2].

Как известно, для роста числа межнациональных браков необходимы тесные дружественные межнациональные отношения, относительно высокая миграционная мобильность, особенности расселения населения, ослабление традиций и сглаживание социально-культурного развития, относительное совпадение мировоззрения и т.д. Близость языка и культуры, компенсация диспропорции полового состава также способствуют росту межнациональных браков.

Исследования показывают, что женщины несколько осторожнее относятся к самой возможности таких браков, нежели мужчины.

Давно отмечено, что мужчины и женщины разных национальностей неодинаково по частоте вступают в межнациональные браки. Статистика утверждает, что в межнациональные браки часто вступают люди более взрослые, чем молодые. Прослеживается и следующая взаимосвязь: чем выше уровень образования и культуры человека, тем терпимее он относится к межнациональным бракам.

Раньше в подобных браках участие русских женщин было существенно выше, чем русских мужчин. Также благодаря многим факторам доля мужчин нерусской национальности в браке с русскими женщинами была выше, чем доля женщин нерусской национальности в браке с русскими мужчинами. Однако в силу ряда особенностей нашей страны дети, родившиеся в этих семьях, в большей степени, регистрировались как русские. Современные социально-культурные преобразования в обществе не формируют преград, а наоборот, только способствуют росту межнациональных браков.

Согласно результатам исследования Н. В. Смольниковой поволжских немцев, более двух третей опрошенных представителей этой национальности состоят в национально-смешанных браках. Среди таких браков абсолютное большинство составляют немецко-русские. Абсолютное большинство информантов, которыми выступали немцы поволжской диаспоры, считают русский народ наиболее близким к своей культуре [3].

Как считает Ислам, для того чтобы в браке были устойчивые и гармоничные отношения молодые люди должны подходить друг другу по религиозности, социальному статусу, уровню образования, и, в том числе, национальности и культуре. Поэтому Ислам считает правильным заключать браки внутри своего собственного народа. Есть и другой аспект, молодые люди, создавая семьи с девушкой другой национальности, повышают вероятность риска того, что девушки из их народа могут остаться вне брака.

В центре семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан выяснили: уровень разводимости определенно зависит от моноэтничности или межэтничности семьи. В нашей стране в 1960 г. на 100 свадеб приходилось 12 разводов, в 1985 г. — 41 развод, а в 2005 г. — уже 57. По статистическим данным, в 2009 г. в России на 100 браков приходится 58 разводов.

В настоящее время широкое распространение получили внебрачные связи, растёт число семей одиноких матерей, где отсутствует один из важнейших субъектов воспитания — отец [4].

Заключительный отчет по научно-исследовательской работе коллектива ученых из Казанского федерального университета под руководством Е. П. Бусыгина «Этнические культурно-бытовые процессы в Среднем Поволжье» позволяет уточнить вопросы, в первую очередь относящиеся к основным этносам республики — русским и татарам. Так, результаты отчета показали, что развитие политической суверенизации, оказало и продолжает по сей день оказывать влияние на этнические процессы в регионе. Важным указывается то, что этническое самосознание большинства разнонациональных супругов четкое, значимо при определении собственной этнической принадлежности. Для большинства жителей Татарстана (русских и татар) присущи четкие автостереотипы, учет этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаков. При этнической самоидентификации детей в условиях Республики Татарстан решающую роль играет этническая принадлежность отца и доминирующий на уровне непосредственного окружения язык [5].

Как известно, международные миграции способствуют изменению национальности в тех или иных государствах. Часто это преследуется для облегчения получения подданства новой страны. Это явление особенно характерно для стран с депрессивным состоянием экономики. Возможно также, что межнациональные браки будут способствовать появлению космополитов.

Решение о миграции люди принимают на основании своих предпочтений в выборе места работы и жизни, основываясь, не только на социально-экономических условиях, но и психоэмоциональных переживаниях еще на этапе подготовки к миграции. Существует определенная сложность в получении данных о мигрантах до того момента, когда они перемещаются [6].

Для многих регионов мира верно то, что экономический рост стимулирует миграцию населения, ее последствия заметны и разнообразны как для развитых, так и развивающихся стран и проявляются как в сугубо экономической сфере, например, на рынке труда, так и в социальной — ассимиляция мигрантов, межэтническое взаимодействие, изменение рождаемости. И тем и другим последствиям посвящено немало количество публикаций по миграционной проблематике [7].

Материалы и методы

Неопределенность демографического будущего создается, главным образом, в связи со сложностью понимания демографических процессов, несовершенством демографических данных, непредсказуемостью миграционной политики и рядом других явлений. Для ее преодоления демографами предлагаются различные модели, прежде всего, основанные на данных о рождаемости, смертности и миграции [8].

Демографический анализ следует рассматривать как неотъемлемый центральный элемент изучения воспроизводства населения, расселения, связанный с разработкой принципов применения статистических, математических, социологических, картографических и других методов.

При написании статьи были использованы методы системно-структурного анализа, сравнительно-аналитический метод.

Подробное изучение межнациональных браков требует использования огромного статистического материала. Обзор литературы по данной теме и статистических данных, подтвердил, что материалов, раскрывающих межнациональные браки, недостаточно.

Результаты и обсуждение

Межнациональные браки начали играть существенную роль в демографическом развитии населения Республики Татарстан. Об этом позволяют судить имеющиеся данные. Так, если в 1990 г. доля родившихся от родителей разных национальностей составила в целом по республике 20,7% от всех родившихся, в 1998 г. — 26,4%, в 2002 г. — 33,5%. В период с 2010 года по настоящее время более чем одна треть всех детей рождается в смешанных браках. Анализ данных по населению Республики Татарстан по данным переписи 2002 и 2010 г. позволяет отметить, что основными участниками в этих процессах являются русские и татары.

Если в более ранних этапах в смешанных браках доля татар была незначительной, то уже в 2002 г. у 25,9% родившихся отцы были носителями нетатарской национальности. Среди городского населения доля родившихся в смешанных браках, считающихся татарами, значительно больше (32,5%), чем среди сельского (13,4%). Интересно то, что у женщин-татарок, проживающих в

городах за пределами республики, доля участия в межэтнических контактах выше.

Можно говорить, что наблюдаемая высокая рождаемость от смешанных браков, в какой-то мере компенсирует в первую очередь, низкую рождаемость у русских. Так, в наибольшей степени отмечен рост (на 17,2 процентных пункта за 13 лет) доли детей, отцы которых имели другую национальность. Данная тенденция характерна как для городского, так и для сельского населения.

Возможности контактов между этносами, проживающими на территории Татарстана, велика у пар татары–русские и достаточно выражены у пар татары–марийцы, татары–удмурты, русские–мордва, чувашы–мордва, марийцы–удмурты. В последние годы в рост пошли браки с армянами и азербайджанцами, а также с другими народами Кавказа.

Как правило, смешанные браки отличаются высокой рождаемостью. Мужчины имеют жен, соответствующих или близких по уровню квалификации, а женщины в большинстве случаев имеют семьи, созданные с мужчинами с более низкой квалификацией.

В размещении национально-смешанных семей, в Республике Татарстан прослеживаются следующие тенденции:

- 1) неравномерность размещения;
- 2) стягивание к крупным, многофункциональным, наиболее этнически смешанным населенным пунктам;
- 3) положение вблизи крупных городов и магистральных дорог.

Основными проблемами, возникшими в результате межнациональных браков, следует назвать определение национальности детей; конфликты в большинстве случаев между детьми и родителями по национально-этническим вопросам; опасения утраты языка, обычаев, традиций между вступающими в брак и их потомками. Важной особенностью лиц, состоящих в смешанных браках, является отрицательная реакция на все, что связано с интерпретацией национальности, отношения к межнациональным бракам и т. п.

Многие считают, что в смешанных браках рождаются более здоровые, крупные, более способные и талантливые дети. Отчасти это так. Если речь идет об очень различных по происхождению супругов, то, действительно, их дети могут быть более крупные и более жизнеспособные. Однако этот эффект не наследуется, он проявляется только в первом поколении и в дальнейшем затухает. К тому же в таких браках с генетически очень разошедшимися линиями может возникнуть внутриутробный конфликт ребенка с матерью за счет присутствия в геноме ребенка отцовских генов.

Следует учитывать тот факт, что дети, рожденные и воспитанные в национально-смешанных семьях, часто в последующем для создания семьи выбирают партнеров-потомков от другого национально-смешанного брака. Тем самым усложняются наследственные связи и география расселения основных национальностей.

Городское и сельское население всегда отличалось по доле лиц, состоящих в смешанном браке. Большое число смешанных браков в городах, в отличие от сельских местностей, можно объяснить следующим: городское население более мобильно, и город создает условия для развития личных контактов у лиц разных национальностей в различных сферах общества.

Доля татарско-русских браков в сельской местности составляет 63% от всех национально-смешанных браков.

Характер межнациональных браков на разных территориях может существенно различаться. В какой-то мере это можно показать на примере сохранения татарской и башкирской нации, исторически проживающих на смежных территориях. Здесь факты вступления в межнациональные браки встречались крайне редко, особенно в сельской местности. Например, количество мужчин соответствующей национальности, вступивших в брак с русскими женщинами в 1926 г., составляло лишь 1%. Рост межэтнических браков способствует естественному протеканию ассимиляционных этнических процессов.

Несмотря на сказанное, во многих многонациональных странах возможность выбора этнической общности отца и матери в большинстве случаев заканчивается выбором национальности отца. Выбор же национальности матери в большинстве случаев обусловлен её более высоким социально-культурным статусом и нахождением семьи на территории коренной этнической среды матери. Как в русско-татарских, так и татарско-русских семьях, важную роль в этнической самоидентификации детей играет национальность отца, кроме того, в татарско-русских семьях — доминирующий язык. Внутри этнической группы основной переводчик этнокультурной информации — мать.

Выводы

Благодаря изучению межнациональных браков, возможно, со временем будет сформирован определенный свод правил, относящихся к определению национальности новорожденного, что намного облегчит разрешение данной проблемы в смешанных семьях. Так, не исключено принятие такого варианта, когда новорожденный будет иметь национальность жителей населенного пункта, где прослеживается четкое преобладание представителей какой-то национальности, а при отсутствии преобладания конкретного народа, возможно, разумнее иметь национальность отца и т. д.

Литература

1. Biktimirov, N., Gaisin, R., Gaisin, I. The use of new methodologies for demographic investigations in national-territorial subdivisions of Russia // Life Sci J. 2014. Vol. 11, № 8, Pp. 194–197.
2. Gaisin, R., Gaisin, I., Biktimirov, N. The use of new methodologies for demographic investigation in national territorial subdivisions of Russia // Life Sci J. 2014. vol. 11 (8s), Pp. 198–2003.
3. Смольникова Н.В. Современная этнополитическая ситуация и межэтнические отношения в Нижнем Поволжье (на примере немецкой диаспоры) Автореф. дис. канд. ист. наук. Москва, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/sovremennaya-etnopoliticheskaya-situatsiya-i-mezhetnicheskie-otnosheniya-v-nizhnem-povolzhie> (дата обращения 25.02.2020)
4. Rubtsov, V. A., Gabdrakhmanov, N. K., Delabarr, O. A. & Tyabina, D. V. "Equilibrium tasks in geography", Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. vol. 6, no. 3, Pp. 669–672.

5. Бусыгин Е. П. Отчет о научно-исследовательской работе. Этнокультурно-общественные процессы на Среднем Поволжье / Наука. Темы Казань. Издательство КГУ, 1996. 16 с.
6. Yija la, A., Jasinskaja-Lahti, I. Pre-migration acculturation attitudes among potential ethnic migrants from Russia to Finland // International Journal of Intercultural Relations. 2010. vol. 34, Pp. 326–339.
7. Prayitno, G., Matsushima, K., Jeong, H., Kobayashi, K. Social Capital and Migration in Rural Area Development // Procedia Environmental Sciences. 2014. vol. 20, Pp. 543–552.
8. Hyndman, R., Booth, H. Stochastic population forecasts using functional data models for mortality, fertility and migration // International Journal of Forecasting. 2008. Vol.6, №24, Pp. 323–342.

V. A. Rubtzov,
M. V. Rozhko,
N. M. Biktimirov

***Interethnic marriages and their influence on
ethno-demographic processes (on the example
of the Republic of Tatarstan)***

Kazan Federal University, Institute of Management, Economics
and Finance, Kazan, Russian Federation
e-mail: niyaz825@mail.ru

Abstract. The article considers the influence of interethnic marriages on the demographic development of the population on the example of one of the national-territorial entities of Russia - the Republic of Tatarstan.

The article talks about the role of the nationality of one of the parents and the preservation of differences in interethnic marriages between urban and rural populations. The reasons for the growth of interethnic marriages and factors affecting the entry into such marriages, the possibilities of contacts between ethnic groups living in the territory of Tatarstan are revealed.

Keywords: interethnic marriages, birth rates, interethnic contacts, ethnic self-identification, divorces, ethnicity, assimilation, Republic of Tatarstan.

References

1. Biktimirov, N., Gaisin, R., Gaisin, I. The use of new methodologies for demographic investigations in national-territorial subdivisions of Russia // Life Sci J. 2014. Vol. 11, № 8, Pp. 194–197.
2. Gaisin, R., Gaisin, I., Biktimirov, N. The use of new methodologies for demographic investigation in national territorial subdivisions of Russia // Life Sci J. 2014. vol. 11 (8s), Pp. 198–2003.
3. Smol`nikova N. V. Sovremennaya e`tnopoliticheskaya situaciya i mezhe`tnicheskie otnosheniya v Nizhnem Povolzh'e (na primere nemeczkoy diaspory) Avtoref. dis. kand. ist.nauk. Moskva, 1998. URL: <http://cheloveknauka.com/sovremennaya-etnopoliticheskaya-situatsiya-i-mezhetnicheskie-otnosheniya-v-nizhnem-povolzhie> (in Russian)
4. Rubtzov, V. A., Gabdrakhmanov, N. K., Delabarr, O. A. & Tyabina, D. V. "Equilibrium tasks in geography", Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. vol. 6, no. 3, Pp. 669–672.

5. Busy`gin E. P. Otchet o nauchno-issledovatel`skoj rabote. E`tnokul`turno-obshhestvenny`e processy` na Srednem Povolzh`e / Busy`gin. Kazan`. Izdatel`stvo KGU, 1996. 16 s. (in Russian)
6. Yija`la`, A., Jasinskaja-Lahti, I. Pre-migration acculturation attitudes among potential ethnic migrants from Russia to Finland // International Journal of Intercultural Relations. 2010. vol. 34, Pp. 326–339.
7. Prayitno, G., Matsushima, K., Jeong, H., Kobayashi, K. Social Capital and Migration in Rural Area Development // Procedia Environmental Sciences. 2014. vol. 20, Pp. 543–552.
8. Hyndman, R., Booth, H. Stochastic population forecasts using functional data models for mortality, fertility and migration // International Journal of Forecasting. 2008. Vol.6, № 24, Pp. 323–342.

Поступила в редакцию 25.06.2020 г.

УДК 911.3-027.21 [911.3:316]-027.21

И. М. Яковенко

Анализ и картографирование многолетней динамики сельского расселения в Крыму

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: yakovenko-tnu@ya.ru

Аннотация. В статье проведен статистический и картографический анализ динамики сельского расселения в Крыму в период между переписями населения 1989 и 2014 гг. Были выявлены тенденции к сокращению сети и депопуляции сельских поселений. Худшая демографическая ситуация отмечается в степных районах Крыма, менее напряженная — в пригородных зонах Симферополя и Севастополя и приморских рекреационных районах полуострова. В регионе наблюдается пространственная неравномерность в распределении сельского населения, что проявляется в резких колебаниях плотности сельского населения. Сформулированы приоритетные задачи по оптимизации развития системы сельского расселения в регионе.

Ключевые слова: сельское расселение, сельский населенный пункт, пространственная структура системы сельского расселения, динамика.

Введение

Состояние системы сельского расселения выступает важным индикатором социально-экономического благополучия в регионе, а выявление структурно-пространственных закономерностей его развития позволяет судить об общих тенденциях социокультурных региональных процессов.

Комплексные географические исследования сельского расселения начались в 1950–60-х гг. с работ С. А. Ковалева [1; 2]. Разработанная им типология сельских населенных пунктов на примере Советского Союза учитывала положение пунктов во внутрихозяйственных системах расселения (т.н. «центральные усадьбы», поселки отделений и бригад, прифермские поселки и др.). В исследованиях российских географов, посвященных трансформации сельского расселения в постсоветский период, отмечается влияние масштабных социально-экономических и демографических факторов, обусловивших изменение людности и функций сельских поселений, коренных сдвигов в образе жизни сельских жителей [3–7]. В статьях А. И. Алексеева и С. Г. Сафронова систематизированы основные изменения в сельской местности России и их последствия (резкое сокращение занятости в сельском хозяйстве (деаграризация), холдингизация сельской экономики, старение населения, рост роли селитебной и рекреационной функций сельских населенных пунктов, отток населения в города; появление сезонно обитаемых поселений, поселений без трудоспособного населения, появление населенных пунктов без населения и т.д.) [4; 5]. С учетом этих факторов авторами была предложена новая типология сельских населенных пунктов на общестрановом уровне, в основу которой были положены такие признаки, как наличие или отсутствие постоянного населения; соотношение постоянного и временного населения; наличие среди постоянных жителей

трудоспособных; наличие рабочих мест. В период до переписи 2010 г. фактором изменения динамики сельского населения и соотношения городского и сельского населения в Российской Федерации стало преобразование поселков городского типа в сельские поселения — т.н. «административная рурализация»: при неизменном числе населенных пунктов численность и удельный вес сельского населения существенно возросли [8].

Динамические аспекты исследования системы сельского расселения Крыма редко выступали объектом научного интереса. В диссертационной работе М. М. Кузнецова, нацеленной на обоснование общественно-географических подходов к гармонизации развития территориальных поселенческо-воспроизводственных систем Автономной Республики Крым, были выделены локальные системы сельского расселения в регионе [9]. Системообразующими факторами были признаны производственные функции поселений и транспортный каркас полуострова. Следует отметить недавний опыт картографирования динамики численности населения Крыма Е. А. Прохоровой, А. В. Морозовой, В. Н. Семиным и Я. О. Казариным; в качестве временных срезов были выбраны периоды, следующие за знаковыми событиями в истории Крыма и переписями населения [10]. Однако оценить пространственно-временные изменения в сельском расселении региона в данном исследовании не представляется возможным в связи с отсутствием дифференциации населения на городское и сельское.

Целью данной статьи явилось изучение и анализ динамики пространственной структуры сельского расселения в Крыму в ее обусловленности трансформациями внешней и внутренней социокультурной среды региона.

Материалы и методы

Анализ многолетней динамики системы сельского расселения в Крыму (Республика Крым и город федерального значения Севастополь) строился на основе статистических данных Всесоюзной (1989 г.), общегосударственной (2001 г.) и региональной (2014 г.) переписей населения. С целью визуализации выявленных тенденций использована авторская карта «Сельское расселение Крыма» в Атласе социокультурных процессов в Крыму, разработанная в рамках проекта РФФИ «Пространственные модели и эффекты социокультурных процессов в Крыму в условиях интеграции региона в социально-экономическое пространство России».

Результаты и обсуждение

Согласно Переписи населения 2014 г., в сельских населенных пунктах Крыма проживает 961,7 тыс. чел. [11]. Динамика численности сельского населения в период между переписями 1926–2014 гг. представлена на рис. 1. В Республике Крым удельный вес сельского населения составляет 49%, в Севастополе — 8%. По данным Всесоюзной переписи 1989 г., этот показатель составлял 35% и 5% [13], Всеукраинской переписи 2001 г. — 37% и 6% соответственно [14]. Уровень рурализации в советский период определялся особенностями эволюционного хода хозяйственного освоения территории полуострова и приоритетом индустриальных и рекреационных функций, сосредоточенных преимущественно в городских поселениях Крыма. Рост доли сельского населения после 1989 г. был

связан с процессом репатриации крымских татар, выбиравших для поселения сельскую местность. Вхождение Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г. ознаменовалось изменением соотношения горожан и сельских жителей, что обусловлено принятием Закона Республики Крым от 6 июня 2014 г. №18-ЗРК «Об административно-территориальном устройстве Республики Крым», статьей 5 которого статус поселков городского типа был отменен, а пгт отнесены к категории сельских населенных пунктов.

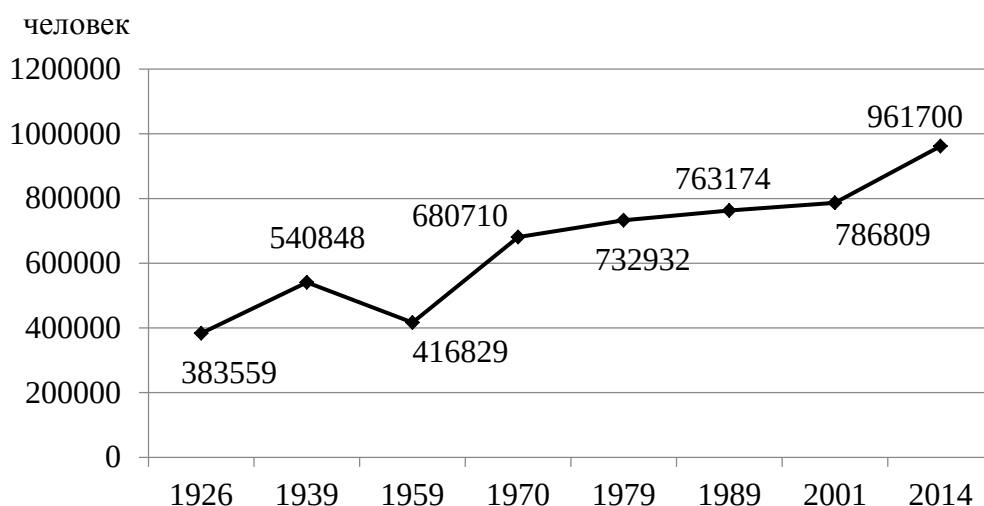

Рис. 1. Динамика численности сельского населения Крыма по данным переписей населения 1926–2014 гг.

Составлено автором по [11,12]

На начальном этапе формирования системы сельского расселения в Крыму важную роль играл природно-географический фактор: заселялись наиболее благоприятные для жизни человека территории — долины рек, морские бухты, узкие, слабо расчлененные участки вдоль побережья у подножия Крымских гор. Сравнительно немногие приморские поселения возникли в период греческой колонизации (например, нынешние пгт Черноморское, села Межводное, Новофедоровка, Окуневка, IV в. до н.э.). Появление большинства сельских поселений равнинного Крыма относится к XVI–XVIII вв.; это были сельскохозяйственные крымско-татарские поселения, а также поселения, основанные отставными солдатами (например, Мазанка). Многие курортные поселки Южного бережья зародились в XIX в. как рыболовецкие поселения; впоследствии их развитие было тесно связано с формированием локальных рекреационных систем. Возникновение ряда поселений генетически обусловлено переселениями малых этносов, в свою очередь, вызванными комплексом геополитических и социально-экономических факторов (в т.ч. немецкие — Горностаевка, Пруды, Митяево (1864 г.), болгарское — Садовое (1881 г.), чешское — Богемка (ныне Лобаново) (1861 г.) и др.

В советский период динамика численности населения сельских населенных пунктов в Крыму определялась их хозяйственными функциями. Стабильность или рост демонстрировали центральные усадьбы колхозов и совхозов, где были сосредоточены материально-технические объекты сельскохозяйственного назначения и учреждения сферы обслуживания. В то же время людность прочих

поселений хозяйств, где число рабочих мест было невелико, постепенно сокращалась, и в дальнейшем села рассматривались как «неперспективные».

Тенденция к сокращению сети сельских населенных пунктов и к депопуляции крымских сел усилилась в постсоветский период. Как и в большинстве сельских населенных пунктов постсоветских республик, производственная функция сокращалась, а жилая — росла, что в условиях оттока трудоспособного населения привело к росту числа т.н. «поселений пенсионеров [4]».

Определенные выводы о пространственной картине многолетней динамики сельского расселения в Крыму были получены в результате построения одноименной карты (рис. 2.). В качестве сравнительных временных срезов рассматривались 1989 г. — год Всесоюзной переписи населения и 2014 г. — год первой переписи населения Крымского федерального округа. Сельские населенные пункты обозначались значками, размер которых соответствовал 8 градациям по людности на 01.01.2014 г., а окраска — характеру динамики. Разная интенсивность красного цвета значка соответствовала поселениям, численность жителей которых увеличилась на 6–50%, на 50–100%, на 101–200% и на более чем 200%. Значки с синей окраской зафиксировали снижение численности жителей на 6–20%, на 21–50%, на 51–80%, на более чем 80%. Были также отмечены сельские населенные пункты, численность жителей которых в течение 1989–2014 гг. не изменилась или изменилась на +(-) 0,1–5%, и населенные пункты, появившиеся после переписи 1989 г. и исчезнувшие до переписи 2014 г.

В 2014 г. в Крыму насчитывалось 1042 сельских населенных пункта. На протяжении периода между переписями 1989 и 2014 гг. в селах отмечался процесс депопуляции, вызванный как естественной убылью населения, так и внутренними и внешними миграциями. В 550 селах Крыма население сократилось, что вдвое превышает число сел с положительной динамикой людности (табл. 1). Из рис. 2. видно, что процесс депопуляции затронул преимущественно северные, степные районы полуострова (например, в Джанкойском районе численность населения уменьшилась в 80 селах, а возросла только в 9). Наибольшее увеличение людности сельских поселений отмечалось в Симферопольском, прибрежном к столице муниципальном районе (42 села), а также в Бахчисарайском районе, где на протяжении двух десятилетий концентрировалось крымско-татарское население и активизировались сельское хозяйство и рекреация. Наиболее многочисленную группу поселений составляют те села, в которых население сократилось на 21–50% (273 села); в 212 селах число жителей уменьшилось на 5,1–20%. В группе сел, где отмечался рост числа жителей на 5,1–50%, насчитывается 177 сельских населенных пунктов.

Депопуляция затронула, прежде всего, малые и средние села Крыма. Растет число малолюдных поселений; в Республике Крым насчитывается 65 поселений с числом жителей менее 50 чел, в г. Севастополь — 4. В 11 сельских населенных пунктах Крыма в настоящее время население не проживает. Наибольшим числом малолюдных поселений отличаются Джанкойский, Белогорский, Раздольненский, Сакский и Ленинский районы. Вместе с тем, 5 новых поселений впервые зафиксированы в Переписи 2014 г. (в т.ч. 2 поселка при отделениях винодельческого предприятия «Золотая Балка» и с. Сахарная Головка, Севастополь).

Таблица 1

Динамика численности населения сельских населенных пунктов Крыма в 1989–2014 гг.

Городские округа и муниципальные районы	Число СНП, население которых за период 1989–2014 гг. увеличилось					Число СНП, население которых за период 1989–2014 гг. уменьшилось					Число СНП, население которых не изменилось или изменилось на 0,1-5%
	Всего	в т.ч. увеличилось на, %				Всего	в т.ч. уменьшилось на, %				
		5,1-50	50-100	101-200	более 200		5,1-20	21-50	51-80	более 80	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Алушта	16	13	-	2	1	4	-	4	-	-	4
Армянск	2	2	-	-	-	1	1	-	-	-	-
Евпатория	1	1	-	-	-	2	-	2	-	-	-
Симферополь	1	1	-	-	-	2	-	2	-	-	1
Судак	13	11	1	-	1	1	1	-	-	-	1
Феодосия	4	2	-	2	-	7	4	3	-	-	3
Ялта	6	4	2	-	-	20	10	6	3	1	3
Бахчисарайский	44	31	6	4	3	22	12	9	1	-	19
Белогорский	22	19	2	1	-	40	15	23	1	1	13
Джанкойский	9	6	3	-	-	80	28	44	6	2	15
Кировский	9	6	1	1	1	23	10	12	1	-	6
Красногвардейский	17	17	-	-	-	23	10	12	1	-	19
Красноперекопский	6	3	2	-	1	25	12	9	3	1	5
Ленинский	4	4	-	-	-	51	14	30	5	2	7
Нижнегорский	8	6	1	-	1	42	22	16	4	-	5
Превомайский	3	3	-	-	-	33	6	18	8	1	7
Раздольненский	-	-	-	-	-	35	13	16	4	2	3

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Сакский	20	12	5	3	-	47	16	20	7	4	8
Симферопольский	42	24	8	6	4	32	17	13	2	-	21
Советский	3	3	-	-	-	22	7	14	1	-	8
Черноморский	4	2	1	1	-	24	8	13	2	1	4
Севастополь	13	7	5	-	1	14	6	7	1	-	2
Итого по Крыму:	247	177	37	20	13	550	212	273	50	15	154

Составлено автором

В 1989–2014 гг. менялась структура сельских населенных пунктов по их людности: вырос удельный вес поселений с численностью жителей менее 200 чел. (с 24 до 28%) и удельный вес крупных поселений 151 — людностью более 3000 чел. (с 4% до 6%). На населенные пункты с числом жителей более 1 000 чел. приходится 1/3 всех сельских населенных пунктов Крыма, в них проживает 73% сельского населения региона. Большинство крупных сельских населенных пунктов — это поселки городского типа, административные центры муниципальных районов Республики Крым, а также курортные поселки, входящие в состав рекреационных агломераций Южного берега Крыма, в т.ч. Ялтинской (пгт Гаспра, 10 310 чел., пгт Гурзуф, 8 933 чел., пгт Массандра, 7 280 чел., пгт Кореиз, 5 455 чел.), Алуштинской (пгт Партенит, 6 193 чел.), курортных районов Юго-Восточного Крыма (пгт Приморский, 12 560 чел., Феодосия) и Западного Крыма (пгт Новоозерное, 4 998 чел., пгт Заозерное, 4 332 чел., пгт Мирный, 4 209 чел., Евпатория).

Сельское население распределено по территории полуострова неравномерно. В 10 из 14 муниципальных районов Республики Крым удельный вес сельского населения имеет предельный уровень — 100%. Исключение составляют районы: Ленинский — 82,6 %, Бахчисарайский — 69,8%, Кировский — 81,8% и Белогорский — 72,9%. В городских округах уровень рурализации варьирует от 5,7% (Симферополь) до 48,9 % (Судак).

Максимальные значения плотности сельского населения фиксируются на территории городского округа Евпатория (207 чел. на 1 кв. км), городского округа Ялта (174 чел. на 1 км²), где большинство поселений представлено курортными поселками, и Симферопольского муниципального района (87 чел. на 1 км²). В степном Крыму густота сельского населения изменяется от 20 до 30 чел. на 1 км², в Горном Крыму сеть поселений редкая, и показатель плотности населения не превышает 10 чел. на 1 км².

Особенностью динамики демографической ситуации в Крыму является влияние рекреационной специализации региона на развитие как городских, так и сельских населенных пунктов. В Крыму насчитывается 94 населенных пункта с наличием постоянных или сезонных рекреационных предприятий; из них 89 являются сельскими (8,4% от общего числа сельских населенных пунктов в регионе). Подавляющая часть поселений с рекреационной функцией локализована

в приморской зоне (например, в Ялте — 17, в Алуште — 25, на побережье Ленинского района — 13). В последние два десятилетия процесс рекреационного освоения Крыма выступает ведущим фактором эволюции системы расселения в регионе. Установлено, что крупные курортные поселения, выполняющие роль рекреационно-расселенческих центров района, а также населенные пункты нового рекреационного освоения характеризуются положительными демографическими тенденциями на фоне неблагоприятной общерегиональной демографической ситуации.

Ряд сельских населенных пунктов в течение изучаемого периода сменили свои функции, что позитивно сказалось на ходе демографических процессов и структуре занятости населения. Согласно проведенной Д. В. Войтеховским функционально-генетической типологии населенных пунктов Крыма, сельские населенные пункты входят в состав пяти групп поселений [15]:

— бывшие сельскохозяйственные поселения, чаще приморского положения, освоенные в советский и современный периоды, где рекреация вызвала рост или стабилизацию в развитии населенного пункта (с. Яковенково, с. Дачное, с. Веселое, пос. Новофедоровка, с. Приветное, с. Орловка, с. Бондаренково и др.);

— в прошлом несельскохозяйственные пункты досоветского и советского периодов, где рекреация оказала стимулирующее развитие на хозяйство поселений, переживших закрытие или упадок градообразующих предприятий (с. Нижнезаморское, с. Новоотрадное, с. Золотое, с. Соколиное, пгт Новый Свет и др.);

— бывшие закрытые военные поселения новейшего рекреационного освоения, где рекреация имеет стабилизирующее влияние на хозяйственное и демографическое развитие (пгт Орджоникидзе, с. Витино, с. Оленевка и др.);

— населенные пункты старого рекреационного освоения, где рекреационная функция стимулировала бурное социально-экономическое и демографическое развитие поселения в качестве курорта (с. Санаторное, с. Парковое, с. Понизовка, пгт Гурзуф и др.);

— поселения, возникшие при рекреационных предприятиях в советский период, где рекреационная функция стала основным градообразующим фактором (с. Виноградное, с. Советское, с. Восход, с. Семидворье и др.).

Рекреационная рурализация в районах степного Крыма пока не достигла впечатляющих результатов. В прошлом рекреационному развитию препятствовали сельскохозяйственная специализация и высокая экономическая занятость сельского населения, в настоящее время налаживанию сельского туризма мешает отсутствие высококачественных рекреационных ресурсов, плохая транспортная доступность и неудовлетворительное состояние благоустройства сел и сельских усадеб. К 2018 г. число владельцев усадеб, предлагающих услуги сельского туризма в Республике Крым и г. Севастополе, превысила 80, однако, большая часть объектов создавалась в приморской зоне (Судак, Коктебель, Черноморский район) и Горно-Предгорном Крыму (Байдарская долина Севастополя, Бахчисарайский, Белогорский, Симферопольский районы) [16].

Оптимизация демографической ситуации и пространственной структуры сельского расселения в Крыму может быть достигнута только в результате реализации комплексных стратегических программ социально-экономического развития региона. Среди приоритетных задач можно обозначить следующие:

—создание новых рабочих мест на селе путем инвестирования в агрохолдинговые объекты и поддержки малого бизнеса в агропромышленной сфере;

—налаживание взаимосвязей между курортами и сельскими населенными пунктами по снабжению высококачественными сельскохозяйственными продуктами и трудовому обеспечению;

—реализация программ агротуризма и сельского зеленого туризма на базе сельских поселений при условиях качественного преобразования социальной и бытовой инфраструктуры и проведения комплекса мероприятий по стимулированию владельцев сельских усадеб к разработке и внедрению туристских и сервисных программ;

—совершенствование транспортной инфраструктуры в сельской местности;

—создание инфраструктуры оздоровительной рекреации и упорядочение застройки прибрежных сел;

—возрождение аутентичной социокультурной среды в сельских населенных пунктах для развития этнографического и этнического туризма;

—создание центров материального и кадрового обеспечения активного и экологического туризма на базе сел, граничащих с особо охраняемыми природными объектами;

—создание в сельской местности комфортной и экологичной жилой среды.

Выводы

Анализ и картографирование многолетней динамики сельского расселения Крыма строился на данных Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Переписи населения в Крымском федеральном округе 2014 г. Авторская карта сельского расселения, разработанная в рамках проекта создания Атласа социокультурных процессов в Крыму, обозначила изменения численности населения сельских населенных пунктов за период 1989–2014 гг. и пространственную дифференциацию административных единиц Республики Крым и г. Севастополь по удельному весу и плотности сельского населения.

Выявлены следующие основные тенденции динамики сельского расселения в Крыму:

—сокращение сети сельских населенных пунктов, депопуляция сел и старение сельского населения;

—наиболее масштабное уменьшение числа жителей в сельских районах степного Крыма вследствие резкого снижения экономической активности в аграрной сфере и оттока трудоспособного населения в города;

—позитивное влияние рекреационной функции на демографическую ситуацию и динамику численности населения сельских поселений приморских и горных районов полуострова;

—изменение структуры сельских населенных пунктов по числу жителей — увеличение удельного веса поселений с числом жителей менее 200 чел. и крупных поселений людностью более 3 000 чел.; высокая концентрация сельского населения в населенных пунктах с числом жителей более 1 000 чел. (73% сельского населения Крыма);

—сохранение неравномерности в распределении сельского населения по территории полуострова: средняя плотность сельского населения варьирует от 200 чел. на 1 км² в городских округах Республики Крым до 20–30 чел. на 1 км² в степных районах и до 10 чел. на 1 км² в Горном Крыму;

—рост удельного веса сельского населения в общей численности населения Крыма (49% в среднем по Крыму в 2014 г.) и отсутствие городских поселений в 10 из 14 муниципальных районов Крыма, что в значительной мере явилось результатом отнесения поселков городского типа к сельским населенным пунктам.

Решение проблемы, связанной с усилением негативных тенденций в динамике сельского расселения Крыма, видится в реализации стратегии социально-экономического возрождения села, в т. ч. модернизации агропромышленного производства; внедрения полифункциональной хозяйственной модели для расширения сферы приложения труда; усилении рекреационных функций сельских населенных пунктов; создании условий для роста качества жизни сельского населения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-05-00725 А.

Литература

1. Ковалев С. А. Сельское расселение (географическое исследование). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953 г. 371 с.
2. Ковалев С. А. Развитие сельского расселения в Советском Союзе // Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география. М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. С. 126–147.
3. Аверкиева К. В. Сельская местность Нечерноземья: депопуляция и возможные пути адаптации к новым условиям // Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география. М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. С. 108–125.
4. Алексеев А. И., Сафронов С. Г. Изменения сельского расселения в России в конце XX–начале XXI в. // Вестник Моск. ун-та. Серия 5. География. 2015. № 2.
5. Алексеев А. И., Сафронов С. Г. Типология сельских населенных пунктов Европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 6. С. 55–61.
6. Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.
7. Пономарева Г. А., Бубякин В. И. Типология сельских поселений Республики Саха (Якутия) по показателям людности // Региональные исследования. 2013. № 2. С. 37–42.
8. Чучкалов А. С., Алексеев А. И. «Новые» сельские населенные пункты — бывшие поселки городского типа // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 5. С. 18–34.

9. Кузнецов М. М. Общественно-географические подходы к гармонизации развития территориальных поселенческо-воспроизводственных систем АР Крым. Автореф. дис... канд-та геогр. наук: Симферополь, 2010. 26 с.
10. Прохорова Е. А., Морозова А. В., Семин В. Н., Казарин Я. О. Анализ и картографирование динамики численности населения полуострова Крым. Материалы Международной конференции «ИнтерКарто. ИнтерГИС». 2016. 22 (1). С. 261–270.
11. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе /Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.
12. Досье: История статистики населения Крыма и Севастополя /в связи с объявление предварительных итогов переписи в Крымском федеральном округе 16 декабря / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.c-inform.info/dossier/id/65>.
13. Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Гос. ком. СССР по статистике. Информ.-изд. отдел. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.
14. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/urban-rural/>.
15. Войтеховский Д. В. Изучение эволюции системы расселения населения региона (на примере Крыма) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/.../uid139992_report.pdf.
16. Яковенко И. М., Лозова Д. В. Сельский туризм как фактор социально-экономического развития Равнинного Крыма // Ученые записки КФУ имени В.И. Вернадского. 2018. Том 4 (70). № 1. С. 80–95.

I. Yakovenko

Analysis and mapping of long-term dynamics of the rural settlement in Crimea

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: yakovenko-tnu@ya.ru

Abstract. *Analysis and mapping of the long-term dynamics of rural settlement in Crimea was based on data from the all-Union population census of 1989 and the population Census in the Crimean Federal district of 2014. The author's map of rural settlement, developed as a part of the project to create an Atlas of socio-cultural processes in the Crimea, indicated the changes in the population of rural localities over the period 1989-2014 and the spatial differentiation of administrative divisions of the Republic of Crimea and Sevastopol by the percentage and density of the rural population.*

The following main trends in the dynamics of rural settlement in the Crimea were identified:

—reduction of the network of rural localities, depopulation of villages and deterioration of the General demographic situation in rural areas of the region;

—the largest decrease in the number of residents was marked in rural areas of the steppe Crimea; its causes were a sharp decline in economic activity in the

agricultural sector and the outflow of able-bodied population to the cities. The situation is less tense in the suburban areas of Simferopol and Sevastopol and the coastal recreational areas of the peninsula;

—positive influence of the recreational function on the demographic situation and population dynamics of rural settlements in the coastal and mountainous areas of the peninsula;

—changing the structure of rural localities by number of inhabitants — increasing the proportion of settlements with less than 200 inhabitants and large settlements with more than 3 000 inhabitants; high concentration of rural population in localities with more than 1 000 inhabitants (73% of the rural population of Crimea);

—continuing unevenness in the distribution of the rural population across the peninsula: the average density of the rural population varies from 200 people per 1 km² in urban districts of the Republic of Crimea up to 20–30 people per 1 km² in the steppe areas and up to 10 people per 1 km² in the Mountainous Crimea;

—the increase in the share of the rural population in the total population of Crimea (49% on average in Crimea in 2014) and the absence of urban settlements in 10 of the 14 municipal districts of Crimea, which was largely the result of the classification of urban-type settlements as rural localities.

The solution to the problem of increasing negative trends in the dynamics of rural settlement of the Crimea is seen in the implementation of the strategy of socio-economic revival of the village. Priority tasks are formulated to optimize the development of the rural settlement system in the region, including the modernization of agro-industrial production; the introduction of a multifunctional economic model to expand the scope of labor; strengthening the recreational functions of rural localities; creating conditions for increasing the quality of life of the rural population.

Keywords: rural settlement, rural locality, spatial structure of the rural settlement system, dynamics.

References

1. Kovalev S. A. Sel'skoe rasselenie (geograficheskoe issledovanie). M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1953 g. 371 s. (in Russian).
2. Kovalev S. A. Razvitie sel'skogo rasseleniya v Sovetskom Soyuze // Voprosy geografii. Sb. 135. Geografiya naseleniya i social'naya geografiya. M.: Izd. dom «Kodeks», 2013. S. 126–147. (in Russian).
3. Averkieva K. V. Sel'skaya mestnost' Nechernozem'ya: depopulyaciya i vozmozhnye puti adaptacii k novym usloviyam // Voprosy geografii. Sb. 135. Geografiya naseleniya i social'naya geografiya. M.: Izd. dom «Kodeks», 2013. S. 108–125. (in Russian).
4. Alekseev A. I., Safronov S. G. Izmeneniya sel'skogo rasseleniya v Rossii v konce XX–nachale XXI v. // Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 5. Geografiya. 2015. № 2. (in Russian).
5. Alekseev A. I., Safronov S. G. Tipologiya sel'skih naselennykh punktov Evropejskoj chasti Rossii v sovremennoj demograficheskoy i social'no-ekonomicheskoy situacii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. 2017. № 6. S. 55–61. (in Russian).
6. Nefedova T. G. Sel'skaya Rossiya na pereput'e: geograficheskie ocherki. M.: Novoe izdatel'stvo, 2003. 408 s. (in Russian).

7. Ponomareva G. A., Bubyakin V. I. Tipologiya sel'skih poselenij Respubliki Saha (YAkutiya) po pokazatelyam lyudnosti //Regional'nye issledovaniya. 2013. № 2. S.37–42. (in Russian).
8. CHuchkalov A. S., Alekseev A. I. «Novye» sel'skie naselennye punkty – byvshie poselki gorodskogo tipa // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2019. № 5. S. 18–34. (in Russian).
9. Kuznecov M. M. Obshchestvenno-geograficheskie podhody k garmonizacii razvitiya territorial'nyh poselenchesko-vosproizvodstvennyh sistem AR Krym. Avtoref. dis... kand-ta geogr. nauk: Simferopol', 2010. 26 s. (in Russian).
10. Prohorova E. A., Morozova A. V., Semin V. N., Kazarin YA. O. Analiz i kartografirovaniye dinamiki chislennosti naseleniya poluostrova Krym. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii «InterKarto. InterGIS». 2016. 22 (1). S. 261–270. (in Russian).
11. Itogi perepisi naseleniya v Krymskom federal'nom okruge /Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. M.: IIC «Statistika Rossii», 2015. 279 s. (in Russian).
12. Naselenie SSSR: Po dannym Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g. / Gos. kom. SSSR po statistike. Inform.-izd. otдел. M.: Finansy i statistika, 1990. 45 s. (in Russian).
13. CHislennost' i sostav naseleniya Ukrainy po itogam Vseukrainskoj perepisi naseleniya 2001 goda URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/urban-rural/>. (in Russian).
14. Vojtekhevskij D.V. Izuchenie evolyucii sistemy rasseleniya naseleniya regiona (na primere Kryma) URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/.../uid139992_report.pdf. (in Russian).
15. YAkovenko I. M., Lozova D. V. Sel'skij turizm kak faktor social'no-ekonomicheskogo razvitiya Ravninnogo Kryma // Uchenye zapiski KFU imeni V. I. Vernadskogo. 2018. Tom 4 (70). № 1. S.80–95. (in Russian).

Поступила в редакцию 27.07.2020 г.

УДК 911.3-027.21 [911.3:316]-027.21

А. Б. Швец¹,
Д. А. Вольхин²

Исчезающие сёла Крымского полуострова как фрагмент в изучении «Иного Крыма»

^{1,2}ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное
подразделение), г. Симферополь, Республика Крым,
Российская Федерация.
e-mail: ¹fusion10@mail.ru; ²lomden@mail.ru

Аннотация. Приводятся результаты статистико-картографического изучения исчезающих сёл Крыма по данным переписей населений 1989, 2001, 2014 гг. Дана характеристика особенностей их динамики, локализации, транспортно-географического положения и типологических свойств.

Ключевые слова: география сельской местности, сельское расселение, исчезающие сёла, картографирование сельского расселения, Крым.

Введение

Процессы поздне- и постсоветской трансформации сельского расселения в различных регионах России происходили с разной интенсивностью, а их результаты и модели заметно отличались [1]. Постсоветская динамика крымских сёл вписывается в типичную схему сокращения сельскохозяйственных функций российских сёл и снижения их людности [2]: «посёлки с производственной функцией» или «прифермские посёлки» (в терминологии С. А. Ковалёва [3]) — «жилые посёлки» (лишены производственных функций) — «посёлки пенсионеров» (населённые пункты, практически лишённые трудоспособного населения) — «исчезающие сёла» — населённые пункты «без населения». Сельские населённые пункты (СНП) Крыма находятся на разных стадиях приведённого ряда. В них разные скорости и характер изменений численности населения и экономических функций. Общая тенденция функциональных преобразований системы сельского расселения Крыма — доминирование селитебной функции сёл, редко дополненной рекреационной, на фоне тотального сокращения производственной сельскохозяйственной функции. В результате длительного действия процессов функционального преобразования сельских территорий Крыма происходит измельчание количественных показателей, характеризующих его систему сельского расселения, переход части сельских населённых пунктов в категорию исчезающих сёл, что нередко завершается их полной деградацией и вымиранием жителей. Наличие исчезающих сёл и рост числа населённых пунктов «без населения» служат маркерами негативного тренда в развитии социокультурных процессов в пределах сельских территорий.

Зонально Крым относится к южным регионам России, для которых в целом характерна густая и крупноселенная система сельского расселения. Однако сравнение результатов переписей населения разных лет показало, что на полуострове рост числа малых СНП, которые можно отнести к категории исчезающих сёл, и населённых пунктов «без населения», имеет постоянный и пространственно расширяющийся характер.

Пространство исчезающих сёл становится новой реальностью той части Крымского полуострова, которую не видит большая часть туристов, приезжающих на отдых в его приморские районы. Эту часть региона можно обозначить геоконцептом «Иной Крым». Геоморфологически он совпадает с равнинными территориями северной, центральной, западной частей Крымского полуострова, а также Керченским холмогорьем. В ландшафтном отношении — это степные пространства, распаханное более чем на 70% и занимающие четыре пятых всей территории Крымского полуострова. Южную границу «Иного Крыма» можно условно провести по линии Евпатория–Саки–Гвардейское–Кировское–Приморский.

«Инаковость» и непохожесть степных территорий полуострова проявляется не столько в их рельефе и ландшафте, сколько в образе жизни людей. Здесь яркая рекреационная функция территории, предмет научной гордости крымских географов и пристального внимания туроператоров, преобразуется в скромную аграрно-производственную, малоинтересную для рекламы сферу ежедневной жизни сотен тысяч людей. «Иной Крым» концентрирует в своих административных пределах более 60% сельского населения полуострова, проживающего на территории 12 муниципальных районов и трёх городских округов.

Занимая периферийное, глубинное географическое положение, эта часть Крымского полуострова остаётся слабоизученной географами с позиций тех преобразований, которые происходили в Крыму до и после 2014 года. После исчезновения колхозного строя ещё в 1990-х годах жители сельской местности степного Крыма лишились устойчивого источника занятости и дохода. Началась длительная трансформация психологии сельского населения, стремящегося преобразовать свой уклад жизни под городские стандарты с неизбежной в этом случае миграцией и проживанием в городах или в непосредственной близости от них. Перекрытие Украиной Северо-Крымского канала обострило в «Ином Крыму» проблему водообеспеченности территории, создав дополнительный фактор перепрофилирования сельского образа жизни. Степные районы Крыма, теряя жителей, остаются главной зерновой житницей полуострова, формируя потенциал его продовольственной безопасности. У «Иного Крыма» появилась новая функция приграничной с украинским государством территории со специфической инфраструктурой и занятостью населения. Здесь происходят подвижки в этнической структуре населения, имевшей до 2014 года повышенный процент украинцев, который в настоящее время сокращается при одновременном росте русского и крымскотатарского компонентов. В «Ином Крыму» концентрируются предприятия химической отрасли, которые имеют проблемы с утилизацией отходов и слабую совместимость с рекреационной функцией Крымского полуострова.

Изложенное выше позволяет сформулировать *цель* данной статьи: провести статистико-картографическое изучение демографического аспекта многоплановых социокультурных процессов в сельских территориях «Иного Крыма» для выявления особенностей их динамики, локализации и типологических свойств на примере исчезающих сёл.

Материалы и методы

Опыт изучения сельских территорий известен в отечественной общественной географии ещё по работе П. П. Семёнова-Тян-Шанского «Мураевенская волость. Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины в России», вышедшей в 1880 году. Фундаментальным трудом по сельскому расселению советского периода, несомненно, является монография С. А. Ковалёва «Сельское расселение (географическое исследование)», изданная в 1963 году.

Учитывая опыт упомянутых исследователей и современные работы по проблематике исчезающих сельских поселений [2; 4–7], а также, принимая во внимание особенности геодемографического пространства Крыма, к категории исчезающих сёл региона были отнесены СНП с численностью населения 50 и менее человек. Сёла этой категории людности, за редким исключением, являются депрессивными, их социум отличается негативными характеристиками воспроизводства населения и его стремительным старением, фактически отсутствующей сменой поколений, активным миграционным оттоком. Подобная демографическая ситуация в отсутствие коренных изменений в численности населения таких малых населённых пунктов необратимо приводит к их исчезновению.

Указанные выше характеристики наглядно иллюстрирует график соотношения категорий СНП по людности и динамики численности их населения (рис. 1). Почти все СНП Крыма людностью до 50 чел. (кроме 6 сёл) имели в межпереписной период 1989–2014 годов сокращающуюся динамику численности населения (темпов роста населения), равномерно распределившуюся по двум интервалам: 0–50% и 51–100%. Заметим, что чем крупнее категория СНП по людности, тем больше сёл этой категории имеют положительную динамику численности населения и небольшие масштабы его сокращения. Показательно, что число таких СНП резко возрастает после прохождения отметки людности в 50 человек. По мнению Т. Г. Нефёдовой СНП с населением свыше 1000 человек обладают относительной демографической устойчивостью [8]. В Крыму граница устойчивости СНП в процессе потери населения находится пока на относительно низких отметках: в пределах категории сёл с людностью от 50 до 100 чел.

Статистической основой данного исследования являются переписи населения Крыма за 1989, 2001 и 2014 годы, результаты которых составили базу данных геоинформационной системы. В исследовании использованы характеристики транспортной доступности исчезающих сёл. Данные для этих характеристик были получены на основе официальной информации автовокзалов и автостанций Крыма, а также сайта по продаже билетов на межселенные и пригородные автобусные рейсы [9]. Изохроны построены из расчёта нормы средней скорости общественного транспорта 35 км/час, закреплённой в Схеме территориального планирования Республики Крым [11], с учётом качества существующей дорожной сети. Авторы осознают, что полученные демографические результаты основаны на статистических данных, учитывающих зарегистрированное население, без его сезонного и незарегистрированного компонента (дачники, рекреанты, отходники и т.д.). Указанные методические недостатки будут со временем нивелированы полевыми исследованиями, которые запланированы на будущее.

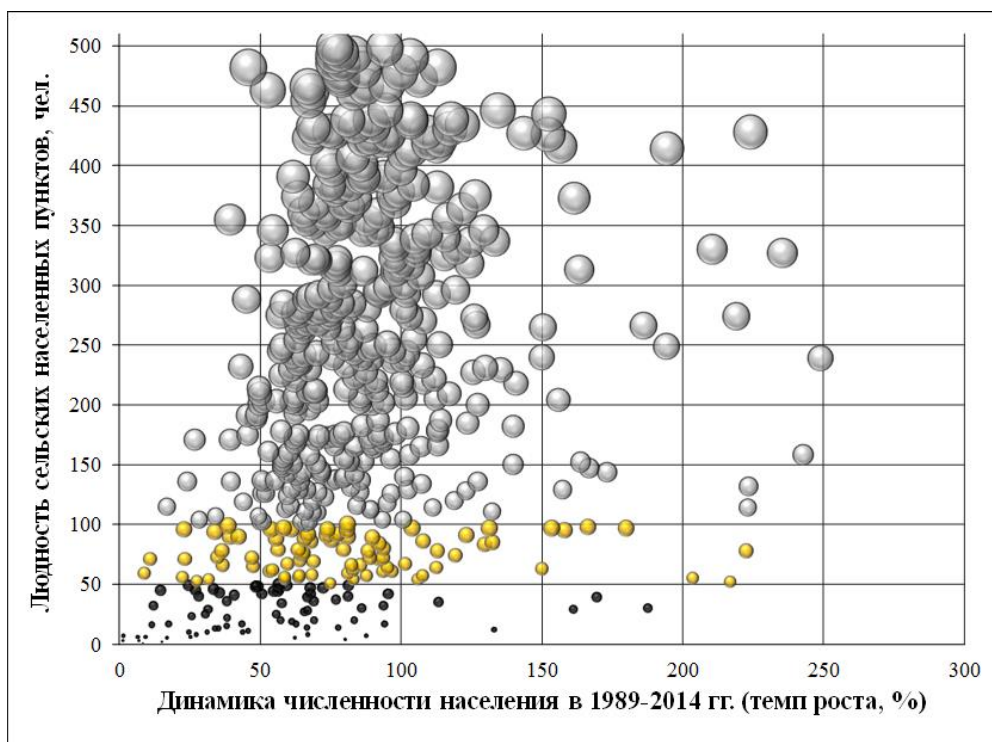

Рис. 1. Динамика численности населения СНП Крыма разной людности
Составлено авторами по данным переписей населения.

Результаты и обсуждение

Место исчезающих сёл в современной системе СНП Крыма можно охарактеризовать следующим образом. По данным переписи населения 2014 г., в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе насчитывалось 11 СНП «без населения» (все расположены в Республике Крым), 76 СНП людностью 1–50 чел. (72 из них расположены в Республике Крым). В совокупности эта категория сёл охватывала 8,3% всех СНП региона (для сопоставления с данными по предыдущим переписям здесь и далее приводятся значения без учёта пгт Крыма, которые после их «административной рурализации» в 2014 году были отнесены к категории СНП).

Крымский рисунок распределения СНП по разным категориям людности существенно отличается от общероссийской структуры. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. [1] в стране на долю сёл «без населения» приходилось 13% всех СНП, на сёла людностью 1–50 чел. 45%. В Крыму сёла людностью 51–100 чел. составляли в означенный выше период 9,4% всех СНП региона — почти аналогично общероссийскому показателю (9%). Более половины (64,7%) СНП Крыма — сёла людностью 101–1 000 чел., а сёл людностью более 1 000 чел. — 16,2%, в то время как в России в целом средние и крупные сёла в количественном выражении имеют меньшее значение (28% и 5,2% соответственно).

В сёлах людностью до 50 чел. в Крыму на момент переписи 2014 г. официально проживало 2 022 чел. или 0,2% всего сельского населения Крыма. В России по результатам переписи 2010 г. эта категория СНП концентрировала 2% населения страны. По сравнению с общей численностью населения Крыма (более

2,3 млн чел.) и общим количеством сельских населённых пунктов (1 042 единицы) рассматриваемая категория сёл выглядит незначительной, играющей малозаметную роль в территориальной организации населения и хозяйства региона. Но необходимость изучения процесса потери сельского населения в наименее людных сёлах становится более очевидной, если рассматривать его динамику (рис. 2). В 1989 г. и 2001 г. в Крыму насчитывалось по 4 населённых пункта «без населения», к 2014 г. их число возросло до 11. По сравнению с двумя предшествующими переписными периодами, перепись 2014 г. показала рост числа исчезающих сёл на 20 единиц (с 56 до 76 СНП). Темп роста количества сёл людностью до 10 чел. за 1989–2014 гг. составил 213% (двукратное увеличение), для сёл людностью 11–50 чел. — 123%, 51–100 чел. — 109%, 101–1 000 человек — 101%, более 1 000 чел. — 51% (двукратное сокращение).

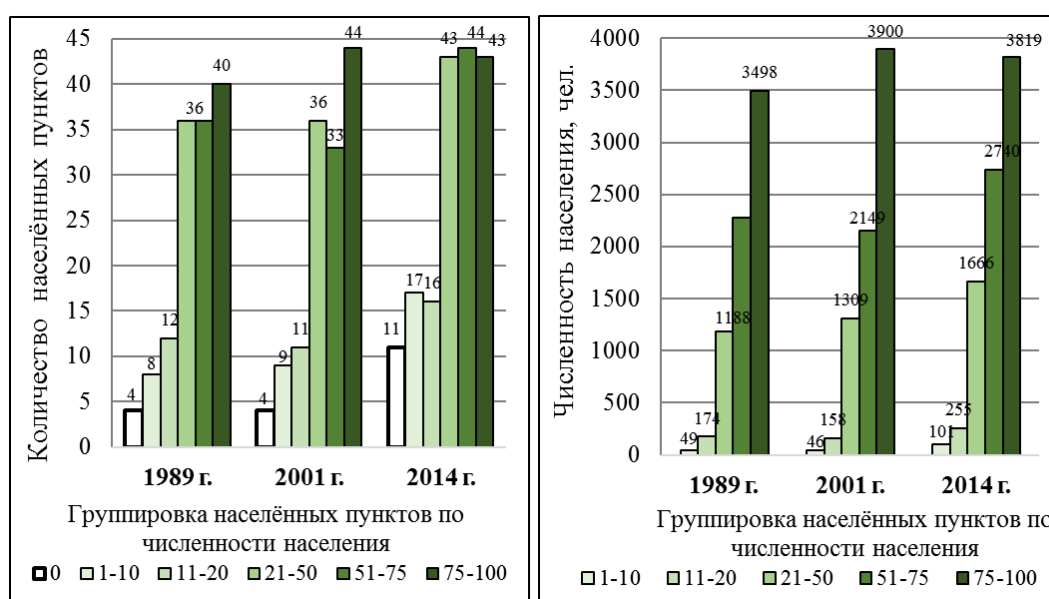

Рис. 2. Динамика количества малых СНП Крыма и численности их населения, 1989–2014 гг.

Составлено авторами по данным переписей населения.

Таким образом, в Крыму за последние 30 лет наметилась устойчивая тенденция *обмельчания* или «поляризации» (по терминологии Н. В. Зубаревич [10]) СНП и *роста* числа малых, в т.ч. исчезающих, сёл. В результате этих процессов происходит переход СНП из одной категории людности в другую. Например, из категории СНП людностью более 51–500 чел. в категорию до 50 чел. в межпереписной период 1989–2001 гг. перешли 12 сёл, в период 2001–2014 гг. уже 32 села, из категории 101–1000 чел. в категорию 51–100 чел. соответственно указанным временным отрезкам 17 и 40 населённых пунктов. Изучение динамики численности населения отдельных сёл обнаружило, что 10 современных сёл Крыма с людностью менее 50 чел. 30 лет назад относились к категории СНП с людностью 100–500 чел. Например, численность населения с. Дорожное (см. 79 — *подпись СНП на картосхемах ниже*) Джанкойского района в 1989 г. составляла 497 чел., а к 2014 г. сократилось до 7 чел., с. Костырино (см. 8) Ленинского района за этот же период сократило людность с 307 чел. до 45 чел.,

с. Привольное (см. 26) Первомайского района — с 263 чел. до 32 чел., с. Знаменка (см. 84) Краснопереконского района — с 259 чел. до 3 чел.

Одной из главных причин обмельчания сельских населённых пунктов в Крыму стала длительная депопуляция населения в регионе. С 1992 года и в течение последующих двадцати лет рождаемость на полуострове снижалась до минимальных значений, увеличивая естественную убыль и старение сельского населения. Если по переписи 1989 г. коэффициент естественного прироста сельского населения Крыма составлял 3,2‰, то в 2001 г. он достиг (-5,6‰); в 2010 г. (-1,1‰); в 2014 г. (-0,1‰); в 2018 г. (-2,5‰). Аналогичный характер имела депопуляция сельского населения в Российской Федерации. В 1990 г. коэффициент естественного прироста сельского населения России составлял 2,3‰, в 2001 г. (-7,3‰); в 2010 г. (-2,1‰); в 2014 г. (-0,1‰); 2018 г. (-2,9‰). Таким образом, вхождение Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г. не изменило общий тренд депопуляции его сельского населения, но позволило отметить значительно более высокие, по сравнению с крымскими, показатели вымирания жителей российских сёл в 1990-е—начале 2000-х годов.

Внутрирегиональные особенности локализации исчезающих сёл. Исчезающие СНП имеются практически во всех административно-территориальных единицах (АТЕ) Крыма, кроме городских округов Симферополя, Армянска, Джанкоя, Керчи, Краснопереконска, Саки и Феодосии. Большая часть исчезающих СНП находится в равнинном Крыму. Лидерами по количеству СНП этой категории являются такие муниципальные районы, как Джанкойский (12 сёл), Ленинский (10 сёл), Белогорский (10 сёл). В Красногвардейском, Раздольненском, Сакском, Симферопольском и Советском районах по 5–7 исчезающих сёл, в остальных АТЕ таких населённых пунктов насчитывается от 1 до 4 единиц в каждом. В муниципальных образованиях низового порядка (сельских поселениях) количество исчезающих сёл составляет не более 3 единиц.

В отдельных муниципальных районах полуострова исчезающие сёла образуют территориальные сочетания (рис. 3.). Их можно обнаружить в Присивашье, на юге Керченского полуострова, в предгорных территориях Белогорского района, на юге Раздольненского и Красногвардейского районов, на стыке Советского и Кировского районов. Остальные исчезающие сёла рассредоточены по территории полуострова. Таким образом, рисунок размещения исчезающих сёл формируется в пределах территорий с разными вариантами географического положения, природных условий, приближенности или удалённости относительно крупных городов и транспортных магистралей.

Нельзя однозначно утверждать, что процесс деградации СНП и превращения их в исчезающие сёла охватил только определённые территории Крыма, резко отличающиеся по условиям социально-экономического развития. Характер этого процесса повсеместен и зависит от скорости и масштабов вымирания сёл. Данное обстоятельство в значительной степени усложняет задачу объяснения феномена исчезающих сёл в Крыму.

В настоящее время существенное влияние на судьбы СНП оказывает их положение по отношению к крупным городам и зонам их влияния. Исследования А. И. Алексеева и С. Г. Сафронова [1, 2] показали, что в современных условиях высокой мобильности населения фактор близости СНП к крупным экономическим и административным центрам превратился в главный фактор их

развития. Для сёл, находящихся в зоне влияния крупных городов, характерно ослабление или утрата традиционной связи жителей сельской местности с сельским хозяйством. Новое современное поколение сельчан, для которых традиционный сельский образ жизни непривлекателен, иначе видит свою судьбу — они переезжают жить в города или осуществляют маятниковую трудовую миграцию и используют родное село лишь как «спальный посёлок». В этой связи важное значение имеет транспортно-географическое положение малых сёл.

На рис. 3. отображены основные показатели транспортной доступности исчезающих сёл относительно административных центров районов и городских округов. Использованы две характеристики: временная транспортная доступность на общественном транспорте и наличие прямого регулярного автобусного сообщения. 14 исчезающих СНП Крыма (18,4% их общего количества) располагаются в области, ограниченной изохронами 60–90 минут. Часовая транспортная доступность административных центров часто является предельной границей комфортных внутрисуточных поездок жителей сёл для удовлетворения потребностей в различных услугах. В этой же границе ещё заметно проявление агломерационного эффекта. Более половины (44 СНП) исчезающих сёл полуострова имеют 30–60 мин. транспортную доступность административных центров. Жители остальных исчезающих сёл для поездки в ближайший административный центр на общественном транспорте тратят не более 30 минут.

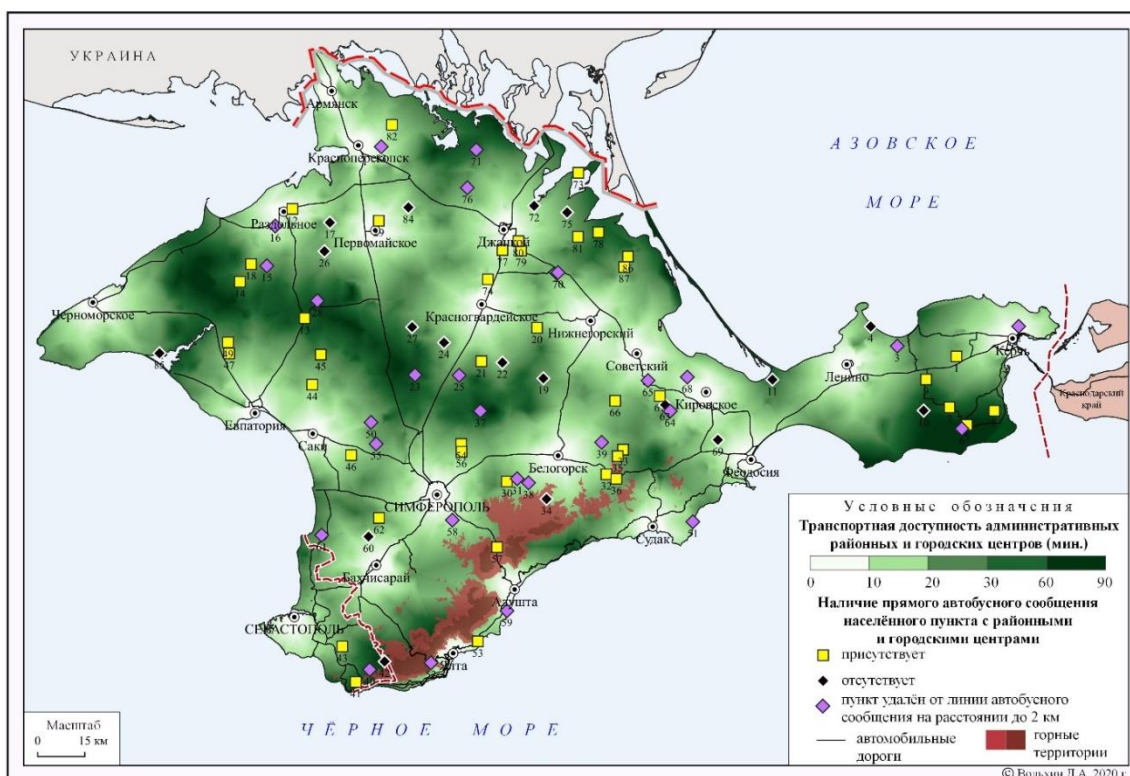

Рис. 3. Транспортная доступность административных центров для исчезающих сёл Крыма, 2020 г.

Составлено авторами по: [9, 11].

Однако, не все сёла Крыма обеспечены прямым регулярным автобусным сообщением. Более 50% исчезающих СНП (39 сёл) не имеют прямого автобусного сообщения с административными центрами, из них 17% значительно удалены от транспортных пунктов, а 34% приходится на сёла, расположенные на расстоянии от автобусных остановочных пунктов не более 2 км. В результате для многих малых сёл региона происходит наложение двух негативных транспортно-географических факторов — их глубинного положения и отсутствия автобусного сообщения.

Весь комплекс факторов развития сёл, их длительное позитивное или негативное влияние неизбежно отражаются на динамике численности населения СНП. Исследуемые исчезающие сёла по динамике численности населения за 1989–2014 гг. были сгруппированы по 4 типам (рис. 4.):

1) исчезающие сёла. Среди 11 СНП Крыма, отнесённых в 2014 г. к статистической категории населённые пункты «без населения», 8 СНП в 1989 году имели зарегистрированное население.

2) сёла, увеличившие людность. Таких в Крыму 6 исчезающих сёл. Численность населения большей части сёл этой категории возросла, но не существенно, за исключением с. Прибрежное (см. 51 на картосхеме) в городском округе Судак и с. Кизилкое (см. 41) в Севастополе, которые фактически с нулевых значений увеличили людность до отметки более 40 человек.

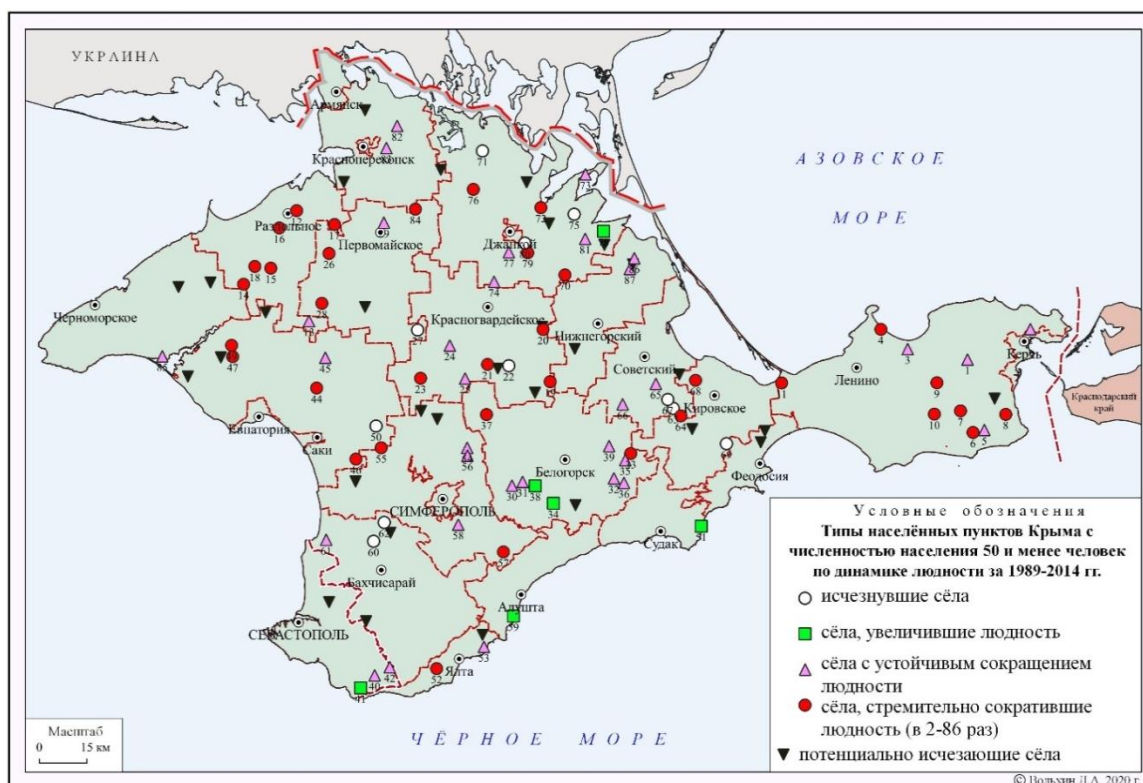

Рис. 4. Типы исчезающих сёл Крыма по динамике численности населения, 1989–2014 гг.

Составлено авторами по данным переписей населения.

3) сёла с устойчивым снижением людности. К данному типу исчезающих сёл отнесены СНП, теряющие свою людность со скоростью близкой к среднему показателю годовой естественной убыли населения в Крыму. Характеристиками данного типа обладают 33 исчезающих села региона разной людности.

4) сёла, стремительно сократившие людность. Исчезающие СНП данного типа за 25 лет межпереписного периода сократили свою людность более чем в 2 раза (от 2 до 86 раз). Исчезающих сёл такого типа в Крыму больше всего — 35 сёл. Большая часть из них имеют наиболее глубинное и неблагоприятное транспортно-географическое положение.

На картосхеме (рис. 4.) отдельным знаком показаны населённые пункты, которые можно отнести к **потенциально исчезающим сёлам** Крыма. Они характеризуются численностью населения близкой к отметке 50 человек и быстрыми темпами её сокращения. С учётом скорости сокращения численности населения в малых населённых пунктах Крыма можно спрогнозировать, что в грядущем десятилетии порядка 25–30 малых сёл перейдут в категорию СНП с людностью менее 50 человек, т. е. пополнят ряды исчезающих сёл региона.

Выводы

Процессы деградации сельского расселения, приводящие к измельчанию и поляризации СНП, потерям их производственных функций и переходу в стадию исчезновения, охватили практически все территории Крыма. За последние три десятилетия в регионе сформировалась негативная тенденция роста числа исчезающих сёл и нарастания угрозы появления новых вымерших населённых пунктов. Наиболее масштабно указанные негативные процессы проявляются в глубинных территориях полуострова, особенно в равнинном Крыму, который мы идентифицируем как геоконцепт «Иной Крым».

Граница устойчивости поляризации и обмельчания сельского расселения Крыма находится пока на невысоком уровне. Угроза перехода в категорию исчезающих сёл может стать реальностью для сельских населённых пунктов полуострова людностью от 100 до 50 чел. Продолжающаяся депопуляция сельского населения способна передвинуть эту границу значительно выше.

В ходе эволюции системы расселения населения в Крыму сформировался такой рисунок размещения сельских населённых пунктов, в котором их большая часть значительно удалена от крупных городов и городских агломераций. Ближайшее окружение Севастополя, Симферополя, Евпатории, Керчи, Феодосии и Ялты характеризуется наименьшим количеством исчезающих сёл. Напротив, в равнинном Крыму севернее условной линии «Евпатория–Саки–Гвардейское–Кировское–Приморский», лишенном крупных городов, где роль административных центров часто выполняют посёлки городского типа, проблема деградации сельского расселения стоит наиболее остро. В связи с этим при решении проблем социально-экономического развития малых сёл важно учитывать благоприятное влияние близости крупных городских поселений на динамику людности СНП и обращать внимание на необходимость улучшения транспортной связности сёл с крупногородскими центрами.

Учитывая исторический опыт сельских регионов России, где процессы вымирания СНП происходили достаточно масштабно, а также закономерности развития сельского расселения в разнообразных географических и социально-экономических условиях этой страны, следует проводить постоянный сравнительный мониторинг социокультурных процессов крымской и материковой части российского сельского пространств. Особое внимание для изучения «Иного

Крыма» следует обратить на его характерные черты, формирующие причинно-следственные комплексы: сфокусированность ключевых документов стратегического социально-экономического развития Крыма на рекреационные центры и регионы, а не на сельские территории равнинного Крыма; сохраняющийся периферийный характер территории равнинного Крыма; продолжающуюся депопуляцию его сельского населения; появление в равнинном Крыму новой территориальной функции, связанной с охраной барьерной крымско-украинской границы.

Задача географов — изучить особенности влияния перечисленных выше характеристик территории «Иного Крыма» на социокультурную динамику различных по людности категорий сельских населённых пунктов этого региона с использованием полевых и дистанционных методов. Возможно, региональные условия потребуют создания особой крымской конструктивной модели повышения эффективности системы сельского расселения в нерекреационных территориях полуострова.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-05-00725 А.

Литература

1. Алексеев А. И., Сафронов С. Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX–начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2015. № 2. С. 66–76.
2. Алексеев А. И., Сафронов С. Г. Типология сельских населённых пунктов европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 6. С. 55–61.
3. Ковалев С. А. Сельское расселение (географическое исследование). М.: Издательство Московского университета, 1963. 371 с.
4. Егоров Д. О., Шурупина В. С. Сельское расселение России: типология территорий по людности сельских населённых пунктов // Региональные исследования. 2018. № 4 (62). С. 4–16.
5. Румянцев И. Н., Смирнова А. А., Ткаченко А. А. Сельские населённые пункты «без населения» как географический и статистический феномен // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2019. № 1. С. 29–37.
6. Ткаченко А. А. О количестве сельских населённых пунктов в Тверской области // Вестник ТвГУ. Серия «География и Геоэкология». 2017. № 3. С. 6–16.
7. Чугунова Н. В., Полякова Т. А. Пространственные особенности размещения и тенденции развития исчезающих сельских населённых пунктов Центрально-Черноземного района // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2019. № 8. С. 143–153.
8. Нефёдова Т. Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 1–12.
9. Билеты на автобусы по всей России [Электронный источник]. Режим доступа: <https://biletik.online/> (Дата обращения 27.06.2020).
10. Зубаревич Н. В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Серия географ. 2013, №3. С.26-38.

11. Схема территориального планирования Республики Крым. Территориальное развитие Республики Крым. Том 2. Книга 9. ОАО «Гипрогор». Москва, 2015. 107 с.

A. B. Shvets¹,
D. A. Volkhin²

Disappearing villages of the Crimean Peninsula as a fragment in the study of the «Other Crimea»

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: ¹fusion10@mail.ru; ²lomden@mail.ru

Abstract. The results of statistical and cartographic study of the disappearing villages of Crimea according to the population censuses of 1989, 2001, 2014 are presented. Rural localities with a population of 50 or less were classified as disappearing villages in the region. Villages of this category of population, with rare exceptions, are depressive, their society is characterized by negative characteristics of population reproduction and rapid aging, virtually no change of generations, active migration outflow.

The characteristics of their dynamics, localization, transport and geographical location and typological properties are given. The article concludes that the processes of degradation of rural settlement, leading to the destruction of villages, loss of production functions of villages and their transition to the stage of extinction, covered almost all the territory of the Crimea.

Disappearing villages can be identified in areas with different variations of geographical location, natural conditions, relative to major cities and highways. In other words, it is impossible to say unequivocally that the process of degradation of rural settlements and their transformation into disappearing villages covered only certain territories of the Crimea that differ sharply in terms of socio-economic development. Over the past three decades, the region has developed a negative trend of increasing the number of disappearing villages and increasing the threat of new extinct settlements. These negative processes are most widespread in the deep territories of the Peninsula, especially in the lowland Crimea.

The characteristic of transport and geographical position of Crimean's disappearing villages relative to administrative centers is given. 18,4% of the region's disappearing villages are located in an area bounded by isochrons of 60–90 minutes. Transport accessibility of administrative centers for more than half of the disappearing villages is 30–60 minutes. Residents of other disappearing villages do not take more than 30 minutes to travel to the nearest administrative center by public transport. As a result, for many small villages in the region, two negative transport and geographical factors overlap-their deep location and the lack of bus service.

The studied disappearing villages were grouped into 4 types according to the population dynamics for 1989–2014:

1) disappeared villages. Among the 11 villages of Crimea, classified in 2014 as a statistical category of localities «without population», 8 villages in 1989 had a registered population.

2) villages that have increased the population. There are 6 disappearing villages in Crimea. The population of most of the villages in this category has increased, but not significantly.

3) villages with a steady decrease in population. This type of disappearing villages includes those that are losing their population at a rate close to the average annual natural population loss in the Crimea. Characteristics of this type have 33 disappearing villages of the region of different population density.

4) villages that have rapidly reduced the number of people. Disappearing villages of this type during the 25 years of the inter-census period reduced their population by more than 2 times (from 2 to 86 times). There are the most disappearing villages of this type in Crimea — 35 villages. Most of them have the most profound and unfavorable economic and geographical location.

Keywords: geography of rural areas, rural settlement, disappearing villages, mapping of rural settlement, Crimea.

References

1. Alekseev A. I., Safronov S. G. Izmenenie sel'skogo rasseleniya v Rossii v konce HKH–nachale XXI veka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. 2015. № 2. S. 66–76. (in Russian).
2. Alekseev A. I., Safronov S. G. Tipologiya sel'skih naselyonnykh punktov evropejskoj chasti Rossii v sovremennoj demograficheskoj i social'no-ekonomicheskoy situacii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. 2017. № 6. S. 55–61. (in Russian).
3. Kovalev S. A. Sel'skoe rasselenie (geograficheskoe issledovanie). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1963. 371 s. (in Russian).
4. Egorov D. O., Shurupina V. S. Sel'skoe rasselenie Rossii: tipologiya territorij po lyudnosti sel'skih naselyonnykh punktov // Regional'nye issledovaniya. 2018. № 4 (62). S. 4–16. (in Russian).
5. Rumyancev I. N., Smirnova A. A., Tkachenko A. A. Sel'skie naselyonnye punkty «bez naseleniya» kak geograficheskij i statisticheskij fenomen // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. 2019. № 1. S. 29–37. (in Russian).
6. Tkachenko A. A. Okolichestve sel'skih naselyonnykh punktov v Tverskoj oblasti // Vestnik TvGU. Seriya «Geografiya i Geoekologiya». 2017. № 3. S. 6–16. (in Russian).
7. Chugunova N. V., Polyakova T. A. Prostranstvennye osobennosti razmeshcheniya i tendencii razvitiya ischezayushchih sel'skih naselyonnykh punktov Centarl'no-CHernozemnogo rajona // Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov. 2019. № 8. S. 143–153. (in Russian).
8. Nefyodova T. G. Faktory i tendencii izmeneniya sel'skogo rasseleniya v Rossii // Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov. 2018. № 7. S. 1–12. (in Russian).
9. Bilety na avtobusy po vsej Rossii . URL: <https://biletik.online/> (27.06.2020).
10. Zubarevich N. V. Transformaciya sel'skogo rasseleniya i seti uslug v sel'skoj mestnosti // Izvestiya RAN. Seriya geograf. 2013, № 3. S. 26–38.
11. Skhema territorial'nogo planirovaniya Respubliki Krym. Territorial'noe razvitie Respubliki Krym. Tom 2. Kniga 9. OAO «Giprogor». Moskva, 2015. 107 s. (in Russian).

Поступила в редакцию 06.06.2020 г.

УДК 910.26

М. В. Грибок¹,
И. А. Рыльский²

Частота просмотров статей русскоязычной «Википедии» о регионах России и её соотношения с этнодемографическими характеристиками субъектов РФ

^{1,2}ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: ¹gribok.marina@gmail.com, ²rilskiy@mail.ru

Аннотация. Собраны данные о частоте и динамике просмотров статей русскоязычной «Википедии» о регионах России. Проанализированы соотношения этого показателя с численностью жителей и долей русского населения в субъектах РФ. Выявлено, что статьи о национальных автономиях просматриваются чаще, чем статьи о тех регионах, где преобладает русское население. Сделан вывод о том, что показатель частоты просмотров статей «Википедии» о субъектах РФ может использоваться в качестве индикатора выраженности региональной идентичности у жителей регионов.

Ключевые слова: Интернет, «Википедия», интерес к регионам России, региональная идентичность, региональное самосознание, субъекты РФ.

Введение

Ссылка на статью сетевой крупноресурсной энциклопедии «Википедия» — wikipedia.org — один из первых результатов запроса с названием любого субъекта РФ в наиболее популярных в России поисковых интернет-сервисах «Яндекс» и Google. По данным на июнь 2020 г., сайт wikipedia.org находится на 10-м месте по посещаемости в России, причём более 70% его посещений происходит при переходах из поисковых сервисов [1]. Огромный уровень популярности русскоязычной «Википедии» указывает на то, что вероятность посещения её страницы о любом субъекте РФ при поиске информации о нём в Интернете весьма высока, а значит, можно с уверенностью предполагать, что данный ресурс является важным фактором формирования представлений о российских регионах у среднестатистического русскоязычного интернет-пользователя [2]. Это означает, что «Википедия», и в т. ч. данные о посещаемости её страниц, представляет собой ценный массив информации для разнообразных исследований в области поведенческой, культурной, социальной и других отраслей географии.

В настоящее время научные работы в области географии, где используются данные о просмотрах статей «Википедии», встречаются крайне редко. Среди них есть, например, исследование интереса к национальным кухням стран Европы [3], пространственный анализ представлений о геноциде евреев [4], исследование осведомлённости пользователей о городах Российской Арктики [2].

Задачами данного исследования являются анализ частоты просмотров статей о субъектах РФ в русскоязычной «Википедии», в т. ч. анализ динамики количества просмотров, а также поиск взаимосвязей между этими характеристиками и этнодемографическими показателями регионов РФ.

Материалы и методы

Для решения поставленных задач авторами собраны данные о среднем ежемесячном числе просмотров статей русскоязычной «Википедии» о каждом из 85 субъектов РФ за период с начала 2016 до конца 2019 года (4 полных года, за которые имеется доступ к данной статистике). Данные получены через сервис pageviews.toolforge.org, являющийся статистическим приложением к сайту wikipedia.org. Результатом обращения к данному сервису является набор данных по интересующей пользователя статье за выбранный период, начиная с 1 июля 2015 года. Набор данных включает общее число просмотров статьи, среднее число просмотров в месяц, число редактирований статьи и количество человек, редактировавших статью в течение выбранного периода. Также результатом запроса является график динамики количества просмотров, который может быть построен либо по дням, либо по месяцам, по выбору пользователя.

Таким образом, результатом сбора данных является таблица с данными о среднем ежемесячном количестве просмотров всех статей о субъектах РФ и сохранённые отчёты с графиками динамики просмотров.

В качестве методов исследования применялись визуальный анализ полученных графиков и построение точечных «облачных» диаграмм для сравнения частоты просмотра статей с другими статистическими показателями субъектов РФ.

Результаты и обсуждение

Сравнение графиков динамики просмотров статей «Википедии» о субъектах РФ за выбранный 4-летний период показало, что можно выделить 3 типа динамики частоты просмотров.

Первый тип — с выраженной сезонной динамикой, которая характеризуется снижением количества просмотров в летние месяцы (прежде всего, в июле и августе) и повышением с другие сезоны года. Такая динамика просмотров наблюдается у статей о Москве, Мурманской области, Новосибирской области, Камчатском крае и некоторых других регионах. Мы предполагаем, что такой тип динамики связан с тем, что в летние месяцы наступают каникулы у студентов и школьников, которые, с большой вероятностью, составляют существенную часть читателей «Википедии», и в особенности — статей о субъектах РФ. Соответственно, летом происходит снижение числа запросов, связанных с учебными целями.

Второй тип динамики частоты просмотров статей «Википедии» о регионах России характеризуется наличием одного или нескольких резких повышений количества просмотров. Причиной всплесков активности читателей как правило являются определённые события, происходящие в регионе, и их активное освещение в СМИ, вызывающее временный повышенный интерес к региону у интернет-пользователей. В основном такими событиями становятся какие-либо крупные чрезвычайные происшествия, но встречаются и события совсем другого характера. Например, всплеск интереса к статье о Республике Дагестан в октябре 2018 года был вызван спортивной победой в смешанных единоборствах уроженца Дагестана Хабиба Нурмагомедова на международном турнире UFC. На некоторое

время Нурмагометов стал одним из самых популярных борцов не только в России, но и в мире [5], а заодно привлёк всеобщее внимание и к своему региону.

Таким образом, какое-либо неординарное событие, относящееся к определённому субъекту РФ, может изменить не только тип динамики частоты просмотров статьи в «Википедии» о данном регионе, но и представления об этом регионе в массовом сознании, дополнить его образ новыми деталями. Выявление подобных событий, влекущих за собой изменения представлений об исследуемых территориях, представляется нам перспективным методом для исследований образов любых географических объектов.

Третий тип динамики частоты просмотров статей «Википедии» о субъектах РФ можно назвать смешанным. Он характеризуется общей неравномерностью интереса читателей к региону, незначительными повышениями количества просмотров статьи и отсутствием явной сезонности. Как правило, такая динамика прослеживается для статей о регионах, частота просмотров которых незначительна и визуализация динамики не даёт достаточно чёткой картины интереса к данному субъекту РФ. Также смешанный тип динамики просмотров наблюдается у статей о регионах, события из которых часто освещаются в СМИ по тем или иным причинам. Пример такого региона — Республика Крым, интерес к которой постоянно повышен благодаря СМИ, но разные новостные сообщения вызывают разные по интенсивности волны общественного интереса к региону.

Отметим также, что помимо статьи «Республика Крым», в «Википедии» также есть и статья «Крым», посвященная полуострову в целом и в первую очередь его природным особенностям. Частота просмотров данной страницы выше, чем статьи о Республике Крым, поэтому результаты анализа нужно рассматривать с поправкой на существование другой статьи о примерно той же территории. Похожая ситуация наблюдается и с некоторыми другими регионами, где территория субъекта РФ большей частью совпадает с территорией природных объектов: Сахалинская область и остров Сахалин, Мурманская область и Кольский полуостров, Камчатский край и полуостров Камчатка. Предположительно, такое «дублирование» страниц «Википедии» уменьшает общее число просмотров каждой из парных статей.

Следующим этапом исследования стал поиск взаимосвязей показателя частоты просмотров статей «Википедии» о регионах с другими статистическими данными по субъектам РФ. Логично предположить, что количество просмотров страниц должно зависеть от численности населения субъектов РФ. Предыдущее исследование, касающееся поискового интереса пользователей Google к регионам России [6], показало, что большинство поисковых запросов о каждом регионе исходят, что логично, от его жителей. Таким образом, можно предположить наличие прямой зависимости между численностью населения региона и частотой просмотров статьи о нём. Проверить это предположение можно при помощи точечной диаграммы, представленной на рис. 1.

Как мы видим, интерес ко многим регионам России действительно может быть взаимосвязан с численностью их населения. Если провести диагональ от нулевой точки диаграммы, мы увидим, что в нижней правой части графика нет ни одной точки. Однако часть диаграммы, расположенная над этой диагональю, выглядит весьма хаотично, а значит, имеются и другие факторы, повышающие интерес русскоязычных интернет-пользователей к статьям «Википедии» о регионах России.

На самом верш диаграммы оказались только республики: Дагестан, Чечня, Татарстан, Башкортостан, Якутия. Более высокий уровень интереса жителей республик и других автономий в составе России вполне ожидаем, т. к. одним из важных факторов выраженности региональной идентичности у жителей регионов является культурно-психологическое единство населения [7], т.е. наличие и осознание уникальных культурных особенностей своего региона и себя как его неотъемлемой части.

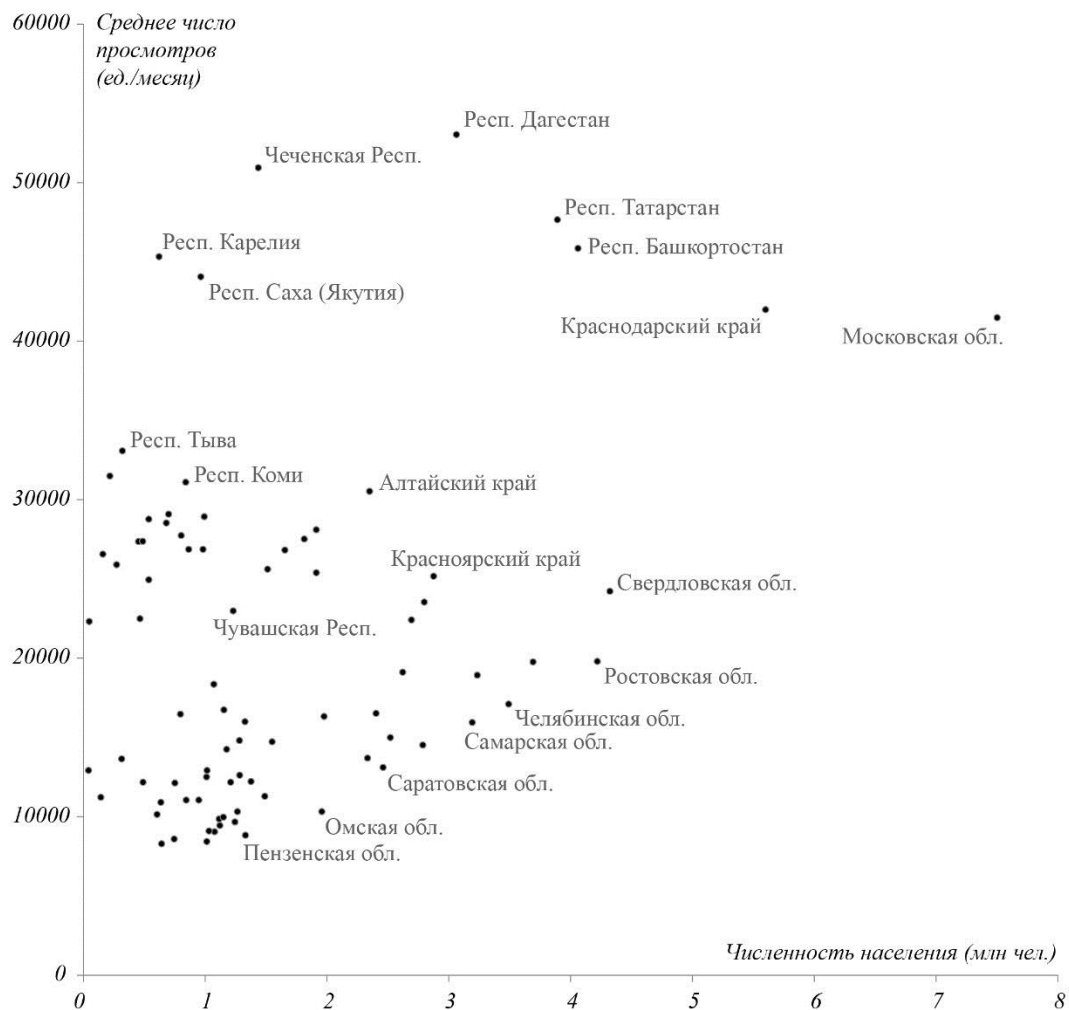

Рис. 1. Соотношение частоты просмотров статей «Википедии» о субъектах РФ в 2016–2019 гг. и численности населения регионов

Составлено авторами

Для проверки гипотезы о том, что интерес к своим регионам выше у жителей национальных автономий, при помощи точечной диаграммы проведено сравнение частоты просмотров статей «Википедии» с показателем доли русского населения в субъектах РФ (рис. 2).

На диаграмме наглядно прослеживается обратная зависимость между рассматриваемыми характеристиками регионов. Своими регионами больше интересуются жители субъектов РФ, где преобладают коренные народы, у которых, в свою очередь, более выражена культурная и этническая идентичность. Таким образом, можно сделать вывод, что показатель частоты просмотров статей

«Википедии» о регионах России может быть использован в качестве индикатора выраженности регионального самосознания или региональной идентичности, которая проявляется в том числе и в системе образования, построенной с более выраженным акцентом на знаниях о своем регионе, и в целом в ценностях и интересах населения, включая поисковые интересы интернет-пользователей.

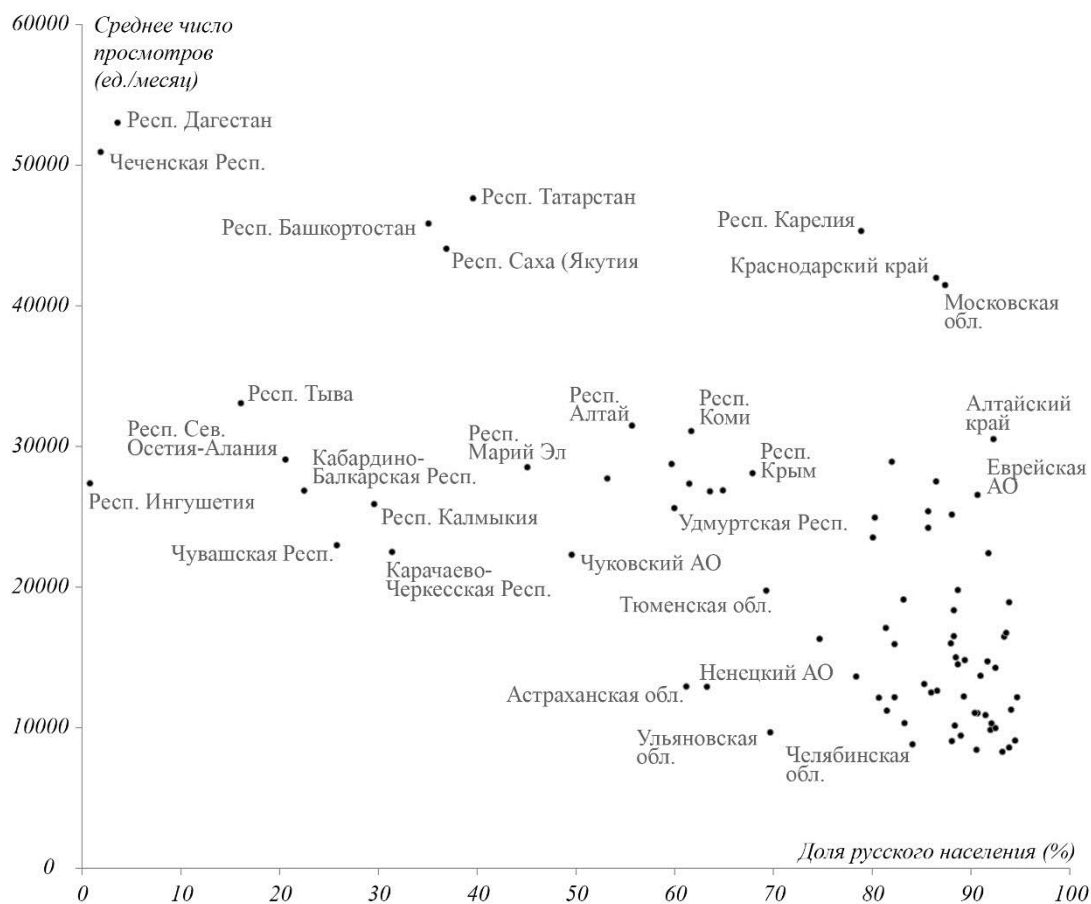

Рис. 2. Соотношение частоты просмотров статей «Википедии» о субъектах РФ в 2016–2019 гг. и доли русских среди населения
Составлено авторами

Выводы

Исследование динамики частоты просмотров статей русскоязычной «Википедии» о регионах России позволяет выявить особенности массовых представлений о субъектах РФ и общественного интереса к ним.

Графики динамики частоты просмотров статей указывают на то, что снижение интереса интернет-пользователей к регионам России нередко наблюдается в период летних каникул, т.е. среди аудитории читателей достаточно велика доля учащихся: школьников и студентов. Таким образом, на частоту просмотров влияют особенности систем образования в субъектах РФ, в т.ч. степень их ориентированности на получение знаний о своем регионе и формирование регионального самосознания у учащихся.

Также фактором повышения внимания к регионам России (а значит, и частоты просмотров статей «Википедии» о них) являются события, освещаемые в СМИ.

Информационные поводы, вызывающие локальные повышения интереса интернет-пользователей к региону, становятся частью его образа в массовом сознании и могут быть выявлены с использованием анализа динамики количества просмотров статьи «Википедии» об исследуемом регионе.

Интерес к статьям о республиках в составе России, как правило, выше, чем о других типах субъектов РФ. Выявлена обратная зависимость между показателем частоты просмотров статей «Википедии» о регионах и долей проживающего в них русского населения. Таким образом, показатель частоты просмотров статей о регионах указывает на степень выраженности региональной идентичности населения субъектов РФ и может использоваться для исследований регионального самосознания.

Литература

1. Topsites by Alexa Internet URL: <https://www.alexa.com/topsites/countries/RU> (Дата обращения 1.06.2020)
2. Грибок М.В., Тикунов В.С. Wikipedia как источник данных для исследований массовых представлений о географических объектах (на примере городов Арктической зоны России) // Известия Русского географического общества. 2019. Т. 151, № 4. С. 49–60.
3. Laufer P., Claudia Wagner C., Flöck F., Strohmaier M. Mining cross-cultural relations from Wikipedia: A study of 31 European food cultures // Proceedings of the ACM Web Science Conference, June 28–July 01, 2015, Oxford, United Kingdom. P. 1–10. DOI: 10.1145/2786451.2786452
4. Tausch A. The Political Geography of Shoah Knowledge and Awareness, Estimated from the Analysis of Global Library Catalogues and Wikipedia User Statistics // Jewish Political Studies Review V. 31. No 1/2, 2020. P. 7–123.
5. Булеца Е.А. Образ спортсмена в медиапространстве: отечественный и зарубежный опыт (на примере UFC) // Информационное пространство современного спорта: социокультурные и лингвистические аспекты: материалы университетской научно-практической конференции. М.: РГУФКСМиТ, 2017. С. 23–29.
6. Грибок М. В., Горбунова Т. Ю. Сервис Google Trends как источник данных для исследования ментальных связей между регионами России // Геополитика и экогеодинамика регионов. 019. Т. 5, № 3. С. 256–263.
7. Назукина М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ. Автореф. канд. дисс. Пермь, 2009. 26 с.

М. V. Gribok¹,
I. A. Rilskiy²

Frequency of articles views in the Russian-language Wikipedia about regions of Russia and its correlation with the ethnodemographic characteristics of the Russian Federation's subjects

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
e-mail: ¹gribok.marina@gmail.com, ²rilskiy@mail.ru

Abstract. Data on the frequency and dynamics of views of Russian-language Wikipedia articles about Russian regions is collected. The ratio of this indicator to the number of inhabitants and the share of the Russian population in the subjects of the Russian Federation is analyzed. We found that articles about national autonomies are viewed more often than articles about regions where the majority of the population is Russian. It is concluded that the indicator of the frequency of views of Wikipedia articles about the subjects of the Russian Federation can be used as an indicator of the expression of regional identity among residents of regions.

Keywords: Internet, Wikipedia, interest in Russian regions, regional identity, regional self-awareness, subjects of the Russian Federation.

References

1. Topsites by Alexa Internet URL: <https://www.alexa.com/topsites/countries/RU> (data obrashcheniya 1.06.2020). (in English)
2. Gribok M. V., Tikunov V. S. Wikipedia kak istochnik dannyh dlya issledovaniy massovyh predstavlenij o geograficheskikh ob'ektah (na primere gorodov Arkticheskoy zony Rossii) // *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2019. T. 151, № 4. S. 49–60. (in Russian)
3. Laufer P., Claudia Wagner C., Flöck F., Strohmaier M. Mining cross-cultural relations from Wikipedia: A study of 31 European food cultures // *Proceedings of the ACM Web Science Conference*, June 28–July 01, 2015, Oxford, United Kingdom. P. 1–10. DOI: 10.1145/2786451.2786452. (in English)
4. Tausch A. The Political Geography of Shoah Knowledge and Awareness, Estimated from the Analysis of Global Library Catalogues and Wikipedia User Statistics // *Jewish Political Studies Review* V. 31. No 1/2, 2020. P. 7–123. (in English)
5. Buleca, E. A. Obraz sportsmena v mediaprostranstve: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt (na primere UFC) // *Informacionnoe prostranstvo sovremennogo sporta: sociokul'turnye i lingvisticheskie aspekty: materialy universitetskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. M.: RGUFKSMiT, 2017. С. 23–29. (in Russian)
6. Gribok M. V., Gorbunova T. Yu. Servis Google Trends kak istochnik dannyh dlya issledovaniya mental'nyh svyazej mezhdru regionami Rossii // *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*. 2019. T. 5, № 3. S. 256–263. (in Russian)
7. Nazukina M. V. Regional'naya identichnost' v sovremennoj Rossii: tipologicheskij analiz. Avtoref. kand. diss. Perm', 2009. 26 s. (in Russian)

Поступила в редакцию 29.06.2020 г.

УДК 911.3:314

С. В. Уставщикова

***Иностранные студенты как стрессор
развития этнодемографической ситуации
в крупных городах — образовательных
центрах России***

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный
исследовательский университет им. Н. Г. Чернышевского»,
г. Саратов, Российская Федерация
e-mail: sveus1@yandex.ru

Аннотация. Образовательная миграция одна из предпочтительных миграций для России. Существуют политические, экономические, демографические причины обучения иностранных студентов в стране. Создана законодательная база для роста числа образовательных мигрантов и перехода их в постоянные жители России. Однако жители, в том числе молодежь городов — образовательных центров рассматривают иностранцев с российскими дипломами как стрессор этнодемографической ситуации в городе. Работодателям и принимающему сообществу ещё предстоит сломать стереотип восприятия мигрантов из Центральной Азии только как низкоквалифицированных рабочих.

Ключевые слова. Образовательная миграция, иностранные студенты, мигранты из Центральной Азии, конкуренты на рынке труда, этнодемографическая ситуация.

Введение

Этнодемографическая ситуация в регионах страны всегда требует пристального внимания властей, исследователей. После распада СССР этнодемографическая ситуация изменялась в регионах России, исходя из различных процессов. Приток и расселение русскоязычного населения из Новых Независимых Государств (ННГ), миграция внутри страны (с востока и севера на запад и юг). Разные этносы страны по-разному принимали участие в этом процессе и определяли регион вселения. Результаты перемещений были зафиксированы в материалах Всероссийской переписи 2002 года. Затем, к иссякающему потоку возвратной миграции из ННГ, прибавилась трудовая миграция из названных стран, но она уже состояла из представителей коренных этносов. Численность трудовых и нелегальных мигрантов колеблется по годам и регионам. Тем не менее, данная миграция повлияла на этнодемографическую ситуацию в регионах. Эти изменения были отражены в материалах Всероссийской переписи населения 2010 года. Присоединение Республики Крым и последующая миграция в регион также изменила этнический состав населения республики. Перепись 2020 года наверняка показала бы усложнение национального состава многих регионов. В последнее время к трудовой миграции присоединилась образовательная миграция из-за рубежа.

Цель исследования обозначить проблему и дать анализ отношения принимающего сообщества российских регионов к иностранным студентам как потенциальным жителям страны.

Мы сталкиваемся с новой действительностью: изменение этнодемографических характеристик населения крупных городов — образовательных центров. Численность иностранных студентов растет, возникает новая реальность во многих городах. И если для Москвы и Санкт-Петербурга это явление не ново, то для многих областных центров это новая действительность и вызов.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили статьи, обзоры, статистические сборники, данные исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), аналитического центра «Левада-Центр», опрос студентов. Методы исследования: системный, анализа и обобщений.

Образовательной миграцией занимается значительное количество исследователей, проблемное поле которых можно разделить на несколько групп:

- исторический аспект (советский и современный периоды) [Голубев В. К. и др., 1994; Выхованец О. Д., 2009; Арефьев А. Л., 2014; Пацукевич О. В., 2019 и др.];

- политические, экономические, социальные, демографические факторы образовательной миграции в Россию [Яхьяев Д. Б. 2016, Габрахманов Н. К. 2019; Лучко О. Н., и др. 2019, Расторгуев С. В. 2019; и др.];

- география поступающих в Российские вузы иностранных студентов [Волох В. А., Гришаева С. А., 2016, Погодаев Н. П., 2018, Юров О. В., 2018, Уставщикова С. В., 2020 и др.];

- адаптация иностранных студентов в вузах различных регионов [Ромеро А. Н., 2008, Киящук Т. В., Киящук А. А., 2010, Шибанова Н. А., Крошечкина Е. Е., 2016; Белозеров В. С., 2017, Ишкинеева Ф. Ф., 2017, и др.]. Большинство исследований основывается на разных методах опроса и интервью иностранных студентов.

Необходимо отметить, что на современном этапе мало исследований, посвященных теме отношения к иностранным студентам принимающего сообщества города. По-видимому, это связано со сложностями социологического обследования горожан. Население крупных городов многонационально. Не экспертам сложно определить: студент россиянин или иностранец (например, студент грузин — гражданин России или Грузии, студент туркмен — гражданин России или Туркменистана). Хорошо определяются только студенты их Африканских стран, Индии, Пакистана.

Результаты и обсуждение

В 2003 году Россия подписала Болонскую декларацию, тем самым сделала шаг к вступлению в европейскую зону высшего образования. Это поспособствовало повышению привлекательности российского образования. Численность иностранных студентов стала расти. В настоящее время в стране утверждён паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». В результате реализации проекта количество иностранных студентов, которые обучаются по очной форме в российских вузах, должно вырасти с 220 тыс. человек в 2017 году до 710 тыс. в 2025 году [1]. 31 октября 2018 г. Президентом РФ был подписан Указ «О Концепции государ-

ственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». Значительное место в ней уделено регулированию образовательной миграции [2].

Далее ставятся цели сглаживания демографической ситуации не просто с помощью миграции, а привлечение в страну высоко квалифицированных специалистов: это молодежь, которая получила высшее образование в России, знает язык, культуру и уже адаптирована и даже интегрирована. Необходимо стимулировать желающих остаться на постоянное место жительства в России (изменение статуса учебного мигранта на «имеющего вид на жительство», допуск на рынок труда после окончания обучения и т.п.). Молодых людей нужно привлекать не упрощенным получением российского гражданства, а упрощенным получением РВП (разрешение временного проживания) и ВНЖ (вида на жительство). С 1 ноября 2019 года упрощается получение ВРП «получившему образование в вузе РФ и являющимся гражданином государства, входившего в состав СССР; потом получить и ВНЖ. Он по новым правилам будет выдаваться бессрочно (ранее выдавался на 5 лет) [3]. 24 апреля 2020 г. Президентом страны был подписан закон, упрощающий процедуру получения российского гражданства для иностранцев [4]. Все эти меры должны и могут привлечь в страну иностранных граждан. Молодые люди, получившие образование в российских вузах, наиболее желанный контингент. Но как относится население различных регионов к данным инициативам.

Международный характер современного образования выражается в росте академической мобильности студентов, в увеличении числа иностранных студентов в российских вузах. Кроме того, численность иностранных студентов — один из важнейших показателей успешности вуза, учитывающийся при формировании рейтинга учебных заведений, как на российском, так и на международном уровне. Каждый вуз стремится привлечь иностранных студентов. В крупных городах страны обычно несколько вузов. Это приводит к тому, что каждый год в Омск, Томск, Новосибирск, Казань, Нижний Новгород, Ставрополь, Волгоград, Астрахань, Саратов и другие города приезжает и поступает от 3 до 7 тыс. иностранных студентов. Простое умножение на 4–5 лет дает значительный иностранный контингент в городе, что осложняет этнодемографическую ситуацию. Высшие учебные заведения должны отдавать себе отчет в том, что иностранные студенты это представители различных культур, которые в определенной мере отличаются от представителей жителей страны пребывания. Принимающее общество далеко не всегда относится к мигрантам положительно. Резиденты могут рассматривать мигрантов как конкурентов, а также связывать с прибытием мигрантов ряд социальных, экономических и других проблем, что может привести к печальным последствиям, находящим свое выражение в проявлении ксенофобии, нетерпимости. Особенно сложными межэтнические отношения могут стать в Северо-Кавказском регионе [5; 6].

Социологические исследования, проведенные в различных вузах и городах страны, выявили следующее. Чаще всего изъявляют желание остаться в России студенты из стран СНГ. «Очень многие, хотя далеко не все, связывают с Россией не только собственное будущее, но и будущее своих детей» [7, с. 31]. Студенты из Африки (есть некоторые исключения из стран Северной Африки), Восточной Европы, Индии и Китая после обучения в большинстве желают вернуться домой или продолжить обучение в США, странах Западной Европы.

Страны лидеры по количеству приезжающих учиться — граждане стран Центральной Азии. Первое место у Казахстана (65,6 тыс. студентов), второе — у Туркмении (27,4 тыс.), третье — у Узбекистана (25,7 тыс.) [8]. Выпускнику российского университета в настоящее время на законных основаниях обеспечивается дальнейшее пребывание в России, выход на российский рынок труда и процесс дальнейшей социализации в принимающем обществе. Возможно, вхождение в более высокие социально-профессиональные слои «специалистов с высшим образованием» и возможности последующей карьеры. Диплом российского вуза предполагает знакомство выпускника с условиями региона России, где он учился, с культурой местного населения, с условиями на местном рынке труда, включенность в местную национальную диаспору.

Наиболее популярные направления для получения образования (профессии) иностранными студентами — «получить медицинское образование стремится 17% от числа всех приезжающих, также популярны специальности: технической направленности — 22%; экономика и управление — 16%; гуманитарно-социальные вузовские программы — 12,2%; русский язык — 11,8%» [9].

По данным ВЦИОМ, к присутствию иностранных мигрантов в большинстве сфер россияне относятся скорее негативно. Наиболее критично настроены респонденты к занятости приезжих в органах местной власти и самоуправления (74% против), правоохранительных органах (69%), образовании (58%), общественном транспорте (58%), медицине (51%). Присутствие приезжих в сфере торговли (продовольственные рынки) не одобряют 40% опрошенных. Более лояльны респонденты к тому, чтобы иммигранты были заняты в сфере услуг (64%), коммунальном хозяйстве (62% относятся к этому скорее позитивно), строительстве (49%). За последние пять лет респонденты стали более позитивно относиться к присутствию мигрантов в ряде сфер — в органах местной власти (с 86 до 74%), правоохранительных органах (с 84 до 69%), образовании (с 81 до 58%), медицине (с 76 до 51%), общественном питании (с 70 до 43%), общественном транспорте (с 68 до 58%) [10].

По показателям опроса Левада-Центра, мнение россиян по вопросу «Готов ли видеть выходцев из Средней Азии среди коллег по работе» — не меняются на протяжении последних 10 лет и очень незначительны (табл. 1).

Таблица 1

Насколько близко вы готовы видеть выходцев из Средней Азии
(% от опрошенных)

	2010, VIII месяц	2018 VII месяц	2019 VIII месяц
Готов видеть их среди членов вашей семьи	1	2	3
Готов видеть их среди ваших близких друзей	1	3	4
Готов видеть их среди соседей	4	6	6
Готов видеть их среди коллег по работе	4	3	4
Готов видеть их среди жителей России	18	19	22
Пускал бы их в Россию только временно	29	30	30
Не пускал бы их в Россию	29	30	29
Затруднились ответить	13	6	4

Составлено по [11].

В Саратове, где сосредоточено большинство областных вузов, ежегодный прием иностранных студентов около 3 тыс. Большинство желающих учиться, студенты из Туркменистана, Казахстана, Ирака, Турции, Нигерии, Индии, Пакистана, Китая. Основная масса студентов живут в общежитиях, которые находятся в центральных районах города. Иностранные студенты хорошо заметны. Они ходят группами, передвигаются городским транспортом, посещают магазины, торговые центры, кинотеатры, мечети. Они лечатся и рожают детей в частных клиниках города. Горожане отличают их от трудовых мигрантов. В своей группе студенты общаются на родном языке, что сразу привлекает внимание. Многие, особенно в первый год проживания, русский знают плохо [12].

Саратовская область имеет серьезные демографические проблемы. Население области многонационально. Регион нуждается в медицинских, педагогических кадрах, работниках сельского хозяйства. Однако, желающие остаться в области иностранные студенты — выпускники вузов не стремятся в сельскую местность. Многие хотят закрепиться в городе, где, даже не работая по специальности, можно найти более высокооплачиваемую работу, чем на родине (по опросу студентов из Туркмении в СГУ). В свою очередь у работодателей всё ещё не сломан стереотип восприятия мигрантов из Центральной Азии только как низкоквалифицированных рабочих. Что касается русскоязычных студентов из Казахстана, то в большинстве своем, после получения образования, они хотели бы остаться в России. В городе российские студенты-выпускники рассматривают иностранцев с высшим образованием как конкурентов на рынке труда. Можно привести обобщенное мнение российских студентов СГУ, полученное в результате опроса на тему: «Рассматриваете ли вы иностранных студентов, получающих высшее образование, как возможных конкурентов на рынке труда?» — «Да. Считаю конкурентом. Мне кажется, важно не откуда приехал человек, не его национальность, а важно насколько хорошим специалистом он является. Человек может быть иностранцем, но хорошо знать русский язык и просто быть более умным, нежели местный житель, с которым он конкурирует».

Выводы

Образовательная миграция одна из предпочтительных миграций для России. Существуют политические, экономические, демографические причины обучения иностранных студентов в стране. Создана законодательная база для роста числа образовательных мигрантов и перехода их в постоянные жители России. Однако жители, в том числе молодежь городов — образовательных центров рассматривают иностранцев с российскими дипломами как стрессор этнодемографической ситуации в городе. Работодателям и принимающему сообществу еще предстоит сломать стереотип восприятия мигрантов из Центральной Азии только как низкоквалифицированных рабочих.

Литература

1. Утверждён паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» [Электронный ресурс]. Режим доступа: // government.ru/news/28013/ (дата обращения: 15.03.2020)

2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 20.03.2020)
3. Упрощения с 1 ноября 2019 года. Для РВП и ВНЖ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://migrantlider.ru/stati/articlepost/uproshcheniya-s-1-noyabrya-2019-goda-dlya-rvp-i-vnzh> (дата обращения: 17.03.2020).
4. Федеральный закон от 24.04.2020 № 134-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» в части упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240038> (дата обращения: 5.05.2020).
5. Белозеров В. С., Щитова Н. А., Чихичин В. В., Соловьев И. А. Иностранные студенты на Северном Кавказе: региональные различия и проблемы адаптации (на примере Северо-Кавказского федерального университета) / Наука. Инновации. Технологии. 2017. № 4. С. 79–92.
6. Чибвур Ш., Симанго Б. Проблемы аккультурации иностранных студентов в России (на примере Чеченского государственного университета). / Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 4 (32). С. 254–258.
7. Савченко И. А. Иностранные студенты в России: условия и барьеры интеграции / Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 4 (110). С. 25–31.
8. ФСБ впервые раскрыла данные о приезжающих на учебу в Россию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/19/08/2019/5d5694d89a79471a151e5e5f26>. 11.2019 (дата обращения 3.02.2020)
9. Обучение иностранных студентов в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://visasam.ru/russia/rabotavrf/inostrannye-studenty-v-rossii.html> (дата обращения 6.05.2020)
10. ВЦИОМ Москва, 10 февраля 2017 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные исследования мнения россиян по вопросам миграционной политики в отношении жителей стран СНГ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9487> (дата обращения 6.05.2020).
11. Общественное мнение 2019. М.: Левада-Центр, 2020 188 с.
12. Самонина С. С. Проблемы получения качественного образования студентами из Республики Туркменистан в Саратовском государственном университете В сборнике: Актуальные вопросы и инновационные технологии в развитии географических наук сборник трудов Всероссийской научной конференции. 2020. С. 234–236.

S. V. Ustavshchikova

Foreign students as a stressor of the development of the ethno-demographic situation in large cities — educational centers of Russia

Saratov State University, Saratov, Saratov, Russian Federation
e-mail: sveus1@yandex.ru

Abstract. Educational migration is one of the preferred migrations for Russia. There are political, economic, demographic reasons for teaching foreign students in the country. A legislative framework has been created to increase the number of

educational migrants and transfer them to become permanent residents of Russia. However, residents, including the youth, of educational centers consider foreigners with Russian diplomas as a stressor of the ethno-demographic situation in the city. Employers and the host community have yet to break the stereotype of perceiving migrants from Central Asia as low-skilled workers only.

Keywords. Educational migration, foreign students, migrants from Central Asia, competitors in the labor market, ethno-demographic situation.

References

1. Utverzhdyon pasport prioritetnogo proekta «Razvitie e`ksportnogo potenciala rossijskoj sistemy` obrazovaniya» URL: [http:// government.ru/news/28013/](http://government.ru/news/28013/)(data obrashheniya: 15.03.2020) (in Russian)
2. Konceptiya gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (data obrashheniya: 20.03.2020) (in Russian)
3. Uproshheniya s 1 noyabrya 2019 goda. Dlya RVP i VNZh URL: <https://migrantlider.ru/stati/articlepost/uproshcheniya-s-1-noyabrya-2019-goda-dlya-rvp-i-vnzh> (data obrashheniya: 17.03.2020) (in Russian)
4. Federal`ny`j zakon ot 24.04.2020 № 134-FZ "O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon "O grazhdanstve Rossijskoj Federacii" v chasti uproshheniya procedury` priema v grazhdanstvo Rossijskoj Federacii inostranny`x grazhdan i licz bez grazhdanstva" URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240038>(data obrashheniya: 5.05.2020) (in Russian)
5. Belozerov V. S., Shhitova N. A., Chixichin V. V., Solov`ev I. A. Inostranny`e studenty` na Severnom Kavkaze: regional`ny`e razlichiya i problemy` adaptacii (na primere Severo-Kavkazskogo federal`nogo universiteta) / Nauka. Innovacii. Teknologii. 2017. № 4. S. 79–92. (in Russian)
6. Chibvura Sh., Simango B. Problemy` akkul`turacii inostranny`x studentov v Rossii (na primere Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta) / Skif. Voprosy` studencheskoj nauki. 2019. № 4 (32). S. 254–258. (in Russian)
7. Savchenko I. A. Inostranny`e studenty` v Rossii: usloviya i bar`ery` integracii / Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 4 (110). S. 25–31
8. FSB vpervy`e raskry`la danny`e o priezzhayushhix na uchebu v Rossiyu URL:<https://www.rbc.ru/society/19/08/2019/5d5694d89a79471a151e5e5f> 26.11.2019 (data obrashheniya 3.02.2020). (in Russian)
9. 9 Obuchenie inostranny`x studentov v Rossijskoj Federacii. URL: <https://visasam.ru/russia/rabotavrf/inostrannye-studenty-v-rossii.html> (data obrashheniya 6.05.2020) (in Russian)
10. VCIOM Moskva, 10 fevralya 2017 g. Vserossijskij centr izucheniya obshhestvennogo mneniya (VCIOM) predstavlyaet danny`e issledovaniya mneniya rossiyan po voprosam migracionnoj politiki v otnoshenii zhitelej stran SNG. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9487> (data obrashheniya 6.05.2020)
11. Obshhestvennoe mnenie. 2019. M.: Levada-Centr, 2020 188 s.
12. Samonina S.\S. Problemy` polucheniya kachestvennogo obrazovaniya studentami iz Respubliki Turkmenistan v Saratovskom gosudarstvennom universitete V sbornike: Aktual`ny`e voprosy` i innovacionny`e tekhnologii v razvitii geograficheskix nauk sbornik trudov Vserossijskoj nauchnoj konferencii. 2020. S. 234–236. (in Russian)

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

УДК 91

Н. А. Иванищева

Пространственные закономерности интеллектуальной миграции населения

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
педагогический университет», г. Оренбург,
Российская Федерация
e-mail: geo_ospu@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается интеллектуальная миграция как фактор, оказывающий влияние на демографические процессы, сбалансированность рынка труда, социально-экономические параметры жизнедеятельности населения. Характеризуются потоки интеллектуальной миграции за последние 30 лет, когда в мире человеческий потенциал развития стал восприниматься непосредственным капиталом. Раскрываются причины «утечки мозгов», территориальные перераспределения студентов, спрос на ученых на международных рынках труда.

Ключевые слова: интеллектуальная миграция, научные кадры, интеллектуальные способности, умственный труд, «утечка мозгов», мобильность, структура эмиграции и иммиграции, международный рынок труда.

Введение

Происходящий переход к информационному обществу, основанному на производстве, распространении и потреблении информации и знаний, изменяет значение интеллектуального труда. «Все большее количество занятых в производительной деятельности людей связывает повышение эффективности своего труда с развитием их интеллектуальных способностей» [1, с. 78]. На современном этапе социально-экономического развития резкое возрастание роли интеллектуальных способностей человека в воспроизводственных процессах выдвигает на первый план проблему эффективного использования интеллектуального труда. В основе инновационного развития лежит процесс применения новых знаний или новое применение существующих знаний, воплощенных в технологии, ноу-хау, новых комбинациях факторов производства, структуре организации и управления производством. В подходах зарубежных и отечественных ученых к анализу способности работника к интеллектуальному труду сделан акцент на знаниях, навыках и практическом опыте, опосредованных творческой активностью на саморазвитие и самореализацию личности в профессиональной деятельности. Основой развития любой территории выступает интеллектуальный труд.

Материалы и методы

Данное исследование пространственных закономерностей интеллектуальной миграции населения базировалось на фундаментальных исследованиях В. Н. Архангельского, Ж. А. Зайончковской, А. Е. Ивановой, В. В. Локосова, Л. Л. Рыбаковского, В. И. Савинкова, Р. Флорида и др., а также данных

Национального научного фонда США, статистических материалах Росстата, результатах социологических опросов Института демографии НИУ ВШЭ.

Результаты и обсуждение

Квалифицированные трудовые ресурсы, характеризующиеся повышенной мобильностью, находятся в постоянном движении, т.е. происходит процесс так называемой интеллектуальной миграции из одного региона в другой. «Утечка мозгов» (англ. *braindrain*) — это интеллектуальная эмиграция научно-технических и других высококвалифицированных специалистов на постоянное (как правило с изменением гражданства) или на временное (длительный срок по контрактам на работу) проживание. Это своеобразный вид международной миграции населения [2].

Миграция квалифицированных специалистов обусловлена различным уровнем экономического и социального развития регионов. Интеллектуальные трудовые ресурсы переезжают в другие регионы, если находят там более высокое материальное вознаграждение, широкие возможности для творчества и саморазвития, более комфортные бытовые условия и др. [3]. Интеллектуальная миграция, в отличие от миграции неквалифицированных кадров, характеризуется тем, что регион, теряя наиболее квалифицированную рабочую силу, по Р. Флориде, ухудшает инвестиционный климат, свое сегодняшнее положение, теряет перспективы развития в будущем [4, с. 130]. Отток интеллектуальной элиты снижает уровень интеллектуального потенциала региона и увеличивает этот показатель в принимающем регионе. По мнению Т. В. Боровиковой, интеллектуальная миграция по своей сути противоречива, с одной стороны, это благо для регионов, где происходит приращение интеллектуального потенциала за счет притока высококвалифицированных трудовых ресурсов, а с другой — ущерб для регионов, где наблюдается их отток и снижается уровень интеллектуального потенциала [5, с. 57].

В России существуют некоторые особенности в развитии процесса интеллектуальной миграции. Во многих исследованиях интеллектуальные эмигранты воспринимаются как «упущенная выгода» для научного потенциала страны. Поэтому создание условий внутри страны для сокращения интеллектуальной миграции становятся приоритетными целями развития. Современные тенденции по увеличению количества интеллектуальных мигрантов не рассматривались бы в России как негативные, поскольку здесь не ощущается дефицит квалифицированных кадров, который обычно сопутствует «утечке мозгов» из карликовых стран, однако вызывает опасение тот факт, что структура мигрантов крайне неоднородна. С начала 1990-х годов наблюдался процесс активного эмигрирования научной элиты и представителей среднего класса населения. После распада СССР, повлекшего за собой ряд сильнейших социально-экономических и политических потрясений, а также крах целых отраслей промышленности, Россия стала типичной страной-донором высококвалифицированных мигрантов. Как следствие, стремительно сокращается численность научного персонала и организаций, выполняющих научные исследования и разработки (рис. 1).

Основными факторами, обусловившими интенсивные процессы «утечки умов» являлись: низкий уровень дохода, политическая нестабильность и социальная незащищенность, ослабленная техническая база большинства научных институтов и отсутствие дальнейших перспектив для научных работников. В этот период Россия играла присущую развивающимся странам роль поставщика высококвалифицированных специалистов для развитых государств мира. Географический вектор интенсивной интеллектуальной эмиграции из России в основном был направлен в такие страны как США, Германия и Израиль. При этом одновременно шла «резэмиграция» научных кадров из стран СНГ — республик бывшего СССР.

На середину 1990-х гг. пришлось максимальное снижение объемов финансирования науки (рис. 2).

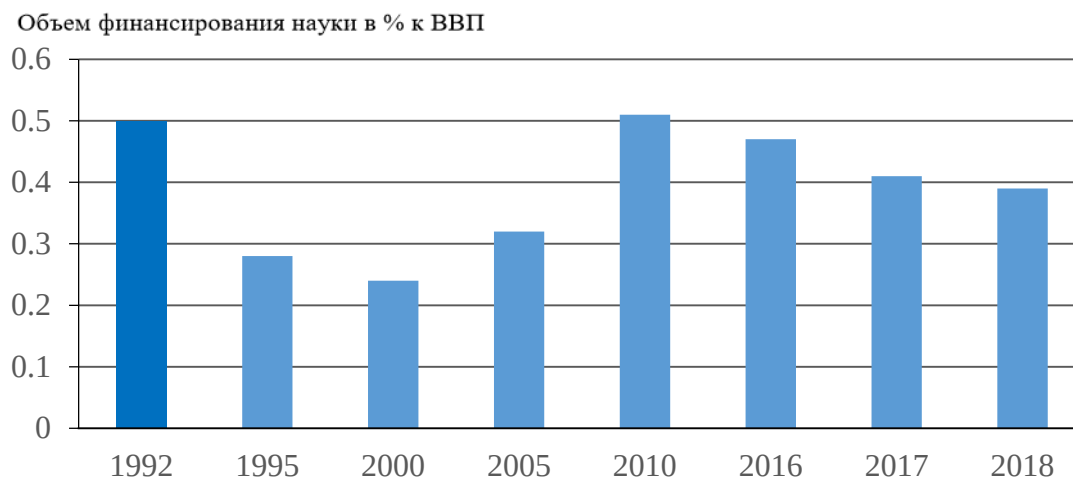

Рис. 2. Объем финансирования науки из федерального бюджета в % к ВВП., Составлено автором по: 6, с. 478-479; 7, с. 509

Величина государственных затрат на науку в России была недостаточна даже для развивающихся стран, не говоря уже о стране, претендующей на ведущую роль в мировой экономике. Безусловно, это напрямую отразилось на

экономическом самочувствии научных работников и только усилило их эмиграционные настроения. По данным Национального научного фонда США, с 1990 г. из России выехало около 70–80% от общего числа математиков, 50% физиков теоретиков и других высококвалифицированных специалистов мирового уровня [8]. Эмиграция ученых из России носит безвозвратный характер и обусловлена, как правило, экономическими мотивами.

Негативной тенденцией также является структура современной миграции в России. Согласно данным Росстата, в страну въезжает в основном неквалифицированная рабочая сила из Украины (около 138 тыс. чел. в 2018 г.), Казахстана (более 72 тыс. чел), Таджикистана (около 68 тыс. чел), Узбекистана (55 тыс. чел), Армении (46 тыс. чел.), выезжают из России квалифицированные кадры в страны ЕС (в Германию — свыше 5 тыс. чел.) и США (1390 чел.) [7]. Таким образом, негативной тенденцией миграционных процессов в России является разнородная структура эмиграции и иммиграции (табл. 1).

Таблица 1.

**Основные показатели внешней (международной) миграции в России
в 1991–2018 гг. (тыс. чел.)**

Год	Иммиграция	Эмиграция	Миграционный прирост	Миграционный оборот
1991	692,2	675,5	16,7	1367,7
1995	866,9	347,4	519,5	1214,3
2000	359,3	145,7	213,6	505,0
2005	177,2	69,8	107,4	247,0
2010	191,7	33,6	158,1	225,3
2015	598,6	353,2	245,4	951,8
2016	575,2	313,2	262,0	888,4
2017	589,0	377,2	211,8	966,2
2018	565,7	440,8	124,9	1006,5

Рассчитано автором по: [6, с. 321; 7, с. 109-110; 9, с. 206].

В настоящее время расширилась география выезда эмигрантов. Кроме стран традиционной эмиграции (США, Израиль, Германии) появились государства новой волны эмиграции — Австралия, Новая Зеландия, Ирландия, Бразилия, ряд стран Ближнего и Среднего Востока, а также Китай и КНДР. Принимающие страны за счет мигрантов получают возможность поднять еще выше уровень экономики, безопасности и престижа на мировой арене. Яркий пример — США, являющиеся несомненным лидером в этой области. Эта страна является самым большим магнитом для интеллектуальной миграции, для специалистов разных областей из разных стран. Во многих странах Западной Европы ужесточены правила иммиграционной политики (например, введено требование сочетать научную деятельность с преподаванием, что предполагает свободное владение языком страны пребывания). Все эти меры создали объективные трудности адаптации иммигрантов к условиям труда. Высокий уровень конкуренции несколько сократил приток научных кадров в европейский регион. Тем не менее, пока притягательными для интеллектуальных мигрантов в Европе остаются Германия, Великобритания, Франция и Финляндия. Для стран, теряющих своих интеллектуалов, явление «утечки умов» проявляется с худшей стороны. Если

миграция является временной, то может приносить пользу стране-донору в форме дополнительного капитала, но по большей части миграция осуществляется на длительные сроки, а зачастую и на всю жизнь. Из-за этого страна теряет часть своего интеллекта, теряет возможность эффективных разработок, подъема экономики и безопасности. Рост мобильности высококвалифицированного кадрового контингента происходит благодаря современной системе связи, разветвленной информационной инфраструктуре, трансграничному характеру социально-экономических процессов, возросшему числу фондов и общественных организаций различного профиля, интенсификации научных обменов [10].

Ряд исследователей проблем новых тенденций международной миграции (С. В. Рязанцев, В. А. Безвербный) пишут о появлении «циркуляционной» миграции, проявляющейся в выезде российских высококвалифицированных специалистов на различные сроки для работы за границей с периодическим возвращением на родину [11]. В подобном режиме многие ученые работают в рамках совместных исследовательских программ, улучшая профессиональные позиции за счет преимуществ, полученных во время пребывания за рубежом. Для страны это более благоприятный вариант эмиграции, чем безвозвратная «утечка мозгов». Кроме того, наблюдается еще одна положительная тенденция. Из стран ближнего и дальнего зарубежья в настоящее время продолжается поток квалифицированных специалистов, который покрывает потери России за счет «утечки мозгов» в экономически развитые страны. Сегодня высшие учебные заведения страны активно принимают на работу ученых мигрантов из республик бывшего СССР. Представители научной интеллигенции, иммигрирующие в Россию из стран Средней Азии и Балтии, могут заменить ученых, уезжающих из России.

В настоящее время можно назвать несколько причин «утечки мозгов» из России.

Во-первых, в стране отмечается высокий процент населения с высшим образованием, что позволяет говорить об интеллектуальных мигрантах как об избыточном факторе производства. Около 30% всего занятого и 18% безработного населения страны составляют лица с высшим профессиональным образованием [12]. С 2010 г. в России уменьшается численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 тыс. чел. населения (в 2010 г. 493 студента на 10 тыс. чел., в 2018 г. — 284), занятых преимущественно интеллектуальным трудом [7, с.188]. Это объясняется сокращением числа государственных и муниципальных вузов, их общее число составляет 500 (в РСФСР в 1991 г. было 514 вузов, в которых обучалось 2,7 млн студентов) и сокращением бюджетных мест [6]. По прогнозу к 2030 г. численность студентов вузов составит примерно 4,2–4,3 млн чел. Число вузов расти не будет, но будет увеличиваться в них число мест. Продолжатся территориальные перераспределения студентов между региональными и столичными (Москва, Санкт-Петербург) вузами. С введением ЕГЭ в начале 2000-х гг. ежегодно растет число выпускников, поступающих в вузы другого региона. Если в 2010–2015 гг. в московские и питерские вузы поступили до 7,5% выпускников школ из регионов, то в последующие годы желающих стало 9%. До введения ЕГЭ таких было не более 2%. В 2018 г. в вузы не своего региона, не считая Москвы и Санкт-Петербурга, поступило более 15% выпускников школ [13]. С 2010–2011 по 2018–2019 учебные годы численность иностранных студентов, обучавшихся по

программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в образовательных организациях высшего образования и научных организациях России возросла на 45% [7, с. 209].

Во-вторых, важной причиной «утечки мозгов» являются сложности для молодого специалиста найти работу, отвечающую его потребностям внутри страны. Молодежь в большей степени подвержена «утечке мозгов» поскольку она, как правило, в лучшей степени владеет иностранными языками, хорошо социализирована и ориентирована на профессиональный рост. В тоже время на рынке труда в России складываются следующие тенденции:

1. Высокий уровень безработицы. По данным Росстата в 2018 г. уровень безработицы среди лиц от 15–29 лет составил 27,6%) [12, с.42].

2. Достаточно большая доля лиц, имеющих высшее образование. В структуре рабочей силы по уровню образования на долю лиц с высшим образованием приходится 33,6% (2018 г.) [12, с.20]. На современном рынке труда постоянно возрастает спрос на специалистов высшей квалификации, способных создавать интеллектуальные продукты и услуги. Данный процесс имеет место в большинстве регионов России, однако его темпы различны. Наряду с лидером Москвой «центрами притяжения» высококвалифицированных трудовых ресурсов являются Санкт-Петербург на Северо-Западе; Екатеринбург на Урале; Красноярск, Новосибирск, Тюмень, Барнаул в Сибири; Владивосток и Хабаровск на Дальнем Востоке и ряд других крупных городов.

3. Сложность первичного трудоустройства. Не востребованность специалиста высокой квалификации приводит к миграции в зарубежные страны, где в хорошо отлаженной наукоемкой среде он может реализовать свои интеллектуальные ресурсы. Требуется создание необходимых условий для удержания и привлечения новых специалистов и особенно молодежи в российскую науку, в том числе путем предоставления жилья, увеличения зарплат и стипендий, создания новых перспективных научных школ и направлений, повышения престижа научной деятельности. Сегодня на рынке наиболее востребованы специалисты в научных дисциплинах, определяющих основные тенденции развития современной науки и технологии (физика, математика, вычислительная техника, биология, химия, медицина, космические исследования). Соответственно, рынок реагирует на такой спрос, определяя структуру интеллектуальной эмиграции.

4. Высокая конкурентоспособность на рынке труда. Факторами, определяющими рост научно-технического потенциала национальной экономики являются: степень обеспеченности страны (региона) научными кадрами соответствующей квалификации; постоянное увеличение уровня финансового обеспечения научной деятельности; наличие достаточного количества научно-технических учреждений и организаций, занятых научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами (НИОКР); эффективная система управления наукой и постоянное совершенствование системы информационного обеспечения научной деятельности. Для обеспечения устойчивых темпов экономического роста, повышения уровня благосостояния населения необходимо создавать благоприятные условия для удержания интеллектуальных ресурсов в своем регионе [14, с. 42].

5. Большая доля лиц с нестандартными видами занятости (работа на дому, работа по требованию).

В-третьих, причиной «утечки мозгов», на наш взгляд, является низкая коммерциализация интеллектуальной и нематериальной собственности, что не позволяет достойно оценивать результаты интеллектуального труда. На долю нематериальных активов приходится не более 0,37% (2018 г.) имущества отечественных крупных и средних предприятий (активы крупных и средних предприятий составили 152 718 млрд руб., а нематериальные активы — 440 млрд руб. в 2018 г.) [15]. Заказчиками разработок ученых, наряду с государством, роль которого постепенно уменьшается, становятся негосударственные фонды, частные структуры, акционерные общества. Трансформация науки в этом направлении создает благоприятные условия для взаимовыгодного сотрудничества с зарубежными научными центрами и фирмами, производящими наукоемкую продукцию, что позволит стабилизировать научные разработки в России и затем обеспечит их рост.

Выводы

Все вышесказанное свидетельствует о том, что пространственные закономерности интеллектуальной миграции населения выступают движущей силой экономической глобализации и одновременно ее результатом. Сегодня на постоянное место жительства в зарубежные страны продолжают уезжать квалифицированные специалисты, молодежь с высоким уровнем образования, что ведет к ослаблению научного, творческого и экономического потенциала России. «Утечка мозгов» — как внешняя (т.е. интеллектуальная эмиграция), так и внутренняя (массовая профессиональная переориентация российских ученых) — влечет за собой серьезные потери в экономике и социальной сфере страны. Миграционная политика России на ближайшую перспективу должна быть направлена не только на привлечение высококвалифицированных мигрантов из-за рубежа, но и на дальнейшее снижение масштабов «утечки мозгов» из страны.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Добросвет, 2000. 198 с.
2. Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов. М.: Изд-во РГСУ; Академический проект, 2007. 472 с.
3. Миграционные процессы в России / под ред. В. В. Локосова и Л. Л. Рыбаковского. М.: Экон-информ. 2014. 383 с.
4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI века, 2005. 430 с.
5. Боровикова Т. В. Интеллектуальный труд и интеллектуальная миграция в инновационном развитии регионов: единство противоположностей // Вестник РМАТ. 2018. № 2. С. 54–62.
6. Российский статистический ежегодник. 2010. М.: Росстат, 2010. 694 с.
7. Российский статистический ежегодник. 2019. М.: Росстат, 2019. 708 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 11.05.2020).
8. Православное информационное агентство Русская линия. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rusk.ru/svod.php?date=2002-06-20> (дата обращения: 25.04.2020).

9. Демографический ежегодник России. 2019: стат. сб. М.: Росстат, 2019. 252 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения: 06.05.2020).
10. Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л. Результативность демографической политики России. М.: Экон-Информ, 2016. 307 с.
11. Рязанцев С. В., Безвербный В. А. Международная интеллектуальная миграция в России: тенденции и последствия // Вестник РУДН. Сер. Экономика. 2009. № 2. С. 16–23.
12. Труд и занятость в России. 2019: стат. сб. М.: Росстат, 2019. 135 с. (дата обращения: 07.05.2020).
13. Официальный сайт Института демографии НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.hse.ru/demo>.
14. Шульц Т. Вложения в человеческий капитал: роль образования и научных исследований. М.: ИНФРА-М, 2010. 279 с.
15. Нилов Г. С. Способы коммерциализации объектов интеллектуальной собственности // Экономика региона. 2019. № 3. С. 21–28.

N. Ivanishcheva

Spatial patterns of intellectual migration

Orenburg State Pedagogical Universit,
Orenburg, Russian Federation
e-mail: geo_ospu@mail.ru

Abstract. *The article considers intellectual migration as a factor influencing demographic processes, the balance of the labor market, and the socio-economic parameters of the life of the population. The flows of intellectual migration are characterized over the past 30 years, when in the world the human development potential began to be perceived by direct capital. The reasons for the brain drain, the territorial redistribution of students, the demand for scientists in international labor markets are revealed.*

Keywords: *intellectual migration, scientific personnel, intellectual abilities, mental labor, brain drain, mobility, structure of emigration and immigration, international labor market*

References

1. Bell D. The coming post-industrial society. M.: Dobrosvet, 2000. 198 s.
2. Yudina T. N. Migration: a dictionary of basic terms. M.: Publishing house of the Russian State Social University; Academic project, 2007. 472 s. (in Russian)
3. Migration processes in Russia / ed. V.V. Lokosova and L.L. Rybakovsky. M.: Econ-inform. 2014. 383 s. (in Russian)
4. Florida R. Creative class: people who change the future. M.: Klassika of the XXI century, 2005. 430 s. (in Russian)
5. Borovikova T. V. Intellectual work and intellectual migration in the innovative development of regions: the unity of opposites // Vestnik RMAU. 2018. № 2. S. 54–62. (in Russian)
6. Russian statistical yearbook. 2010. M.: Rosstat, 2010. 694 s. (in Russian)

7. Russian statistical yearbook. 2019. M.: Rosstat, 2019. 708 s. URL: <http://www.gks.ru> (accessed date: 05/11/2020) (in Russian)
8. Orthodox news agency Russian line. URL: <http://www.rusk.ru/svod.php?date=2002-06-20> (date of access: 04.25.2020). (in English)
9. The demographic yearbook of Russia. 2019: stat. Sat M.: Rosstat, 2019.252 s. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (accessed 05.06.2020) (in Russian)
10. Ryazantsev S. V., Bezverbny V. A. International intellectual migration in Russia: trends and consequences // Vestnik RUDN. Ser. Economy. 2009. No. 2. S. 16–23. (in Russian)
11. Labor and employment in Russia. 2019: stat. Sat M.: Rosstat, 2019.135 s. (Date of access: 07.05.2020) (in Russian)
12. Arkhangelsky V. N., Ivanova A. E., Rybakovsky L. L. The effectiveness of Russia's demographic policy. M.: Econ-Inform, 2016.307 s. (in Russian)
13. The official website of the Institute for Demography, HSE. URL: <https://www.hse.ru/demo> (in Russian)
14. Schulz T. Investments in human capital: the role of education and scientific research. M.: INFRA-M, 2010.279 s. (in Russian)
15. Nilov G. S. Methods of commercialization of intellectual property // Economy of the region. 2019.No 3. S. 21–28. (in Russian)

Поступила в редакцию 06.07.2020 г

DOI: 10.37279/2309-7663-2020-6-3-106-115

УДК 911.9

Н. В. Чугунова¹,
Д. Н. Морковская

Региональные столицы Центрально-Черноземного района в стратификации экистического пространства

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород,
Российская Федерация
e-mail: ¹Chugunova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены ретроспективные изменения системы городского расселения Центрально-Черноземного района, трансформировавшие урбанистическую и демоурбанистическую структуры областей. Выявлено гипертрофированное развитие региональных столиц, формирование на их основе региональных метрополисов, доказано неустойчивое состояние больших и средних городов, деградация малых, наличие негармоничной пропорции системы расселения. Установлено, что основополагающим фактором неравномерного, усиливающегося поляризованного развития городов является столичный статус, малые города и села остаются источниками роста численности населения региональных метрополисов.

Ключевые слова: Центрально-Черноземный, население, метрополисы, структура, урбанистическая, демоурбанистическая, развитие, гипертрофированное.

Введение

В территориальной организации современного российского общества ключевое место занимают центры субъектов Российской Федерации — региональные метрополисы, изменяющие систему расселения (и территориальную структуру экономики). В городском расселении трансформируются урбанистическая и демоурбанистическая структуры, в сельском расселении сокращается численность населения, меняется его локализация. Возникает экистическое (и социально-экономическое) неравенство. Низкий уровень жизни населения малых городов и сельской местности активизирует миграционные процессы окраинных территорий и, как следствие, меняет демографический потенциал, конфигурацию расселения. В поступательном развитии общества наиболее уязвимым стало население малых городов и сельских населенных пунктов за пределами метрополисных ареалов.

Информации по процессам метрополизации в регионах недостаточно. Можно отметить семинар в Институте географии РАН [1], работы географов-обществоведов [2; 3]), исследователей других научных направлений, изучающих вопросы территориальной организации общества [4; 5]. Факторы неравномерного развития российских городов представлены в работе [6], «сгущение» населения вокруг развивающихся городов Крыма в статье [7].

Цель исследования — выявление ретроспективных изменений структуры городского расселения, сдвигов в урбанистической и демоурбанистической

структурах областей Центрально-Черноземного района, определение степени устойчивости разных классов людности городов.

Материалы и методы

Исследование опирается на материалы Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [8].

Под региональной метрополией (метрополисом) понимается главный город конкретной территории, центр политической, экономической жизни с повышенной концентрацией городского населения. Метрополизация — процесс развития метрополии, пространственного доминирования столичного центра, результат развития урбанизации. Классификация городов по величине (людности) приведена по Г. М. Лаппо (1997), в известной мере совпадающая с типологией: малые, средние, большие, крупные, крупнейшие (в составе крупнейших — города-миллионеры).

Под урбанистической структурой понимается соотношение количества городских поселений различных категорий людности, под демоурбанистической структурой — распределение проживающего в них населения.

В работе применены территориальный, исторический научные подходы.

Решение основных задач работы достигнуто применением методов пространственно-временного и системного анализов, статистических.

Результаты и обсуждение

Динамика структуры городского расселения

Сеть городов Центрально-Черноземного района формировалась в результате заселения, хозяйственного освоения и расширения территории российского государства. Часть современных городов района — Белгород, Короча. Новый Оскол, Острогожск, Воронеж, Усмань, Мичуринск (Козлов), Тамбов — сохранившиеся города (крепости) Белгородской черты [9], играющие в современной жизни общества разные по значимости роли.

Расселение крайне инерционно и долговременные тенденции в динамике численности населения отразились на трансформации расселения. Центрально-Черноземный район небольшой по численности населения регион — 7,1 млн чел. (01.01.2020 г.) с характерной для многих регионов страны стойкой длительной тенденцией сокращения численности населения в результате миграционных оттоков и естественной убыли населения (последних десятилетий).

В советский период, главным образом, во время индустриализации, совпавшей с урбанизацией в регионе [10], численность городского населения увеличивалась во всех классах людности городов, в постсоветский период большинство городов охватила депопуляция за исключением областных центров — метрополисов — центров удовлетворения потребностей населения — экономических, социальных, образовательных, научных, правовых. Тренд концентрации населения в больших городах, региональных центрах стал отражением закономерностей современных процессов урбанизации, трансформации системы расселения, изменившей модели развития городских сетей.

Оценить характер развития городских сетей позволяет анализ формирования урбанистической и демоурбанистической структур.

Урбанистическая структура

Фундамент территориальной урбанистической структуры ЦЧР создавался многими столетиями. На закате социализма произошли незначительные изменения структуры с образованием новых городов — Курчатова (1983 г.) Курской, Нововоронеж (1987 г.) Воронежской, Строитель (2000 г.), Бирюч (2007 г.) (преобразован из городского поселка Красногвардейский — дань историческому прошлому города) Белгородской областей.

Абсолютное большинство городов (75%) представлено малыми по людности городами с высокой долей монофункциональности, «страдающих от экономических и социальных изъянов», не развившихся в полифункциональные центры, «не сделавших карьеру» [11, с. 21]. Урбанистическую структуру района отображает таблица 1.

Таблица 1

Урбанистическая структура Центрально-Черноземного района РФ
(число городов)

Годы	Людность городов					Всего городов
	Малые	Средние	Большие	Крупные	Крупнейшие	
1979	36	5	3	3	1	48
1989	35	7	3	4	1	50
2010	39	6	2	3	2	52
2019	39	5	3	3	2	52

Составлено по: [12].

Анализ урбанистической структуры свидетельствует о «рокировке» рангов городов. Класс «крупнейшие» города длительное время был представлен одним городом — Воронежем, к 2010 г. состав пополнен Липецком, «крупные города» в XXI веке неизменны: Белгород, Курск, Тамбов.

Центрально-Черноземный район один из немногих в стране с наличием в городской сети «второго» города [13] в Белгородской области. Город-противовес Белгорода — Старый Оскол, обязанный бурным развитием строительству странами СЭВ электрометаллургического комбината уникальной технологии в 70-80-х гг. XX столетия, «фактор» [14] успешного социально-экономического развития Белгородской области. Развитие «второго» города привело к формированию полицентричной метрополизации Белгородской области.

Процессы урбанизации, центростремительные процессы миграционного движения населения многих десятилетий изменили не только урбанистическую, но и демоурбанистическую структуру областей ЦЧР.

Демоурбанистическая структура

Динамика численности и доли населения городов в демоурбанистической структуре свидетельствуют об аккумуляции населения крупными и крупнейшими городами (областными метрополисами) (табл. 2).

Таблица 2

**Демоурбанистическая структура областей Центрально-Черноземного
района РФ 1979–2019 гг.**

Людность городов	1979 г.		1990 г.		2010 г.		2019 г.	
	тыс. чел.	в %	тыс. чел.	в %	тыс. чел.	в %	тыс. чел.	в %
Белгородская область								
Крупнейшие	—	—	—	—	—	—	—	—
Крупные	240	43	304	43	356	42	392	45
Большие	115	20	177	25	221	26	224	25
Средние	65	12	74	10	89	10	86	10
Малые	141	25	159	22	182	22	175	20
Суммарная численность	561	100	714	100	848	100	877	100
Воронежская область								
Крупнейшие	783	68	890	71	890	68	1054	72
Крупные	—	—	—	—	—	—	—	—
Большие	—	—	—	—	—	—	—	—
Средние	120	11	126	10	179	14	178	13
Малые	233	21	243	19	233	18	224	15
Суммарная численность	1136	100	1259	100	1302	100	1456	100
Курская область								
Крупнейшие	—	—	—	—	—	—	—	—
Крупные	375	69	426	65	415	64	449	67
Большие	—	—	—	—	—	—	101	15
Средние	65	12	87	13	95	16	—	—
Малые	103	18	147	22	131	20	121	18
Суммарная численность	543	100	660	100	641	100	671	100
Липецкая область								
Крупнейшие	—	—	—	—	508	68	509	69
Крупные	396	62	486	65	—	—	—	—
Большие	112	18	120	16	108	14	105	14
Средние	—	—	—	—	—	—	—	—
Малые	129	20	142	19	131	18	128	17
Суммарная численность	637	100	748	100	747	100	742	100
Тамбовская область								
Крупнейшие	—	—	—	—	—	—	—	—
Крупные	270	47	306	48	280	50	290	53
Большие	102	18	122	19	—	—	—	—
Средние	—	—	51	8	98	18	94	17
Малые	202	35	164	25	179	32	168	30
Суммарная численность	573	100	643	100	557	100	552	100

Составлено и рассчитано по: [15].

Областным метрополисам принадлежит ведущая роль в расселении, формировании макрополизации. Динамичная концентрация демографического потенциала в крупных и крупнейших городах носит устойчивый характер, и лишь Тамбов в XXI в. выпадает из списка успешных в демографическом плане столиц, находясь в стадии неустойчивого равновесия. Региональные метрополисы концентрируют от 45% (Белгород) до 72% (Воронеж) населения городов области, подтверждая этим фактом закономерности современной «эпохи крупных городов». Однако, несложные вычисления отношения численности населения столицы к численности населения области (Воронеж, 45%; Курск, 41%; Липецк, 45%) доказывают сверхгипертрофированное развитие данных областных центров и свидетельствуют об отсутствии гармоничной пропорции в региональных системах расселения. Расчеты по Белгородской и Тамбовской областям (25% и 28% населения в метрополисах) указывают на гипертрофированное развитие столиц, слабое гармоничное развитие городского расселения, поскольку также далеки от стандарта в 7–14% [16].

Неустойчивость развития свойственна «большим» по классификации людности городам района: они находятся или в стадии стагнации (Старый Оскол, Елец, или перешли в статус «средних» (Мичуринск).

Самое сложное положение у малых городов. Экспедиционные обследования показали, что в малых городах стандарты качества жизни и городской среды не отвечают требованиям: отсутствие современного производства, достойной работы, низкий уровень благоустройства становятся веским основанием поменять место жительства на крупный, привлекательный по многим показателям город. Деградация малых городов увеличивает поляризацию расселения.

Поляризация городских сетей

Пространственные градиенты поляризации между региональными метрополисами, их пригородами и внеагломерационным пространством увеличиваются. Основопологающим фактором неравномерного развития городов регионов является столичный статус, а затем уже функции, диверсификация деятельности. По оценкам ряда исследователей, межгородское неравенство значительно превышает диспропорции между субъектами РФ [17; 18]. Концепция поляризованного развития (развитых стран), пришедшая на смену концепции гомогенного, или равномерного развития не только регионов, но и городов перенесена на российскую почву. Выравнивающее развитие, по современным взглядам, понимается не как равномерное «диффузионное» распределение государственных капиталовложений, а как механизм создания ускоренного роста, приоритета развития стратегических территорий — «локомотивов роста». «Локомотивами роста» стал статус города-столицы, он же — один из основных факторов усиления неравномерного развития городов. Столицы регионов в системе расселения оказались в более выгодном положении по сравнению с другими городами в связи с диверсифицированной экономикой, концентрацией финансовых, человеческих, институциональных ресурсов и этот разрыв между рангами городов возрастает, что отчетливо проявляется в диспропорциях регионального социально-экономического развития [19]. Дивергенция траекторий крупных городов (метрополисов) и малых выступает в качестве барьера модернизации экономики регионов, их инновационного развития.

Региональные столицы оказываются в более выгодном положении еще и потому, что институты власти субъектов РФ благоустраивают городскую среду

метрополисов в ущерб остальным городам. Принятые на перспективу Концепции, Стратегии пространственного развития регионов акцентируют внимание на развитии агломераций и крупных городов как центров роста [20]. Сельское расселение остается практически вне внимания Проектов Стратегического развития. О радикальных изменениях сети сельских населенных пунктов мы писали в ряде работ [21; 22].

В заключение отметим, что определенное влияние на региональные системы расселения окажет пандемия коронавируса 2020 г. — новые условия жизнедеятельности населения в метрополисах принесут изменения в рост численности населения малых городов и сельских населенных пунктов преимущественно пригородной зоны, интенсификацию процессов спрала (классической субурбанизации американского типа) [23; 24].

Выводы

Формирование региональных метрополисов привело к существенной трансформации, территориальной контрастности структур региональных систем расселения.

В пространственной организации расселения доминируют метрополисы — от 72% в Воронеже до 45% в Белгороде населения городов. Полицентричная метрополизация в Белгородской области (с г. Старый Оскол) повышает роль метрополисов области до 70%.

Сложившиеся модели развития классов городов в XXI веке различны: на одном полюсе региональных систем расселения метрополисы в ранге крупных и крупнейших городов, стягивающие население своих областей, на другом — малые города с явной депопуляцией населения, а между ними — тонкий слой больших и средних городов с неустойчивым развитием.

Основополагающим фактором неравномерного развития городов стал столичный статус, он же — основной фактор усиления поляризованности развития городов. Дивергенция траекторий городов крупных (метрополисов) и малых может служить барьером модернизации экономики регионов, инновационного развития.

Число и роль малых городов по-прежнему велики: из 52 городов ЦЧР малых — 75%. Являясь опорным каркасом расселения, выполняя «центральные» функции своих районов, они по многим показателям не отвечают современным критериям качества городской среды, стимулируя миграции молодежи в метрополисы.

В перспективе, с большой долей вероятности, реальна модель развития региональных систем расселения по сложившемуся сценарию (в условиях естественной убыли населения): рост численности населения метрополисов, их пригородов в результате миграционного прироста населения на фоне деградации или стабилизации средних, продолжающаяся депопуляция малых городов и сельской местности. Определенные коррективы в систему расселения внесет пандемия коронавируса 2020 г. и возможен симбиоз субурбанизации с ростками дезурбанизации без радикального изменения архитектуры расселения.

Гипертрофированное развитие метрополисов может быть уменьшено социальным и экономическим развитием остальных городов, региональной

политикой стимулирования полифункциональности экономик населенных пунктов, восстановлением разрушенной социальной сферы сельской местности.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №20-05-00074.

Литература

1. Вендина О. И., Зотова М. В., Колосов В. А. Международный семинар: «Метрополизация и городские сети» // Известия РАН. Серия географическая. 2010. № 2. С. 130–131.
2. Дружинин А. Г. Метрополизация и региональные метрополии: универсальное и специфическое в южнороссийском контексте // Научная жизнь Кавказа. 2010. № 3, С. 57–62.
3. Гонтарь Н. В. Метрополизация как территориальный феномен и фактор капитализации территории // Региональная экономика: теория и практика. 2015. №10 (385). С. 27–35.
4. Маршан П., Самсон И. Метрополисы и экономическое развитие России // Вопросы экономики. 2004. № 1. С. 4–18.
5. Хомяков Д. А. Метрополизация // Архитектура и строительство России. 2016. № 4 (220). С. 115–117.
6. Голубчиков О. Ю., Махрова А. Г. Факторы неравномерного развития российских городов // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2013. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-neravnomernogo-razvitiya-rossiyskih-gorodov> (дата обращения: 05.05.2020).
7. Гусаков Т. Ю. Использование метода картографического моделирования при изучении демографических процессов (на примере Республики Крым) // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 5 (15). Вып. 3. 2019. С. 148–152.
8. Регионы России. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13205>. Дата обращения: 13.04.2020.
9. Лаппо Г. М. Формирование сети городов на территории России / Проблемы урбанизации на рубеже веков // отв. Ред. А. Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена. 2002. С. 19–33.
10. Чугунова Н. В., Полякова Т. А., Романов И. В. Результаты и тренды развития региональной системы расселения в эпоху неолиберальной урбанизации (на материалах Белгородской области) // Географический вестник. 2019. №2 (49). С. 34–45.
11. Лаппо Г. М. Формирование сети городов на территории России. С. 19–33.
12. Регионы России. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13205> (дата обращения: 13.04.2020).
13. Покшишевский В. В. Проблема «второго» города / Проблемы урбанизации и расселения. II сов.-польск. семинар по урбанизации // отв. ред. В. В. Покшишевский, Г. М. Лаппо. М.: Мысль, 1976. С. 178–18.
14. Лаппо Г. М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 4. С. 3–23.

15. Регионы России. [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13205> (дата обращения: 13.04.2020).
16. Тархов С. А. Столицы. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200700311> (дата обращения: 26.05.2020).
17. Нефёдова Т. Г., Трейвиш А. И. «Сильные» и «слабые» города России // Полюса и центры роста в региональном развитии. М. 1998. С. 135–143.
18. Голубчиков О. Ю., Махрова А. Г. Факторы неравномерного развития российских городов // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2013. № 2. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-neravnomernogo-razvitiya-rossiyskih-gorodov> Дата обращения: 05.05.2020.
19. Чугунова Н. В., Лихневская Н. В. Пространственная дифференциация уровня жизни населения как отражение диспропорций социально-экономического развития (на примере Белгородской области) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. (3): С. 28–40.
20. Янтранов А. Е., Гунажинова Ю. А., Цыремпилов Д. А. Выбор пространственного развития: агломерации или пояс малых и средних городов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. №3 (59). [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://eee-region.ru/article/5925>.
21. Чугунова Н. В., Полякова Т. А. Современные тенденции эволюционного развития сельского расселения региона / География: история, современность, перспективы // Сборник научных трудов. Под ред. Г. С. Гужина. Краснодар. Кубанский госуниверситет. 2012. С. 531–543.
22. Чугунова Н. В., Полякова Т. А. Пространственные особенности размещения и тенденции развития исчезающих сельских населенных пунктов Центрально-Черноземного района // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Ростов-на-Дону. 2019. № 8. С. 143–153.
23. Дохов Р. А., Сеницын Н. А. Спрол в России: рост и структурная трансформация пригородов Белгорода // Известия РАН. Серия географическая. 2020. Том 84, №. С. 191–206.
24. Чугунова Н. В. Городская Белгородская агломерация в региональной системе расселения в условиях приграничья с Украиной // Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России / Отв. редактор В. Н. Стрелецкий. М.: Эслан. 2016. С. 74–84.

N. V. Chugunova¹,
D. N. Morkovskaya

***Regional capitals of the Central Black earth
region in the stratification of ekistic space***

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher
Education «Belgorod National Research University»,
Belgorod, Russian Federation
e-mail: ¹Chugunova@bsu.edu.ru

Annotation. The article considers in retrospect the processes of changing the urban settlement system of the Central Black Earth region, which transformed the urbanistic and demourbanistic structures of the regions. The hypertrophied development of regional capitals, the formation of regional metropolises on their basis is revealed, have been proved the unstable state of large and medium-sized cities, the degradation of small ones, and the presence of inharmonious proportions of the settlement system. It is established that the main factor of uneven, growing polarized development urban is the capital status, small towns and villages remain sources of population growth in regional metropolises.

Keywords: The Central Black Earth region, areas, population, metropolises, structure, urbanistic, demourbanistic, development, uneven.

References

1. Vendina O. I., Zotova M. V., Kolosov V. A. Mezhdunarodny seminar: «Metropolizatsiya I gorodskie seti» // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2010. № 2. S. 130–131. (in Russian)
2. Druzhinin A. G. Metropolizatsiya I regional'nye metropolii: universal'noe i spetsyfisheskoe v yuzhnorossiiskom kontekste // Nauchnaya zhizn' Kavkaza. 2010. № 3. S. 57–62. (in Russian)
3. Gontar N. V. Metropolizatsiya kak territorial'nyi fenomen i factor kapitalizatsii territorii // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2015. №10 (385). S. 27–35. (in Russian)
4. Marshan P., Samson I. Metropolisy i ekonomicheskoe razvitie Rossii // Voprosy ekonomiki. 2004. №1. S. 4–18. (in Russian)
5. Khomyakov D. A. Metropolizatsiya // Arhitektura i stroitel'stvo Rossii. 2016. № 4 (220). S. 115–117. (in Russian)
6. Golubchikov O. Yu., Makhrova A. G. Faktory neravnomernogo razvitiya rossiiskih gorodov // Vestnic Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-neravnomernogo-razvitiya-rossiyskih-gorodov> (data obrashcheniya: 05.05.2020). (in Russian)
7. Gusakov T. Yu. Ispol'zovanie metoda kartograficheskogo modelirovaniya pri izuchenii demograficheskikh protsessov (na primere Respubliki Krym) // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Tom 5 (15). Vyp. 3. 2019. S. 148–152. (in Russian)
8. Regiony Rossii. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13205>. Data obrashcheniya: 13.04.2020. (in Russian)
9. Lappo G. M. Formirovanie seti gorodov na territorii / Problemy urbanizatsii na rubezhe vekov // otv. Red. A. G. Mahrova. Smolensk: Oikumena. 2002. S. 19–33. (in Russian)
10. Chugunova N. V., Polyakova T. A., Romanov I. V. Rezul'taty i trendy razvitiya regional'noi sistemy rasseleniya v epohu neoliberal'noi urbanizatsii (na materialah Belgorodskoi oblasti) // Geograficheskii vestnik. 2019. № 2 (49). S. 34–45. (in Russian)
11. Lappo G. M. Formirovanie seti gorodov na territorii Rossii. S. 19–33. (in Russian)
12. Regiony Rossii. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13205>. Data obrashcheniya: 13.04.2020. (in Russian)

13. Pokshishevskii V. V. Problema «vtorogo» goroda / Problemy urbanizatsii i rasseleniya. II sov.-pol'sk. Seminar po urbanizatsii // otv. red. V. V. Pokshishevskii, G. M. Lappo. M.: Mysl', 1976. S. 178–18. (in Russian)
14. Lappo G. M. Raznoobrazie gorodov kak factor uspehnogo prostranstvennogo razvitiya Rossii // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2019. № 4. S. 3–23. (in Russian)
15. Regiony Rossii. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13205>. Data obrashcheniya: 13.04.2020. (in Russian)
16. Tarhov S. A. Stolitsy. URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200700311>. Data obrashcheniya: 26.05.2020. (in Russian)
17. Nefedova T. G., Treivish A. I. «Sil'nye» i «slabye» goroda Rossii // Polyusa i tsentry rosta v regional'nom razvitii. M. 1998. S. 135–143. (in Russian)
18. Golubchikov O. Yu., Mahrova A. G. Factory neravnomernogo razvitiya rossiiskih gorodov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-neravnomernogo-razvitiya-rossiiskih-gorodov> Data obrashcheniya: 05.05.2020. (in Russian)
19. Chugunova N. V., Lihnevskaya N. V. Prostranstvennaya differentsiatsiya urovnya zhizni naseleniya kak otrazhenie disproportsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (na primere Belgorodskoi oblasti) // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2019. (3): S. 28–40. (in Russian)
20. Yantranov A. E., Gunazhinova YU. A., TSyrempilov D. A. Vybory prostranstvennogo razvitiya: aglomeratsii ili poyas mal'kh i srednih gorodov // Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2019. № 3 (59). URL: <https://eee-region.ru/article/5925>. (in Russian)
21. Chugunova N. V., Polyakova T. A. Sovremennye tendentsii evolyutsionnogo razvitiya sel'skogo regiona / Geografiya: istoriya, Sovremennost', perspektivy // Sbornik nauchnykh trudov. Pod red. G. S. Guzhyna. Krasnodar. Kubanskii gosuniversitet. 2012. S. 531–543. (in Russian)
22. Chugunova N. V., Polyakova T. A. Prostranstvennye osobennosti razmeshcheniya i tendentsii razvitiya ischezayushchih sel'skikh naselennykh punktov Tsentral'no-Chernozemnogo raiona // Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiiskih geografov-obshchestvovedov. Rostov-na-Donu. 2019. № 8. S. 143–153. (in Russian)
23. Dohov R. A., Sinitsin N. A. Sprol v Rossii: Rost i strukturnaya transformatsiya prigorodov Belgoroda // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2020. Tom 84, № S. 191–206. (in Russian)
24. Chugunova N. V. Gorodskaya Belgorodskaya aglomeratsiya v regional'noi sisteme rasseleniya v usloviyakh prigranich'ya s Ukrainoi / Sotsial'no-ekonomicheskie, geopoliticheskie i sotsiokul'turnye problemy razvitiya prigranichnykh raionov Rossii // Otv. redaktor V. N. Streletskii. M.: Esplan. 2016. S. 74–84. (in Russian). (in Russian)

Поступила в редакцию 26.06.2020.

DOI: 10.37279/2309-7663-2020-6-3-116-125

УДК [911.3+314.74](339.9)

М. М. Агафшин

***Миграционный фактор трансформации
политического ландшафта в странах
Евросоюза***

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный
университет» (МПГУ), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: agafoshinmm@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается влияние Европейского миграционного кризиса, выразившегося в интенсификации миграционных потоков из стран Ближнего Востока (Сирии и Ирака), на изменение электоральных предпочтений населения государств — членов ЕС, зафиксированное в ходе выборов в Европейский парламент в 2009-2019 гг. Дополнительно в исследовании анализируются данные об отношении жителей стран ЕС к иммиграции и, в частности, к иммиграции из мусульманских стран. В работе установлена тенденция к росту представительства антимигрантских партий, как на общеевропейском уровне, так и на уровне отдельных стран.

Ключевые слова: антимигрантские партии, Европейский союз, Европейский парламент, миграция, ислам, параллельные сообщества.

Введение

В современных условиях глобализации и нарастания социально-экономической и демографической диспропорции между странами и регионами мира наблюдается стремительный рост числа международных мигрантов. В странах Европейского Союза (ЕС), ставшем одним из наиболее привлекательных регионов мира для иммиграции, происходит резкий приток иммигрантов. Так, если их численность в 2000 г. составляла 35 млн чел., то к началу 2020 г. она достигла почти 60 млн чел. [1]. Увеличение миграционной нагрузки в регионе в совокупности с проводимой большинством стран ЕС политикой мультикультурализма [2] становится своего рода триггером роста политической и социальной напряженности в странах региона.

Несомненно, к росту критики мультикультурализма, антимигрантским настроениям и ксенофобии, даже в странах, считающихся оплотом толерантности, приводят различного рода теракты и погромы, устраиваемые иммигрантами, убийства видных общественных деятелей, карикатурные скандалы и т.д. В связи с этим уже, до начала Европейского миграционного кризиса в 2011 г., ряд европейских лидеров, среди которых А. Меркель [3], Д. Кэмерон [4], Н. Саркози [5] признали провал концепции мультикультурализма.

В этом немаловажную роль сыграли культурные и религиозные отличия прибывающих мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки от местного населения, которые в своём большинстве являются приверженцами ислама [6]. В результате всё чаще принимающие общества сталкиваются с трудностями адаптации инокультурных мигрантов, что зачастую приводит к их социальной, культурной, географической изоляции и, таким образом, формированию в странах

ЕС параллельных мигрантских сообществ [7]. Наиболее остро проблема формирования параллельных мигрантских сообществ проявлена в странах Европы, принявших наибольшее количество мигрантов из мусульманских стран, прежде всего, из Сирии и Ирака.

В этой связи, миграционная тематика занимает одну из ключевых позиций в программах правых партий Европы в новейший период, обеспечивая возможность получать значительное количество политических очков на росте и взвинчивании уровня социальной напряженности. На фоне миграционного кризиса происходит заметное укрепление политических позиций партий правой, антимигрантской и евроскептицистской направленности, став ответной реакцией общества на неспособность властей и институтов ЕС быстро реагировать на проблемы, вызванные миграцией.

Материалы и методы

Информационной базой исследования послужили общеевропейские статистические источники, содержащие сведения о результатах выборов в Европейский парламент за 2009, 2014 и 2019 гг., на базе которых проведён анализ изменения доли представительства популистских антимигрантских партий в Европейском парламенте, а также трансформация электоральных предпочтений выборщиков в ряде стран ЕС на фоне миграционного кризиса.

Опираясь на материалы статистического агентства ЕС (Eurostat) проанализированы объёмы миграционных потоков из стран производителей максимального количества мигрантов и беженцев (Сирия, Ирак) в страны ЕС, а также их пространственное размещение по региону. Крайне важным показателем роста антимигрантских настроений в обществе являются культурные и конфессиональные отличия иммигрантов от принимаемого социума. Анализ социологических и статистических исследований, проводимый исследовательской группой Pew Research Center и социологической службой Европейской комиссии (Евробарометр), позволяет проследить изменение численности иноконфессионального (мусульманского) населения в регионе и выявить изменение отношения к миграции, исламу и мусульманам со стороны населения стран ЕС.

Результаты и обсуждение

Одной из причин роста антимигрантских, а зачастую и националистических партий в ЕС становится само несовершенство общеевропейской и суверенной миграционной политики стран, которая основана на принципах мультикультурализма, предполагающая создание и содействие интеграции мигрантов в принимающее общество, направленная не на ассимиляцию мигрантов, а на идеи культурного плюрализма. В целом концепцию мультикультурализма стоит понимать, как стратегию согласия и социальной стабильности в полиэтнических государствах и поликультурных национальных обществах, построенных на равноправии культурных традиций всех составляющих его этносов, в том числе, и некоренных [8]. Политика мультикультурализма подвергается существенной критике в самых широких кругах европейского общества, поскольку не приводит к социальной и культурной интеграции мигрантов по причине отсутствия диалога различных культурных групп. Мультикультурализм, особенно в периоды экономических

кризисов, провоцирует этнические и религиозные меньшинства на проживание в замкнутых анклавах, которые зачастую не контролируются государственными властями. Как правило, в таких этнических анклавах, пришлое население не желает интегрироваться в принимающее общество, отказывается учить язык и уважать культуру принимающей страны, не демонстрирует желания работать, живя на социальном пособии или за счёт криминальной деятельности, в результате чего происходит формирование параллельных сообществ [9; 10].

Результаты социологических опросов демонстрируют крайне неоднозначное отношение граждан ЕС к вопросу иммиграции из-за пределов региона, лишь 20% заявляют о том, что такого рода иммиграция является хорошей возможностью для развития, в то время как 38% заявляют о своем негативном к ней отношении. Примечательным остаётся факт того, что европейцы видят наибольшую опасность именно в увеличении нелегальной миграции, о чём заявляют 46% респондентов [11]. Одними из наиболее значимых тем, связанных с миграционной проблематикой, являются: влияние фактора иммиграции на повышение уровня преступности, ухудшение ситуации на рынке труда, повышение социальных расходов на мигрантов, превышающее налоговые поступления, негативное влияние на функционирование национальных систем социального обеспечения и т.д. В последнее десятилетие происходит обострение отношения европейцев к инокультурным элементам их общества, и в частности, к мусульманам [12], которых большинство европейцев считают, наиболее склонными к насилию [13].

Сформированная после Второй мировой войны партийно-политическая модель в большинстве стран ЕС, основывалась на доминирование двух крупных коалиций: правоконсервативной и левоцентристской ориентации, при скромном участие в политических процессах либеральных партий [14]. В то время как на периферии политических систем располагались маргинальные партии различного толка: праворадикальные, коммунистические, экологические, национал-патриотические и др., фактически не влиявшие на формирование правительств своих стран и имевших низкую поддержку на общеевропейских выборах в Европейский парламент.

Начавшаяся с 2011 г. интенсификация потоков, в первую очередь, вынужденных мигрантов из охваченных гражданскими войнами Сирии и Ирака, выдвинула на первый план политической повестки отношение к вопросу о миграции. Так только из этих двух стран в период 2011–2019 гг. было подано более 1,6 млн заявок на предоставление статуса беженца в одной из 28 стран ЕС [15]. Помимо этого, стоит отметить, что государствами ЕС за данный период было предоставлено более 1 млн разрешений на пребывание в странах региона для граждан Сирии и 260 тыс. иракцам по другим причинам миграции (образование, работа, воссоединение с семьей и т.д.) [16]. Важным результатом миграционного кризиса, охватившего страны региона, стала трансформация конфессионального и культурного пространства, выраженная в увеличение численности мусульман, так только за период 2010–2016 гг. их количество выросло с 18,3 до 25 млн, что соответствовало 4,9% населения стран ЕС [17]. Пришломое инокультурное население оказалось не готово к принятию европейских демократических ценностей и продолжает ориентироваться на традиционные ценности своего сообщества. Данная политическая ситуация показала неспособность властей ЕС быстро и адекватно реагировать на сложившуюся ситуацию, в то время как лозунги популистских антимигрантских партий в глазах

электората стали значительно более привлекательными.

Миграционный кризис, в совокупности с влиянием экономико-финансовых кризисов, кризисом демократической легитимности [18], привёл не только к росту правых антииммигрантских популистских партий, но и значительной трансформации риторики по отношению к ужесточению миграционной политики со стороны «классических» партий. Учитывая настроения определённой части европейского электората правительства ряда стран формируют коалиции с участием антииммигрантски ориентированных партий, а зачастую и сами в борьбе за политический рейтинг используют скептические заявления по отношению к текущей миграционной политике.

Анализ результатов выборов в Европейский парламент до начала миграционного кризиса (2009 г.), и последующих выборов (2014 и 2019 гг.) указывают на резкий, почти двукратный, рост популярности антииммигрантских популистских партий (табл. 1).

Таблица 1

Изменение представительства партий антииммигрантской ориентации по результатам выборов в Европейский парламент, 2009-2019 гг.

	2009 г.	2014 г.	2019 г.	2019 г. (пост Брексит)
Количество депутатов, представляющих антииммигрантские партии	101	156	192	176
Доля антииммигрантских партий, %	13,7	20,8	25,6	25,0

Составлено и рассчитано автором по: [19].

Однако, что касается общеевропейских выборов, партии, выступающие за ужесточение миграционной политики или за запрет миграции из-за пределов ЕС, не выступают единым альянсом. Антииммигрантские партии входят в альянс крайне правых популистов и националистов «Идентичность и демократия» (бывшая «Европа наций и свобод») — Национальное Объединения (Франция), Альтернатива для Германии, Лига Севера (Италия), Датская народная партия, Шведские демократы, Партия свободы (Нидерланды) и др. Значительное число партий входит в альянс «Европейские консерваторы и реформисты» — Новый фламандский альянс, Братья Италии, Голос (Испания), Право и справедливость (Польша) и др. Антииммигрантские партии представлены и среди независимых депутатов — Движение пяти звёзд (Италия), Золотая заря (Греция), Живая стена (Хорватия). В последние годы, происходит определённое «размывание» идеологии «традиционных» партий. Так, о своём негативном восприятии миграции заявляют представители правоцентристского альянса «Европейской народной партии», являющиеся как правящими партиями в своих странах — Народная австрийская партия, Фидес (Венгрия), Новая демократия (Греция), так и оппозиционерами — Умеренная коалиционная партия (Швеция). Ещё более неожиданной становится предвыборная антииммигрантская риторика от партии левого толка. Такую стратегию в Дании выбрали сформировавшие правительство Социал-демократы. Однако сделали они это после победы на выборах, изменив свое отношение к миграционной проблематике [20].

Тенденция увеличения популярности партий антииммигрантской риторики имеет пространственные особенности, которые прослеживаются в

территориальной дифференциации миграционных потоков вынужденных мигрантов, оказавших наибольшую миграционную нагрузку на страны ЕС. Именно масштабные потоки вынужденных мигрантов окончательно пошатнули основы общеевропейской миграционной политики, ключевую роль в которых играют переселенцы из Сирии и Ирака, чья доля в этом потоке составляет более 25% (2010–2019 гг.). В суммарном же потоке мигрантов только из Сирии и Ирака вынужденные переселенцы составляют 85% [21]. Превалирующей направленностью данных потоков являются наиболее экономически развитые страны Северной и Западной Европы, а также пограничные страны ЕС (Венгрия, Греция). Наибольшей интенсивностью выделяются миграционные потоки в Германию, Швецию, Венгрию, Австрию, Нидерланды, Бельгию, Великобританию и Грецию, на которые приходится 90% количества прибывших мигрантов из Сирии и Ирака (табл. 2).

Таблица 2

**Количество прошений о предоставлении убежища гражданами
Сирии и Ирака в странах ЕС 2010–2019 гг., тыс. чел.**

Страна	Число заявок граждан Ирака	Число заявок граждан Сирии	Всего
Германия	216,9	636,1	853,0
Швеция	37,2	126,6	163,7
Греция	30,1	72,9	103,0
Венгрия	14,6	78,3	92,9
Австрия	22,2	58,5	80,6
Нидерланды	15,8	43,5	59,4
Бельгия	22,7	27,4	50,1
Франция	13,4	24,8	38,3
Болгария	16,3	21,9	38,2
Великобритания	20,5	13,8	34,3
Финляндия	29,7	3,0	32,7
Всего в ЕС	463,2	1184,3	1647,5

Составлено и рассчитано автором по: [15].

Прошедшие выборы в Европарламент 2014 г., ещё до пика кризиса в 2015 г. показали, что многие правые националистические и антимигрантские партии стали пользоваться более широкой поддержкой электората. Например, стоит отметить, что во Франции выборы выиграла консервативно националистическая партия «Национальный Фронт» с результатом 24,9%, в Великобритании победу одержала правая консервативная «Партия независимости Соединённого Королевства», набрав 27% голосов, в Австрии большой популярностью пользуется правая «Австрийская партия свободы», а правящая «Австрийская народная партия» набрала популярность, во многом, благодаря своей антимигрантской направленности. Так помимо представленных стран,

широкую поддержку правым политическим партиям оказывается в Венгрии (Фидес, Йоббик), Греции (Золотая заря), Италии (Движение пяти звёзд, Лига Севера), Дании (Датская народная партия), Нидерландах (Партия свободы), а также Швеции (Шведские демократы). В целом прослеживается закономерность роста поддержки правых и антииммигрантских сил в странах, испытывающих на себе наибольшие последствия от миграционного кризиса (табл. 3).

Таблица 3

Доля голосов за антииммигрантские партии в некоторых странах ЕС на выборах в Европарламент, 2009-2019 гг.

Страна	2009 г., %	2014 г., %	2019 г., %
Венгрия	71,1	66,1	61,9
Италия	10,2	31,0	57,8
Австрия	42,7	46,7	51,8
Греция	39,9	34,8	42,2
Швеция	21,0	23,3	32,2
Великобритания	22,0	26,6	30,8
Бельгия	16,0	14,9	26,2
Франция	3,5	24,8	23,3
Нидерланды	17,0	13,3	14,5
Финляндия	9,8	12,8	13,8
Германия	0	7,1	11,0

Составлено автором по: [19].

На фоне продолжившегося миграционного кризиса, и его пика в 2015 г., принятия решения о предоставлении национальных квот беженцам в Европе, выборы в Европарламент 2019 г. продолжили сложившуюся тенденцию увеличения доли антииммигрантских партий в Европейском парламенте и роста поддержки данных партий в странах принявших большую часть мигрантов и беженцев из ближневосточных государств. Помимо государств, на которые пришлась наибольшая доля миграционного потока, рост антииммигрантских настроений охватил и страны несогласные с принятым квотированием беженцев и нежелающих обременять себя интеграцией тысяч сирийцев и иракцев. Это характерно для восточноевропейских членов ЕС, таких как Польша, Хорватия, Словения, Словакия, Чехия и др. [22].

Характерной чертой минувших выборов стало резкое повышение электоральной активности населения внутри региона [23]. Так общая явка повысилась с 42,6% в 2014 г, до 50,6% в 2019 г., в первую очередь за счёт западно- и североевропейских стран: Бельгия — 88,5%, Дания — 66,1%, Германия — 61,4%, Испания — 60,8%, Австрия — 59,8, Швеция — 55,3%, Италия — 54,5%, Швеция — 55,3%, Франция — 50,1%. Объяснение повышения электоральной активности населения видится в общем кризисном состоянии политики ЕС. Безусловно, и миграционная проблематика стимулировала значительную часть населения к более активному участию не только в национальной, но и в общеевропейской политической жизни

Выводы

Европейский миграционный кризис поставил под сомнение такие общепризнанные европейские ценности как солидарность и ответственность. Лавинообразное увеличение численности мигрантов (в том числе и нелегальных) и беженцев из мусульманских стран Ближнего Востока стало спусковым рычагом интенсификации миграционной повести на общеевропейской политической сцене. Рост численности инокультурного населения усугубляет существующие в странах ЕС противоречия между традиционным светским либерализмом и ценностями ислама, увеличивая напряженность в европейском обществе. Серьёзной проблемой становится и провал политики мультикультурализма, в результате чего происходит не интеграция в европейское общество мигрантов, а их сегрегация, проявляющая в формировании «параллельных» сообществ, сегрегированных городских районах, криминализация и маргинализация иммигрантов.

Отсутствие согласованной позиции относительно проведения общей миграционной и интеграционной политики приводит к повышению евроскептицизма электората и росту среди него поддержки популистских антимигрантских партий. Миграционная риторика становится всё более актуальной для стран, принявших наибольшее количество мигрантов из ближневосточных стран, охваченных гражданскими войнами. На основе данных выборов в Европейский парламент, в данных странах (Германия, Италия, Швеция, Австрия и др.) происходит значительный правый и антимигрантский поворот электоральных предпочтений населения, на фоне повышения его электоральной активности.

Литература

1. International Migration 2019: Wall Chart. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/wallchart/docs/MigrationStock2019_Wallchart.pdf
2. Малахов В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 232 с.
3. Меркель заявила о провале мультикультурализма // BBC news. Русская служба [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml
4. Кэмерон призывает забыть о политике мультикультурности // BBC news. Русская служба [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/uk/2011/02/110205_cameron_multiculturalism_failed
5. Саркози признал провал политики мультикультурализма. // РИА Новости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20110211/333034181.html>
6. Агафошин М. М., Горохов С. А. Пространственная динамика ислама в странах ЕС // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. 2019. № 1. С. 8–20.
7. Цапенко И. П., Монусова Г. А. Эволюция подходов принимающих государств к организации культурного разнообразия // Цапенко И.П., Гришин И.В. (ред.)

- Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. М.: ИМЭМО РАН. 2018. С. 81–101.
8. Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном Мир-Обществе. — Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 7–21.
 9. Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы // Современная Европа. 2017. № 4(76). С. 5–16.
 10. Bushkovky H. Neukölln ist überall. Berlin: Ullstein Buchverlag. 2012. 400 p.
 11. Results of special Eurobarometer on integration of immigrants in the European Union URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/news/results-special-eurobarometer-integration-immigrants-european-union_en
 12. Muslims in the European Union Discrimination and Islamophobia. European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/156-Manifestations_EN.pdf
 13. How Muslims and Westerners See Each Other. Islamic extremism: common concern for muslim and western publics. Pew Research Center URL: <https://www.pewresearch.org/global/2005/07/14/i-how-muslims-and-westerners-see-each-other>
 14. Гуселетов Б. П. Выборы 2017 года в странах Евросоюза: общее и особенное. // Современная Европа. 2018. № 2(81). С. 18–28.
 15. Asylum statistic. Eurostat Statistics explained URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Asylum_statistics
 16. Residence permits — statistics on first permits issued during the year. Eurostat Statistics explained URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?oldid=410577>
 17. Europe's Growing Muslim Population. // Washington, D.C.: Pew Research Center. 2017. 59 p.
 18. Феномен правого и левого популизма в странах ЕС. Аналитический доклад ОЕПИ 2017 URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/materials/Fenomen_doklad.pdf
 19. European election results. European Parliament URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/tools/comparative-tool>
 20. Denmark gets new left-wing government with plans to increase welfare spending and scrap anti-immigration measures // Independent URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/denmark-new-government-left-mette-frederiksen-welfare-spending-anti-immigration-a8975096.html>
 21. Агафшин М. М. Территориальная дифференциация современных миграционных потоков из Сирии и Ирака в ЕС // Пространственная организация общества: теория, методология, практика. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Пермский государственный национальный исследовательский университет. 2018. С. 357–362.
 22. Потемкина О. Ю. Миграционный кризис и политика Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4. С. 38–60.
 23. Швейцер В. Я. Европейский парламент: время перемен // Современная Европа. 2019. № 3 (89). С. 42–52.

M. M. Agafoshin

Migration factor of transformation of the political landscape in the EU countries

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russian Federation
e-mail: agafoshinmm@gmail.com

Abstract. *The paper considers the impact of the European migration crisis, expressed in the intensification of migration flows from the Middle East (Syria and Iraq), on the change EU member States populations' electoral preferences. The study reviews the elections to the European Parliament in 2009–2019. In addition, the article surveys the attitude of residents of EU countries to immigration and, in particular, to immigration from Muslim countries. The paper proves a tendency to increase the representation of anti-migrant parties, both at the European level and at the countries level.*

Keywords: *anti-migrant parties, the European Union, the European Parliament, migration, Islam, parallel societies.*

References

1. International Migration 2019: Wall Chart. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/wallchart/docs/MigrationStock2019_Wallchart.pdf
2. Malakhov V. S. Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 232 p. (in Russian).
3. Merkel' zayavila o provale mul'tikul'turalizma // BBC news. Russkaya sluzhba. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml (in Russian).
4. Kameron prizyvaet zabyt' o politike mul'tikul'turnosti // BBC news. Russkaya sluzhba. URL: https://www.bbc.com/russian/uk/2011/02/110205_cameron_multiculturalism_failed (in Russian).
5. Sarkozi priznal proval politiki mul'tikul'turalizma. // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/world/20110211/333034181.html> (in Russian).
6. Agafoshin M. M., Gorokhov S. A. Prostranstvennaya dinamika islama v stranakh ES // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Estestvennye nauki. 2019. no. 1. S. 8–20. (in Russian).
7. Tsapenko I. P., Monusova G. A. Evolyutsiya podkhodov prinimayushchikh gosudarstv k organizatsii kul'turnogo raznoobraziya // Tsapenko I. P., Grishin I. V. (red.) Integratsiya inokul'turnykh migrantov: perspektivy interkul'turalizma. M.: IMEMO RAN. 2018. S. 81–101. (in Russian).
8. Habermas J. Religiya, pravo i politika. Politicheskaya spravedlivost' v mul'tikul'turnom Mir-Obshchestve. — Polis. Politicheskie issledovaniya. 2010. no. 2. S. 7–21. (in Russian).
9. Fituni L. L., Abramova I. O. Fenomen «vostochnogo obshchestva» v sovremennoi Evrope: paradigmy, vyzovy, prognozy // Sovremennaya Evropa. 2017. no. 4 (76). S. 5–16. (in Russian).

10. Bushkovky H. Neukölln ist überall. Berlin: Ullstein Buchverlag. 2012. 400 p. (in German)
11. Results of special Eurobarometer on integration of immigrants in the European Union. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/news/results-special-eurobarometer-integration-immigrants-european-union_en. (in English)
12. Muslims in the European Union Discrimination and Islamophobia. European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia. URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/156-Manifestations_EN.pdf. (in English)
13. How Muslims and Westerners See Each Other. Islamic extremism: common concern for muslim and western publics. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2005/07/14/i-how-muslims-and-westerners-see-each-other>. (in English)
14. Guseletov B. P. Vybory 2017 goda v stranakh Evrosoyuza: obshchee i osobennoe. // Sovremennaya Evropa. 2018. no. 2(81). S. 18–28. (in Russian).
15. Asylum statistic. Eurostat Statistics explained. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Asylum_statistics. (in English)
16. Residence permits — statistics on first permits issued during the year. Eurostat Statistics explained. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?oldid=410577>. (in English)
17. Europe's Growing Muslim Population. // Washington, D.C.: Pew Research Center. 2017. 59 s. (in English)
18. Fenomen pravogo i levogo populizma v stranakh ES. Analiticheskii doklad OEPI 2017. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/materials/Fenomen_doklad.pdf (in Russian).
19. European election results. European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/tools/comparative-tool>. (in English)
20. Denmark gets new left-wing government with plans to increase welfare spending and scrap anti-immigration measures // Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/denmark-new-government-left-mette-frederiksen-welfare-spending-anti-immigration-a8975096.html>. (in English)
21. Agafoshin M. M. Territorial'naya differentsiatsiya sovremennykh migratsionnykh potokov iz Sirii i Iraka v ES // Prostranstvennaya organizatsiya obshchestva: teoriya, metodologiya, praktika. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet. 2018. S. 357–362. (in Russian).
22. Potemkina O. Yu. Migratsionnyi krizis i politika Evropeiskogo soyuza // Aktual'nye problemy Evropy. 2016. no. 4. S. 38–60. (in Russian).
23. Shveitser V. Ya. Evropeiskii parlament: vremya peremen // Sovremennaya Evropa. 2019. no. 3(89). S. 42–52. (in Russian).

Поступила в редакцию 06.07.2020 г

DOI: 10.37279/2309-7663-2020-6-3-126-135

УДК 911.3

Е. Е. Демидова¹,
А. В. Старикова²

Этнодемографический ландшафт в странах Европы до и после миграционного кризиса (на примере Германии и Швеции)

¹ ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация

² ФГБУ «Институт географии РАН», г. Москва,
Российская Федерация

e-mail: ¹edemidova@geogr.msu.ru, ²a.v.starikova@igras.ru

Аннотация. Вторая половина 2010-х г. связана со значительным изменением этнодемографического ландшафта большинства стран Западной Европы. На примере Германии и Швеции — стран, наиболее активно вовлеченных в иммиграционный процесс в результате кризисных ситуаций в Сирии, южном Средиземноморье и на Ближнем Востоке в 2015–2016 гг., — рассматриваются изменения географии миграционных потоков, влияющих на этнический состав их населения.

Ключевые слова: миграционный кризис, иммиграция, этнический состав, Германия, Швеция, Европа.

Введение

Западная Европа — регион с длительной переселенческой историей. Однако наиболее яркое и интенсивное проявление иммиграционных процессов началось в в. и было обусловлено не только общемировыми тенденциями роста пространственной мобильности населения, но, прежде всего, гуманитарными катастрофами Первой и особенно Второй мировых войн. Военные действия, с одной стороны, стали причиной неизбежных потоков беженцев, а впоследствии и репатриантов, а с другой, определили острую потребность в значительных человеческих ресурсах для восстановления разрушенных государств. В 1960-х г. наступает переломный момент — радикально поменялась география миграционных потоков: Европа становится «импортером» мигрантов из Азии, Африки и Латинской Америки. [6]. Этому способствуют и нехватка рабочей силы в условиях экономического роста европейских стран, и активно развернувшаяся деколонизация. К 1990 гг. этнический состав Западной Европы «запестрел» выходцами из Турции, Египта, Туниса, Алжира, стран Ближнего Востока, Южной, Юго-Восточной, Восточной Азии. Начало XXI в. ознаменовалось наложением на существующую экономическую иммиграцию потоков политических мигрантов. Обострение конфликтов в Афганистане в 2001 г. и разгоревшаяся в 2003 г. война в Ираке привели к наплыву беженцев. «Арабская весна» — протестная волна, зародившаяся в 2011 г. и захлестнувшая Тунис, Египет, Ливию, Марокко, Алжир и другие страны арабского мира, способствовала значительному росту числа желающих получить убежище в благополучной Западной Европе. Однако настоящий миграционный кризис разразился в 2015–2016 гг. и был связан с активизацией военных действий в Сирии. По данным Евростата

(https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Asylum_statistics, дата обращения 02.05.2020 г.) в 2008 г. от граждан стран, не являющихся членами ЕС, поступило 200 тыс. прошений о предоставлении убежища. В 2014 г. показатель увеличился в 3 раза — до 600 тыс., а в 2015 г. прошений было уже около 1,3 млн. Таким образом, если в 2014 г. в Европу легально прибыло около 280 тыс. мигрантов, то в 2015 г. — минимум 1,2 млн чел. Наибольшее число прошений о политическом убежище в 2015 г. получила Германия (442 тыс., ещё через год цифра возросла более чем в 1,5 раза, достигнув 722 тыс. прошений), а лидерами по числу прошений относительно численности местного населения стали Венгрия и Швеция (1798 и 1667 прошений на 100 тыс. граждан соответственно (www.bbc.com/russian/international/2016/02/160219_migrant_crisis_charts, дата обращения 02.05.2020 г.)). Большинство стран Западной Европы были вынуждены ужесточить миграционную политику, что привело к сокращению числа иммигрантов до 670–680 тыс. чел. в 2018–2019 гг. Очевидно, в 2020 г. показатель окажется ещё ниже из-за закрытия границ в связи с пандемией COVID-19. Однако последствия миграционного кризиса продолжают оказывать воздействие на абсолютно все сферы жизни европейского общества, от демографической до культурной и политической.

Международные миграции занимают важное место на исследовательском поле как социологов и демографов, так и географов. Её аспекты затрагиваются в многочисленных публикациях отечественных (в т.ч. А. Г. Вишневского, В. А. Ионцева, А. В. Капралова, Г. М. Лаппо, В. В. Покшишевского, Т. М. Регент, Н. М. Римашевской, С. В. Рязанцева, Л. Л. Рыбаковского, Л. М. Синцера, А. Е. Слуки, В. А. Тишкова, А. В. Топилина, Б. С. Хорева) и зарубежных (В. Зелинского, О. Дауна, П. Мойсбургера, Р. Мюнца, А. Портеса, Р. Румбо, О. Старка, Э. Тейлора, Р. Ульриха, Х. Фассмана, Н. Фонер, Т. Хёггерстранда, С. Шеффлера и др.) исследователей. Международной миграции в избранных для анализа странах среди российских авторов посвящены работы А. М. Волкова, Е. В. Романовой, М. С. Савоскул, И. Н. Молодиковой, Н. С. Плевако, О. В. Чернышовой и др.

Цель данного исследования — выявление изменений западноевропейского этнодемографического ландшафта в посткризисный период на примере двух стран — Германии и Швеции, относящихся к числу лидеров по абсолютному (в случае Германии) и относительному (в случае Швеции) числу мигрантов.

Материалы и методы

Информационной базой исследования стали статистические и аналитические сборники Евростата, Международной организации по миграции, в т.ч. данные портала Глобального центра анализа миграционных данных (https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019, дата обращения 02.05.2020 г.), а также публикации Федерального статистического ведомства Германии (https://www.destatis.de/DE/Home/_inhalt.html, дата обращения 27.06.2020 г.), немецкого Федерального ведомства по делам миграции и беженцев (https://www.bamf.de/DE/Startseite/startseite_node.html, дата обращения 27.06.2020 г.), Статистического управления Швеции (<https://www.scb.se>, дата обращения 27.06.2020 г.), Шведского Агентства по миграции (<https://www.migrationsverket.se/English/About-the-Migration-Agency/Statistics/>

Asylum.html, дата обращения 27.06.2020 г.). Сопоставление этнической структуры населения государств осложняется различием в подходах к сбору соответствующих данных. Так, в Швеции собираются и публикуются данные именно об этнической принадлежности жителей. В Германии статистические источники предоставляют информацию о странах происхождения для проживающих здесь иностранцев, прибывших мигрантов, а также для лиц с миграционным фоном (К населению с миграционным фоном (прошлым) Федеральное статистическое ведомство относит: 1) иностранцев, 2) лиц, получивших права гражданства, 3) репатриантов, 4) иностранцев, усыновленных гражданами ФРГ, 5) детей-граждан ФРГ по рождению, чьи родители относятся к упомянутым категориям. Иностранцы — лица, не являющиеся гражданами ФРГ (в рамках статьи 16б, пункт 1 Основного закона ФРГ), лица без гражданства и с невыясненным гражданством. Граждане ФРГ с двойным и множественным гражданством к этой категории не относятся.). Для достижения поставленной цели в работе применялись сравнительно-географический, историко-географический, математико-статистический методы и метод системного анализа.

Результаты и обсуждение

Формирование этнодемографического ландшафта Германии. Германия многие десятилетия является одной из наиболее привлекательных стран для мигрантов. Формирование её этнодемографического ландшафта и его трансформация с середины XX в. тесно связаны как с европейскими, так и с глобальными миграционными процессами. За период с 195 по 2018 гг. в Германию въехало свыше 51 млн чел., выехало за её границы около 37 млн чел., т.е. на сегодняшний день миграционный оборот превысил численность постоянного населения. В то же время география иммиграции претерпела существенные изменения.

Отток и эмиграцию политических беженцев, евреев и др. с территории «Третьей империи» сменила серия разномасштабных, отличающихся по структуре миграционных (прежде всего иммиграционных) волн, обусловивших современную неоднородность этнодемографической структуры населения. Сразу после Второй мировой войны страна столкнулась с необходимостью компенсировать нехватку местных рабочих рук: по соглашениям, заключённым в 1955 г., привлечение иностранных рабочих (гастарбайтеров) осуществлялось не только из стран Южной Европы (Италии, Испании, Греции, Португалии, Югославии), но также из Турции и африканских стран (Марокко и Туниса), которые далеки от Германии в культурном и религиозном плане, что породило необходимость мер для адаптации и интеграции приезжих в немецкое общество. За почти двадцатилетний период (поток резко сократился после нефтяного кризиса 1973 г. и принятия мер для предотвращения роста безработицы и снижения уровня заработной платы среди немецких граждан), несмотря на обязательное для гастарбайтеров возвращение на родину по окончании срока действия разрешения на работу, в стране осело около 4 млн иммигрантов [4]. Это стало основой многолетнего процесса «воссоединения семей». Следующий «скачок» в притоке мигрантов был связан с возвращением на историческую родину после объединения Германии этнических немцев из бывших советских

республик (поздних переселенцев или репатриантов) и притоком политических беженцев с территории Югославии, Афганистана и Ирака. В начале XXI в. направления миграционных потоков в Европе были обусловлены расширением ЕС на восток и последствиями экономического кризиса, вызвавшими приток мигрантов из стран Южной и Восточной Европы [5], в первую очередь, из Италии, Испании, Греции и бывших югославских республик.

Европейский миграционный кризис 2015–2016 гг. не только вызвал очередную иммиграционную волну, но значительно превысил предшествующие по своему значению и масштабам. Только в 2015 г. в Германию въехало почти 2 млн человек, выехало около 860 тыс. чел. и, таким образом, сальдо миграции достигло своего наибольшего значения за всю истории страны. В результате по показателю численности населения, рождённого за пределами государства (https://migrationdataportal.org/data?focus=profile&i=stock_abs_&t=2010&cm49=276, дата обращения 12.05.2020 г.), Германия в 2019 г. поднялась среди стран мира на 2-е место (Десятилетиями 1-е место занимают США — «страна иммигрантов», безусловный лидер, чьё население сформировано иммигрантами изначально и на протяжении всей истории государства активно пополнялось ими. Германия в середине 1990-х–2000-х гг. сохраняла 3–4-е места (после притока поздних переселенцев, турецких рабочих, югославских беженцев и мигрантов из ЕС численность жителей, рождённых за границей, составила в 1995 г. 7,5 млн чел., в 2005 г. — 9,4 млн чел., в 2015 г. — 10,2 млн чел.). В 2019 г. в стране проживало уже 13,1 млн лиц, родившихся вне её пределов, 2-е место Германия разделила с Саудовской Аравией, которую можно назвать «страной трудовых мигрантов» — работающие здесь иностранцы составляют около 1/3 населения.). Приток мигрантов трансформировал как абсолютные, так и относительные показатели, характеризующие население с миграционным фоном: доля выходцев из европейских стран заметно снизилась (69,8% в 2014 г., 65,4% в 2018 г.), доля мигрантов и их потомков из азиатских государств напротив — ощутимо возросла (16,6% и 21,7% соответственно (Показатель включает данные по Австралии и Океании, в силу незначительного числа переселенцев из них общая картина сохраняется)), увеличилась (хоть и незначительно) доля африканцев (рис. 1). В 2018 г. основным мотивом переселения в Германию являлось воссоединение семей (37%), работа (19%) и получение убежища (15%).

Хотя в иноэтничном населении Германии в 2018 г., как и раньше, продолжали доминировать выходцы из Турции и Польши, в этнодемографическом ландшафте оформились новые значимые группы иммигрантов. Прежде всего, это выходцы из Сирии, которые чрезвычайно быстро стали седьмой этнической группой в стране, практически догнав давно обосновавшихся здесь итальянцев. В 2010 г. сирийская диаспора насчитывала чуть больше 31 тыс. чел. и состояла, главным образом, из образованных мигрантов, небольшого числа беженцев и лиц, приехавших с целью воссоединения семьи [9]. К 2018 г. сирийцев стало в 26 раз больше, при этом структура потока изменилась, в ней стали доминировать беженцы, главным образом, мужчины молодых возрастов. Среди других групп населения, не вошедших в первую десятку, но ставших заметнее в новом этнодемографическом ландшафте, следует назвать прибывших из Ирака, Афганистана, Ирана. Их меньше, чем сирийцев, но в социокультурном отношении они также далеки от местного населения. Ещё одной значимой чертой этнодемографической

структуры, как следствие т.н. миграции от нищеты, стало увеличение числа переселенцев из таких стран, как Румыния (их стало вдвое больше, при этом поток последних лет во многом формируют цыгане, подавляющее большинство которых малограмотны и не имеют профессии), Косово, Босния и Герцеговина.

Таблица 1

**Население Германии с миграционным фоном до и после
миграционного кризиса**

№	2009		№	2018	
	Страна происхождения*	Численность иммигрантов (тыс. чел.)		Страна происхождения*	Численность иммигрантов (тыс. чел.)
1.	Турция	2 502	1.	Турция	2 769
2.	Польша	1 298	2.	Польша	2 253
3.	Россия	1 060	3.	Россия	1 366
4.	Италия	771	4.	Казахстан	1 252
5.	Казахстан	656	5.	Румыния	965
6.	Румыния	435	6.	Италия	868
7.	Греция	375	7.	Сирия	813
8.	Хорватия	367	8.	Греция	467
9.	Сербия	297	9.	Косово	463
10.	Украина	251	10.	Босния и Герцеговина	415

*Примечание: *Страна происхождения лица с миграционным фоном или одного из его родителей.*

Составлено по данным немецкого Федерального ведомства по делам миграции и беженцев.

Конечно, с учётом старения населения и нехватки собственных кадров на рынке труда Германии необходимы людские ресурсы для поддержания экономики. Поэтому для страны иммиграция означает дополнительные возможности. С другой стороны, приток таких новых жителей — это долгосрочные риски, связанные с необходимостью претворения в жизнь программ языковой, профессиональной и социальной интеграции нескольких сотен тысяч человек. Мигранты кризисной волны — это не только обуза в экономическом плане (ведь даже если мигрантам не положено социальное пособие власти на местах должны обеспечивать их медицинской помощью, предоставлять детям доступ к школьному образованию): в культурном, социальном и религиозном отношении они значительно отличаются от немецкого населения, характеризуются низким уровнем образования, высокой религиозностью (свыше 70% просителей убежища в 2015–2016 гг. — мусульмане [7]), часто — нежеланием адаптироваться и соблюдать законы принявшей их страны. Всё это вызывает в обществе неуверенность в возможности интегрировать такое количество переселенцев: по данным социологических опросов подавляющая часть немецких граждан считает, что недостатки от притока иммигрантов значительно больше преимуществ [2].

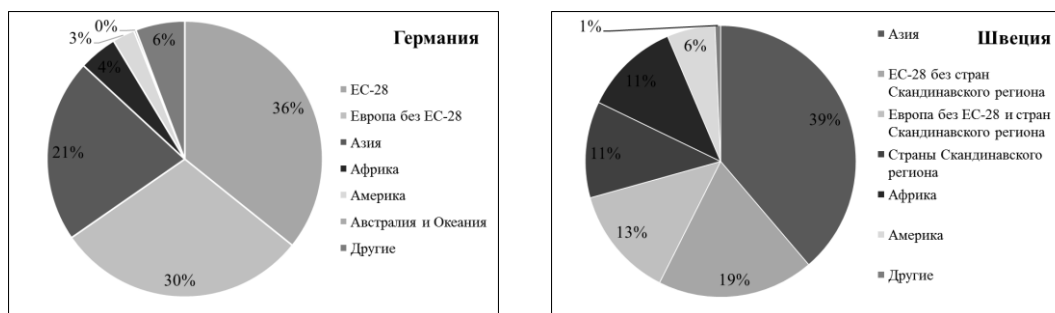

Рис. 1. Структура населения Германии (2018 г.) и Швеции (2019 г.) по данным о происхождении иноэтничных жителей по регионам мира.

Составлено по данным немецкого Федерального ведомства по делам миграции и беженцев, Статистического управления Швеции, Шведского Агентства по миграции.

Формирование этнодемографического ландшафта Швеции. За последние 60–70 лет Швеция проделала колоссальный «миграционный» путь: от страны-«мононации» до полиэтнического государства, жители которого разговаривают на более чем 200-х языках мира, и где каждый пятый рождён за рубежом.

К началу Второй мировой войны свыше 95% населения Швеции составляли шведы. В военное и первое послевоенное время Швеция, официально занявшая позицию нейтралитета и, таким образом, наименее пострадавшая от военных действий, приняла десятки тысяч беженцев. Это были, главным образом, евреи, бежавшие из нацистской Германии и с оккупированных территорий, а также этнические датчане, норвежцы, финны и немцы [1]. Открытие границ в связи с созданием единого паспортного союза Северных стран в начале 1950-х годов способствовало новой волне иммиграции из соседних государств (главным образом, из Финляндии). Однако, эти «нешведы» в силу культурной и исторической общности были крайне близки шведским социокультурным традициям, и значительная часть приехавших легко ассимилировалась местным обществом [3]. В 1950–1980-х годах нарастала интенсивность и расширялась география иммиграционных потоков. В этот период Швеция стала страной-реципиентом для беженцев из эпицентров военных и политических конфликтов; здесь нашли убежище иранцы (17 тыс.), ассирийцы и сирийцы (16,5 тыс.), чилийцы (14 тыс.), венгры (13 тыс.), поляки (11 тыс.), югославы, греки, эритрейцы, палестинцы, курды, вьетнамцы и др. [3]. Таким образом, в последней четверти XX в. произошла смена вектора иммиграции с преимущественно трудовой на преимущественно политическую (беженцы). Важным фактором увеличения миграционного потока стало воссоединение семей. В отличие от волн «северной миграции», иммигранты 1970–1990 годов несли новый культурный код, что не могло не отразиться на социально-экономической и политической ситуации в самой Швеции (рост безработицы, протестных националистических настроений и др.). Швеция становится полиэтнической страной.

В 2000 г. число мигрантов в почти 9-ти миллионной Швеции превысило 1 млн чел., каждый 10-й житель был рождён за рубежом. В страну ежегодно продолжают въезжать десятки тысяч граждан других стран; в 2009 г. показатель «пробил» моральный рубеж в 100 тыс. чел. В 2000–2014 годах главными причинами миграции иностранных граждан в Швецию были: 1) воссоединение с

семьей; 2) получение убежища (одна из главных стран-«доноров» беженцев — Сирия); 3) работа (особенно в ИТ-сфере, преимущественно, выходцы из Таиланда, Индии и Китая); 4) учёба (Китай, Индия, США); 5) «новоприобретённая любовь» («love refugees») — уникальная категория, к которой относят иммигрантов, влюблённых в жителя (жительницу) Швеции [8].

Таблица 2

Этническая структура преобладающих национальных меньшинств в Швеции в 2009 и 2019 гг.

№	2009		№	2019	
	Страна происхождения	Численность иммигрантов (тыс. чел.)		Страна происхождения	Численность иммигрантов (тыс. чел.)
1.	Финляндия	172	1.	Сирия	191
2.	Ирак	118	2.	Финляндия	144
3.	Югославия*	72	3.	Ирак	146
4.	Польша	68	4.	Польша	94
5.	Иран	60	5.	Иран	80
6.	Босния и Герцеговина	56	6.	Сомали	70
7.	Германия	48	7.	Югославия*	64
8.	Дания	46	8.	Босния и Герцеговина	60
9.	Норвегия	44	9.	Афганистан	58
10.	Турция	41	10–11.	Германия / Турция	51

*Примечание: *Иммигрировавшие до распада Югославии.*

Составлено по данным Статистического управления Швеции, Шведского Агентства по миграции.

Общеввропейский миграционный кризис 2015–2016 годов для Швеции ознаменовался резким скачком прошений о предоставлении политического убежища и ростом незаконной иммиграции [1]. По официальным данным на 2015–2016 годы пришёлся пик въездной иммиграции (134 тыс. и 163 тыс. чел. соответственно), к которому ни государство, ни его жители оказались не готовы. Беспрецедентный рост численности нуждающегося населения привел к значимому истощению социально-экономических ресурсов страны. Именно поэтому уже в 2015–2016 гг. был принят ряд мер для ограничения потока мигрантов (ужесточение паспортного контроля на границе, ограничение возможности получения вида на жительство и воссоединения с семьей и др.), приведший к сокращению внешнего миграционного потока в последующие годы. Последствия миграционного кризиса имеют пролонгированный эффект и окончательные выводы делать, безусловно, рано. Однако уже сейчас можно судить о тех изменениях, которые внесла политика толерантности и открытости границ в этнодемографический ландшафт Швеции (рис. 1, табл. 2). В конце 2010-х годов впервые за всю историю существования страны второй по численности нацией становится далекий от североευропейской идентичности народ — сирийцы. Кроме того, из 10-ки национальных меньшинств под натиском выходцев из стран Ближнего Востока и Африки полностью исчезают представители стран

Скандинавского региона (Норвегии и Дании). Об усилении «несеверного» влияния свидетельствуют и данные об иммигрантах, прибывших в страну в 2019 г., где первые строчки занимают индийцы (7,3 тыс. чел.), афганцы (6,5 тыс.), сирийцы (3,1 тыс.), иракцы (3,6 тыс.) и иранцы (3,5 тыс.). Особую озабоченность вызывают стратегии поведения новых граждан Швеции. Значимая часть новоприбывших не спешит интегрироваться в шведское общество и становиться его полноправным членом, предпочитая пользоваться правами, но пытаясь уклониться от обязанностей. Подобная ситуация, безусловно, ведет к росту социальной напряженности в обществе.

Выводы

Таким образом, главная особенность миграционной ситуации, сложившейся в европейских странах (в частности, в Германии и Швеции) в посткризисный период второй половины 2010-х годов состоит в наложении на давно ставший традиционным процесс международной трудовой миграции (как легальной, так и нелегальной) лавинообразного потока беженцев из зон гуманитарных катастроф. Стремительный рост численности новых граждан привел к социально значимому изменению этнодемографического ландшафта, включая изменение соотношения между традиционно многочисленными и до этого малочисленными этническими группами, появление новых значимых этнических групп и рост мозаичности этнической структуры населения.

В Германии, принявшей основной по объёму потока удар иммиграционной волны 2015–2016 годов, произошло резкое увеличение численности группы, до кризиса незначительной по числу переселенцев – сирийцев, и, соответственно, изменение до этого относительно стабильной первой 10-ки иноэтничных групп. В целом выросло число жителей, не только значительно отличающихся от немецкого населения по своим социокультурным и религиозным характеристикам, но и не стремящихся к адаптации в новой среде. Для Швеции — страны, монокультурность и национальная «замкнутость» которой на протяжении столетий являлись одними из главных отличительных черт, сложившаяся ситуация оказалась сродни революции или перевороту. Миграционный кризис поставил под угрозу традиционную систему шведских национальных ценностей, изменил стратегии социально-экономического развития.

В результате европейского миграционного кризиса обострились проблемы иммиграционной политики, интеграции иммигрантов в общественную среду принимающей стороны. На примере как большой, так и малой европейской страны остро обозначились пределы для социально-экономического маневра в вопросе иммиграции.

Литература

1. Волков А. М. Миграционные потоки в страны Северной Европы // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1 (23). С 126–142.
2. Молодикова И. Н., Лялина А. В. Территориальные различия взглядов немцев на миграционный кризис в Германии: политический аспект // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 82–104.

3. Плевако Н. С., Чернышева О. В. Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после второй мировой войны. М.: Красанд, 2012. 320 с.
4. Романова Е. В. Германия под давлением миграционного кризиса. В кн.: Германия. 2015. Часть 2. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. 92 с.
5. Романова Е. В. Смена миграционной парадигмы в Германии в XXI веке. В кн.: Миграционные проблемы в Европе и пути их решения. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. 144 с.
6. Синцеров Л. М. Международные миграции населения в конце XX – начале XXI века // География и экология в школе XXI века. 2015. № 9. С. 3–11.
7. Толмачева А. Ю. Мигранты-мусульмане в Германии: проблемы адаптации // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 3. С. 57–71.
8. Швеция и миграция [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.sweden.se/migration> (дата обращения 28.06.2020)
9. Worbs S., Rother N., Kreienbrink A. Syrische Migranten in Deutschland als bedeutsame neue Bevölkerungsgruppe // Informationsdienst Soziale Indikatoren. 2019. № 61. S. 2–6.

Е. Е. Demidova¹,
А. В. Starikova²

Ethno-demographic landscape in Europe before and after the migration crisis (evidence from Germany and Sweden)

¹Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia Federation

²Institute of Geography, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia Federation

e-mail: ¹edemidova@geogr.msu.ru, ²a.v.starikova@igras.ru

Abstract. *The second half of the 2010-s is associated with a significant change in the ethno-demographic landscape of the most countries of Western Europe. Changes in the geography of migration flows affecting the ethnic composition of their population are considered on the example of Germany and Sweden, the countries most involved in immigration process as a result of crisis situations in Syria, the southern Mediterranean and the Middle East in 2015–2016.*

Keywords: *migration crisis, immigration, ethnic composition, Germany, Sweden, Europe.*

References

1. Volkov A. M. Migracionny`e potoki v strany` Severnoj Evropy` // Vestnik diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir. 2020. № 1 (23). S. 126–142. (in Russian).
2. Molodikova I. N., Lyalina A. V. Territorial'nye razlichiya vzglyadov nemcev na migracionnyj krizis v Germanii: politicheskij aspekt // Baltijskij region. 2017. T. 9, № 2. S. 82–104. (in Russian).
3. Plevako N. S., Cherny`sheva O. V. Mozhno li stat` shvedom? Politika adaptacii i integracii immigrantov v Shvecii posle vtoroj mirovoj vojny`. M.: Krasand, 2012. 320 s. (in Russian).

4. Romanova E. V. Germaniya pod davleniem migracionnogo krizisa. V kn.: Germaniya. 2015. CHast' 2. M.: In-t Evropy RAN, 2016. 92 s. (in Russian).
5. Romanova E.V. Smena migracionnoj paradigmy v Germanii v XXI veke. V kn.: Migracionnye problemy v Evrope i puti ih resheniya. M.: In-t Evropy RAN, 2016. 144 s. (in Russian).
6. Sincerov L. M. Mezhdunarodny`e migracii naseleniya v konce XX – nachale XXI veka // Geografiya i e`kologiya v shkole XXI veka. 2015. №9. S. 3–11. (in Russian).
7. Tolmacheva A. Yu. Migranty-musul'mane v Germanii: problemy adaptacii // Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. 2019. № 3. S. 57–71. (in Russian).
8. Shveciya i migraciya. URL: <https://ru.sweden.se/migration/>. (in Russian).
9. Worbs S., Rother N., Kreienbrink A. Syrische Migranten in Deutschland als bedeutsame neue Bevölkerungsgruppe // Informationsdienst Soziale Indikatoren. 2019. № 61. S. 2–6. (in German)

Поступила в редакцию 06.07.2020 г

УДК 911.3:324:342.8(73)

С. Н. Киселёв¹,
Н. В. Киселёва²,
А. Н. Яковлев³

Особенности электорального поведения избирателей Крыма: 1991–2014 гг.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное
подразделение), г. Симферополь, Российская Федерация
e-mail: ¹kiselev.crimea@gmail.com, ²nvkis60@mail.ru,
³andrey_yakovlev84@list.ru

Аннотация. В статье дается краткая характеристика электоральной истории постсоветского Крыма от первого крымского референдума 1991 года до выборов Президента Российской Федерации в марте 2018 г. Приводятся данные об электоральном поведении крымчан на парламентских и президентских выборах Украины. Подчеркиваются отличия электоральных предпочтений избирателей Автономной Республики Крым и Севастополя от других регионов Украины.

Ключевые слова: выборы, электоральное поведение, Автономная Республика Крым, Украина, Российская Федерация, референдум.

Введение

Вся позднесоветская и постсоветская электоральная история Крыма до возвращения полуострова в состав Российской Федерации наглядно демонстрировала существенные отличия политических предпочтений населения Автономной Республики Крым и Севастополя от других регионов Украины, в составе которой крымчане оказались вопреки результатам общекрымского референдума — первого в истории СССР. Неудовлетворенность политическим результатом оформления своего волеизъявления 20 января 1991 года определила на весь период нахождения автономии в составе Украины особенности электорального поведения и политических предпочтений крымских избирателей, что наглядно демонстрируют результаты голосования крымчан в общеукраинских избирательных кампаниях.

Именно поэтому совершенно закономерным и логичным финалом пребывания Автономной Республики Крым в составе Украины стали результаты голосования крымчан и севастопольцев на втором общекрымском референдуме 16 марта 2014 года.

Материалы и методы

Источниковой базой исследования служат официальные результаты референдумов, состоявшихся в Крыму и Севастополе, а также общеукраинских выборов, в которых участвовали крымские избиратели с 1991 г. до возвращения полуострова в состав Российской Федерации. В качестве методов использованы: сравнительный метод и метод статистического анализа.

Результаты и обсуждение

Электоральная история еще не постсоветского, но уже не советского формата голосования, началась в Крыму в 1989 г. Впрочем, этот не советский формат голосования зафиксирован во всех регионах Советского Союза на выборах последнего Съезда народных депутатов СССР весной 1989 г. Но уже тогда Крым выделился на электоральной карте страны. Именно в конце 80-х годов прошлого столетия определились основные электоральные предпочтения крымчан, которых они придерживались на протяжении всего этапа постсоветской истории Крымской автономии в составе Украины. Собственно, эти предпочтения и определили появление самой автономии.

Первыми отметили особенности голосования крымского избирателя авторы монографии «Весна 89: География и анатомия парламентских выборов» [1] — по сути первого комплексного электорального исследования в отечественной литературе. Авторы монографии, используя кластерный анализ по 5-ти наиболее показательным электоральным параметрам (степени участия населения в выборах, доле проголосовавших против всех кандидатов, среднему числу кандидатов в округе, энтропии полученных кандидатами голосов, соотношению рангов кандидатов и депутатов) выделили 8 основных типов голосования. Крым в этой типологии не попал ни в одну из выделенных групп, в следствие чего авторы отнесли его к разряду «особых случаев» и уделили внимание результатам голосования на полуострове в отдельном разделе монографии. Данный раздел начинается с описания своеобразия Крыма, обусловленного его природными и историческими особенностями. При этом авторы не углубляются в научное обоснование «особости» полуострова, выдвигая несколько публицистических «максим»: «Крым по отношению к основной «материковой» России — это остров», «Крым — это группа островов, архипелаг», «Крым — это государство в миниатюре» и «Крым, наконец, это вся цивилизация» [1, с. 274–275]. Каждый из этих тезисов достоин отдельного исследования, в самом общем виде они рассмотрены в статье «Пять постулатов крымского регионализма» [2].

Закономерным итогом политического оформления крымского своеобразия в составе СССР на фоне тенденции к его распаду, особенно после того, как спокойный и благополучный южный регион очень остро отреагировал на принятый в октябре 1989 года Верховным Советом Украины закон «О языках в Украинской ССР», стало законодательное оформление требования крымчан о повышении статуса Крымской области.

20 января 1991 г. в Крыму состоялся первый в истории СССР референдум, решение о проведении которого было принято под давлением массовых акций жителей полуострова. На референдум был вынесен вопрос: «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?» В голосовании приняли участие 1 441 019 чел. или 81,4% избирателей от числа внесенных в списки. Положительно на вопрос референдума ответили 1 313 855 человек или 93,3% от принявших участие в голосовании [3]. На основе результатов голосования Верховный Совет Украинской ССР вынужден был принять решение о восстановлении Крымской АССР [4]. Однако восстановление автономии было не единственным, о чем на референдуме заявило население полуострова. Крымчане проголосовали и за то, чтобы Крым стал участником нового Союзного договора, что не было реализовано, но жители полуострова пытались таким образом сохранить и государство, и свое существование в нем.

Свой выбор они подтвердили и на всесоюзном референдуме 17 марта 1991 года о сохранении СССР, отвечая на вопрос: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в котором в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?» В референдуме приняли участие 80% избирателей страны. Из них «Да» ответили 76,4%. В Крыму (без г. Севастополя) высказались за сохранение единого государства 1 085 570 человек (87,6%). В РСФСР таких регионов было всего лишь семь из более чем восьмидесяти административно-территориальных единиц. В Севастополе, за сохранение Советского Союза высказались чуть более 80% граждан [5]. Таким образом, крымчане второй раз высказались за сохранение территориальной целостности страны.

1 декабря 1991 г. на референдуме о независимости Украины жители полуострова также продемонстрировали отрицательное отношение к развалу государства. Так, в Крыму была самая низкая поддержка вопроса, вынесенного на голосование. Если в областях Украины уровень отрицательного отношения к независимости колебался от десятых долей (в Тернопольской области до 13% (в Луганской области), то в Севастополе численность противников независимости была в 5 раз выше среднего показателя по Украине и достигла 39,4%, а в среднем по Республике Крым — в 5,5 раз выше и достигала 42,2%. В том числе в Симферополе 66% жителей, обладающих правом голоса, высказались против независимости [6]. Соответственно и удельный вес электоральной поддержки вопроса референдума в Крыму оказался самым низким. На фоне общей поддержки украинской независимости, уровень которой колебался в областях УССР от 83% до 98%, в Севастополе «незалежність» поддержали 57%, а в среднем по Крымской автономии — 54% (рис. 1), в том числе в Симферополе всего лишь около 33% [6].

После Беловежского соглашения и развала СССР в Крыму инициировали проведение еще одного референдума. В соответствии с действующим законодательством, были собраны сотни тысяч подписей в поддержку крымского референдума со следующей формулировкой вопроса: «Принимая во внимание неправомерность актов 1954 года о передаче Крыма из состава РСФСР в состав УССР, учитывая волю народа Крыма, выраженную на общекрымском референдуме 20 января 1991 года, и в связи с результатами голосования Крыма по вопросу общекрымского референдума 1 декабря 1991 года, Вы за независимую Республику Крым в Союзе с другими государствами?»

5 мая 1992 г. на сессии Крымского парламента было принят «Акт о провозглашении государственной самостоятельности Республики Крым», который должен был вступить в силу с момента его утверждения на общекрымском референдуме, назначенном на 2 августа этого же года [7]. 13 мая Верховный совет Украины признал решения парламента Крыма о провозглашении акта о государственной самостоятельности и проведении референдума, как противоречащие Конституции Украины, и приостановил их действие. Крымские парламентарии под давлением Киева капитулировали, отменив 21 мая акт о самостоятельности и объявив 9 июля мораторий на свое же постановление о проведении референдума, так как его итоги были вполне очевидны, и власть прекрасно понимала, что крымчане в четвертый раз подтвердят свою приверженность сохранению единого государства.

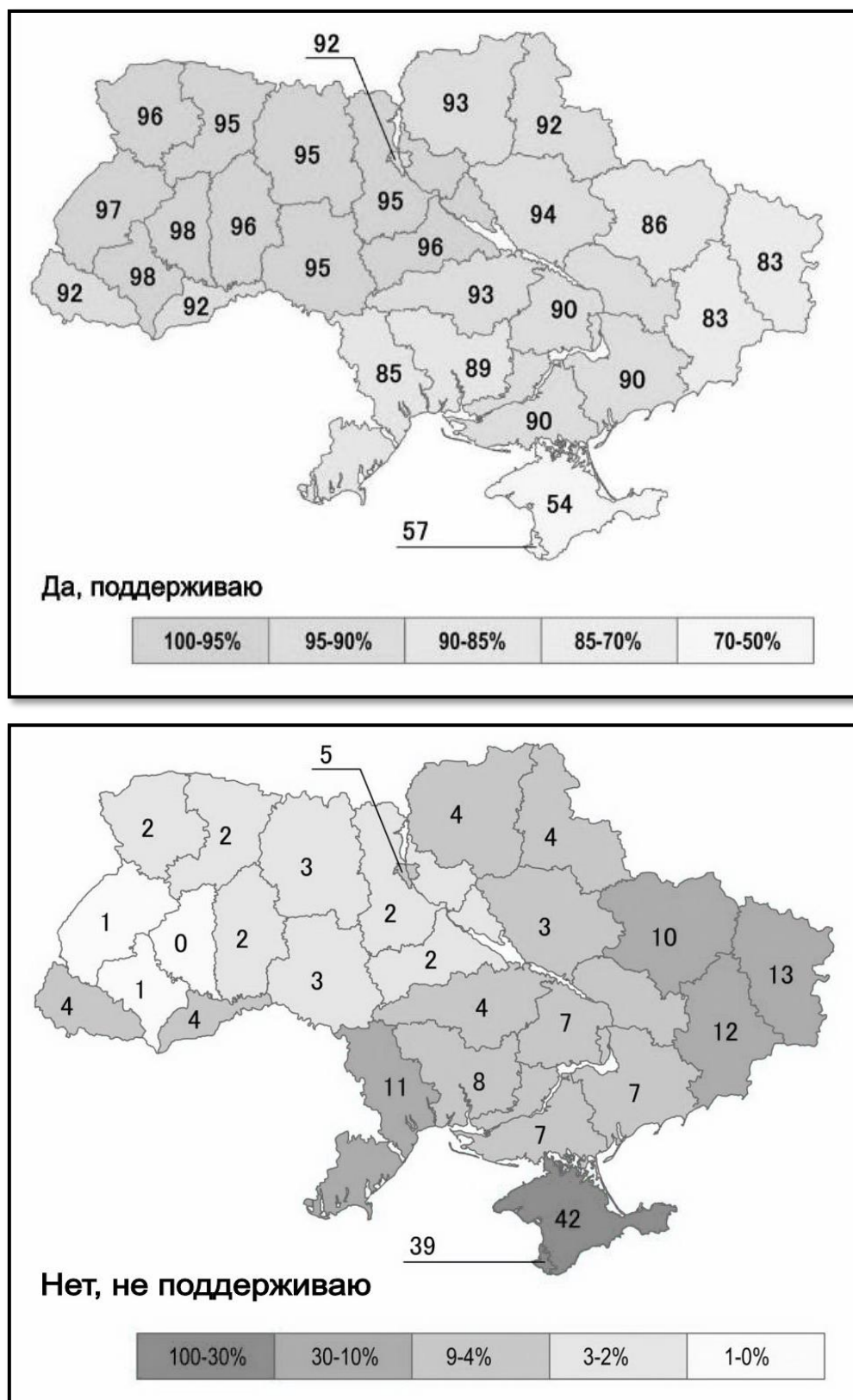

Рис. 1. Голосование жителей Украинской ССР на Всеукраинском референдуме 1 декабря 1991 г. [6]

После развала СССР, оказавшись не по своей воле в составе отделившейся Украины, крымчане в течение десяти лет на выборах украинского парламента отдавали предпочтение коммунистической партии (до 2002 года), с одной стороны, как партии, имеющей хотя бы в названии отдельные символы прошлого единого государства, а с другой, голосуя не «за», а «против» — против появившихся многочисленных украинских партий как элементов изначально антироссийского и антирусского проекта «нэзалэжная Украина».

Выборы первого парламента Украины проходили по мажоритарной системе, пропорциональная система стала использоваться только со вторых выборов Верховной Рады (1998 г.), одна половина депутатов которой избиралась в одномандатных округах, а другая получала мандаты по партийным спискам. Результаты этих выборов показали отличия в партийных предпочтениях крымского избирателя от украинского электората. В Верховную Раду 1998 года по партийным спискам прошли представители 8-ми политических объединений, преодолевших 4-процентный избирательный порог: Коммунистической партии Украины (24,65%), Народного Руха Украины с ярко выраженной националистической программой (9,40%), Избирательного блока Социалистической партии Украины и Селянской партии Украины «За правду, за народ, за Украину!» (8,55%), Партии зеленых Украины (5,43%), Народно-демократической партии (5,01%), Всеукраинского объединения «Громада» (4,67%), Прогрессивной социалистической партии Украины (4,04%) и Социал-демократической партии Украины (объединенной) (4,01%) [8]. В Крыму и Севастополе на этих выборах были самые низкие показатели явки, при этом относительное большинство голосов избиратели полуострова отдали за коммунистов: в Автономной Республике Крым (далее — АРК) — 39,34%, в Севастополе — 45,99%. При этом в АРК второе место по числу голосов заняла партия «Союз», созданная в 1997 году на базе запрещенной Министерством юстиции Украины Крымской партии. В программных задачах партии значились: вхождение Украины в межгосударственный союз с Россией и Белоруссией, федеративное устройство Украины и равноправный статус украинского и русского языков. Это позволило «союзовцам» заручиться поддержкой 104429 крымчан или 10,68% от числа принявших участие в голосовании [8], что превышало более чем в 2,5 раза избирательный порог и более чем в 15 раз электоральный результат партии в целом по Украине (в Севастополе список партии «Союз» поддержали 2,25%). Следует напомнить, что первым председателем партии «Союз» была Светлана Савченко — сегодня депутат Государственной Думы Российской Федерации от Республики Крым.

Третий депутатский состав Верховной Рады Украины формировался по такой же смешанной системе, как и предыдущий, при сохранившемся 4-процентном проходном барьере. Депутатские мандаты по пропорциональной системе получили представители трех партий и трех избирательных блоков: Блока Виктора Ющенко «Наша Украина» (23,57%), Коммунистической партии Украины (19,98%), Блока партий «За единую Украину» (11,77%), Блока Юлии Тимошенко (7,26%), Социалистической партии Украины (6,87%) и Социал-демократической партии Украины (объединенной) (6,27%).

На выборах 2002 г. Крым и Севастополь по-прежнему показали самые низкие результаты по явке избирателей, которые традиционно отдали относительное большинство голосов коммунистам: в АРК — 33,91%, в

Севастополе — 32,73%. Следует отметить, что количество регионов, где 1-е место по-прежнему заняла Компартия Украины в 2002 г. сократилось, по сравнению с предыдущими парламентскими выборами, почти вдвое. На второе место по результатам голосования в Крыму на этих выборах вышла Социал-демократическая партия Украины (объединенная) с электоральной поддержкой 12,47%, в Севастополе — Блок «За единую Украину» (13,15%) [9], поддерживавший украинского президента Леонида Кучму. В Крыму электоральная поддержка избирательного списка победителя выборов Блока Виктора Ющенко «Наша Украина» была почти в 2,5 раза ниже общеукраинского результата, а СДПУ(о) — почти вдвое выше, чем поддержка списка этой партии в целом по Украине. В Севастополе за список Блока Виктора Ющенко отдали голоса 2,99% избирателей, в АРК — 9,77%. Преодолеть проходной барьер националистам из «Нашей Украины» в АРК помог призыв «меджлиса крымско-татарского народа» (в Российской Федерации данное общественное объединение включено в перечень организаций, осуществляющих экстремистскую деятельность [10]) голосовать за Блок Виктора Ющенко.

При этом в Крыму и Севастополе электоральная поддержка Избирательного блока политических партий «Русский блок» превысила проходной барьер, чего не удалось достичь кандидатам данного блока ни в одной из украинских областей. В состав этого блока входили партия «Русский блок» (партия «За Русь Единую», партия «Русско-Украинский Союз» (РУСЬ) и партия «Союз». Список «Русского блока» в Крыму поддержали 45 865 избирателей или 4,76% от числа принявших участие в голосовании, в Севастополе — 15 641 чел. или 8,83% [9].

После националистического переворота 2004 года на выборах депутатов Украины крымчане стали отдавать предпочтение не коммунистам, а Партии регионов, как единственной, хотя и очень слабой альтернативе украинскому неонацизму.

В отличие от парламентских выборов 2002 г. очередные выборы депутатов Верховной Рады Украины 2006 года проходили исключительно по партийным спискам с 3-процентным барьером, но число партий и блоков, преодолевших сниженный избирательный порог, уменьшилось до пяти.

Согласно официальным результатам Центральной избирательной комиссии, в Верховную раду V созыва прошли: Партия регионов (32,14%), Блок Юлии Тимошенко (22,29%), Народный Союз «Наша Украина» (13,95%), Социалистическая партия Украины (5,69%) и Коммунистическая партия Украины (3,66%). Блоку Натальи Витренко (2,93%), в состав которого входили Прогрессивная социалистическая партия Украины и партия Русско-Украинский Союз (РУСЬ), не хватило сотых долей для преодоления проходного барьера [11].

В Автономной Республике Крым преодолели избирательный порог четыре из пяти проходных парламентских партий (кроме Соцпартии), в Севастополе — три (кроме Соцпартии и блока «Наша Украина»). Блок «Наша Украина» в Крыму, по сравнению с предыдущими выборами украинских депутатов, ухудшил свои позиции, потому что, несмотря на призывы Мустафы Джемилева, часть голосов крымско-татарского электората ушла Блоку Юлии Тимошенко (БЮТ). При этом Крым и Севастополь вошли в группу регионов с самой низкой поддержкой БЮТ, за список которого в Крыму проголосовали 6,54%, а в Севастополе — 4,53%. Меньший электоральный рейтинг Блока Юлии Тимошенко был зафиксирован только в Луганской (3,71%) и Донецкой (2,47%) областях.

Электоральная поддержка Партии регионов в Автономной Республике Крым составила 58,01%, в Севастополе — 64,26%, такие показатели почти вдвое превышали общеукраинский результат. Большую поддержку избирателей партия получила только в Луганской и Донецкой областях (74,33% и 73,63% соответственно). За Блок Натальи Витренко «Народная оппозиция» в Севастополе проголосовали 10,09% избирателей, а в Крыму — 6,18%. Лучших электоральных результатов, чем в АРК, Блоку Натальи Витренко, выступавшему за союз Украины с Белоруссией и Россией, а также за единое экономическое пространство, удалось добиться только в Донецкой и Запорожской областях (6,80% и 6,54% соответственно) [11].

В парламентских выборах 2006 г. впервые принимает участие Всеукраинское объединение «Свобода» — на тот момент наиболее радикальная из всех многочисленных украинских националистических партий, электоральный рейтинг которой с 0,36% (91 321 чел.) в 2006 г. вырос к 2012 году более чем в 25 раз — до 10,44% (2 129 933 чел.) Крым и Севастополь в 2006 г. вошли в группу регионов, где рейтинг «Свободы» исчислялся сотыми долями процентов — 0,05% (в Донецкой и Луганской областях — 0,03%, в Запорожской — 0,06%, в Херсонской — 0,07%) [11].

30 сентября 2007 г. на Украине прошли внеочередные выборы Верховной Рады, назначенные после договоренности между президентом Виктором Ющенко и премьер-министром Виктором Януковичем как попытка выхода из затяжного политического кризиса.

На внеочередных выборах, как и на предыдущих, преодолели 3-процентный проходной барьер пять политических объединений: Партия регионов (34,37%), Блок Юлии Тимошенко (30,71%), Блок «Наша Украина – Народная самооборона» (14,15%), Коммунистическая партия Украины (5,39%) и Блок Литвина (3,96%). Блок Натальи Витренко (2,93%), в состав которого входили Прогрессивная социалистическая партия Украины (ПСПУ), возглавляемая Натальей Витренко, ухудшил свой электоральный результат, который снизился до 1,32% [12].

Партию регионов (ПР) в Автономной Республике Крым поддержали 60,98% избирателей, в Севастополе — 64,53%. По-прежнему Крым и Севастополь уступали в уровне электоральной поддержки «регионалов» только Луганской и Донецкой областям, где за список ПР проголосовали 73,53% и 72,05% избирателей соответственно. На внеочередных выборах повторилась ситуация и с антирейтингом Блока Юлии Тимошенко, за который в Крыму проголосовали 6,93%, а в Севастополе — 5,01%. Менее 10% голосов избирателей БЮТ получил еще только в двух регионах — Луганской (5,10%) и Донецкой (3,92%) областях [12].

Также в одну группу с Донецкой и Луганской областями вошли Крым и Севастополь по уровню поддержки радикальных националистов из партии «Свобода». В 2007 г. эти регионы остались единственными, где электоральный рейтинг «Свободы» исчислялся сотыми долями процента: Крым и Севастополь — 0,09%, Донецкая область — 0,08%, Луганская область — 0,06% [12]. В 2007 г. партии «Свобода» по-прежнему не удалось преодолеть проходной барьер, но в целом по Украине она улучшила свой электоральный результат более чем в два раза.

На внеочередных выборах Крым и Севастополь остались единственными регионами, где список Прогрессивной социалистической партии Украины

Наталии Витренко, выступавшей за союз России, Белоруссии и Украины, преодолел проходной барьер. В АРК за ПСПУ проголосовали 4,10%, в Севастополе — 6,64% [12].

На очередных выборах депутатов Верховной Рады Украины 2012 года Киев вернулся к смешанной избирательной системе (50% мандатов по пропорциональной системе, 50% — по мажоритарной) и повысил проходной порог для партий и блоков до 5%.

Согласно официальным результатам Центральной избирательной комиссии, в Верховную раду VII созыва прошли: Партия регионов (30,00%), Блок Юлии Тимошенко (25,54%), Партия «Удар» (Украинский демократический альянс за реформы) Виталия Кличко (13,96%), Коммунистическая партия Украины (13,18%) и Политическая партия Всеукраинское объединение «Свобода» (10,44%) [13].

Одновременно с электоральными попытками противостоять украинскому нацизму крымчане демонстрировали отчуждение Киеву, строившему свое государство как антирусский проект. Отчуждение крымчан выражалось в постоянном падении избирательной активности. На последних выборах депутатов Верховной Рады Украины 2012 г., в которых принимали участие крымчане, явка в Крыму составила менее 50%.

В Автономной Республике Крым Партия регионов в 2012 г. получила 52,34% голосов избирателей, принявших участие в выборах, в Севастополе — 46,90%. Электоральный рейтинг свыше 50% «регионалам» удалось сохранить еще только в двух регионах — Донецкой и Луганской областях (65,09% и 57,06% соответственно). На второе место в электоральном рейтинге и в Крыму, и в Севастополе вышли коммунисты, набравшие в Автономной Республике Крым 19,41% голосов, а в Севастополе — 29,46%. Занять вторые позиции после «регионалов» коммунисты смогли еще в восьми областях Украины: Днепропетровской (19,38%), Донецкой (18,85%), Запорожской (21,16%), Луганской (25,14%), Николаевской (19,09%), Одесской (18,16%), Харьковской (20,84%) и Херсонской (23,34%). Реванш украинских коммунистов в 2012 году привел к тому, что после второго майдана и госпереворота (2013–2014 гг.), в результате которого в стране победила неонацистская идеология, компартия фактически перестала существовать. Этому способствовали действия, предпринятые со стороны и. о. главы государства Александра Турчинова, заявившего о необходимости запрета КПУ, и главы СБУ Валентина Наливайченко, предоставившего в Министерство юстиции Украины документы о запрете партии; а также обращение Министерства юстиции Украины и Государственной регистрационной службы в суд с прошениями о рассмотрении запрета деятельности на территории Украины Коммунистической партии; роспуск фракции КПУ Верховной Радой Украины в июле 2014 г.; принятие в апреле 2015 г. большинством украинских депутатов законопроекта «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрет пропаганды их символики», который в мае был подписан президентом Петром Порошенко; и, наконец, решение в декабре 2015 г. Окружного административного суда Киева удовлетворить в полном объеме иск Минюста о запрете деятельности Коммунистической партии Украины. Апелляция КПУ не была удовлетворена, на данный момент формально решение суда о запрете Компартии не вступило в законную силу, т.к.

производство по делу приостановлено Апелляционным судом до рассмотрения Конституционным судом Украины депутатского запроса о конституционности закона о декоммунизации.

Радикальные националисты из партии «Свобода», вопреки прогнозам подавляющего большинства украинских политологов и политтехнологов, не только преодолели увеличенный до 5% проходной барьер, но и получили вдвое больше голосов избирателей от установленного порога.

В связи с этим следует еще раз подчеркнуть, что, отдавая предпочтение сначала коммунистам, а затем регионалам, крымчане голосовали не столько за программы и политические лозунги Компартии Украины или Партии регионов, сколько против украинского национализма, т.к. в отличие от подавляющего большинства граждан Украины видели реальную угрозу победы неонацизма в этой стране, а предвидели ее еще в конце 80-х годов XX ст., когда организовали движение за крымскую автономию как «защитную оболочку» для крымского регионального сообщества.

Эту же угрозу и тенденцию, в отличие от украинских коллег, отмечали и крымские политологи. Например, исследование динамики роста популярности «Свободы» позволяло еще задолго до выборов депутатов Верховной Рады 2012 г. прогнозировать, что радикальные националисты с легкостью преодолеют проходной барьер, даже повышенный с трех процентов до пяти, да еще и «с двойным запасом», поэтому комментарии украинских политиков и большинства политологов, заявлявших, что главным открытием или сюрпризом тех выборов стал электоральный рейтинг «Свободы», вызывали только удивление. Никакого «сюрприза» в этом не было. Наоборот, вполне закономерный и прогнозируемый результат [14], который можно было предвидеть еще на выборах 2007 года, когда партия Олега Тягнибока, не попав в парламент, тем не менее, продемонстрировала самую широкую географию увеличения электоральной поддержки (число ее избирателей выросло абсолютно во всех регионах) и самую перспективную динамику. В 14-ти из 27-ми административно-территориальных единиц «Свобода» увеличила число своих сторонников на 100 и более процентов.

Поэтому второй украинский майдан вызвал вполне прогнозируемую реакцию в Крыму и Севастополе, как и вполне закономерными были результаты второго крымского референдума.

Референдумы 20 января 1991 г. и 16 марта 2014 г. являются судьбоносными для Крыма. Именно поэтому во время проведения этих плебисцитов были зафиксированы высочайшие показатели электоральной активности жителей полуострова и поддержки основных вопросов, выносимых на референдумы.

В январе 1991 г. в большинстве административно-территориальных единиц тогда еще Крымской области электоральная активность превышала 80%. В среднем по Крыму (без Севастополя) явка составила 82,1%, в Севастополе — 77,7%. В голосовании приняли участие 81,4% избирателей. За автономный статус Крыма в составе обновленного СССР высказались в среднем 93,3% жителей полуострова, в том числе в Крымской области (без Севастополя) — 91,3%, в Севастополе — 90,6%. В подавляющем большинстве административно-территориальных единиц области поддержка крымской автономии превысила 90% [15].

Массовая электоральная активность крымчан после плебисцита 20 января 1991 года в следующий раз проявилась на референдуме 16 марта 2014 года,

результаты которого зафиксировали как высокую явку, так и массовую поддержку воссоединения с Россией.

В марте 2014 г. средние показатели явки и в Крыму, и в Севастополе были выше, чем на референдуме 1991 г., — 83,1% и 89,5% соответственно. В большинстве административно-территориальных единиц АРК показатели явки, как и в 1991 г., превышали 80% [16].

На вопрос: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» — в Республике Крым положительно ответили 96,8%, в Севастополе — 95,6% [16].

Закономерными были не только результаты крымского референдума, но и реакция России, которая к этому времени уже начала преодолевать последствия дезорганизации внешней политики 90-х годов и приступила к последовательному отстаиванию своих национальных интересов. Как писали за 20 лет до событий 2014 года крымские авторы монографии «Размышления о Крыме и геополитике», «возрожденной России для обеспечения своих интересов в Европе рано или поздно придется все же потребовать возвращения Крыма в ее состав», после чего «неминуемо восстановится ее сильная внешняя политика и начнется обратное движение от рубежей предательства к рубежам победы» [17].

Избиратели Крымского полуострова за годы своего нахождения в составе Украины принимали участие не только в парламентских, но и в 5-ти президентских выборах. Как и на парламентских выборах главным мотивом голосования крымчан за того или иного кандидата был принцип голосования «от противного» или выбора «среди двух зол». Немаловажную роль в этом «выборе без выбора» играл и языковой вопрос, на котором спекулировали кандидаты на пост главы украинского государства в период каждой предвыборной кампании.

В 1991 г. кандидат в президенты Украины Леонид Кравчук выпустил знаменитое обращение «К русским соотечественникам», где обещал 12-ти миллионам русских («дорогие русские братья и сестры, живущие на Украине»), что будет делать все, от него зависящее, «для полного удовлетворения политических, экономических, социальных и духовных запросов русского населения, для государственной защиты его законных интересов». В этом же обращении он заверял, что в будущей независимой Украине «ни в коем случае не будет допускаться насильственная украинизация русских», а «любые попытки дискриминации по национальному признаку будут решительно пресекаться» [18].

Как «выполнил» свои обещания первый президент Украины, известно всем. Но все последующие президенты Украины использовали в своих предвыборных кампаниях успешно зарекомендовавшую себя на первых президентских выборах (1 декабря 1991 г.) модель предвыборного поведения — впервые участвуя в выборах «ставить» на поддержку электората юго-восточных регионов, используя русский вопрос, а добившись победы, отдавать всю культурно-образовательно-политическую сферу политикам с западной Украины и на следующих выборах баллотироваться, опираясь на антирусский и антироссийский электорат.

1 декабря 1991 года первым президентом Украины стал бывший секретарь по идеологии ЦК Компартии Украины Леонид Кравчук. За него проголосовали 61,59% избирателей, что обеспечило ему победу уже в первом туре. Причем большинство голосов он получил в подавляющем большинстве областей тогда еще Украинской ССР, кроме западных — Львовской, Ивано-Франковской и

Тернопольской. В Автономной Республике Крым за Кравчука проголосовали 56,68% избирателей, в Севастополе — 54,68% (рис. 2.) [19].

Рис. 2. Лидеры электоральной поддержки в регионах на выборах президента Украины 1 декабря 1991 г. [19]

Главную конкуренцию бывшему секретарю ЦК КПУ и главе Верховной Рады составлял глава националистического Народного Руха Украины Вячеслав Черновол, поэтому 1991 год можно считать отправным в электоральной истории Крыма, положившим начало тенденции голосования жителей полуострова не «за», а «против».

На следующих президентских выборах главную конкуренцию Леониду Кравчуку составил Леонид Кучма, который шел на выборы с лозунгами о придании русскому языку статуса официального и выступал за сближение с Россией. К этому времени идеологический «водораздел» на Украине стал более выраженным. В первом туре (26 июня 1994 г.) Л. Кравчук получил 38,36% поддержки, Л. Кучма — 31,17%. Во втором туре они поменялись местами, и Леонид Кучма победил Леонида Кравчука с электоральным счетом 52,15%: 45,06%.

В Автономной Республике Крым за Леонида Кучму, как альтернативу националисту Леониду Кравчуку, в 1994 г. проголосовали 89,70% избирателей, в Севастополе — 91,98% (рис. 3) [19].

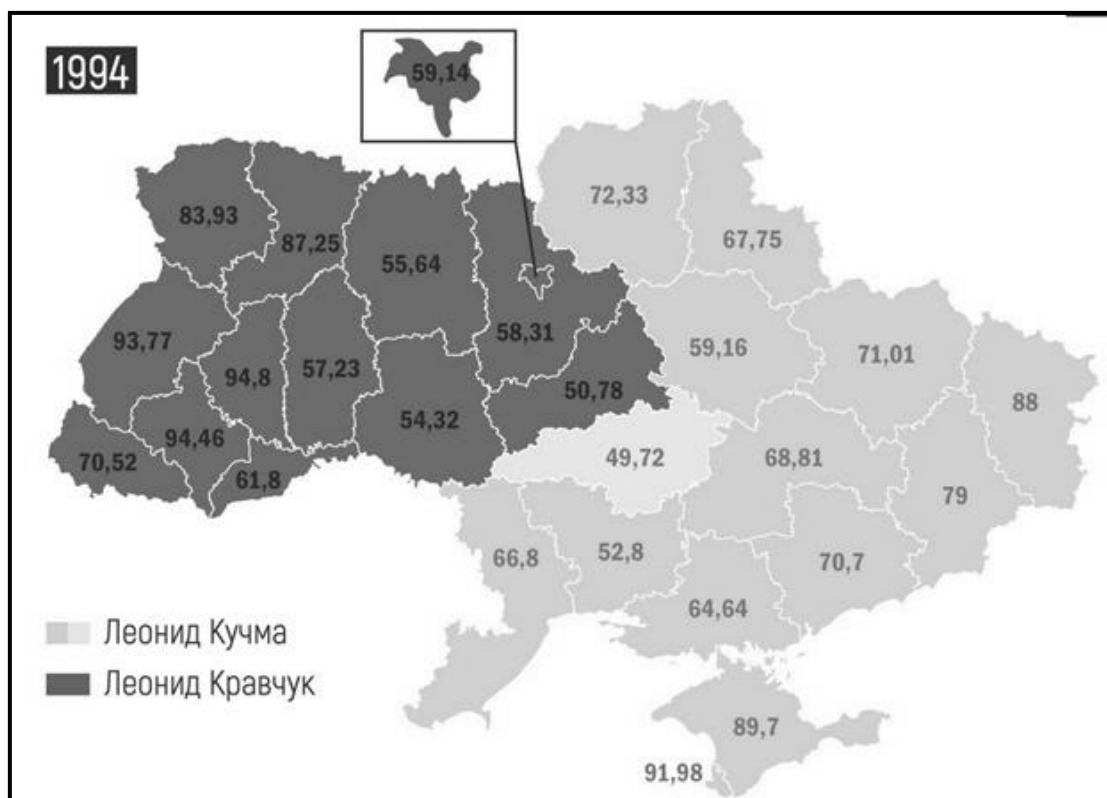

Рис. 3. Лидеры электоральной поддержки в регионах во II туре выборов президента Украины 10 июля 1994 г. [19]

С приходом к власти с Леонидом Кучмой произошла уже обычная для украинских президентов метаморфоза — пророссийский вектор предвыборной риторики он сменил на прозападный. Поэтому карта поддержки Леонида Кучмы на следующих президентских выборах фактически стала противоположным отображением электоральных настроений 1994 года. За Леонида Кучму теперь голосовали избиратели в основном западных областей, а подавляющее большинство юго-восточных регионов, в которых на предыдущих выборах он лидировал, на этот раз отдали предпочтение его конкуренту — лидеру украинских коммунистов Петру Симоненко. В числе таких регионов была и Автономная Республика Крым, где более половины избирателей (51,22%) проголосовали за Петра Симоненко. В Севастополе, наоборот, 50,17% избирателей отдали голоса Леониду Кучме, одержавшему победу во втором туре выборов (14 ноября 1999 года) (рис. 4.) [20].

За действующего президента в целом по Украине проголосовали 56,25% избирателей, за лидера коммунистов — 37,80%. В первом туре голосования избиратели Севастополя также отдавали предпочтение Леониду Кучме (34,51%), а в Автономной Республике Крым — Петру Симоненко (37,64%) [20].

Следует отметить, что в предвыборных программах только двух кандидатов в президенты Украины на выборах 1999 года было положение о придании русскому языку статуса второго государственного — в программе Петра Симоненко (Коммунистическая партия Украины) и в программе Александра Базилюка (Славянская партия) [20].

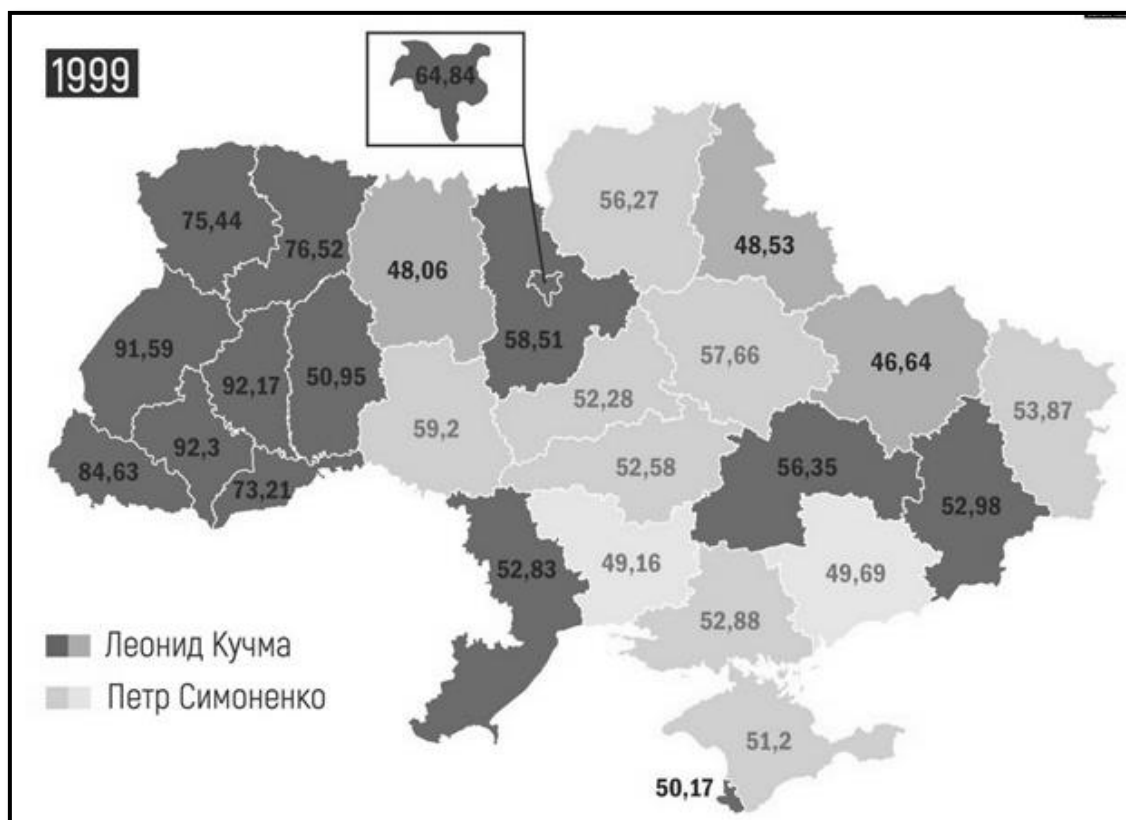

Рис. 4. Лидеры электоральной поддержки в регионах во II туре выборов президента Украины 14 ноября 1999 г. [19]

Противостояние «запада» и «востока» Украины наиболее ярко проявилось на президентских выборах 2004 года, где условно пророссийскому Виктору Януковичу противостоял безусловно антироссийский Виктор Ющенко. В первом туре (31 октября) В. Ющенко получил 39,90% голосов, а В. Янукович 39,26% (рис. 5-А). По результатам второго тура председатель ЦИК Украины Сергей Кивалов объявил победителем выборов Виктора Януковича, озвучив следующее соотношение голосов, полученных двумя кандидатами — 49,42% и 46,69% (рис. 5-Б) [21].

С такими результатами не согласились сторонники Ющенко, а также западные структуры (Миссия международных наблюдателей ОБСЕ, ПАСЕ, Европарламента и Парламентской ассамблеи НАТО), заявившие о несоответствии второго тура голосования «европейским стандартам демократических выборов» [22]

В стране началась «цветная (оранжевая) революция». Верховный суд Украины принял решение о невозможности «установить результаты реального волеизъявления избирателей» и назначил переголосование второго тура, а по сути — третий тур выборов. В итоге голоса избирателей разделились следующим образом: Виктор Янукович получил 44,20% электоральной поддержки, а Ющенко — 51,99% и стал президентом Украины (рис. 5-В) [21].

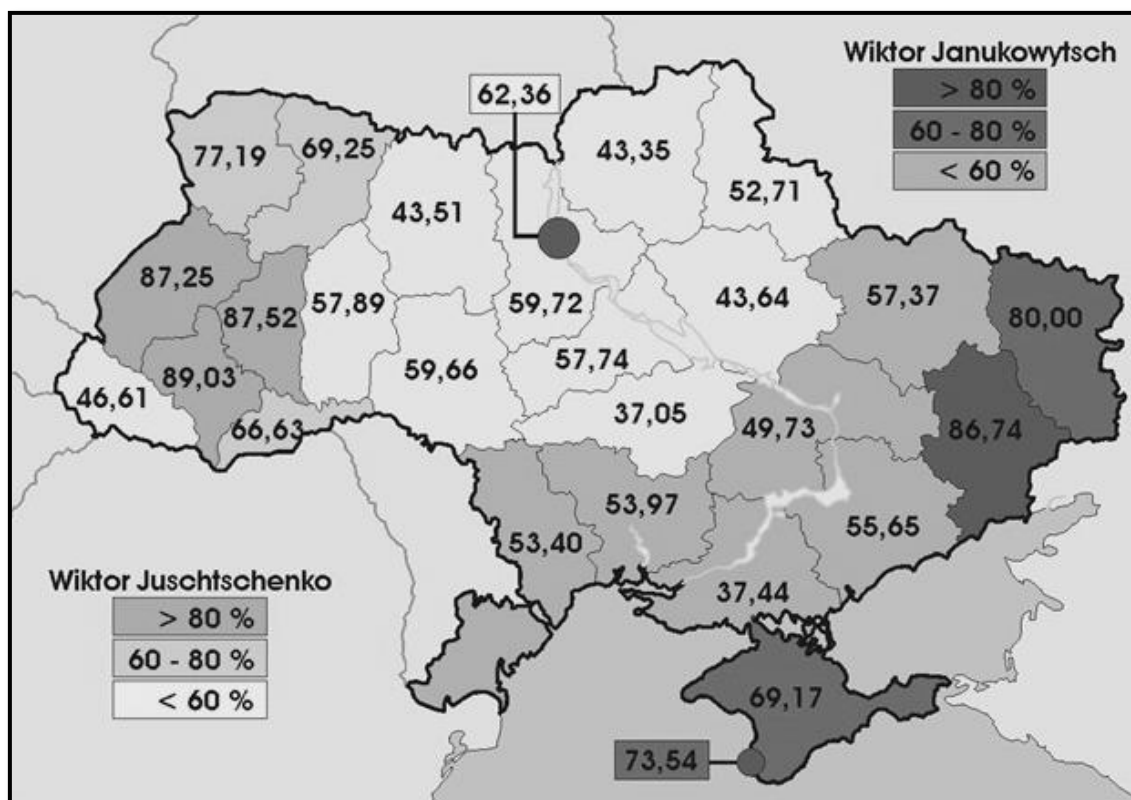

Рис. 5-А. I тур голосования — 31.10.2004 г.

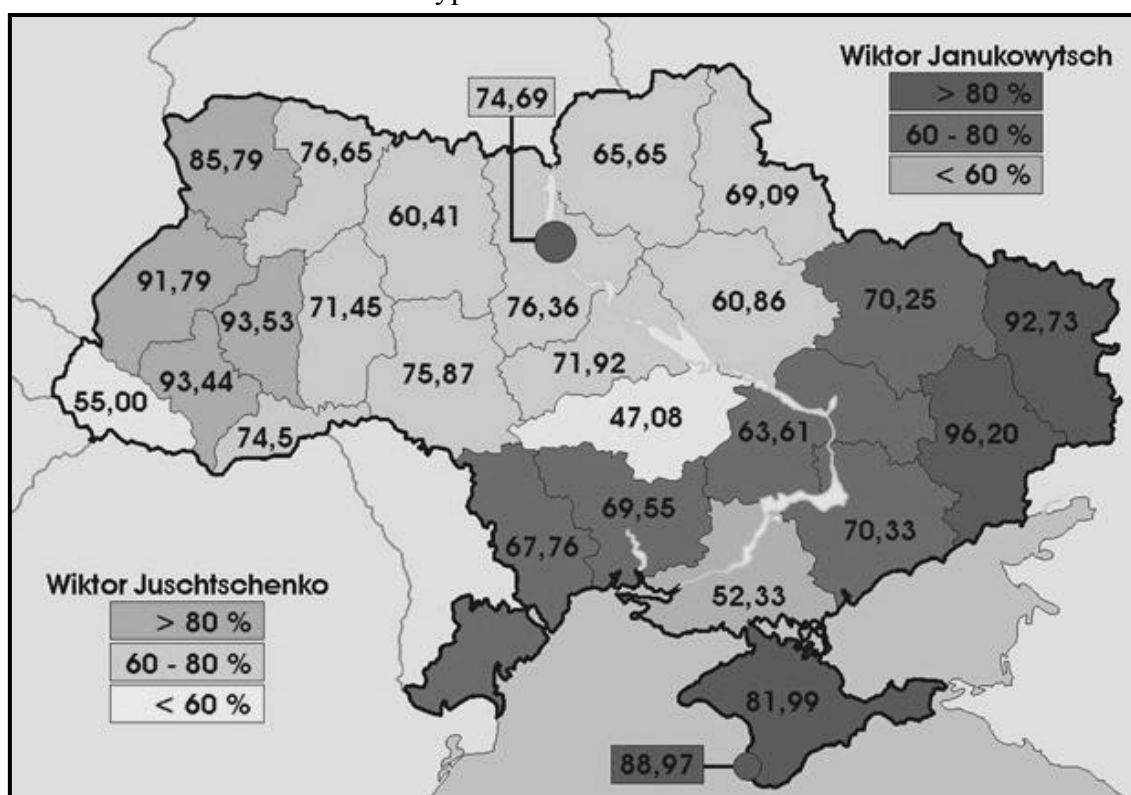

Рис. 5-Б. II тур голосования — 21.11.2004 г.

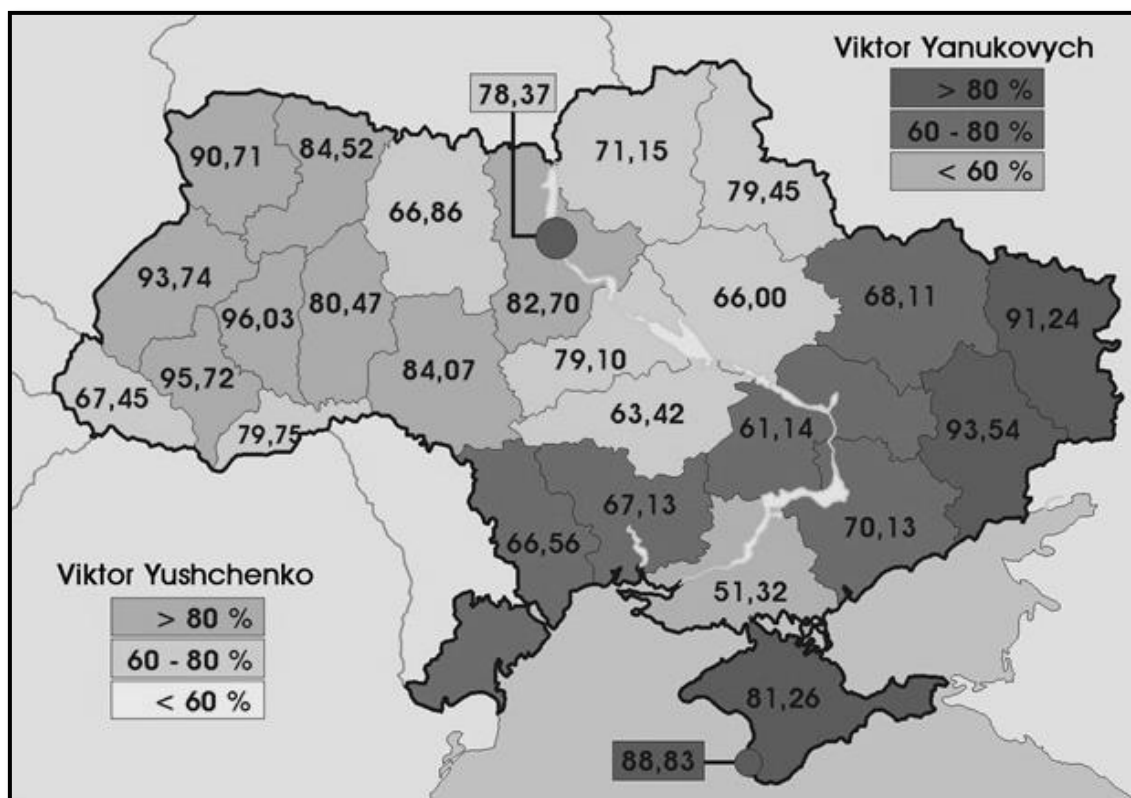

Рис. 5-В. III тур голосования — 26.12.2004 г.

Рис. 5. Лидеры электоральной поддержки в регионах во трех турах выборов президента Украины 2004 г. [23]

На всех трех турах голосования избиратели Автономной Республики Крым и Севастополя в очередной раз отдали свои голоса т.к. называемому пророссийскому кандидату в противовес кандидату от националистов (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительные результаты голосования и электоральной активности в Автономной Республике Крым, Севастополе и Украине на трех турах президентских выборов 2004 г.

І тур	АРК	Севастополь	Украина
Ющенко	12,79%	5,97%	39,90%
Янукович	69,17%	73,54%	39,26%
Явка	65,94%	70,27%	74,54%
ІІ тур	АРК	Севастополь	Украина
Ющенко	14,79%	7,61%	46,61%
Янукович	81,99%	88,97%	49,46%
Явка	78,14%	81,86%	80,40%
ІІІ тур	АРК	Севастополь	Украина
Ющенко	15,41%	7,96%	51,99%
Янукович	81,26%	88,83%	44,20%
Явка	77,19%	79,88%	77,19%

Составлено по [21]

В своей предвыборной программе Виктор Янукович обещал «свободное развитие русскому языку», а Виктор Ющенко вообще не касался языкового вопроса, но во время предвыборной гонки накануне III тура в украинских СМИ и соцсетях стали распространяться фейки о том, что одним из первых указов, которые он подпишет, став президентом, будет указ «О защите прав граждан на использование русского языка и языков других национальностей Украины» [24].

Став президентом, Ющенко опроверг подобные сообщения, запущенные в информационное поле в рамках традиционной модели украинских президентских кампаний, построенной на спекуляции на «русском вопросе».

Пятые (очередные) выборы президента Украины прошли в два тура: 17 января и 7 февраля 2010 года. В первом туре Виктор Янукович получил 35,32 % голосов избирателей, а его главный конкурент — Юлия Тимошенко — 25,05%. Во втором туре лидер Партии регионов набрал 48,95% голосов, победив с незначительным перевесом Юлию Тимошенко, за которую отдали голоса 45,47% участников выборов (рис. 6) [25].

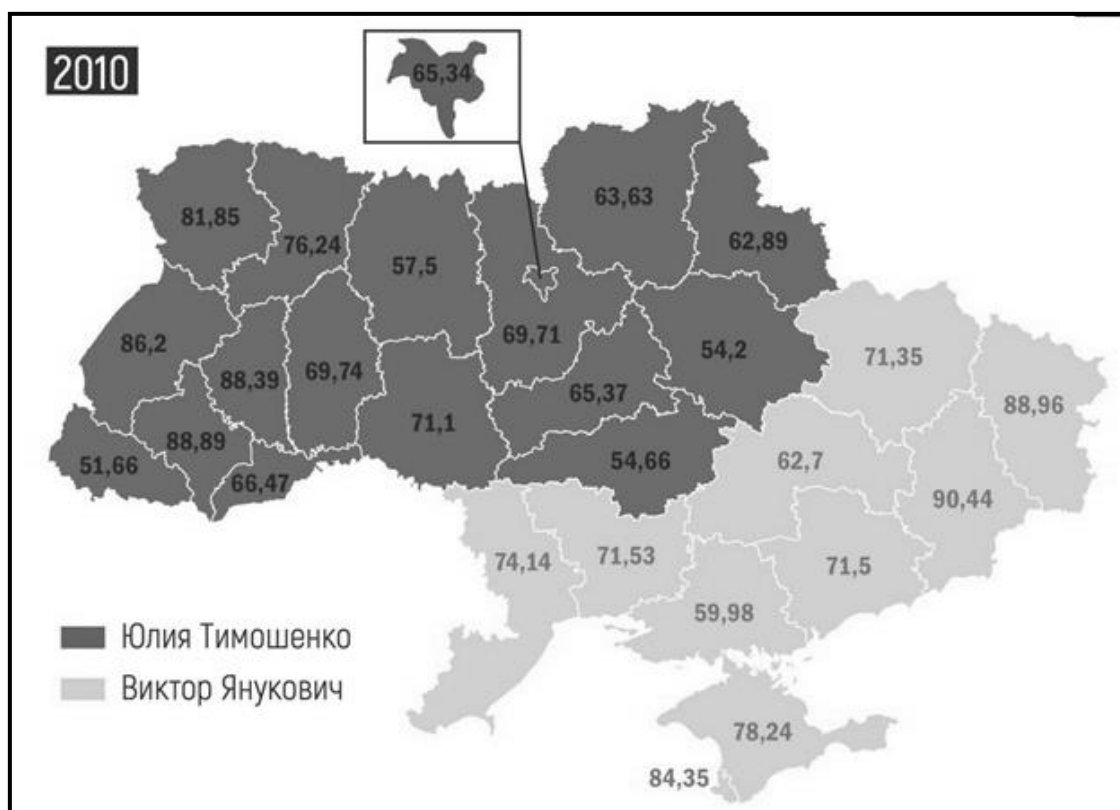

Рис. 6. Лидеры электоральной поддержки в регионах во II туре выборов президента Украины 7 февраля 2010 г. [19]

В первом туре в Автономной Республике Крым за Януковича проголосовали 61,13% избирателей, а за Тимошенко — 25,05%, в Севастополе — 56,09% и 6,52% соответственно. Во втором туре за Януковича в АРК отдали голоса 78,24%, избирателей в Севастополе — 84,35%; за Тимошенко — 17,31% и 10,38% соответственно [26].

В своей предвыборной программе 2010 г. Виктор Янукович ушел от неконкретного обещания по статусу русского языка образца 2004 г. («свободное

развитие»), а указал, что русский язык получит статус государственного. В программе Юлии Тимошенко языковой вопрос вообще не упоминался. Хотя на этих выборах большинство кандидатов в президенты (10 из 18) в своих программах затрагивали языковую проблему.

Это были последние выборы президента Украины, в которых участвовали крымчане. Вернувшись в 2014 г. в Россию, избиратели Республики Крым и Севастополя на выборах президента Российской Федерации впервые голосовали не «против» какого-то из кандидатов, а «за» главу государства.

В целом по Республике Крым за Владимира Путина проголосовали 92,15%, в Севастополе — 90,19%.

Более 92% избирателей проголосовали за действующего президента в следующих городах Республики Крым: Евпатория (92,04%), Керчь (92,26%), Красноперекопск (92,86%), Саки (92,22%) Симферополь (92,9%), Феодосия (92,23%). Среди муниципальных районов Республики более 92% избирателей отдали свои голоса Владимиру Путину в Джанкойском (92,17%), Красногвардейском (92,09%), Ленинском (92,09%), Нижнегорском (92,41%), Первомайском (92,93%), Раздольненском (92,47%) и Сакском (92,24%) районах (рис. 7) [27, 28].

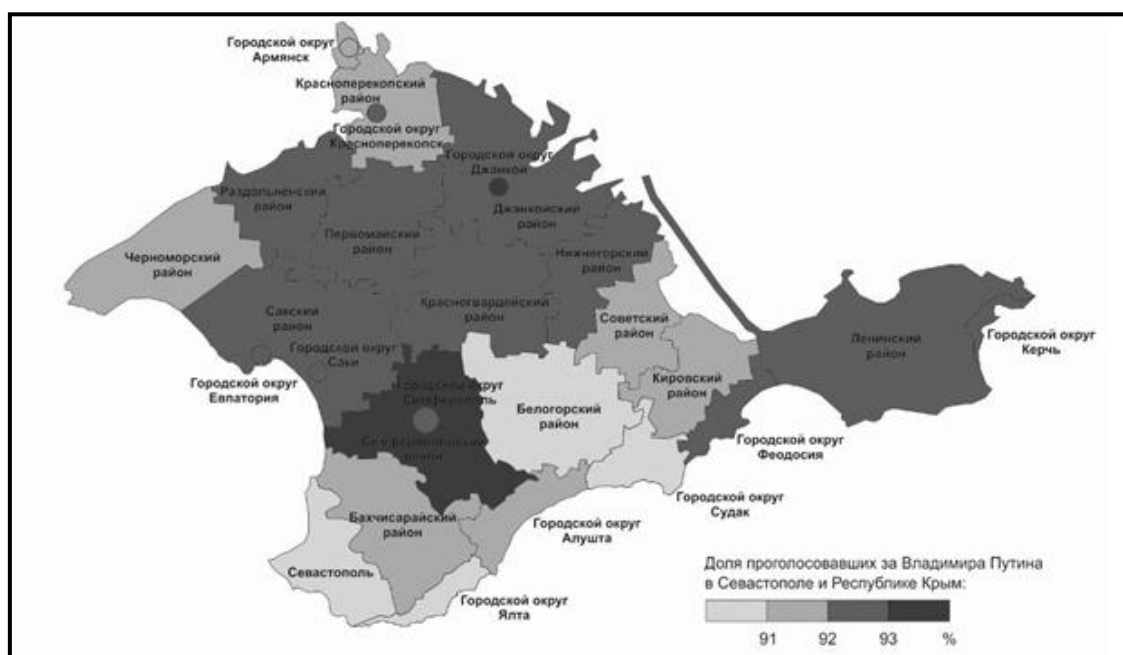

Рис. 7. Уровень электоральной поддержки Владимира Путина на выборах Президента Российской Федерации 2018 г.

Составлено автором

Безоговорочная победа Владимира Путина в Севастополе и во всех регионах Республики Крым свидетельствует не только о его массовой поддержке на полуострове, но также говорит о том, что жители Крыма и Севастополя, голосовавшие на референдуме в марте 2014 года за возвращение в Россию, таким образом выразили еще свою личную благодарность президенту за то, что он вернул им Родину. Участием крымчан в выборах Президента Российской Федерации был закончен полный избирательный цикл для всех органов власти.

Произошла окончательная «электоральная интеграция» Республики Крым и Севастополя в состав Российской Федерации.

Выводы

1. К моменту приобретения Украиной независимости Крым уже выделялся на политической карте страны особенностями электорального поведения населения.

2. В период нахождения Крыма в составе Украины голосование крымчан существенно отличалось от общеукраинских результатов.

3. Крымчане на общеукраинских выборах отдавали предпочтение тем партиям и кандидатам в президенты, которые в своих программах декларировали государственный статус русского языка, политическую и экономическую интеграцию с Россией.

Референдумы 1991 г. и 2014 г. наглядно продемонстрировали электоральное единство крымчан в вопросах выбора политического вектора региона, кардинально отличавшегося от Украины.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-05-00725 А.

Литература

1. Весна 89: География и анатомия парламентских выборов / А. В. Березкин, В. А. Колосов, В. А. Мячин и др.; под ред. В. А. Колосова, Н. В. Петрова, Л. В. Смирнягина. М.: Прогресс, 1990. 82 с.
2. Киселёв С. Н. Пять постулатов крымского регионализма // ОстровКрым. 1999. №3. С. 42–43.
3. О результатах Референдума о государственном и правовом статусе Крыма, состоявшегося 20 января 1991 года // Крымская правда. 1991. 22 января.
4. Закон Украинской Советской Социалистической Республики «О восстановлении Крымской Автономной Советской Социалистической Республики» №712-XII от 12.02.1991 г. // Голос Украины. 15 февраля 1991 г.
5. Аригин А. Н. История референдумов в Крыму — долгий путь к воссоединению с Россией [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.rcoit.ru/lib/history/russian_federation/18119/
6. 1991 Ukrainian independence referendum [Электронный ресурс] Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/1991_Ukrainian_independence_referendum
7. Референдумы в Крыму, на Украине и в СССР [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://kro-krim.narod.ru/LITERAT/UKRAIN/referen.htm>
8. Очередные выборы народных депутатов Украины 29.03.1998 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd1998/webproc0vfc93.html>
9. Очередные выборы народных депутатов Украины 31.03.2002 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2002/webproc0v.html>
10. Общественное объединение «Меджлис крымскотатарского народа» включено в перечень общественных объединений и религиозных организаций, деятельность которых приостановлена в связи с осуществлением ими

- экстремистской деятельности [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://minjust.gov.ru/press/news/obshchestvennoe-obedinenie-medzhlis-krymskotatarskogo-naroda-vklyucheno-v-perechen>
11. Очередные выборы народных депутатов Украины 26.03.2006 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2006/w6p001.html>
 12. Внеочередные выборы народных депутатов Украины 30.09.2007 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2007/w6p001.html>
 13. Очередные выборы народных депутатов Украины 28.10.2012 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/wp001.html#>
 14. Киселева Н. Партия «Свобода» — программный неонацизм и угрозы для крымской автономии [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.novoross.info/biblioteka/15581-natalya-kiseleva-partiya-svoboda-programmnyu-neonacizm-i-ugrozy-dlya-respubliki-krym.html>
 15. Итоговые сведения о результатах голосования на референдуме о правовом статусе Крыма, 20 января 1991 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/itogovye-svedeniya-po-rezultatam-golosovaniya-na-referendume-o-pravovom-statuse-kryma>
 16. Результаты общекрымского референдума 16 марта 2014 года (установленные Комиссией Автономной Республики Крым по проведению общекрымского референдума в соответствии с Временным положением о республиканском (местном) референдуме в Автономной Республике Крым, утвержденным Постановлением Верховной Рады Автономной Республики Крым от 6 марта 2014 года № 1702-6/14 «О проведении общекрымского референдума», на основании протоколов территориальных комиссий по проведению общекрымского референдума об итогах голосования) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://crimea.gov.ru/content/uploads/files/info_dep/rezultati.pdf
 17. Киселев С., Киселева Н. Размышление о Крыме и геополитике. Симферополь: Крымский архив, 1994. С. 33, 34
 18. Лубенский Андрей. Кравчуку 85: созидатель или могильщик? [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ukraina.ru/exclusive/20190110/1022291801.html>
 19. Баркар Дмитрий, Петрук Наталия. Как голосуют украинцы? Семь карт, которые объясняют выборы президента [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.currenttime.tv/a/ukraine-elections-president/29794296.html>
 20. Выборы президента Украины 1999 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp1999/webproc0.html>
 21. Выборы президента Украины 2004 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2004/wp0011.html>
 22. Internationalelectionobservationmission. Presidential Election (Second Round), Ukraine 21 November 2004. Statement of preliminary findings and conclusions [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/7/4/16565.pdf>
 23. Ukrainianpresidentialelection, 2004 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://commons.wikimedia.org/wiki/Ukrainian_presidential_election,2004
 24. Указы Ющенко о русском языке, службе в армии и пересечении границ вступят в силу в течение недели [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/114349-ukazy-yushchenko-o-russkom-yazyke-sluzhbe-v-armii-i-peresechenii-granic-vstupyat-v-silu-v-techenie-nedeli>

25. Выборы президента Украины 2010 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2010/WP0011.html>.
26. Выборы президента Украины 2010 г. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2010/WP0011.html>.
27. Результаты выборов Президента Российской Федерации 2018 г. на территории Республики Крым [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/region/crimea?action=show&root=1000084&tvd=100100084849210&vrn=100100084849062&region=93&global=1&sub_region=93&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100084849210&type=227
28. Результаты выборов Президента Российской Федерации 2018 г. на территории города федерального значения Севастополя [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.sevastopol.vybory.izbirkom.ru/region/region/sevastopol?action=show&root=1000085&tvd=100100084849211&vrn=100100084849062&region=94&global=1&sub_region=94&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100084849211&type=227

S. N. Kiselev¹,
N. V. Kiseleva²,
A. N. Yakovlev

Features of the electoral behavior of Crimean voters: 1991–2014

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Russian Federation, Simferopol
e-mail: ¹kiselev.crimea@gmail.com, ²nvkis60@mail.ru,
³andrey_yakovlev84@list.ru

Abstract. *The article provides a brief description of the electoral history of the post-Soviet Crimea from the first Crimean referendum in 1991 to the elections of the President of the Russian Federation in March 2018. It provides data on the electoral behavior of Crimeans in the parliamentary and presidential elections in Ukraine. The differences in electoral preferences of voters in the Autonomous Republic of Crimea and Sevastopol from other regions of Ukraine are underlined.*

Keywords: *elections, electoral behavior, Autonomous Republic of Crimea, Ukraine, Russian Federation, referendum.*

References

1. Vesna 89: Geografiya i anatomiya parlamentskikh vyborov / A. V. Berezkin, V. A. Kolosov, V. A. Myachin i dr.; pod red. V.A. Kolosova, N. V. Petrova, L. V. Smirnyagina. M.: Progress, 1990. 382 s. (in Russian).
2. Kiselev S.N. Pyat' postulatov krymskogo regionalizma // OstrovKrym. 1999. № 3. . S. 42-43. (in Russian).
3. O rezul'tatakh Referenduma o gosudarstvennom i pravovom statuse Kryma, sostoyavshegosya 20 yanvarya 1991 goda // Krymskaya pravda. 1991. 22 yanvarya. (in Russian).
4. Zakon Ukrainskoi Sovetskoj Sotsialisticheskoi Respubliki «O vosstanovlenii Krymskoj Avtonomnoj Sovetskoj Sotsialisticheskoi Respubliki» № 712-XII ot 12.02.1991 g. // Golos Ukrainy. 15 fevralya 1991 g. (in Russian).
5. Arinin A. N. Istoriya referendumov v Krymu — dolgii put' k vossoedineniyu s Rossiei URL: http://www.rcoit.ru/lib/history/russian_federation/18119/ (in Russian).

6. 1991 Ukrainian independence referendum [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa : https://en.wikipedia.org/wiki/1991_Ukrainian_independence_referendum
7. Referendумы в Крыму, на Украине и в СССР URL: <http://kro-krim.narod.ru/LITERAT/UKRAIN/referen.htm> (in Russian).
8. Ocherednye vybory narodnykh deputatov Ukrainy 29.03.1998 g. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd1998/webproc0vfc93.html> (in Russian).
9. Ocherednye vybory narodnykh deputatov Ukrainy 31.03.2002 g. [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2002/webproc0v.html> (in Russian).
10. Obshchestvennoe ob'edinenie «Medzhlis krymskotatarskogo naroda» vklyucheno v perechen' obshchestvennykh ob"edinenii i religioznykh organizatsii, deyatel'nost' kotorykh pri stanovlena v svyazi s osushchestvleniem imi ekstremistskoi deyatel'nosti URL: <http://minjust.gov.ru/press/news/obshchestvennoe-obedinenie-medzhlis-krymskotatarskogo-naroda-vklyucheno-v-perechen> (in Russian).
11. Ocherednye vybory narodnykh deputatov Ukrainy 26.03.2006 g. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2006/w6p001.html>. (in Russian).
12. Vneochednye vybory narodnykh deputatov Ukrainy 30.09.2007 g. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2007/w6p001.html> (in Russian).
13. Ocherednye vybory narodnykh deputatov Ukrainy 28.10.2012 g. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/wp001.html#> (in Russian).
14. Kiseleva N. Partiya «Svoboda» — programmnyi neonatsizm i ugrozy dlya krymskoi avtonomii URL: <http://www.novoross.info/biblioteka/15581-natalya-kiseleva-partiya-svoboda-programmnyy-neonacizm-i-ugrozy-dlya-respubliki-krym.html> (in Russian).
15. Itogovye svedeniya o rezul'tatakh golosovaniya na referendume o pravovom statuse Kryma, 20 yanvarya 1991 g. URL: <http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/itogovye-svedeniya-po-rezultatam-golosovaniya-na-referendume-o-pravovom-statuse-kryma> (in Russian).
16. Rezul'taty obshchekrymskogo referendum 16 marta 2014 goda (ustanovlennye Komissiei Avtonomnoi Respubliki Krym po provedeniyu obshchekrymskogo referendum 16 marta 2014 goda (ustanovlennye Komissiei Avtonomnoi Respubliki Krym po provedeniyu obshchekrymskogo referendum v sootvetstvii s Vremennym polozheniem o respublikanskom (mestnom) referendume v Avtonomnoi Respublike Krym, utverzhdannym Postanovleniem Verkhovnoi Rady Avtonomnoi Respubliki Krym ot 6marta 2014 goda № 1702-6/14 «O provedenii obshchekrymskogo referendum», na osnovanii protokolov territorial'nykh komissii po provedeniyu obshchekrymskogo referendum ob itogakh golosovaniya) URL: http://crimea.gov.ru/content/uploads/files/info_dep/rezultati.pdf (in Russian).
17. Kiselev S., Kiseleva N. Razmyshlenie o Kryme i geopolitike. Simferopol': Krymskii arkhiv, 1994. S. 33, 34 (in Russian).
18. Lubenskii Andrei. Kravchuku 85: sozidatel' ili mogil'shchik? URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20190110/1022291801.html> (in Russian).
19. Barkar Dmitrii, Petruk Nataliya. Kak golosuyut ukrainsy? Sem' kart, kotorye ob'yasnyayut vybory prezidenta URL: <https://www.currenttime.tv/a/ukraine-elections-president/29794296.html> (in Russian).
20. Vybory prezidenta Ukrainy 1999 g. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp1999/webproc0.html> (in Russian).
21. Vybory prezidenta Ukrainy 2004 g. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2004/wp0011.html> (in Russian).

22. Internationalelectionobservationmission. Presidential Election (Second Round), Ukraine 21 November 2004. Statement of preliminary findings and conclusions URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/7/4/16565.pdf>. (in Russian)
23. Ukrainianpresidentialelection, 2004 URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/Ukrainian_presidential_election,2004. (in Russian).
24. Ukazy Yushchenko o russkom yazyke, sluzhbe v armii i peresechenii granits vstupyat v silu v techenie nedeli URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/114349-ukazy-yushchenko-o-russkom-yazyke-sluzhbe-v-armii-i-peresechenii-granic-vstupyat-v-silu-v-techenie-nedeli>(in Russian).
25. Vybory prezidenta Ukrainy 2010 g. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2010/WP0011.html> (in Russian).
26. Vybory prezidenta Ukrainy 2010 g. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2010/WP0011.html> (in Russian).
27. Rezul'taty vyborov Prezidenta Rossiiskoi Federatsii 2018 g. na territorii Respubliki Krym URL: http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/region/crimea?action=show&root=1000084&tvtd=100100084849210&vrn=100100084849062&region=93&global=1&sub_region=93&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100084849210&type=227 (in Russian).
28. Rezul'taty vyborov Prezidenta Rossiiskoi Federatsii 2018 g. na territorii goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya URL: http://www.sevastopol.vybory.izbirkom.ru/region/region/sevastopol?action=show&root=1000085&tvtd=100100084849211&vrn=100100084849062&region=94&global=1&sub_region=94&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100084849211&type=227 (in Russian).

Поступила в редакцию 01.08.2020 г

УДК 32.01(477.75)

А. В. Баранов

***Этнодемографический фактор
электорального поведения в Республике
Крым и г. Севастополе (сравнительный
анализ этапов развития)***

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар, Российская Федерация
e-mail: baranovandrew@mail.ru

Аннотация. Автор статьи определяет сходства и различия воздействий этнодемографического фактора на голосование крымчан и севастопольцев на различных этапах развития электоральных процессов с 2012 по 2019 гг. Доказано снижение различий голосования русского и украинского электоратов при сохранении особенностей голосования крымских татар. Выявлено влияние городского/сельского проживания, размеров населенных пунктов на электоральные ориентации.

Ключевые слова: электоральное поведение, этнодемографический фактор, этапы развития, Республика Крым, Севастополь.

Введение

Актуальность научной проблемы — зависимости голосования крымчан от демографических параметров и этничности — очевидна. Ориентации и установки электорального поведения жителей Республики Крым и г. Севастополь, уровень поддержки различных политических партий и кандидатов в высокой степени зависят от этнической самоидентификации, конфессиональных и языковых практик. Крым интересен и теоретически, как пример отчётливо сегментированного электорального пространства, в котором взаимодействуют этнические, конфессиональные, социально-экономические факторы голосований, а местные сообщества своеобразны. Тема становится особенно актуальной накануне референдума об изменениях в Конституцию России (1 июля 2020 г.) и предстоящих выборов депутатов Государственной Думы РФ (2021 г.). Её исследование даст возможность прогнозировать тенденции электорального поведения, повысить качество мониторинга этнополитических процессов на Крымском полуострове.

Цель исследования — определить сходства и различия воздействий этнодемографического фактора на голосование крымчан и севастопольцев на различных этапах развития электоральных процессов с 2012 по 2019 гг. Выборка исследования включает в себя избирательные кампании: по выборам депутатов Верховной Рады Украины 2012 г., референдум о статусе Крыма 16 марта 2014 г., выборам депутатов Государственной Думы РФ 2016 г., выборам Государственного Совета РК 2014 и 2019 гг. Выбранные рамки позволяют раскрыть изменения голосования по мере развития воссоединения Крыма с Россией.

Эмпирическая основа статьи включает в себя итоги выборов и референдума, материалы анкетных опросов, статистические данные о демографической и

этнической структуре крымского сообщества на уровне региона и муниципалитетов, географические карты и инфографику.

Научная проблема изучена в основном с точки зрения этнодемографических изменений. Можно отметить значение работ А. Кочеткова и др. [1, с. 60-65], В. А. Темненко [2, с. 167-184], А. Б. Швеца [3, с. 29-46], В. А. Чигрина [4, с. 242-248], Л. М. Исаева и А. В. Коротаева [5], Н. В. Киселёвой, А. В. Мальгина, А. А. Форманчука и др. [6], С. Я. Сушия [7], экспертного доклада о мониторинге этнополитических процессов в Крыму [8]. Мы изучали тему в аспекте этнических идентичностей и этнических дистанций, уровня конфликтности в регионе [9]. Степень исследованности проблемы, особенно применительно к 2016-2019 гг., недостаточна в политико-географическом аспекте.

Материалы и методы

Исследование основано на концепции социальных размежеваний С. Роккана и С. М. Липсета [10], позволяющей выявить основные «силовые поля» межэтнических взаимодействий и их конвертацию в территориальную неоднородность голосований. Применен концепт «структура политических возможностей» (по М. Эзману) [11] для выявления ресурсной базы и степени успешности участия партий и блоков в избирательных кампаниях. Использован кросс-темпоральный сравнительный анализ для установления сходств и различий этапов электоральных процессов в Крыму, уровня влияния партий и кандидатов в муниципальных образованиях. Построены вариационные и динамические ряды голосований 2012-2018 гг. с определением медианы и экстремумов, кластеров внутри статистической совокупности (25 муниципалитетов Республики Крым, а также г. Севастополя).

Результаты и обсуждение

Крымское сообщество является полиэтничным (175 народов), причём его локальные составные части качественно различаются по этническому составу населения в зависимости от уровня урбанизации и размеров населённых пунктов. По результатам переписи 2001 г. (завышавшей удельный вес украинцев), русские составляли 60,4% совокупного населения Автономной Республики Крым и г. Севастополя, украинцы — 24,0%, крымские татары — 10,2%. Сравнивая местности по этническому составу, можно выделить таковые с весомым количественным преобладанием русских (как правило, крупные города): Керчь (78,7% русских), Феодосию (72,2%), Севастополь (71,6%), Симферополь (66,7%), Ялту (65,6%), Евпаторию (64,9%). Наибольший удельный вес украинцев отмечался в Краснопереконском сельском районе (43,4%), г. Краснопереконске (40,9%), Раздольненском (40,1%) и Первомайском (37,9%) районах, т.е., в местностях, прилегавших к Украине. Из крупных городов повышенный вес украинцев наблюдался лишь в Ялте (27,6%). Крымские татары концентрировались в основном в степных и предгорных районах: Ленинском и Белогорском — по 29,2%, Нижнегорском — 28,8%. Среди городов наибольший вес крымскотатарского населения имел Судак — 17,4% [12].

Крымская перепись населения (октябрь 2014 г.) подтвердила данные территориальные распределения. Русские составили 67,9% совокупного

населения Республики Крым и г. Севастополя, указавших этничность, украинцы — 15,7%, крымские татары — 10,6%. Ещё 2,05% назвали себя татарами, что на порядок превышает уровень 2001 г. (0,57%). Не указали этничность 3,8% жителей Крыма — в 8 раз больше, чем в 2001 г. Увеличение удельного веса русских состоялось за счёт смены идентичности украинцами, что объясняется сравнительно слабым владением украинцами в Крыму родным языком — 44,6% в данной этнической группе. Прирост удельного веса крымских татар идёт в 21 из 25 муниципальных образований республики, наиболее быстро — в престижных г. Ялта, Симферополь, Судак. Среди местностей с наибольшим удельным весом крымских татар и татар (суммарно) — Белогорский район (34,3% населения), Кировский (33,2%), Советский (28,6%), Бахчисарайский (27,6%), Джанкойский (26,1%), Симферопольский сельский (25,3%) районы и г. Судак (24,7%) [13, с.119-142]. По обобщениям А.Б. Швеца, в Крыму воспроизводятся предгорный и горно-приморский ареалы устойчивого роста доли тюркского населения, а также образовались ареалы его ускоренного роста в Джанкойском, Красногвардейском и Сакском сельских районах, г. Евпатории [14, с. 35-36].

Итак, русское население сосредоточено в больших и средних городах, а для украинцев и крымских татар характерно проживание в сельской местности и малых городах. Среди русского населения Республики Крым горожане составляют 64,2%, среди украинского — 50,3%, а среди крымскотатарского — 26,2% [13, с. 121-134]. Уровень и вид урбанизации важен для этностатусной иерархии, так как он определяет различия в уровне доходов, социального обеспечения, профессиональной специализации, «повестки дня» восприятия политики представителями этнических групп.

Нужно учесть и различия возрастной структуры народов. Среди русских жителей полуострова в 2014 г. лица младше трудоспособного возраста составили 18%, в трудоспособном возрасте — 56%, а старше трудоспособного возраста — 26%. Украинцы имеют ещё более «пожилую» возрастную структуру: соответственно, 9, 54 и 37%. Крымские татары — наиболее «молодой» по возрастной структуре народ: младше трудоспособного возраста — 23%, в трудоспособном возрасте — 59%, старше — 18% [13, с. 121-134]. Удельный вес украинцев и, в меньшей мере, русских в регионе будет снижаться, а крымских татар — повышаться при нынешних этнодемографических тенденциях.

Важен также фактор частоты и «плотности» межэтнических контактов, связанный не только с соотношением этнических групп в постоянном населении, но и с повседневными коммуникациями, трудовой и образовательной миграцией, с субъективным восприятием данных процессов. А. Б. Швец рассчитала значение индекса этнической мозаичности Б.М. Эккеля в сравнении переписей 2001 и 2014 гг. по муниципальным образованиям, установив снижение уровня индекса в среднем по Крымскому полуострову с 0,583 до 0,542, А. Б. Швец фиксирует его практическое сохранение в Красноперекопском, Джанкойском и Раздольненском районах, г. Судак. Ареал повышенного индекса этнической мозаичности охватывает степные сельские районы: Красноперекопский — 0,693, Джанкойский — 0,686, Первомайский — 0,673, Сакский — 0,646. Среди городов наивысшее значение индекса в Судак — 0,582, а низшее — в Керчи (0,230), Феодосии (0,348) и Севастополе (0,388) [3, с.34]. Разница между преимущественно сельским степным и городским южным микрорегионами по

плотности этнических контактов подтверждена и анкетным опросом молодёжи Крымского полуострова, проведённым в 2018 г. с нашим участием (выборка 630 чел. в возрасте от 16 до 30 лет, пропорциональная по полу и возрасту) [14, с. 68-69].

Доказанные различия важны для осмысления иерархии идентичностей и ориентаций электорального поведения этнических сегментов избирателей.

Сравнивая электоральные ориентации крымчан за 2012-2018 гг., необходимо учитывать качественные различия «предложения» на политическом рынке и формат избирательной системы до и после смены государственной принадлежности полуострова. Так, выборы депутатов Верховной Рады Украины (октябрь 2012 г.) характеризовались низкой явкой крымчан — 49,45% в АРК и 49,5% в Севастополе при 56,8% в среднем по стране, а также значительной фрагментацией электората по вопросу поддержки партий и блоков. Партия регионов, вступавшая в тактической коалиции с умеренными пророссийскими движениями, набрала 52,3% голосов в АРК и 46,9% в Севастополе. На втором месте по влиянию в Крыму, что нетипично для Украины, находилась Коммунистическая партия — 19,4% в АРК и 29,5% в Севастополе. Значительно снижен от среднеукраинских показателей уровень поддержки ВО «Батькивщина» — 13,1% в АРК и 5,9% в Севастополе. Партия «УДАР» также набрала мало голосов: 7,2% в АРК и 5,0% в Севастополе. Радикальная партия О. Ляшко и ВО «Свобода» в совокупности набрали 1,5% в АРК и 1,7% в Севастополе. Итак, 71,7% пришедших на выборы жителей АРК и 76,4% севастопольцев поддержали пророссийские партии [1, с. 160-161]. В то же время, выборы 2012 г. подтвердили растущее разочарование крымчан в партиях и поиск большинством избирателей последовательных и решительных организаций, противостоящих украинскому национализму. Лакуной на карте голосования выглядела повышенная поддержка проукраинских партий в местностях компактного проживания крымских татар.

Важные факторы электоральных ориентаций до воссоединения Крыма с Россией позволяют выяснить итоги анкетного опроса, организованного Центром региональных исследований и стратегий в июне 2011 г. (пропорциональная выборка на Крымском полуострове 836 чел., погрешность не выше 3%). Установлено, что гражданами Украины считали себя в первую очередь лишь 38% респондентов в АРК; считали себя русскими 62% опрошенных, а этническими украинцами — 23%. Важно, что уровень признания себя гражданами Украины среди русских в Крыму был в 2,5 раза ниже, чем среди этнических украинцев (по самооценке; 26 и 68%). Напротив, ставили на первое место свою региональную идентичность 65% русских крымчан и 5% украинцев на полуострове. Признание русской идентичности как главенствующей повышалось в городах, а украинской — в сёлах Крыма [15, с. 272-273, 282-283].

В условиях нараставшей конфронтации на Украине и последовавшего праворадикального переворота стало неизбежным самоопределение Крыма и Севастополя, а затем и воссоединение региона с Россией. Представляет интерес территориальная неоднородность явки на референдум 16 марта 2014 г. и степень поддержки воссоединения. Явка на референдум составила в среднем по Республике Крым 83,1%, а в г. Севастополе — 89,5% имеющих право голоса. Среди явившихся на референдум одобрили воссоединение с Российской Федерацией 96,77% жителей республики и 95,6% севастопольцев [16; 17]. При

этом степень одобрения воссоединения русскими и украинцами была почти одинаковой, то логично следовало из слабой и непоследовательной украинской идентичности в Крыму. Отчётливо выявлен ареал сниженной явки на референдум и пониженной поддержки воссоединения в местностях компактного проживания крымских татар (явка на уровне нижнего экстремума 58%, поддержка воссоединения 14% проголосовавшими представителями данного народа) [18]. Востоковеды Л. М. Исаев и А. В. Коротаев установили высокую положительную корреляцию между отказом голосовать на крымском референдуме 2014 г. и поддержкой прозападного кандидата — Ю. В. Тимошенко на президентских выборах 2010 г. ($r=0,75$), причём совпадали муниципальные образования, где проявились оба феномена. Сниженная явка на референдум зафиксирована избирательными комиссиями в Кировском (58%), Бахчисарайском (59%), Белогорском и Советском (по 64%), Красногвардейском (72%) районах. Единственный сельский район, где поддержка сохранения Крыма в составе Украины превысила 6% числа явившихся, — Черноморский район (28,7%), что объясняется компактным проживанием переселенцев из Западной Украины. В то же время, антироссийский вариант голосования был локализован в зависимости от пересечения нескольких факторов, а не только этнического. Ни в одном городе РК поддержка статуса в составе Украины не превышала 5% явившихся на референдум, колеблясь от 2,3% в Керчи до 5% в Ялте [5].

Таким образом, ареал рисков проукраинских настроений в 2014 г. совпадал с сельскими муниципальными образованиями, где повышен удельный вес крымских татар и украинцев. В целом городское население проявило повышенную поддержку воссоединения с Россией. Различия уровня негативного отношения к смене государственного статуса Крыма объясняются, на наш взгляд, типом экономики городов полуострова. Промышленные центры с доминированием русского населения и большой долей военнослужащих (Севастополь и Керчь) являются оплотом воссоединения. Жители курортных городов, более полиэтничных и зависимых от обслуживания туристов с Украины (Ялта, Алушта), проявили в 2014 г. повышенный уровень проукраинских ориентаций.

На протяжении шести лет воссоединения Крыма с Россией качественно изменился институциональный формат политического пространства, в том числе — состав партий, соперничающих на выборах, и их программы. Первой проверкой адаптации электората стали выборы Государственного Совета Республики Крым (сентябрь 2014 г.). Они состоялись по смешанной системе (2/3 корпуса депутатов избирались по пропорциональной части, 1/3 — по мажоритарной). Явка — 53,6%. В итоге партия «Единая Россия» получила 70,2% голосов, ЛДПР — 8,5%, КПРФ — 4,5% и партия «Родина» — 2,7% [18]. Основные народы Крыма достойно представлены в руководстве Государственного Совета РК и органов исполнительной власти. Вместе с тем, оставалось недостаточным представительство крымских татар в Госсовете РК: 3 депутата из 70, что вызвано неучастием в выборах части оппозиционного электората [8, с. 20-21].

Партийные ориентации избирателей подтвердились на выборах депутатов Государственной Думы РФ (сентябрь 2016 г.). При явке 49,2% победу одержала партия «Единая Россия» — 72,8%. Со значительным отставанием преодолели заградительный барьер ЛДПР — 11,2% и КПРФ — 5,6% [19].

Следующие выборы депутатов Госсовета РК (сентябрь 2019 г.) при сопоставимой явке 49% дали поддержку партиям: «Единой России» — 54,7% голосов, ЛДПР — 16,8%, КПРФ — 8,2%, «Коммунистам России» и «Справедливой России» — по 4,0% [20]. Итак, выросла плюрализация электоральных ориентаций крымчан, поддержка системной оппозиции при полной непопулярности либеральных партий.

Изменилась и повестка дня электорального процесса. По массовому анкетному опросу, проведённому ВЦИОМ в августе 2019 г. (выборка 1600 чел. старше 18 лет, погрешность не более 2,5%), 76% респондентов довольны в разной степени положением дел в Крыму. Положительно оценивают деятельность Президента России В.В. Путина 87% опрошенных, а деятельность Главы РК С. В. Аксёнова — 73%. Межнациональные отношения оцениваются как доброжелательные 93% респондентов, никогда не ощущают враждебность представителей других народов 83%. Признают наличие конфликтов на межнациональной основе 7% опрошенных, враждебности представителей других народов — 13% «довольно редко» и 2% — «довольно часто». В то же время, риски конфликтного восприятия межнациональных отношений проявляются среди молодёжи 18-24 лет, а также крымскотатарской подвыборки (в ней 24% «довольно редко» и 4% — «довольно часто» ощущают враждебность людей других национальностей) [21].

Выводы

Установлены устойчивые социальные размежевания крымского полиэтнического сообщества по осям «город–село», «центр–периферия», взаимоотношениям между русскими, украинцами и крымскими татарами. Численность основных народов, их локализация и идентичность служат ресурсами политизации этничности, выражения групповых интересов в электоральном поведении. В сравнении общенациональных и региональных парламентских выборов 2012-2019 гг., референдума 2014 г. доказано снижение различий голосования между русским и украинским электоратом при сохранении особенностей голосования крымских татар. Выявлено влияние городского/сельского проживания, размеров населённых пунктов на электоральные ориентации. Наибольшую поддержку воссоединения Крыма с Россией оказывают жители крупных городов. Ареалом риска абсентеизма и протестных настроений являются степные и предгорные сельские районы. Это требует тщательного учёта территориального фактора в проведении предвыборных кампаний, целевой работы политических партий и кандидатов с целевыми группами — молодёжью, крымскими татарами и украинцами, жителями сельских депрессивных районов.

Литература

1. Украина 2012: как выбирали народных депутатов / Пред. редкол.: А. Кочетков, А. Семёнов, С. Бышок и др. М.: Книжный мир, 2012. 320 с.
2. Темненко В. А. Население Автономной Республики Крым как электоральная машина // Вопросы развития Крыма. Вып. 16. Крымское региональное

- сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. Симферополь: СОНАТ, 2012. С. 167-184.
3. Швец А. Б. Полиэтничность Крыма как фактор выстраивания регионом баланса «внутристрановых» и трансграничных связей в системе «Большой Евразии» // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2019. Т. 5 (15). Вып. 4. С. 29-46.
 4. Чигрин В. А. Партийная палитра Крыма: парадоксы электоральной практики 2012-2014 гг. // Черноморско-Каспийский регион: геополитика, этнополитические процессы и межрегиональные взаимодействия: сб. науч. ст. М.: РИСИ, 2015. С. 242-248.
 5. Исаев Л. М., Коротаев А. В. Политическая география Крыма: опыт количественного анализа // Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/126775527.html>.
 6. Киселёва Н. В. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Киселёва Н. В., Мальгин А. В., Петров В. П., Форманчук А. А. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
 7. Суций С. Я. Демографический потенциал и национальная структура населения Крыма: конец XX–середина XXI века // Региональная экономика. Юг России. Волгоград, 2018. № 4. С. 139-149.
 8. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за 2018 год / ред. Т. А. Сенюшкина, В. В. Степанов, Р. А. Старченко. Москва; Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. 152 с.
 9. Баранов А. В. Картографирование факторов риска этнических конфликтов (по материалам Краснодарского края и Республики Адыгея) // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2019. Т. 5. № 3. С. 41–50.
 10. Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction // Lipset S. M., Rokkan S. (eds.). Party systems and voter alignments: cross-national perspectives. New York: Free Press, 1967. P. 1–67.
 11. Esman M. J. An Introduction to Ethnic Conflict. Cambridge: Polity, 2004. 232 p.
 12. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. // Всеукраинская перепись населения 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>.
 13. Итоги переписи населения в Республике Крым / пред. редкол. А. Е. Суринов. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.
 14. Баранов А. В. Межэтнические и конфессиональные отношения молодёжи в Крыму и Севастополе (на материалах массовых опросов) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2019. № 4 (61). С. 66–73.
 15. Князева Е. В. Самоидентификация населения Южноукраинского региона: «неукротимость примордиального» // Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного. Одесса: ВМВ, 2013. С. 267-284.
 16. Итоговые данные: За воссоединение Крыма с Россией проголосовали 96,77% участников референдума // Сайт «РЕГНУМ». [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraine/1778840.html

17. 95,6% голосовавших в Севастополе выступили за вступление Крыма в РФ // Сайт «РЕГNUM». [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.regnum.ru/news/fd-abroad/1778895.html
18. Выборы депутатов Государственного Совета Республики Крым первого созыва // Избирательная комиссия Республики Крым. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/region/crimea?action=show&root=1&tvд=293200067855&vrn=293200067850&region=93&global=&sub_region=93&prver=0&pronetvd=0&vibid=293200067855&type=379
19. Резникова М. «Единая Россия» собрала в Крыму более половины голосов // Российская газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/09/19/reg-ufo/edinaia-rossiia-sobrala-v-krymu-polovinu-goloso.html>
20. Выборы депутатов Государственного Совета Республики Крым второго созыва // Избирательная комиссия Республики Крым. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/region/crimea?action=show&root=1&tvд=2932000424784&vrn=2932000424779&region=93&global=&sub_region=93&prver=0&pronetvd=0&vibid=2932000424784&type=228
21. Республика Крым. Социально-политическая ситуация накануне выборов. Симферополь, 2019 г. // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/2019-09-02_Crimea.pdf

A. Baranov

Ethnodemographic factor of electoral behavior in the Republic of Crimea and the Sevastopol (comparative analysis of development stages)

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
e-mail: baranovandrew@mail.ru

Abstract. *The author of the article determines the similarities and differences in the impact of the ethno-demographic factor on the voting of Crimeans and Sevastopol residents at various stages of the electoral processes' development from 2012 to 2019. The reduction of voting differences between the Russian and Ukrainian electorates is proved while maintaining the voting characteristics of the Crimean Tatars. The influence of urban / rural living, the size of settlements on electoral orientations is revealed.*

Keywords: *electoral behavior, ethno-demographic factor, stages of development, Republic of Crimea, Sevastopol.*

References

1. Ukraine 2012: kak vybirali narodnykh deputatov [Ukraine 2012: how to choose people's deputies]. Ed. by A. Kochetkov, A. Semjonov, S. Byshok et al. Moscow: Knizhnyj Mir Publ., 2012. 320 s. (in Russian).
2. Temnenko V. A. Naselenie Avtonomnoj Respubliki Krym kak jelektoral'naja mashina [Population of the Autonomous Republic of Crimea as an electoral

- machine]. Voprosy razvitija Kryma. Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostojanie, perspektivy [Issues of the development of Crimea. Vol. 16. Crimean regional community: genesis, current status, prospects]. Simferopol': SONAT Publ., 2012, S. 167-184. (in Russian).
3. Shvets A. B. Polijetnichnost' Kryma kak faktor vystraivaniya regionom balansa "vnutristranovyh" i transgranichnyh svyazej v sisteme "Bol'shoj Evrazii" [The Crimean Polyethnicity as a Factor in the Region Building the Balance of "In-Country" and Cross-Border Relations in the "Big Eurasia" System]. Geopolitika i jekogeodinamika regionov [Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions]. Simferopol', 2019. Vol. 5 (15), issue 4, S. 29-46. (in Russian).
 4. Chigrin V. A. Partijnaja palitra Kryma: paradoksy elektoral'noj praktiki 2012-2014 gg. [Party palette of the Crimea: paradoxes of electoral practice 2012-2014]. Chernomorsko-Kaspijskij region: geopolitika, jetnopoliticheskie protsessy i mezhregional'nye vzaimodejstvija: sb. nauch. st. [Black Sea - Caspian region: geopolitics, ethnopolitical processes and interregional interactions: collection of scientific works]. Moscow: RISI Publ., 2015, S. 242-248. (in Russian).
 5. Isaev L. M., Korotaev A. V. Politicheskaja geografija Kryma: opyt kolichestvennogo analiza [Political geography of Crimea: the experience of quantitative analysis]. Vysshaja shkola ekonomiki [Higher School of Economics] URL: <https://www.hse.ru/news/126775527.html> (in Russian).
 6. Kiseljova N. V. Etnopoliticheskie protsessy v Krymu: istoricheskij opyt, sovremennye problemy i perspektivy ih reshenija [Ethnopolitical processes in the Crimea: historical experience, contemporary problems and prospects for their solutions] / Kiseljova N. V., Mal'gin A. V., Petrov V. P., Formanchuk A. A. Simferopol': Salta Publ., 2015. 352 s. (in Russian).
 7. Suschij S. Ja. Demograficheskij potentsial i natsional'naja struktura naselenija Kryma: konets XX – seredina XXI veka [Demographic potential and national structure of the Crimean population: end of the twentieth - the middle of the twenty-first century]. Regional'naja ekonomika. Jug Rossii [Regional Economics. South of Russia]. Volgograd, 2018. No 4, S. 139-149. (in Russian).
 8. Mezhetnicheskie otnoshenija i religioznaja situatsija v Krymu. Ekspertnyj doklad za 2018 god [Interethnic relations and the religious situation in Crimea. 2018 Expert Report]. Ed. by T. A. Senjuchkina, V. V. Stepanov, R. A. Starchenko. Moscow; Simferopol': IT "ARIAL" Publ., 2019. 152 s. (in Russian).
 9. Baranov A. V. Kartografirovanie faktorov riska etnicheskikh konfliktov (po materialam Krasnodarskogo kraja i Respubliki Adygeja) [Mapping risk factors of ethnic conflicts (based on materials from the Krasnodar Territory and the Republic of Adygea)]. Geopolitika i ekogeodinamika regionov [Geopolitics and ecogeodynamics of regions]. Simferopol', 2019. Vol. 5, No 3. S. 41-50. (in Russian).
 10. Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction. Lipset S. M., Rokkan S. (eds.). Party systems and voter alignments: cross-national perspectives. New York: Free Press, 1967. P. 1-67. (in English)
 11. Esman M. J. An Introduction to Ethnic Conflict. Cambridge: Polity, 2004. 232 p.
 12. Chislennost' i sostav naselenija Ukrainy po itogam Vseukrainskoj perepisi naselenija 2001 g. [The number and composition of the population of Ukraine according to the results of the All-Ukrainian population census of 2001]. Vseukrainskaja perepis' naselenija 2001 g. [All-Ukrainian population census of 2001]. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (in Russian).

13. Itogi perepisi naselenija v Respublike Krym [The results of the census in the Republic of Crimea]. Ed. by A. E. Surinov. Moscow: IIC "Statistika Rossii" Publ., 2015. 279 s. (in Russian).
14. Baranov A. V. Mezhetnicheskie i konfessional'nye otnoshenija molodjozhi v Krymu i Sevastopole (na materialah massovyh oprosov) [Interethnic and religious relations of youth in the Crimea and Sevastopol (based on mass polls)]. Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura [Caspian region: politics, economy, culture]. Astrakhan', 2019. No 4 (61), S. 66–73. (in Russian).
15. Knjazeva E. V. Samoidentifikacija naselenija Juzhnoukrainskogo regiona: "neukrotimost' primordial'nogo" [Self-identification of the population of the South Ukrainian region: "indomitable primordial"]. Sotsial'nye identichnosti v dinamike institutsional'nogo i samoorganizatsionnogo [Social identities in the dynamics of institutional and self-organization]. Odessa: VMV Publ., 2013. S. 267-284. (in Russian).
16. Itogovyje dannye: Za vossoedinenie Kryma s Rossiej progolosovali 96,77% uchastnikov referendum [Summary: For the reunification of Crimea with Russia, 96.77% of the referendum participants voted]. REGNUM website. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1778840.html (in Russian).
17. 95,6% golosovavshih v Sevastopole vystupili za vstuplenie Kryma v RF [95.6% of voters in Sevastopol supported the entry of Crimea into the Russian Federation]. REGNUM website. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/1778895.html (in Russian).
18. Vybory deputatov Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym pervogo sozyva [Elections of deputies of the State Council of the Republic of Crimea of the first convocation]. Izbiratel'naja komissija Respubliki Krym URL: http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/region/crimea?action=show&root=1&ttvd=293200067855&vrn=293200067850&region=93&global=&sub_region=93&prver=0&pronetvd=0&vidid=29&ibid5529vid55 (in Russian).
19. Reznikova M. "Edinaja Rossija" sobrala v Krymu bolee poloviny golosov ["United Russia" gathered in the Crimea more than half of the votes]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. Access Mode: <https://rg.ru/2016/0d/1d/reg-ufo/edinaia-rossiia-sobrala-v-krymu-polovinu-golosov.html> (in Russian).
20. Vybory deputatov Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym vtorogo sozyva [Elections of deputies of the State Council of the Republic of Crimea of the second convocation]. Izbiratel'naja komissija Respubliki Krym URL: http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/region/crimea?action=show&root=1&ttvd=2932000424784&vrn=2932000424779&region=93&global=&sub_region=93&prver=0&pronetvd=4&pverb=282vp294 (in Russian).
21. Respublika Krym. Sotsial'no-politicheskaja situatsija nakanune vyborov. Simferopol', 2019 g. [Republic of Crimea. Socio-political situation on the eve of the elections. Simferopol, 2019]. VTsIOM [All-Russian Center of Public Opinion Studies]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/2019-09-02_Crimea.pdf (in Russian).

Поступила в редакцию 10. 07. 2020 г.

РАЗДЕЛ II

ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ

УДК 914.9

Д. С. Богатуров

Особенности этнического расселения в Карачаево-Черкесской Республике

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет» (СПбГУ), г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация
e-mail: bogaturov@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, характеризующие особенности современной локализации этносов в Карачаево-Черкесской Республике. В данном регионе крупнейшие по численности народы продолжают проживать на своих исторических территориях. При этом особый интерес представляет и зона контакта между народами на местности. Особенности этнического расселения проявляются и в компактности размещения этносов. В последние годы наблюдается тенденция оттока русского населения за пределы республики. Этот процесс вносит изменения в этническую карту региона.

Ключевые слова: городское и сельское расселение народов, компактность расселения, этническая структура населения городов и административных районов

Введение

Территория Карачаево-Черкесской Республики (КЧР) отличается достаточно интересным рисунком этнического расселения, что определяет актуальность данного исследования. Многие процессы в расселении народов этой немногочисленной республики зависят от ландшафта местности. КЧР отличается достаточно сложным рельефом. Горные территории и предгорья составляют около 90% ее территории. В других республиках Северного Кавказа доля равнинных территорий в общей площади заметно выше.

Основная цель исследования представленной работы заключалась в проведении сравнительного анализа параметров расселения пяти крупнейших этносов КЧР. Для выявления параметров расселения были использованы статистические данные по административно-территориальным районам (АТЕ) республики, а также по отдельным населенным пунктам. В ходе написания статьи часть информации была заимствована из кандидатской работы, защищенной автором в 2010 г. (тема работы: «Современные особенности этнического расселения в республиках Северного Кавказа»). Кроме того, были использованы результаты труда А. Н. Таковой по современной географии населения Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии [1].

Материалы и методы

Материалы исследования в основном представлены статистическими данными переписи населения 2010 г. в разрезе отдельных этнических групп. При этом широкое использование получил метод группировки АТЕ на основе их этнической структуры.

Важным рабочим определением, необходимым для выполнения данной работы выступил основной ареал расселения (ОАР) этноса. Выделение ключевых ареалов на территории КЧР позволяет сопоставить между собой целый ряд важных характеристик и особенностей размещения народов. *ОАР этноса — это территория, характеризующаяся высокой компактностью проживания того или иного народа, с удельной его долей в населении не менее 50%.*

Для наиболее многочисленных народов Карачаево-Черкесии в целом характерен ареальный, а не дисперсный тип расселения. Данное обстоятельство определяется историческими традициями и спецификой ландшафта местности. Расчет показателей по основным ареалам расселения в статье проводится исходя из совокупных данных по административным единицам, территория которых соответствует ареалу.

Результаты и обсуждение

Наиболее многочисленные народы КЧР относятся к тюркской языковой семье (карачаевцы и ногойцы) и к адыгской группе (черкесы и абазины). Русские по своей численности находятся на втором месте. По данным переписи 2010 г. в КЧР проживало 150 тыс. русских. Представленная ниже таблица отражает основные особенности локализации народов в пределах изучаемого национально-территориального образования (НТО) по итогам последней переписи. Далее проводится анализ расселения конкретных этносов КЧР.

Таблица 1

**Параметры расселения доминирующих по численности этносов в КЧР
(результаты переписи населения 2010 г.)**

Этносы	Административные районы с <u>наибольшей долей</u> представителей этноса, %	Доля <u>городских жителей</u> среди представителей этноса в республике, %	Доля <u>«столичных»</u> жителей среди представителей этноса в республике, %	Доля представителей этноса, проживающих в основном ареале расселения, %
Карачаевцы	Малокарачаевский – 88 Карачаевский – 87	36	11	71
Русские	Урупский – 78 Зеленчукский – 62	61	47	34
Черкесы	Хабезский – 96 Адыге-Хабльский – 39	32	30	52
Абазины	Абазинский – 87 Адыге-Хабльский – 30	32	28	40
Ногойцы	Ногойский – 77 Адыге-Хабльский – 5	13	12	76

Составлено по: [3] и официальным данным администраций АТЕ КЧР.

Карачаевцы. ОАР карачаевцев включает в себя 4 района, в которых численность представителей этноса превышает 50% от всего населения. Это *Карачаевский, Малокарачаевский, Прикубанский и Усть-Джегутинский* районы. Площадь территории указанных районов превышает 7 тыс. км², что примерно

соответствует $\frac{1}{2}$ площади всей КЧР. Прикубанский район находится в равнинной части республики. Карачаевский и Малокарачаевский районы — относятся к горной зоне.

Город Карачаевск с его окрестностями является важным центром расселения в пределах карачаевского ареала. Он обеспечивает социально-экономические и культурные потребности населения, проживающего в горной местности [2, с.325]. По данным переписи населения 2010 г. численность карачаевцев в нем составила почти 18 тыс. чел.

Историческим ядром расселения карачаевцев является территория Карачаевского и Малокарачаевского районов. Из данных представленной таблицы можно видеть высокую долю представителей народа в структуре населения указанных выше АТЕ.

Между горными и равнинными районами наличествуют устоявшиеся хозяйственные связи. Большинство горных районов находятся в зависимости от соседствующих с ними равнинных территорий (во многом благодаря транспортному фактору, существованию связующих дорог). Горные территории специализируются на животноводстве (разведение овец и коз) и огородничестве. Несмотря на общую ограниченность ресурсов и сложные условия ведения хозяйства, горные территории имеют некоторые преимущества. Так именно в горах имеются ресурсы для развития гидроэнергетики, лесного хозяйства, производства строительных материалов и рекреации. Наличие необходимых ресурсов определяют достаточно высокую плотность населения в карачаевском ОАР.

Важной особенностью этнического расселения карачаевцев является низкая доля представителей народа в столице республики. На 2010 г. в Черкесске проживала 21 тыс. карачаевцев, что составляло 16% населения города. На протяжении всего периода своего советского и российского существования Черкесск так и не стал местом притяжения для карачаевцев. При этом значительное количество карачаевцев проживает в пределах соседних территорий Ставропольского края. В целом уровень урбанизации этноса также остается весьма низким — 36% [3]. Зато достаточно многолюдными являются сельские поселения КЧР с высокой концентрацией карачаевцев.

Карачаевцы остаются одним из немногих коренных народов Северного Кавказа, большая часть населения которого тяготеет к проживанию в горах. При этом села в горной зоне являются достаточно крупными. Горное животноводство обеспечивает работой значительную часть карачаевцев. Кроме того, стоит отметить занятость карачаевцев в туристическом секторе КЧР (отметим горные курорты Домбай и Теберда).

Русские. Русский ОАР представлен двумя горными районами (Зеленчукский и Урупский). Расселение в горах является нехарактерной особенностью для русских. Численность представителей этноса в двух районах компактного проживания составила на 2010 г. 51 тыс. чел. или 34% от всей численности этноса в республике. От титульных народов КЧР русские отличаются более низкой компактностью в расселении (см. данные представленной таблицы).

Структура этнического расселения русского населения в пределах КЧР действительно значительно отличается от структуры расселения титульных народов. Эти различия связаны с повсеместным характером расселения русских, высокой долей населения, проживающего за пределами территории этнического

доминирования. Высока доля русских в столице республики. По данным переписи населения 2010 г. доля русских в Черкесске составляла 55% от общей численности.

Межэтническая контактность на местности между русскими и карачаевцами весьма тесная. Это обусловлено совместным проживанием в ряде населенных пунктов, находящихся на стыке основных этнических ареалов расселения народов. Также значительной остается численность русских в пределах предгорных районов расселения, относящихся к карачаевскому ОАР (в Прикубанском и Усть-Джегутинском районах). Такая география расселения сложилась еще в советские годы и не является следствием миграционных процессов, возникших в российских реалиях.

Интересно отметить, что среди русских сельское население преимущественно проживает в горной зоне республики, что отличает КЧР от других НТО Северного Кавказа (за исключением Адыгеи). Правда территория «русских» Зеленчукского и Урупского районов, несмотря на горный рельеф, позволяет активно развивать земледелие. В других республиках региона в горных районах большей частью проживают лишь представители титульных этносов.

За период с 1989 г. по 2010 г. доля русских в КЧР сократилась с 42% до 31%. Явление дерусификации проявляется во всех АТЕ республики. Данное явление наиболее подробно исследуется в трудах ученых, представляющих ставропольскую школу этнической географии, созданную под руководством В. С. Белозерова.

Сокращение абсолютной численности и удельной доли русских определяется естественной и механической убылью населения. В свою очередь миграционный отток во многом определяется отсутствием работы и сменой этнокультурной среды в населенных пунктах КЧР [3].

Черкесы. Основной ареал расселения этого народа адыгской языковой группы, соответствует территории небольшого Хабезского района (относится к предгорному природно-хозяйственному типу). Площадь его весьма невелика, она составляет всего 529 км². Таким образом, несмотря на то, что черкесы являются одним из титульных народов КЧР, территориально они доминируют лишь на 4% территории региона. При этом Хабезский район отличается относительно высокой плотностью населения, которая составляет 58 чел./км². Общая же плотность населения КЧР составляет 33 чел./км². Район также выделяется крайне высоким процентом этнической однородности, доля черкесов в нем составляет 95%.

На территории Хабезского района отсутствуют городские поселения, что может объясняться, в том числе, и его непосредственной близостью к столице КЧР. Практически полностью отсутствует черкесское население во втором по численности населенном пункте КЧР — Карачаевске. Доля черкесов там не превышает 1%. При этом достаточно большое количество черкесов проживает в столице КЧР (на 2010 г. насчитывалось около 17 тыс. чел.). Таким образом, именно в Черкесске можно наблюдать основное межэтническое взаимодействие карачаевцев и черкесов.

Абазинцы. Формально Абазинский район появился на карте республики в 2005 г., но формирование органов власти завершилось в нем лишь последующую пятилетку. Район находится в предгорной зоне республики и включает всего пять населенных пунктов. Общая численность абазин в КЧР невелика и по данным

последней переписи 2010 г. составляла 37 тыс. чел. Также они проживают в Адыге-Хабльском и Усть-Джегутинском районах. Значительная часть абазин сосредоточена в столице республики.

Этническое межевание привело к тому, что территория небольшого Абазинского района разбита на два участка. Псыжское сельское поселение оказалось отрезанным от территории остального района и представляет собой северный анклав района. Тем не менее, создание данной АТЕ позволяет говорить о реальных мерах в области национальной политики, на которые в свое время пошли власти республики.

Ногайцы. На протяжении долгих лет проблема отсутствия собственной АТЕ воспринималась в ногайской среде как ключевая причина непростого социально-экономического положения народа [4]. В 2007 году правительство РФ своим постановлением утвердило образование Ногайского административного района Карачаево-Черкесии. Новый район образовали пять сельских муниципальных поселений, состоящих из восьми населенных пунктов. Стоит заметить, что по итогам переписи 2010 г. этническая структура этих населенных мест являлась достаточно неоднородной.

Отличительной чертой расселения ногайцев является высокая концентрация их представителей в пределах своего национального района. Площадь района составляет всего 210 км², а население 15 тыс. чел. Весьма низкой остается численность ногайцев в столице КЧР. На 2010 г. в Черкесске проживало менее 2 тыс. ногайцев. Исторически ногайское население привязано к местам своего проживания в сельской местности. Лишь 29% ногайцев в РФ проживают в городской местности (в пределах КЧР — только лишь 13%).

Выводы

Подводя общий итог выполненного исследования, следует сделать некоторые выводы. В целом для КЧР остается характерным явлением: ведение сельского образа жизни. Во многом это определяется неразвитостью отраслей промышленности. В столице региона отсутствуют крупные промышленные предприятия. В российский период существования КЧР не возникло существенных изменений в экономике. КЧР продолжает сохранять свою сельскохозяйственную специализацию.

За период с 2010 г. по 2020 г. численность населения в регионе оставалась стабильной, в отличие от многих других регионов России. Миграционный отток компенсировался естественным приростом населения.

Следует обратить внимание на активную дерусификацию самого большого — карачаевского ареала расселения. С 1989 г. по 2010 г. численность русских в нем сократилась в два раза (с 43 до 21 тыс. чел.). В свою очередь, со времен последней советской переписи населения 1989 г., достаточно стабильной остается численность русских в пределах своего ареала расселения. Это в корне отличает КЧР от некоторых республик Северного Кавказа и многих национально-территориальных образований России, где явление дерусификации наблюдалось практически повсеместно.

Если же опираться на данные об особенностях расселения двух титульных народов республики — карачаевцев и черкесов, то можно заключить, что этническая контактность на местности между ними остается достаточно слабой.

Во многом данное положение дел обусловлено незначительной численностью карачаевцев, проживающих в столице КЧР и отсутствием черкесского населения в горной зоне республики.

Литература

1. Такова А. Н. Миграционные процессы в двух субъектных республиках Северного Кавказа (Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия) на современном этапе развития // Исторические, философские, юридические и политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12 (86): в 5-ти ч. Ч. 1. С. 176–180.
2. Население Карачаево-Черкесской республики. Статистический сборник по материалам Всероссийской переписи населения 2002 года. Книга 2. Черкесск: ТО ФСГС по КЧР, 2005. 250 с.
3. Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 4. Национальный состав, владение языками и гражданство. Госкомстат РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 11.06.2020).
4. Бондаренко М. Н. Субъектообразующие ногайцы. В Карачаево-Черкесии создан еще один «титularyный» район // Независимая газета. 29 октября. 2007 г. №231 (4193).

D. S. Bogaturov

Features of ethnic settlement in the Karachay-Cherkess Republic

St Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation
e-mail: bogaturov@mail.ru

Abstract. The article presents the research results on the features of modern localization of ethnic groups in the Karachay-Cherkess Republic. In this region, the largest ethnic groups continue to live in their historical territories. At the same time, the area of contact between ethnic groups on the ground is of particular interest. The peculiarities of ethnic settlement are also shown in the compactness of ethnic groups placement. In recent years, there has been a trend of outflow of the Russian population outside the Republic. This process changes the ethnic map of the region.

Keywords: urban and rural settlement of peoples, compact settlement, ethnic structure of the population of cities and administrative areas

References

1. Takova A.N. Migracionnye processy v dvuhsub"ektnykh respublikah Severnogo Kavkaza (Kabardino-Balkariya i Karachaevo-Cherkesiya) na sovremennom etape razvitiya // Istoricheskie, filosofskie, yuridicheskie i politicheskie nauki, kul'turologiya i skusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2017. № 12 (86): v 5-ti ch. CH. 1. S. 176–180. (in Russian)

2. Naselenie Karachaevo-Cherkesskoj respubliki. Statisticheskij sbornik po materialam Vserossijskoj perepisi naseleniya 2002 goda. Kniga 2. Cherkessk: TO FSGS po KCHR, 2005. 250 s. (in Russian)
3. Toma oficial'noj publikacii itogov Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda. Tom 4. Nacional'nyj sostav vladenie yazykami i grazhdanstvo. Goskomstat RF URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (data obrashcheniya 11.06.2020). (in Russian)
4. Bondarenko M.N. Sub"ektoobrazuyushchie nogajcy. V Karachaevo-Cherkesii sozdan eshche odin «titul'nyj» rajon // Nezavisimaya gazeta. 29.10.2007. №231 (4193). (in Russian)

Поступила в редакцию 16.06.2020 г.

УДК 32:912(477.75)

И. Н. Воронин¹,
Н. А. Собокарь²

Факторы развития пророссийского общественного движения в Крыму (конец 1980-х годов–2014 год)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное
подразделение), г. Симферополь, Республика Крым,
Российская Федерация
e-mail: ¹voronin.igor53@yandex.ru, ²nickgreen721@yandex.ru

Аннотация. *Современные общественно-географические исследования, в число которых отнесена тема данного исследования, активно изучают не только социальные, но и природные закономерности, и процессы для объяснения общественно-политических явлений. В статье сделана попытка показать процесс изучения пророссийских общественных движений в контексте системно-структурной методологии и методов социально-экономической географии для периода украинской административно-территориальной принадлежности Крыма.*

Ключевые слова: *пророссийское общественное движение, этноязыковые процессы, региональная идентичность, языковой фактор социальной напряженности, Автономная Республика Крым.*

Введение

Изучение побудительных причин развития социально-экономических и политических процессов, происходящих на тех или иных территориях, для общественной географии особенно значимо, поскольку, во многом именно от результатов этих процессов зависит устойчивое развитие отдельных регионов и целых государств. Опираясь на пространственные особенности зарождения этих процессов, географы-обществоведы могут прогнозировать социальную и политическую стабильность изучаемых территорий или же ее отсутствие в случае роста числа деструктивных общественных явлений.

Крымский полуостров, включая Республику Крым и город федерального значения Севастополь, с его богатым национальным составом не составляют исключения, а скорее, наоборот, является ярким примером того, как важно учитывать пространственные особенности генезиса общественных явлений на полиэтнических территориях.

Цель нашей работы заключается в том, чтобы рассмотреть ключевые факторы, повлиявшие на выбор значительной доли населения Крыма при воссоединении с Российской Федерацией, затрагивая комплексно и социально-экономические, и природные предпосылки данного процесса.

Материалы и методы

В процессе исследования были рассмотрены работы крымских географов-обществоведов, объектами изучения которых стал феномен пророссийского национального движения в целом, а также процесс формирования крымской

региональной идентичности как один из важнейших факторов, повлиявший на этот вид социальной активности. Были проанализированы исследования крымских политологов, занимавшихся процессом взаимного влияния «крымской идеи» и роста пророссийских общественных движений. Среди авторов, занимавшихся данной проблематикой, особое внимание уделено трудам академика Н. В. Багрова, а также географов-обществоведов С. Н. Киселёва, А. Б. Швеца и политологов Н. В. Киселёвой, А. В. Мальгина, А. Р. Никифорова.

В процессе написания работы были использованы методы анализа, сравнительно-географический и статистический.

Результаты и обсуждение

Генезис региональной идентичности в Крыму. Феномен развития пророссийского национального движения в Крыму — комплексная проблема, вызывавшая дискуссии в научной и политической среде Крыма в течение 1980-начале 2000-х годов. Среди географов тему крымского регионализма и русского национального движения в Крыму наиболее активно и глубоко осмысливал С. Н. Киселёв. В своей работе «Пять постулатов крымского регионализма» он обозначил основные географические признаки непохожести Крымского полуострова на остальную территорию Украины, которые создают предпосылки для формирования здесь особой региональной идентичности [1]. Помимо социальных факторов, таких, как этноязыковой и внутривнутриполитический, С. Н. Киселёв обращает внимание на природный фактор, а именно — физико-географическое положение Крымского полуострова и его ландшафтное разнообразие, несомненно, повлиявшие на формирование местного регионального самосознания. С. Н. Киселёв приводит слова великого немецкого философа Иммануила Канта (нем. Immanuel Kant), определившего причину своеобразия менталитета англичан, по отношению к другим западноевропейским народам, островным положением их государства. Принцип островного положения играет роль катализатора в формировании идентичности не только в случае независимого государственного существования территории этих «островов», но и тогда, если они входят составной частью в другие государства. Среди населения островных и полуостровных регионов, входящих в состав государств, достаточно часто формируется так называемая «региональная идентичность», которая для жителей этих территорий может иметь такое же значение, как и национальная. Примерами таких островных и полуостровных регионов внутри государств являются остров Корсика и полуостров Бретань во Франции, Сардиния и Сицилия в Италии, Фарерские острова в Дании, полуостров Корнуэлл в Великобритании.

На разнообразие ландшафтов Крымского полуострова, как определяющего фактора в формировании отношения крымских жителей к окружающей действительности, обращал внимание известный крымский географ и ландшафтовед — В. Г. Ена. В своих работах он указывал на существование природного разнообразия не только в пределах горных и предгорных ландшафтов Крыма, но и значительной дифференциации природных территорий в пределах мало посещаемых туристами равнинных пространств полуострова [2]. В упомянутой выше работе В. Г. Ена отмечал, что ландшафты степных балок Тарханкутского полуострова радикально отличаются от степных ландшафтов Керченского полуострова, что является одним из доказательств существования

природного разнообразия в самых неожиданных местах Крыма, где его ждут менее всего.

Исследованию социальных факторов возникновения феномена пророссийского общественно-политического движения в Крыму и, в частности, фактора этнокультурной мозаичности территории, посвящены работы А. Б. Швеца [3; 4]. В указанных работах прослеживается динамика этнического и конфессионального пространств Крыма и её влияние на формирование конфликтных факторов в межнациональных взаимодействиях этнических групп на полуострове. Эти работы впоследствии проиллюстрировали пространственные особенности социокультурных проектов развития Крыма в среде его доминирующих этносов.

В работах Н. В. Багрова, нередко повторялась мысль о том, что «Крымский полуостров — это своеобразный «микрокосм», «общий дом для всех» [5; 6]. Являясь сравнительно небольшим по географическим меркам объектом, соединённым незначительным отрезком суши с материком, Крым в любые исторические периоды отличал синтез природных и социокультурных факторов, влияющих на формирование его регионального своеобразия. Эта мысль из работ Н. В. Багрова позволяет сделать вывод о том, что существует объединительный — природно-социальный — фактор, позволяющий выделять в Крыму особое региональное самосознание. Этот фактор нередко называют геополитическим, но нам представляется, что вернее его именовать социокультурным.

Системно-структурное изучение пророссийского общественного движения в Крыму. Социокультурное явление предполагает внутреннюю системность и обусловленность своего появления. Нами разработана графическая модель, иллюстрирующая внутреннюю логику возникновения и пространственной структуризации такого явления, как пророссийское национальное движение в Крыму периода его украинской административно-территориальной принадлежности (рис. 1.). Заметим, что подобная идеализация объекта исследования необходима для того, чтобы понять принципы его пространственного развития, предполагающие выделение иерархически построенного рисунка размещения и взаимодействия основных элементов указанного движения.

Входными условиями в систему пророссийского национального движения как части географической реальности является политическая ситуация внутри бывшего Союза Советских Социалистических Республик перед его распадом в 1991 году. Центральным элементом указанной политической ситуации стала логика так называемой «перестройки», приведшей к ослаблению центральной власти в государстве и как следствие — проявлению инициативы в регионах по организации своего политического пространства.

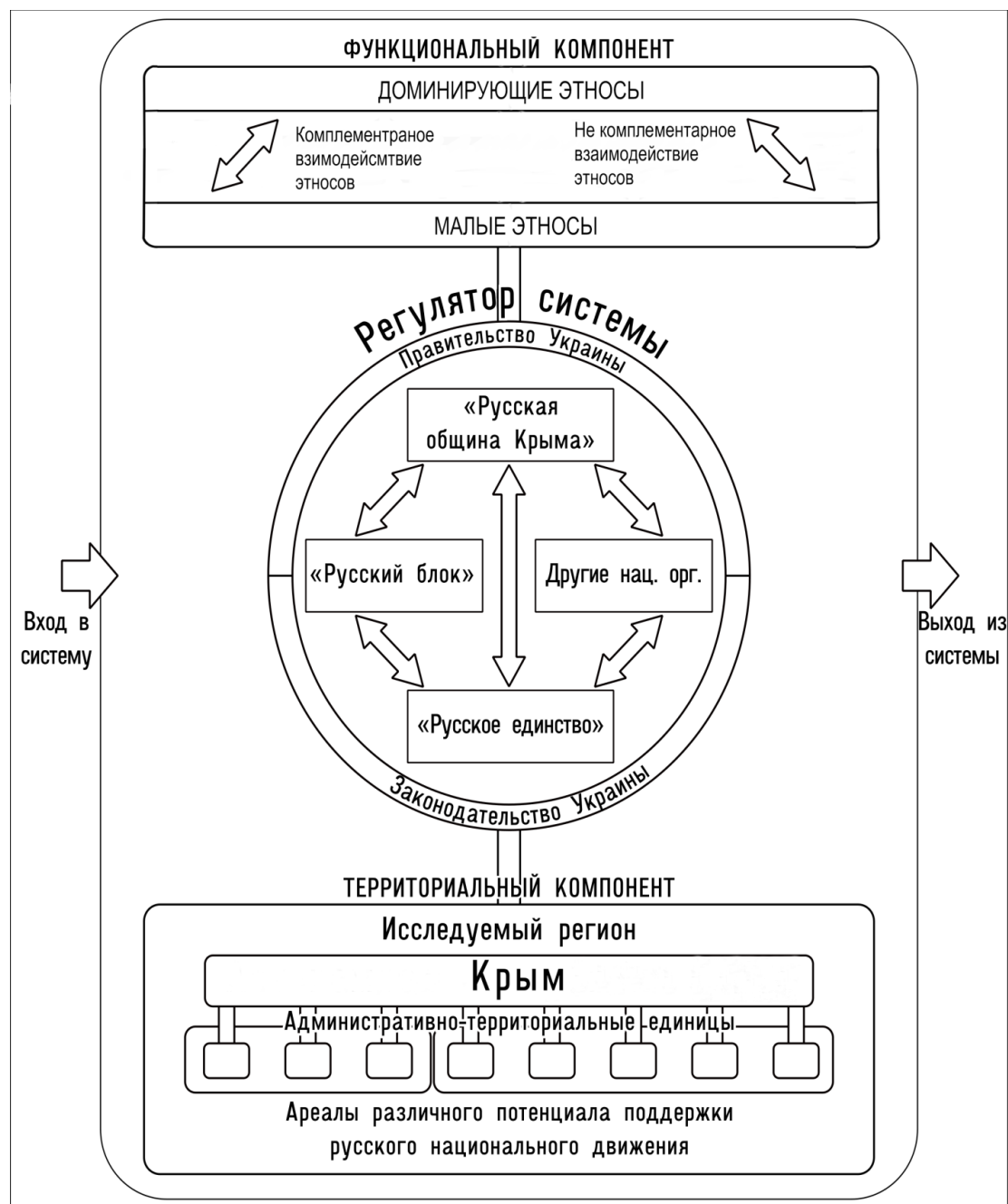

Рис. 1. Графическая модель геосистемы пророссийского общественного движения в Крыму конца 1980-х – начала 2000-х годов.

Разработано авторами.

Так же одной из значимых тенденций данного периода является рост националистических движений в республиках бывшего СССР. Они безусловно отразились на политических настроениях жителей такого полиэтнического региона, как Крым, существовавшего в тот период в границах административной области УССР.

Следует так же отметить роль основных факторов воздействовавших на процесс развития данного движения на полуострове. Формирование геосистемы

пророссийского национального движения в Крыму можно представить производным от действия следующих групп факторов: *общественные факторы*: этнолингвистический, внутривластный; историко-географический; *факторы природной среды*: особенности физико-географического положения Крыма; разнообразие ландшафтных характеристик территории, оказывающих влияние на формирование регионального самосознания.

Географическая системность пророссийского национального движения представляется нам взаимообусловленной совокупностью трёх блоков компонентов: *функционального*, состоящего из этно-социальных элементов, приводящих всю систему в действие; *регулирующего* или *регулятора системы*, в который входят одновременно элементы, создающие явление и элементы его контролирующие; и *территориального* блока, сформированного элементами географической привязки данного явления и территориями, где данное явление имеет пространственную иерархию.

Функциональный блок геосистемы пророссийского национального движения в Крыму можно представить производным от действия следующих элементов: групп этносов проживающих на полуострове, среди которых можно выделить группу *доминирующих этносов* и группу *малых этносов*, взаимодействующих между собой путем *комплементарных* и *некомплементарных отношений*.

Регулирующий блок («регулятор») географической системы пророссийского национального движения в Крыму можно представить, как совокупность политических и общественных организаций, проявивших наибольшую активность в формировании комплекса идей и организаций для их осуществления в 1990-е и 2000-е годы. В состав регулирующего блока вошли общественно-политические организации «Русское Единство», «Русская община Крыма» и «Русский Блок», а также политические силы, ограничивавшие деятельность перечисленных организаций в Крыму: правительство Украины и ее законодательство, в том числе Конституция Украины, в которой был прописан административный статус Крыма как части Украины.

Территориальный блок, дающий представление о территории на которой изучается данное явление, а именно, Крымский полуостров в составе СССР, с выделяемыми в его пределах административно-территориальными единицами, которые можно условно разделить на категории по различному потенциалу проявленности фактора русской национальной идентичности в сфере этнолингвистических и этно-конфессиональных отношений.

Выходом из данной системы, являются общественно-территориальные изменения, произошедшие на полуострове, в том числе и благодаря деятельности пророссийских общественных организаций и значительной доли населения полуострова, поддерживавших их деятельность и, впоследствии, переход Крыма в состав Российской Федерации. Результатом данного перехода полуострова из одного государства в другое, стала новая организация административно-территориального устройства, изменение опорного каркаса территории и изменение направления транспортных потоков по территории Крыма, а так же систем расселения различных этнических групп.

Пророссийские настроения в украинском Крыму. При рассмотрении причин возникновения в крымском обществе конца 1980-х–начала 1990-х годов пророссийских настроений, важно выделить главные и второстепенные факторы.

В число второстепенных факторов мы отнесли социально-экономический и внутривнутриполитический. Оба фактора обусловлены характером устремлений политической элиты и общественных организаций Крыма по его возможному возвращению в состав РСФСР, а затем и России. В качестве главного мотива этого возвращения выдвигалась схожесть хозяйственной специализации экономики полуострова и Европейского Юга России и, в первую очередь, Краснодарского края и республик Северного Кавказа. Внутривнутриполитический фактор был мотивирован стремлением крымской власти получить реальные права автономии в условиях унитарного государства, что означало бы получение Крымом больших полномочий в регулировании различных социально значимых вопросов региона [7].

Главным фактором, сыгравшим решающую роль в развитии пророссийских настроений среди населения украинского Крыма, стал языковой вопрос.

С конца 1980-х годов украинская власть активно усиливала роль украинского языка в полиэтнической стране. Для Крыма это означало формирование логики сопротивления этому процессу. Исходя из определений этноса и этничности, и связанных с ними концепций и теорий, предложенных советскими учеными-этнографами Ю. В. Бромлеем и Л. Н. Гумилевым (несмотря на явную несхожесть их взглядов на данное явление), можно сделать вывод о том, что важными признаками этноса, помимо антропологических особенностей и наличия территории происхождения, являются так же устойчивые особенности культуры, такие, как самосознание, чувство общности и язык

В настоящее время именно язык стал играть одну из ведущих ролей в вопросах идентичности и национального самоопределения. Роль языка общения чрезвычайно важна не только в бытовой сфере, но и в том, что касается мировоззрения. Так французский лингвист Ф. де Соссюр (фр. Ferdinand de Saussure), рассуждая о языке и формировании картины мира, утверждал, что используя и усваивая язык того или иного народа, человеком усваивается и видение окружающей действительности заложенное в этом языке [8]. При помощи языка осуществляется как активное познание и восприятие информации об окружающем мире, так и ее дальнейшая передача и интерпретация.

С использованием того или иного языка связаны и национальные традиции, образование, не говоря уже о культуре и искусстве которые активнее воспринимаются именно при помощи родного или основного языка общения. Таким образом, язык играет роль одного из центральных элементов так сказать национального культурного ядра, воздействия на которое извне могут активно отторгаться представителями национальности [9].

В случае с территорией Крыма и проживающего на ней русскоязычного большинства, попытки внедрения вплоть до 2014 года украинского языка в культурную составляющую жизни в большинстве русского по лингвистическому признаку населения полуострова стали спусковым крючком в механизме противодействия этому процессу. Противодействие украинизации Крыма выразилось в создании разветвлённого каркаса общественных и политических организаций, имеющих пророссийскую направленность как в Автономной Республике Крым, так и в городе Севастополе. Политический кризис в Украине в начале 2014 года стал точкой активизации пророссийских организаций и пророссийски ориентированной части населения полуострова, а начавшиеся после

смены власти в Киеве обсуждения об отмене Закона «О региональных языках», лишь усилил настроения населения Крыма за выход из состава Украины.

Важным фактором активизации пророссийских сил в Крыму 2014 года стали обсуждения статуса крымской автономии в украинском политическом поле, которые сопровождались мнением о недопустимости существования в унитарном государстве территорий с особым статусом. Это не соответствовало действительности, поскольку в мире имеются примеры унитарных государств со сложным внутренним устройством. В числе таких государств Великобритания, Испания, Дания, Португалия и множество других. То же следует отметить и о стремлении украинского государства к моноязычности. Известно, что многие страны официально используют несколько языков в качестве государственных на своих территориях и при этом далеко не все из них имеют федеративное устройство [10].

Наряду с этнолингвистическим фактором, важно отметить для Крыма роль историко-географического фактора. Несмотря на то, что в 1954 году Крымская область была передана Украине без учёта мнения её жителей, в сознании большинства из них Крым оставался частью российской территории на протяжении достаточно длительного периода времени. Во многом именно данный фактор повлиял на выбор жителей полуострова во время голосования на Референдуме о государственном и правовом статусе Крыма 20 января 1991 года, где 93,26% проголосовавших граждан полуострова выбрали пункт «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?» Ожидания жителей Крыма были связаны с тем, что данный выбор даст региону больше возможностей для установления более тесных связей с РСФСР [7].

Говоря о статусе территории Крыма в составе Украины, нельзя не отметить тот факт, что автономия Крымской республики в тот период определялась не по национальному признаку, как в мировой практике территорий, имеющих автономный статус внутри государств, а по территориальному, т.е. Автономная Республика Крым фактически имела статус так называемой «административно-территориальной автономии». Особенности такого вида автономии выражаются в наличии у территориальной единицы, выделяемой не на основе национального разнообразия в ее пределах, системы самостоятельно формируемых органов исполнительной и законодательной власти, а также полномочий издавать законы по установленному центру кругу вопросов, а правовой статус определяется специальным актом (статутом), устанавливаемым или утверждаемым общегосударственным законом [11]. Кроме того, в Конституции Украины в 1996 году был закреплён особый статус Севастополя, как «города центрального подчинения», тем самым отменивший упоминание города Севастополя в статье 7 и пункте 3 статьи 107 Конституции Республики Крым от 1 ноября 1995 года, в которых указывалась принадлежность Севастополя к Республике Крым, как его «неотъемлемой части».

Рассмотрев социальные факторы воздействия, нельзя не упомянуть другой важный географический фактор — окружающую среду. Влияние окружающей среды на человеческое мировоззрение и формирование менталитета, является основой теории географического детерминизма, философского, географического и социологического направления, сутью которого стала попытка объяснения

формирования как общества в целом, так и отдельных сообществ и этносов под влиянием окружающей среды и природных условий [1].

Одним из первых отметил влияние климата и природной среды на общество древнегреческий целитель, врач и философ Гиппократ (лат. Hippocrates), но наиболее последовательное развитие данная теория получила в трудах философов — Шарля Луи Монтескьё (фр. Charles Louis de Montesquieu) и Иоганна Готфрида Гердера (нем. Johann Gottfried Herder). Именно Монтескьё принадлежит фраза о том что «...власть климата является первейшей властью на земле». Дальнейшее влияние на развитие географического детерминизма оказали ученые естествоиспытатели Карл Риттер (нем. Karl Ritter) и Александр фон Гумбольдт (нем. Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander Freiherr von Humboldt), а так же российский и швейцарский географ Лев Ильич Мечников [1].

Природная среда Крымского полуострова, формируя особую форму сознания жителей — полуостровную, опирающуюся на представление о своеобразной отдельности территории от материка — оказала одно из ключевых воздействий на формирование психологии людей, живущих в Крыму и считающих себя в некоторой степени отделёнными от «Большой Родины». Подтверждение этому находим в работах С. Н. Киселёва, считающего, что почти островная форма Крымского полуострова формирует ощущение обособленности от соседствующих территорий [1]. Там же он указывает на тот факт, что островная и полуостровная идентичность являются достаточно распространенным социальным явлением.

Полуостровное положение и многообразие ландшафтов на сравнительно небольшой территории Крымского полуострова создают предпосылки для высокой степени аттрактивности протекающих в его пределах социокультурных процессов, в определённой степени обусловленных мировосприятием жителей.

Изменения в этническом пространстве Крыма с конца 1980-х годов. Для анализа этнолингвистических процессов в Крыму, была рассмотрена динамика доли русских и украинцев по результатам Всесоюзной 1989 года и Всеукраинской 2001 года переписей населения. Смысл изучения указанной динамики позволит в последствии выделить потенциал административных единиц Крыма по степени проявленности в них пророссийских симпатий.

Согласно исследованию динамики этнического пространства Крыма последних десятилетий, проведенного в работе К. Ю. Сикач и А. Б. Швеца «Картографирование этнического пространства Крыма», было отмечено значительное уменьшение числа русских в 2001 г. (на 11%), по сравнению с 1989 г. [12]. Причём, переписная численность русских в Крыму снижалась быстрее, а украинцев медленнее за счет «перехода» идентичности от русских к украинцам [12; 13]. Географически доля украинского населения увеличивалась в северном направлении Крымского полуострова в сторону современного крымско-украинского государственного пограничья. Эта тенденция отражена в таблице 1.

Таблица 1

**Динамика удельного веса русских и украинцев в численности населения
административно-территориальных единиц Крыма**

	1989 г.		2001 г.	
	Русские	Украинцы	Русские	Украинцы
г. Алушта	70,31%	24,19%	67,09%	22,96%
г. Армянск	-	-	55,72%	36,19%
г. Джанкой	65,74%	27,00%	59,75%	25,91%
г. Евпатория	70,99%	22,26%	64,90%	23,33%
г. Керчь	80,59%	15,58%	78,67%	15,36%
г. Красноперекоск	55,52%	39,60%	50,92%	40,87%
г. Саки	68,37%	24,70%	65,12%	24,33%
г. Симферополь	71,63%	21,70%	66,72%	21,26%
г. Судак	75,16%	20,24%	59,23%	17,57%
г. Феодосия	77,60%	17,24%	72,19%	18,77%
г. Ялта	69,74%	24,77%	65,49%	27,66%
Бахчисарайский р-н	87,69%	33,03%	54,28%	19,62%
Белогорский р-н	62,55%	22,91%	49,21%	16,17%
Джанкойский р-н	47,22%	41,07%	38,93%	33,75%
Кировский р-н	63,78%	22,38%	50,49%	17,61%
Красногвардейский р-н	55,96%	33,30%	48,69%	27,26%
Красноперекоский р-н	58,30%	36,86%	33,25%	43,41%
Ленинский р-н	63,87%	28,11%	54,82%	22,91%
Нижнегорский р-н	59,50%	33,86%	50,42%	28,82%
Первомайский р-н	42,12%	43,55%	35,07%	37,94%
Раздольненский р-н	47,92%	45,03%	41,12%	40,06%
Сакский р-н	52,83%	38,44%	45,20%	31,52%
Симферопольский р-н	60,91%	30,70%	49,41%	23,52%
Советский р-н	59,47%	26,27%	48,53%	22,05%
Черноморский р-н	60,98%	31,70%	52,77%	29,29%

Составлено авторами по материалам переписей населения.

В данных административно-территориальных единицах, поддержка пророссийских общественно-политических движений в 1990-е и в начале 2000-х годов была наименее значительной, что подтверждается результатами выборов 1998, 2006 и в особенности 2010 годов. Именно во время выборов в Верховный Совет Автономной Республики Крым в 2010 году, пророссийские национальные организации окончательно сформировали основную партию, централизованно представлявшую интересы данного движения на политической арене Крыма, которой стала партия «Русское Единство». В ходе данной избирательной кампании, партия «Русское Единство», набрала наименьшее количество голосов (менее 1%) именно в вышеуказанных северных административно-территориальных единицах Автономной Республики Крым: в Джанкойском, Первомайском и Раздольненском районах, в то время как в центральной и юго-западной части Крыма их поддержка стала максимальной по отношению к остальным регионам полуострова [14].

Выводы

Проанализировав факторы, повлиявшие на формирование и активизацию пророссийских общественных и политических движений в Крыму периода его украинской административно-территориальной принадлежности, и оказавших впоследствии влияние на изменение его государственного статуса, можно прийти к выводу об их комплексном — социокультурном и природном характере.

Главным же фактором, определяющим формирование пророссийских общественных и политических движений в украинский период новейшей истории Крыма, следует считать этнолингвистический, поскольку именно на фоне попыток украинского государства изменить лингвистическую ситуацию в Крыму и происходила активизация указанных движений по варианту сопротивления и сохранения собственной идентичности русского населения.

Очевидно, что пророссийские общественные и политические движения — это системно-структурный объект, поддающийся пространственному анализу. Системно-структурное моделирование указанных движений позволяет выделить территориальные единицы их проявленности. Для достижения этой цели проведение анализа динамики этнического состава населения полуострова, позволяет выявить потенциал развития его этнолингвистического своеобразия.

Литература

1. Киселёв С. Н. Пять постулатов крымского регионализма / Крымская идея: сборник статей / Симферополь: Изд-во «ООО «Антиква», 2019. С. 118–122
2. Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Заповедные ландшафты Тавриды / В. Г. Ена, Ал. В. Ена, Ан. В. Ена. Симферополь: «Бизнес-Информ», 2004. 424 с.
3. Швец А. Б. Этноконфессиональное пространство Крыма // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: География. 2004. Т. 17 (56). № 4. С. 267–276.
4. Швец А. Б. Особенности взаимодействия доминирующих этносов в культурных ландшафтах современного Крыма // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: География. 2008. Т. 21 (60). № 3. С. 393–399.

5. Багрова Л. А., Боков В. А., Багров Н. В. География Крыма. К.: Либідь. 2002. 300 с.
6. Багров Н. В. Региональная геополитика устойчивого развития. К.: Либідь. 2002. 254 с.
7. Бедрицкий А. В. Три проекции крымской идеи (отрывок) / Крымская идея: сборник статей / Симферополь: Изд-во «ООО «Антиква», 2019. С. 114–117
8. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике / пер. с фр. Б. П. Нарумова. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001 (2000). 280 с.
9. Киселёв С. Н. Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность / Крымская идея: сборник статей / Симферополь: Изд-во «ООО «Антиква», 2019. С. 131–138
10. Киселёв С. Н., Киселёва Н. В. Размышления о Крыме и геополитике / Крымская идея: сборник статей / Симферополь: Изд-во «ООО «Антиква», 2019. С. 70–113
11. Ульяницев П. В. Автономия как форма территориального самоуправления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. Том 2. 2008. С. 24–32.
12. Сикач К. Ю., Швец А. Б. Картографирование этнического пространства Крыма // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 5(15). Вып. 3. 2019. С. 211–222.
13. Автономная Республика Крым: Атлас / ТНУ им. В.И. Вернадского, Крым. науч. центр НАН Украины и Мин-во образования и науки Украины, Ин-т географии НАН Украины, Ин-т перед. Технологий / ред. Н.В. Багров [и др.]. К.-Симферополь, 2003. 76 с.
14. Выборы и референдумы. ИК Крыма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/crimea> (дата обращения: 25.07.2020).

I. N. Voronin¹,
N. A. Sobokar²

Factors of development of the Pro-Russian social movement in Crimea (late 1980s–2014)

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
email: ¹voronin.igor53@yandex.ru, ²nickgreen721@yandex.ru

Abstract. Modern socio-geographical research, which includes the subject of the article, actively studies not only social, but also natural laws and processes for explaining socio-political phenomena. The article attempts to show the process of studying Pro-Russian social movements in the context of system-structural methodology and methods of socio-economic geography for the period of Ukrainian administrative-territorial belonging to the Crimea.

Keywords: Pro-Russian social movement, ethnolinguistic processes, regional identity, language factor of social tension, Autonomous Republic of Crimea.

References

1. Kiselyov S. N. Pyat' postulatov krymskogo regionalizma / Krymskaya ideya: sbornik statej / avt.-sost. S.N. Kiselyov. Simferopol': Izd-vo «ООО «Antikva», 2019. S. 118–122 (in Russian)
2. Ena V. G., Ena Al. V., Ena An. V. Zapovednye landshafty Tavridy / V.G. Ena, Al. V. Ena, An. V. Ena. Simferopol': «Biznes-Inform», 2004. 424 s. (in Russian)
3. Shvec A. B. Etnokonfessional'noe prostranstvo Kryma // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Geografiya. 2004. T. 17 (56). № 4. S. 267–276. (in Russian)
4. Shvec A. B. Osobennosti vzaimodejstviya dominiruyushchih etnosov v kul'turnyh landshaftah sovremennogo Kryma // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Geografiya. 2008. T. 21 (60). № 3. S. 393–399. (in Russian)/ (in Russian)
5. Bagrova L. A., Bokov V. A., Bagrov N. V. Geografiya Kryma. K.: Libid'. 2002. 300 s. (in Russian)
6. Bagrov N. V. Regional'naya geopolitika ustojchivogo razvitiya. K.: Libid'. 2002. 254 s. (in Russian)
7. Bedrickij A. V. Tri proekcii krymskoj idei (otryvok) / Krymskaya ideya: sbornik statej / Simferopol': Izd-vo «ООО «Antikva», 2019. S. 114–117. (in Russian)
8. Sossyur F. Zametki po obshchej lingvistike / Per. s fr. B. P. Narumova. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 2001 (2000). 280 s. (in Russian)
9. Kiselyov S.N. Krymskaya russkaya identichnost' kak etnopoliticheskaya real'nost' / Krymskaya ideya: sbornik statej / avt.-sost. S.N. Kiselyov. Simferopol': Izd-vo «ООО «Antikva», 2019. S. 131–138 s. (in Russian)
10. Kiselyov S. N., Kiselyova N. V. Razmyshleniya o Kryme i geopolitike / Krymskaya ideya: sbornik statej / Simferopol': Izd-vo «ООО «Antikva», 2019. S. 70–113 s. (in Russian)
11. Ul'yanishchev P. V. Avtonomiya kak forma territorial'nogo samoupravleniya // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: YUridicheskie nauki. Tom 2. 2008. S. 24–32. (in Russian)
12. Sikach K. YU., Shvec A. B. Kartografirovanie etnicheskogo prostranstva Kryma // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Tom 5(15). Vyp. 3. 2019. S. 211–222. (in Russian)
13. Avtonomnaya Respublika Krym: Atlas / TNU im. V.I. Vernadskogo, Krym. nauch. centr NAN Ukrainy i Min-vo obrazovaniya i nauki Ukrainy, In-t geografii NAN Ukrainy, In-t pered. tekhnologij; red. N.V. Bagrov [i dr.]. K.-Simferopol': 2003. 76 s. (in Russian)
14. Vybory i referendumy. IK Kryma. [Elections and Referendums. Crimea EC]. URL: <http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/crimea> (Accessed 25 july 2020). (in Russian)

Поступила в редакцию 05.08.2020 г.

УДК 81-2

Е. С. Каширина¹,
Ю. Л. Ситько²,
А. А. Новиков³,
Л. И. Теплова⁴

Картографирование этнодемографических процессов на территории Севастополя при лингвистических исследованиях

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», Филиал в г. Севастополе, г. Севастополь, Российская Федерация
e-mail: ¹e_katerina.05@mail.ru, ²yurii.sitko@outlook.com, ³a_novik@bk.ru, ⁴liubovteplova@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты картографирования этнодемографических процессов на территории Севастополя при лингвистических исследованиях. В 2018–2019 гг. проведено первичное диалектологическое обследование русского языка в селах Севастопольского региона. Выявлено, что в качестве родного, разговорного и семейного языка используют русский, украинский и крымско-татарский. Отмечается упрощение лингвистической структуры от родного языка к разговорному. Ведущим этнодемографическим процессом, влияющим на формирование языковых особенностей, является этническая миграция.

Ключевые слова: лингвистическое картографирование, функционирование языка, русский язык, Севастополь, ГИС-технологии.

Введение

Лингвистическая география представляет собой научное направление, изучающее закономерности территориального распространения языковых явлений (фонетических, морфологических, синтаксических, лексико-семантических) или отдельных конкретных языковых фактов [1].

Севастополь, как южный Форпост России и база её Черноморского флота, на протяжении всей своей истории является центром миграции населения. Основные миграционные потоки связаны с прибытием военнослужащих на флот. В послевоенный период после депортации крымско-татарского населения в Крым активно переезжали семьи колхозников из регионов Украины и России. Возвращение крымско-татарского населения пришлось на 1990-е–2000-е гг. В последнее десятилетие миграционная привлекательность региона увеличивается в связи с развитием рекреационной функции и массовым курортным строительством жилья. Перечисленные процессы находят свое отражение в языковой ситуации. Как результат, население Севастопольского региона отличается пестротой этнического и языкового состава.

Лингвистическое картографирование на ограниченной территории, как метод отражения пространственных особенностей языковой ситуации, зачастую отражает исторические этнические, демографические, социальные и политические процессы. По этой причине лингвистическое картографирование тесно связано с этнодемографическим и отражает не только пространственное распределение языковых особенностей, но и социально-демографические.

Цель настоящей статьи — картографирование этнодемографических процессов на территории Севастополя при лингвистических исследованиях.

Материалы и методы

Методика сбора материала. Проведен анализ лингвистических особенностей населения 9 сельских населённых пунктов: Орлиное, Передовое, Оборонное, Хмельницкое, Черноречье, Сахарная Головка, Штурмовое, Терновка, Верхнесадовое и Фруктовое, Угловое, Андреевка и Солнечный. Все перечисленные населённые пункты, кроме с. Угловое, расположены в административных границах Севастополя. Выбор населённых пунктов обусловлен особенностями распределения сельского населения в границах Севастополя.

Население в административных границах Севастополя распределено крайне неравномерно. Среди сельских населённых пунктов по численности населения выделяются с. Верхнесадовое, с. Фруктовое, с. Орловка, с. Сахарная Головка и с. Штурмовое. Значительно меньше населения проживает в более отдалённых сёлах Байдарской и Варнутской межгорных котловин — это сёла Орлиное, Передовое, Широкое и др. Также, невелика численность населения сел Терновка и Родное.

В 2018–2019 г. проводилось первичное диалектологическое обследование русского языка в селах Севастопольского региона. Языковой материал собирался методом подворового обхода с применением биографического метода (история образования населённого пункта, война и послевоенное время, топонимика (официальная и неофициальная), история переселений (военная, послевоенная, новейшего времени), национальный и количественный состав населения, история школьного образования, хозяйственная деятельность. Информанты условно были разделены на три поколения: старшее поколение (1930–1940 г.р. и позже), взрослые (до 1970, 1970–1980 и позже), молодежь (1985 и позже) [2; 3]. На основе анализа 191 анкеты получена информация о количестве жителей, говорящих на русском, украинском, крымско-татарском и других языках. При этом у каждого информанта выделялись группы родного языка, языка повседневного общения и языка, используемого для общения в кругу семьи.

Методика построения карт. Населённые пункты, в которых проводился опрос, располагаются на разном удалении от городской зоны и распределены с учетом основных миграционных коридоров «Северный» (периферийный), «Северо-западный» (центральный), «Южный» (периферийный). Из-за незначительной выборки информантов в селах, а также низкой плотности населения вне населённых пунктов и их значительного удаления друг от друга, создание сплошной (градиентной) карты распределения диалектов не представлялось возможным. В результате был использован метод диаграмм, который в условиях недостаточности данных позволяет провести пространственный анализ на качественном уровне. Для построения карт использовался программный пакет QGIS.

Результаты и обсуждение

Анализ родного языка. Родной язык («материнский», детский, тот, на котором говорили в семье) — это язык, который человек усваивает с раннего детства без специального обучения, находясь в соответствующей языковой среде (первый язык). В качестве родного языка респонденты из сельских населённых

пунктов Большого Севастополя чаще всего называли русский, украинский и крымско-татарский (табл. 1).

Таблица 1.

**Родной язык жителей сельских населенных пунктов
Большого Севастополя, 2018–2019 гг.**

Название села	Русский	Украинский	Крымско-татарский	Примечания
Орлиное	27	4	3	
Передовое	11	1		
Оборонное				
Хмельницкое	17	5		белорусский, чеченский
Черноречье	9	2	1	
Сахарная Головка	3			
Штурмовое	31	4	1	армянский, молдавский
Терновка	10		5	
Верхнесадовое и Фруктовое	15		1	
Угловое	9	1	4	белорусский
Андреевка, Солнечный	14	3		осетинский
Всего	146	20	15	

Составлено авторами по полевым данным.

Территориальные аспекты использования разных языков в качестве родных показаны на картосхеме (рис. 1). В одном населённом пункте — п. Сахарная Головка — все респонденты назвали родным языком только русский. Однако, небольшое количество анкет (3 шт.) может не объяснить всю картину использования родного языка в поселке. Максимальное разнообразие родных языков отмечено для с. Штурмовое, где выявлено 5 языков, используемых жителями в качестве родных: русский, украинский, крымско-татарский, армянский и молдавский (рис. 2).

Также высокое разнообразие родных языков отмечено в сёлах Угловое и Хмельницкое. В с. Угловое респондентами указано 4 родных языка — русский, украинский, крымско-татарский и белорусский. Респондентами в с. Хмельницкое в качестве родных указаны русский, украинский, белорусский и чеченский (самоназвание — *нохчийн мотт*) языки. Три языка выделены в качестве родных в сёлах Орлиное и Черноречье: русский, украинский и крымско-татарский.

Как показали исследования, картина использования родного языка жителями сельских населенных пунктов Большого Севастополя очень пёстрая. Нами отмечены 8 языков, которые используются респондентами в качестве родных: русский, украинский, крымско-татарский, белорусский, чеченский, армянский, молдавский и осетинский.

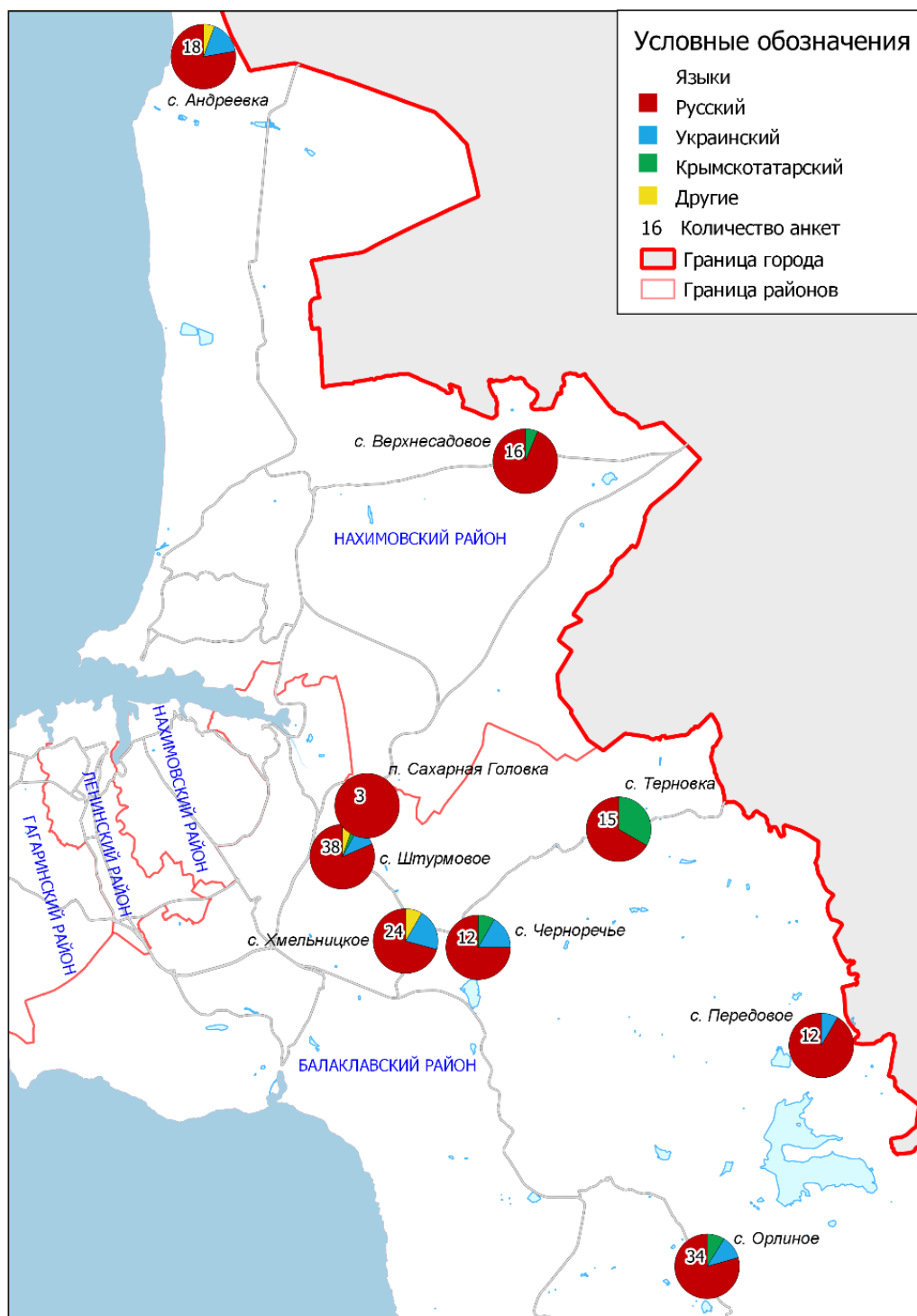

Рис. 1. Родной язык жителей сельских поселений Севастопольского региона, 2018–2019 гг.

Составлено авторами по полевым данным.

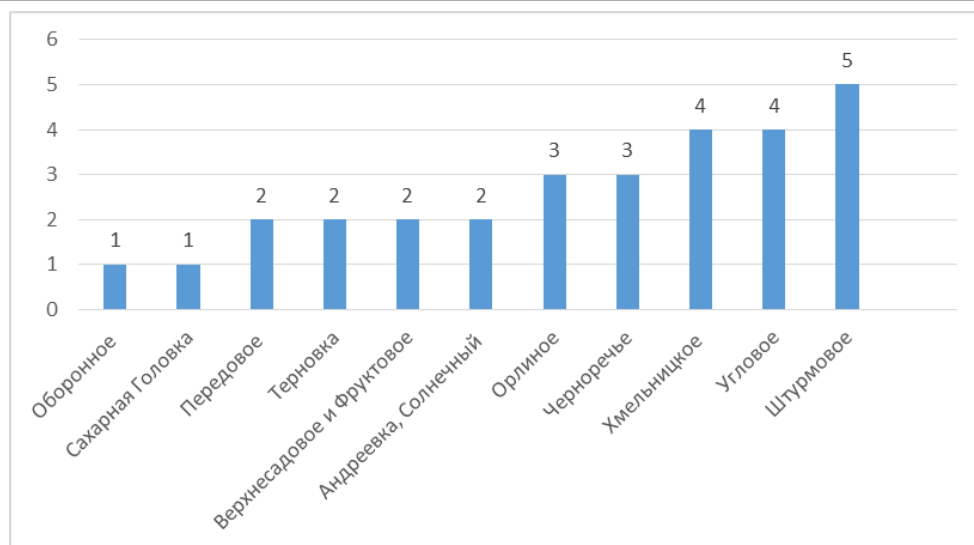

Рис. 2. Число языков, указанных в качестве родных, в сельских населенных пунктах Большого Севастополя и Бахчисарайского муниципального района Республики Крым, 2018–2019 гг.

Составлено авторами по полевым данным.

В четырех населенных пунктах (Передовое, Терновка, Верхнесадовое и Фруктовое, Андреевка, Солнечный) в качестве родных использовалось по два языка. Причем, в с. Передовое и селах Андреевка и Солнечный указаны русский и украинский языки, а в селах Терновка; Верхнесадовое и Фруктовое — русский и крымско-татарский. Анализ показывает снижение влияния русского языка в качестве родного со 100% до 60% (рис. 3).

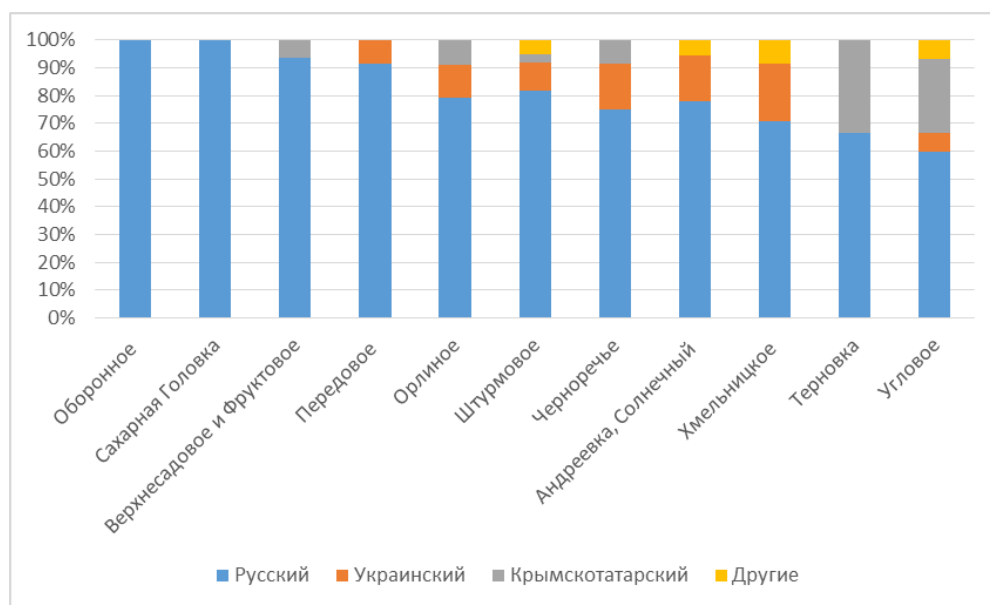

Рис. 3. Соотношение языков, используемых в качестве родных, жителями сельской местности Севастопольского региона и Бахчисарайского муниципального района Республики Крым, 2018–2019 гг.

Составлено авторами по полевым данным.

Во многом, родной язык отражает историю формирования населения. Данные исследования показывают, что население изучаемых сел формировалось выходцами из постсоветских республик — России, Украины, Белоруссии, Армении, Молдавии, а также национальных субъектов Российской Федерации — Северной Осетии и Чеченской республики.

Анализ разговорного языка. Разговорный язык — это совокупность различных форм существования языка, противопоставленная литературной форме. Различают общенародно-разговорную форму и локализовано-разговорную (или диалектную). В качестве разговорного респонденты из сельских населенных пунктов Большого Севастополя назвали всего 4 языка: русский, украинский, крымско-татарский и белорусский (табл. 2).

Таблица 2

**Разговорный язык жителей сельских населенных пунктов
Большого Севастополя, 2018-2019 гг.**

Название села	Русский	Украинский	Крымско-татарский	Другие языки
Орлиное	30		1	
Передовое	11			
Оборонное	8			
Хмельницкое	22	3		белорусский
Черноречье	11	2		
Сахарная Головка	3	1		
Штурмовое	34			
Терновка	14		5	
Верхнесадовое и Фруктовое	16			
Угловое	15		2	
Андреевка, Солнечный	16	1		

Составлено авторами по полевым данным.

Число языков, указанных в качестве разговорных, в сельских населенных пунктах Большого Севастополя представлено на рис. 5.

Как видно, максимальное число языков, используемых в качестве разговорных, в одном населенном пункте достигает трех, что свидетельствует об общем снижении лингвистического разнообразия. В разговорной речи три языка используют в селах Орлиное и Хмельницкое. В с. Орлиное разговаривают на русском, украинском и крымско-татарском языках.

В четырёх селах в качестве разговорных используют по два языка: либо русский и украинский, либо русский и крымско-татарский. Это с. Черноречье, пос. Сахарная Головка, с. Терновка и с. Угловое. В пяти населенных пунктах в разговорной речи используют только один язык — только русский.

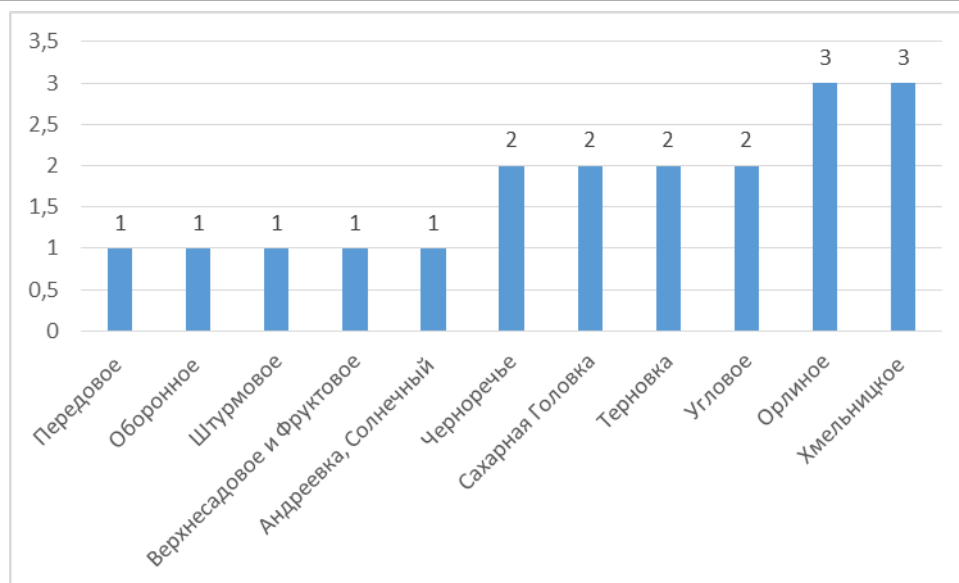

Рис. 4. Число языков, указанных в качестве разговорных, в сельских населенных пунктах Большого Севастополя и Бахчисарайского муниципального района Республики Крым, 2018–2019 гг.

Составлено авторами по полевым данным.

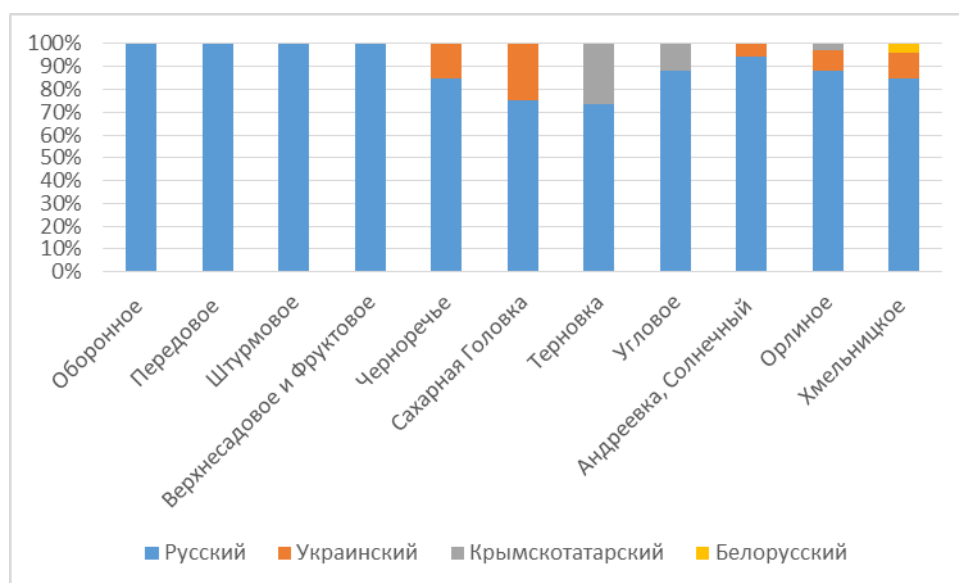

Рис. 5. Соотношение языков, используемых в качестве разговорных, в сельских населенных пунктах Большого Севастополя и Бахчисарайского муниципального района Республики Крым, 2018–2019 гг.

Составлено авторами по полевым данным.

Как видно, во всех изучаемых сельских населенных пунктах Большого Севастополя население разговаривает на русском языке. Использование русского языка в разговорной речи достигает 100% в селах Оборонное, Передовое, Штурмовое, Верхнесадовое и Фруктовое. Роль русского языка снижается до 72% в с. Терновка. Территориальные аспекты использования разных языков в качестве разговорных показаны на картосхеме (рис. 6).

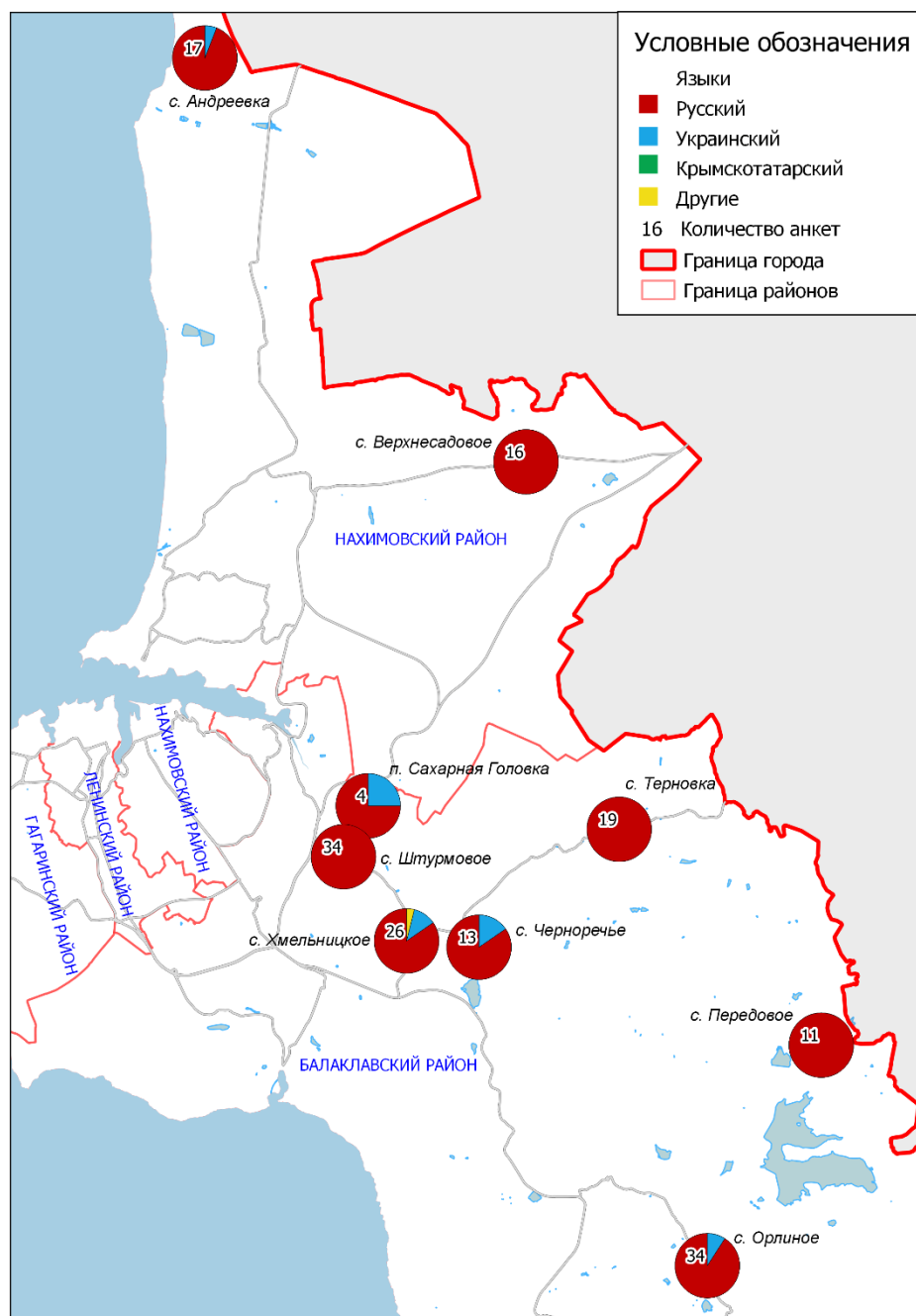

Рис. 6. Разговорный язык жителей сельских населенных пунктов Большого Севастополя, 2018–2019 гг.

Составлено авторами по полевым данным.

Как видно из картосхемы, более однородными в языковом отношении являются населенные пункты, находящиеся в периферийных частях Большого Севастополя.

Анализ использования домашнего языка. В качестве домашнего респонденты из сельских населенных пунктов Большого Севастополя и Бахчисарайского муниципального района назвали 4 языка: русский, украинский, крымско-татарский и армянский (табл. 3).

Таблица 3

Домашний язык жителей сельских населенных пунктов Большого Севастополя и Бахчисарайского муниципального района Республики Крым, 2018-2019 гг.

Название села	Русский	Украинский	Крымско-татарский	Другие языки
Орлиное	33	2	3	
Передовое	11			
Оборонное	8			
Хмельницкое	22			
Черноречье	10	2		
Сахарная Головка	3			
Штурмовое	33			армянский
Терновка	10		5	
Верхнесадовое и Фруктовое	16			
Угловое	15		3	
Андреевка, Солнечный	17	2		

Составлено авторами по полевым данным.

Для большей части опрошенных домашним языком является русский. На русском языке дома разговаривают все опрошенные в селах Верхнесадовое и Фруктовое, Сахарная Головка, Хмельницкое, Терновка, Передовое. По два респондента из с. Черноречье и с. Андреевка в качестве домашнего языка указали украинский. На крымско-татарском языке дома разговаривают респонденты из сёл Орлиное, Терновка и Угловое. Только 1 респондент из с. Штурмовое указал в качестве домашнего языка армянский (рис. 7).

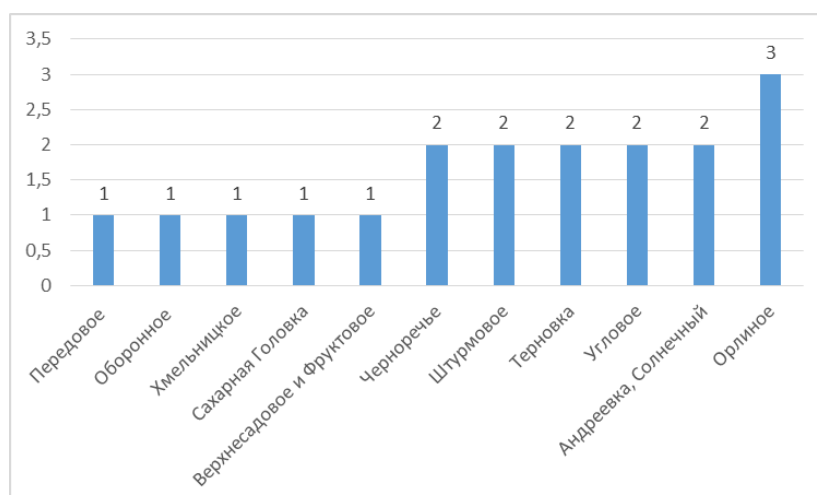

Рис. 7. Число языков, указанных в качестве домашних, в сельских населенных пунктах Большого Севастополя и Бахчисарайского муниципального района Республики Крым, 2018–2019 гг.

Составлено авторами по полевым данным.

Как видно, только в одном сельском населенном пункте используют три языка в качестве домашних: русский, украинский, крымско-татарский. В четырех сельских населенных пунктах в домашнем общении используют по 2 языка. Это сёла Терновка, Угловое, Черноречье, Андреевка, Солнечный. Необходимо отметить, что общим для всех является русский, а вторым в селах Терновка и Угловое — крымско-татарский, в селах Черноречье, Андреевка, Солнечный — украинский.

Соотношение языков, используемых в качестве домашнего, в сельских населенных пунктах Большого Севастополя и Бахчисарайского муниципального района Республики Крым показано на рис. 8.

Как видно, доля русского языка в домашнем использовании максимальная в селах Передовое, Оборонное, Хмельницкое, Сахарная Головка, Верхнесадовое и Фруктовое. Доля русского языка в домашнем использовании снижается до 65% в Терновке.

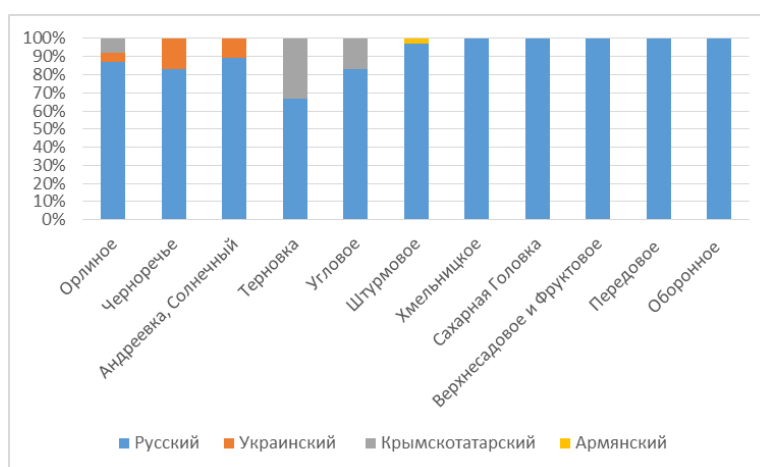

Рис. 8. Соотношение языков, используемых в качестве домашнего, в сельских населенных пунктах Большого Севастополя и Бахчисарайского муниципального района Республики Крым, 2018–2019 гг.

Составлено авторами по полевым данным.

Территориальные аспекты использования разных языков в качестве домашних показаны на рис. 9.

Как видно, сельские населенные пункты, расположенные вдоль административных границы Большого Севастополя, более однородны с точки зрения использования домашнего языка.

Соотношение языков при различном типе использования показано на рисунке 10.

Анализ данных показывает упрощение лингвистической структуры от родного языка к разговорному. Наиболее сложная структура родных языков, число которых достигает 8. В структуре разговорных и домашних используется по 3 языка.

Анализ данных первичного диалектологического обследования русского языка в селах Верхнесадовое, Угловое и Терновка показал значительное влияние украинского языка, что выражается в ряде фонетических и других особенностей (табл. 4).

Как видно, в селах Верхнесадовое, Угловое и Терновка отмечено влияние украинского языка на русский. Во всех селах отмечается характерный фрикативный звук γ вместо взрывного звука g , так называемое «гыкание».

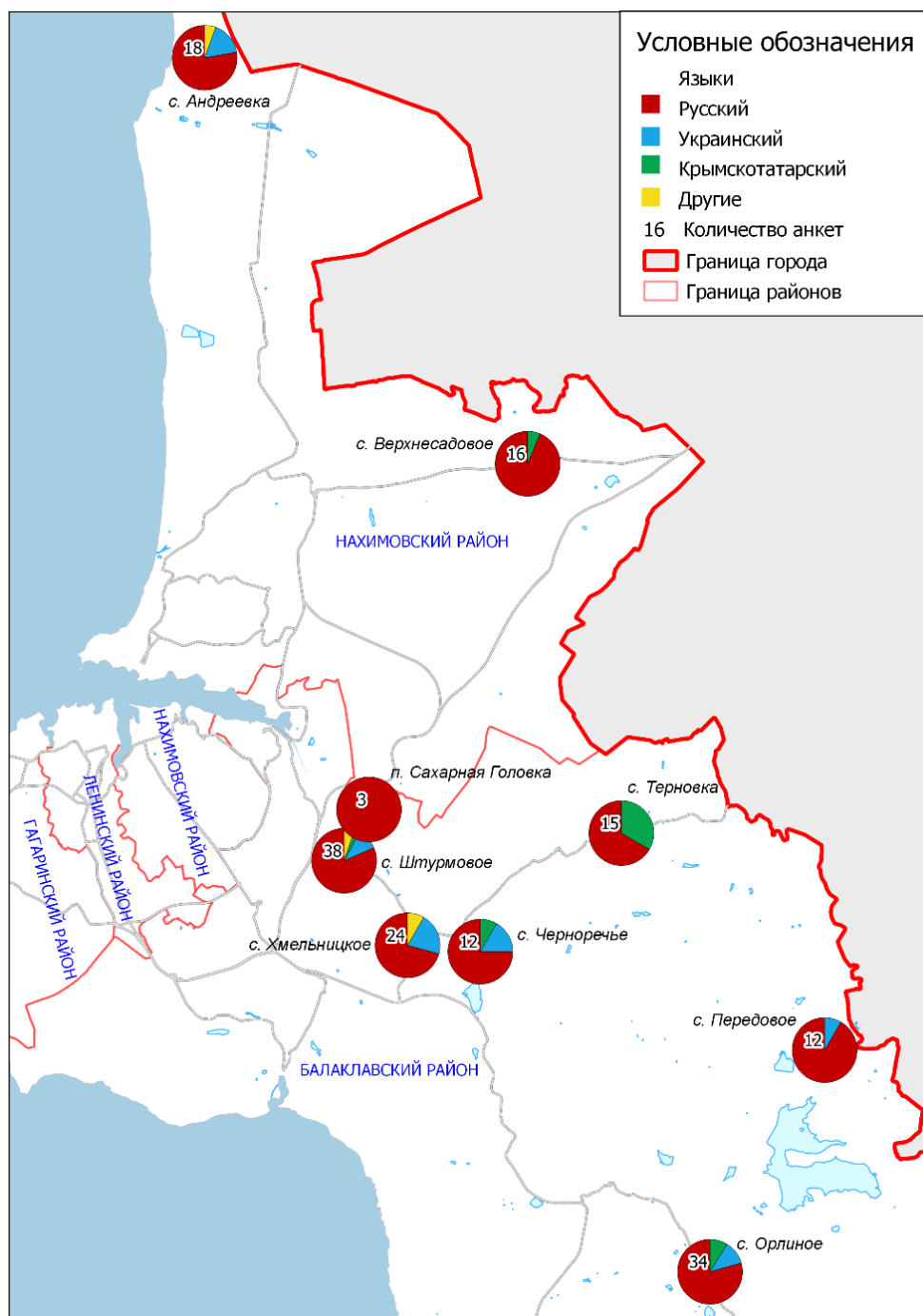

Рис. 9. Распространение домашнего языка в сельских населённых пунктах г. Севастополь, 2018–2019 гг.

Составлено авторами по полевым данным.

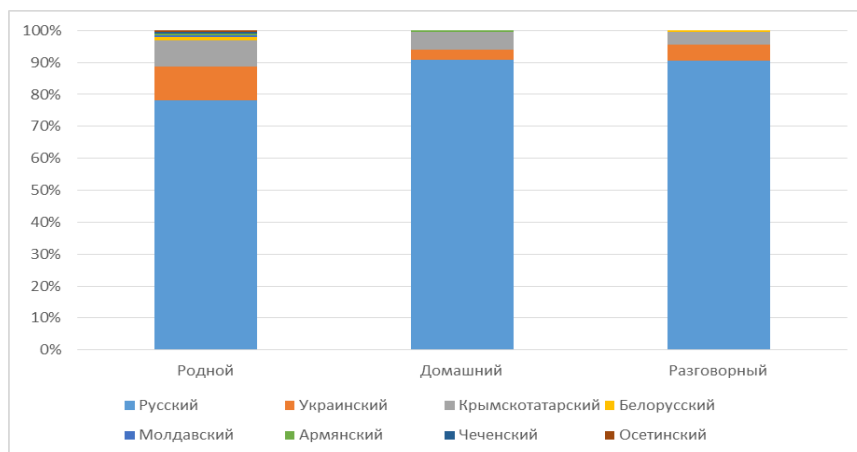

Рис. 10. Соотношение языков при различном типе использования в сельских населённых пунктах г. Севастополь и Бахчисарайского муниципального района Республики Крым, 2018–2019 гг.

Составлено авторами по полевым данным.

Таблица 4

Фонетические проявления влияния украинского языка на русский в сельских населенных пунктах Большого Севастополя и Бахчисарайского муниципального района Республики Крым, 2018–2019 гг.

Населенный пункт	Фонетические особенности	Другие особенности
Верхнесадовое	1. Фрикативный звук γ вместо взрывного звука g 2. ыканье: <i>тыка́ја</i> , <i>ымоции</i> 3. ярко выраженная протеза j – <i>живо</i>	Украинизмы: <i>вже</i> , <i>тамуж</i> (потому что)
Угловое	1. иканье 2. Фрикативный звук γ вместо взрывного звука g	1. Замена предлога <i>у</i> на предлог <i>в</i> (<i>вминя</i> – у меня) – влияние украинского языка. 2. Украинизмы: <i>вжэ</i> , <i>трошки</i> , <i>хлопчик</i> . 3. Предлог <i>с</i> вместо предлога <i>из</i> : <i>с института</i> – влияние украинского языка. 4. Предлог <i>в</i> вместо предлога <i>на</i> , что соответствует украинской норме.
Терновка	1. аканье 2. иканье *3. Редко встречается еканье и оканье у пожилых людей 4. Фрикативный звук γ вместо взрывного звука g	1. Украинизмы: <i>хатынки</i> 2. Предлог <i>в</i> вместо предлога <i>на</i> : <i>в Украине</i> – соответствует украинской норме.

Составлено авторами по полевым данным.

Фарингальное «г» встречается в речи людей, живших какое-то время на Украине или обучавшихся в школах по украинской программе в 1990–2000-ых годах. В речи детей до 15 лет, а также татар всех возрастов фарингальное «г» на месте русского взрывного «г» не отмечается. В речи часто используются украинизмы: *вже* (уже), *тамуж* (потому что), *трошки* (немного), *хлопчик* (мальчик), *хатынки* (дома).

Миграционные процессы более позднего периода отражаются в особенностях русского языка среди представителей крымско-татарского этноса. Так, интонация в речи представителей крымско-татарского населения отличается большей экспрессивно-эмоциональной силой по сравнению с интонацией представителей русского населения с. Терновки. Необоснованность расстановки логических пауз и частотная восходящая интонация в конце повествовательных предложений приводят к трудностям при определении границ синтагм и коммуникативного намерения говорящего. Вызывает интерес и ударение в названии местной реки Ай-Тодорки. Правильным вариантом считается ударение на третий слог, что и наблюдается у русских жителей села, в то время как среди татарского населения более распространенным вариантом считается ударение в слове на второй слог — Ай-Тодорка [4].

Можно предположить, что после обработки всего массива полевых данных в других сельских населенных пунктах Большого Севастополя будет также прослежено влияние украинского языка.

Таким образом, этнодемографические процессы оказывают влияние на формирование пространственных особенностей использования русского языка, что особенно проявляется в сельской местности. Во всех сельских населенных пунктах Большого Севастополя отмечается влияние этнической миграции на формирование языковых особенностей. Ведущее значение имеют две волны миграции: переселение в Крым украинского населения после Великой Отечественной войны и возвращение крымских татар из стран Средней Азии в 1990-е годы.

Выводы

Интерпретация лингвогеографических данных позволила сделать выводы относительно влияния этнодемографических факторов на языковое развитие:

1. Выявлено, что в качестве родного, разговорного и семейного языка респонденты из сельских населенных пунктов Большого Севастополя чаще всего называли русский, украинский и крымско-татарский.

2. Отмечается упрощение лингвистической структуры от родного языка к разговорному. Наиболее сложная структура родных языков, число которых достигает 8. В структуре разговорных и домашних используются по 3 языка.

3. Ведущим этнодемографическим процессом, влияющим на формирование языковых особенностей в сельских населенных пунктах Большого Севастополя, является этническая миграция двух волн: переселение в Крым украинского населения после Великой Отечественной войны и возвращение крымских татар из стран Средней Азии в конце XX в.

Литература

1. Пшеничнова Н. Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). М.: 2008. 216 с.
2. Каширина Е. С., Ситько Ю. Л., Новиков А. А., Сорокина Е. И., Теплова Л. И. Особенности лингвистического картографирования при описании функционирования языка на ограниченной территории (на примере Большого Севастополя) // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 4. № 4. С. 361–368.
3. Каширина Е. С., Ситько Ю. Л., Новиков А. А., Теплова Л. И. Отражение этнической структуры населения при лингвистическом картографировании на примере Большого Севастополя // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 5. № 3. С. 162–173.
4. Ситько Ю.Л., Куприянова М.В., Калиниченко И.А., Митасов В.А., Курапова Ю.В. Обследование разговорной речи жителей села Терновки города Севастополя // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 7 (25). С. 10. DOI: 10.34680/2411-7951.2019.7(25).10

E. S. Kashirina¹,
Yu. L. Sitko²,
A. A. Novikov³,
L. I. Teplova⁴

Mapping ethno-demographic processes in the territory of Sevastopol during linguistic studies

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol,
Sevastopol, Russian Federation
e-mail: ¹e_katerina.05@mail.ru, ²yurii.sitko@outlook.com,
³a_novik@bk.ru, ⁴liubovteplova@mail.ru

Abstract. *The article presents the results of mapping ethno-demographic processes in the territory of Sevastopol during linguistic studies. In 2018-2019 an initial dialectological examination of the Russian language in the villages of the Sevastopol region was carried out. We revealed that Russian, Ukrainian and Crimean Tatar are used as the native, spoken and family language. We also noted a simplification of the linguistic structure from the mother tongue to the spoken language. Ethnic migration is the leading ethno-demographic process affecting the formation of linguistic features.*

Keywords: *linguistic mapping, language functioning, Russian language, migration, Sevastopol, GIS technologies.*

References

1. Pshenichnova N N Lingvisticheskaya geografiya (po materialam russkih govorov). M.: 2008. 216 s. (in Russian)
2. Kashirina E. S. Sitko Yu. L. Novikov A. A. Teplova L. I. Osobennosti lingvisticheskogo kartografirovaniya pri opisani funkcionirovaniya yazyka na ogranichennoj territorii (na primere Bol'shogo Sevastopolya). // Geopolitika i ehkogeodinamika regionov. 2018. T. 4. № 4. S. 361–368. (in Russian)

3. Kashirina E. S., Sitko Yu.L., Novikov A. A., Teplova L.I. Otrazhenie ehlnicheskoy struktury naseleniya pri lingvisticheskom kartografirovanii na primere Bolshogo Sevastopolya // Geopolitika i ehkogeodinamika regionov. 2018. T. 5. №3. S. 162–173. (in Russian)
4. Sitko Yu. L., Kupriyanova M. V., Kalinichenko I. A., Mitsov V. A., Kurapova Yu. V. Obsledovanie razgovornoj rechi zhitelej sela Ternovki goroda Sevastopolya // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 7 (25). S. 10. (in Russian)

Поступила в редакцию 15.07.2020 г.

УДК 338.48:39(470)

Е. В. Логвина

Развитие этнографического туризма в Крыму

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: vivat.log.1474@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития этнографического туризма в Республике Крым. Рассмотрена динамика национального состава Крыма и г. Севастополя. Дан обзор культурно — исторических объектов некоторых этносов Крыма. Проведенный SWOT-анализ позволил выявить проблемы и определить возможности по развитию данного вида туризма. Определены перспективы дальнейшего развития этнографического туризма.

Ключевые слова: этнографический туризм, этносы, культурное наследие, ресурсный потенциал, караимы, крымские татары, греки, русские, этнический туризм, население Крыма

Введение

Современная туристская индустрия является одной из самых высокодоходных отраслей мировой экономики. Как свидетельствует мировой опыт, правильное использование имеющихся туристско-рекреационных возможностей может оказаться одним из наиболее эффективных рычагов структурной перестройки экономики. Туризм есть явление многоплановое, и важно сохранить его разнообразие.

В настоящее время во всем мире наблюдается повышенный интерес к традиционной этнической культуре. Реальные перспективы для внутреннего и въездного туризма имеет этнографический туризм, основанный на самобытной культуре многочисленных народов (этносов), проживающих на территории России и Республики Крым. Этнографический туризм пока недостаточно освоенное направление рекреационной деятельности.

Повышенный интерес к традиционной культуре народов мира проявляется в силу ряда причин — проводятся этнографические исследования в разных регионах планеты, возрастает тесное сотрудничество среди ученых, национальных общественных объединений, проводятся конференции по национальным вопросам, издаются различные книги и учебники об особенностях истории и развития тех или иных этносов. Этнографический туризм основан на интересе туристов к подлинной жизни народов, ознакомлении с народными традициями, обрядами, творчеством и культурой.

Этнографический туризм — одно из направлений культурно-познавательного туризма, особенность которого, заключается в том, что турист не имеет родственных связей с народом и местностью, которую изучает или знакомится в ходе своего путешествия (например, поляки посещают этнографический центр крымских татар, или знакомятся с культурой болгар в Крыму).

Этнографический туризм в своем развитии выступает фактором

возрождения и развития национальных культур. Идет поиск забытых традиционных ремесел, создаются школы мастерства, сохраняется и популяризируется язык, обычаи, обряды. «В этнографическом туризме заложена идея сохранения, преумножения и передачи будущим поколениям историко-культурного наследия прошлого» [1].

Материалы и методы

Россия располагает огромным потенциалом для развития всех видов туризма, в том числе и этнографического. В богатой истории России и Крыма в разные времена оставили свой след викинги, древние славяне, монголо-татары, половцы, скифы, шведы, тевтонцы, греки, генуэзцы и другие народы. Это стимулирует развитие этнографического туризма, делает современных россиян и граждан других государств интересными друг другу. Развитие данного вида туризма является очень перспективным, так как наша страна обладает уникальным культурным и этнографическим наследием.

Проблематикой этнографического туризма в России занимались Т. Ворона и М. Войтенко, считавшие, что его важной задачей развития в ближайшие десятилетия станет привлечение туристов в различные регионы России [2].

По мнению Е. Панкеевой и И. Коваленко: «Перспективы *этнографического туризма* в Крыму чрезвычайно велики. Крым — особое место. Здесь проживают народы, которые сформировались непосредственно в Крыму: крымские татары, крымские караимы и крымчаки. А также народы, издавна проживающие на полуострове и имеющие своеобразные культуру и историю — греки, болгары, армяне, славяне, итальянцы. Этнотуризм в Крыму привлекателен и для широкой публики, и для специалистов — этнологов, этнографов, антропологов, для преподавателей соответствующих дисциплин и студентов, их изучающих» [3].

Крым — земля обетованная для этнографического туризма. Столь небольшая территория полуострова вместила в себя вековую историю множества племён и народов. Национальный облик Крыма представляют более 100 национальностей, формируются все необходимые предпосылки для развития таких видов культурного туризма, как культурно-этнографического и этнического. Для немцев, болгар, греков, крымских татар и других граждан, чьи предки когда-то жили в Крыму, разработаны туры по их исторической колыбели с посещением архитектурных и религиозных памятников полуострова.

Рассмотрим динамику национального состава Крыма за 1989, 2001 и 2014 года в табл. 1.

Таблица 1

Динамика национального состава республики крым и г. Севастополь (чел.)

Этносы	1989 г.	%	2001 г.	%	2014 г.	%
1	2	3	4	5	6	7
ВСЕГО	2 430 495	100%	2 410 209	100%	2 284 769	100%
Русские	1 629 542	67,05	1 450 394	60,40	1 492 078	65,31
Украинцы	652 919	25,75	576 647	24,01	344 515	15,08
Крымские татары	38 356	1,58	245 291	10,22	232 340	10,17
Татары	10 762	0,44	13 602	0,57	44 996	1,97
Белорусы	50 054	2,06	35 157	1,46	21 694	0,95
Армяне	2 794	0,11	10 088	0,42	11 030	0,48
Азербайджанцы	2 415	0,10	4 377	0,18	4 432	0,19

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Узбеки	876	0,04	3 087	0,13	3 466	0,15
Молдаване	6 609	0,27	4 562	0,19	3 147	0,14
Евреи	17 731	0,73	5 531	0,23	3 144	0,14
Корейцы	243	0,10	3 027	0,13	2 983	0,13
Греки	2 684	0,11	3 036	0,13	2 877	0,13
Поляки	6 157	0,25	4 458	0,19	2 843	0,12
Цыгане	1 698	0,07	1 905	0,08	2 808	0,10
Чуваши	4 621	0,19	2 679	0,11	1 990	0,09
Болгары	2 186	0,09	2 282	0,10	1 868	0,08
Немцы	2 356	0,10	2 790	0,12	1 844	0,08
Мордва	4 582	0,19	2 574	0,11	1 601	0,07
Грузины	1 760	0,07	2 137	0,09	1 571	0,07
Турки	13	0	988	0,04	1 465	0,06
Таджики	353	0,01	808	0,03	874	0,04
Марийцы	1 906	0,08	1 192	0,05	801	0,04
Караимы	882	0,04	715	0,03	535	0,02
Крымчаки	604	0,02	280	0,01	228	0,01
Другие	13 203	0,54	14 507	0,60	12 854	0,56

Составил автор по материалам переписей населения.

Материалы переписей позволили определить, что по некоторым этносам в Крыму прослеживается увеличение численности, а по некоторым — убыль в общей численности населения. Это связано с геополитической обстановкой, сложившейся вокруг Крыма после его воссоединения с Российской Федерацией.

Этническое наследие народов Крыма является объектами культурно-познавательного туризма. В их число относят не только культурные и религиозные памятники, оставленные греками, итальянцами, скифами, но и национальные праздники многих народов, их обычаи и традиции, которые реализуются и проводятся этнографическими центрами.

Рассмотрим ресурсный потенциал этнографического туризма в Республике Крым.

Культурное наследие народа сохраняется не только в письменной истории, но и в его традициях, обычаях, представлениях об окружающем мире и верованиях, орудиях труда, пище, одежде и жилище, в памятниках древности, которые встречаются на могильных полях и местах древних поселений, в легендах и эпических сказаниях, т.е. в этнокультуре (во всем комплексе культуры, созданном данным этносом и отличающем его от других). Культурный потенциал региона выражен в его историческом наследии. Наличие уникальных исторических объектов может предопределить успешное развитие туризма в регионе. Знакомство с историей и историческими объектами — сильнейший побудительный туристский мотив [4].

Наиболее ярким ресурсом этнографического туризма в Крыму можно считать культурно-исторические памятники малых этносов Крыма, в частности, караимов. Культура караимов Крыма сохраняется в евпаторийском комплексе кенас (молитвенных домов) постройки начала XVIII века; рядом построек в Феодосии; кенассами в Симферополе (1896 г., перестройка 1934/1935 гг.), историческими памятниками пещерного города Чуфут-Кале в Бахчисарайском историко — культурном заповеднике. Перечень музейных объектов крымских караимов представлен в табл.2.

Таблица 2

Культурно–исторические объекты караимов в Крыму

Название объекта	Описание	Место расположения
Музей истории и этнографии крымских караимов им. С. И. Кушуль (религиозный комплекс «Караимские кенасы XVIII в.»)	Музей создан в 1996 году на территории комплекса караимских кенас — памятника архитектуры федерального значения XVIII–XIX вв. Экспозиция знакомит с историей, особенностями караимского вероучения, национальными традициями крымских караимов. Посещение объекта включено в туристический маршрут «Малый Иерусалим».	г. Евпатория, ул. Караимская, 68 Республика Крым
Этнографический зал Феодосийского музея древностей «Караимская слобода, конец XIX–начало XX века»	Феодосийский музей стал первым среди музеев Крыма, в котором была открыта этнографическая экспозиция. Название Экспозиции «Караимская слобода» дано по названию одного из древнейших этносов, проживающих на территории Крыма. Она знакомит посетителей с историей и культурой народов Крыма конца XIX–начала XX вв. В музее собраны старинные гравюры и фотографии, утварь и мебель, национальная одежда караимов, а также крымских татар, греков, немцев, евреев, украинцев и русских.	г. Феодосия, пр-т И. Айвазовского, 11 Республика Крым

Составлено автором по материалам Министерства курортов и туризма Республики Крым.

Крымско-татарская культура наиболее ярко запечатлена в мечетях, медресе (мусульманское религиозно-просветительское заведение) и мавзолеях. Восьмигранные или квадратные надгробные мавзолеи — *дюрбе* можно встретить на территории Бахчисарайского муниципального района. В предместьях г. Бахчисарая расположен Зынджирлы-медресе (в переводе: медресе с цепью) — один из образцов ранней крымско — татарской культуры. Медресе было построено в 1500 году ханом Менгли I Гераем. А в самом Бахчисарае находится шедевр мусульманского зодчества, один из центральных объектов этнографического туризма — Ханский дворец. Татарские мечети Эски-Сарай и Кебир-Джами, находящиеся в Симферопольском районе, выстроены в XV веке. Они являются действующими и в настоящее время. В некоторых татарских архитектурных памятниках Крыма отчетливо прослеживается влияние турецкого зодчества. Это, к примеру, мечеть и бани Феодосии, мечеть Джума-Джами в Евпатории, мечеть Хана Узбека в Старом Крыму. К этнографическим объектам относятся и старые татарские кладбища XVIII–XIX веков. На погостах Бахчисарайского района сохранились надгробия с орнаментированными надписями. Для более наглядного ознакомления с культурой, традициями, особенности становления и развития крымско-татарского народа открыты для посещения следующие музеи и культурные центры (табл. 3).

Таблица 3

Культурно-исторические объекты крымско-татарского народа на территории республики Крым

Название объекта	Описание	Место расположения
1	2	3
Этнографический музей «Dervish evi»	Объект включает в себя единственный в мире дом-музей крымско-татарского быта, мастерскую по изготовлению традиционных медных изделий и магазин, в котором можно приобрести высококачественные изделия исключительно крымских мастеров. Мастерская медника — уникальный и единственный в Крыму проект по возрождению традиционного крымско-татарского ремесла. Дом-музей — это классический пример крымской городской архитектуры XV-середины XIX вв.	г. Бахчисарай, ул. Островского, 14 Республика Крым
Зареченский крымско-татарский национальный культурный центр	Центр создан в 2006 г. с целью возрождения культуры и традиций крымских татар, изучению обрядов, старинных песен, календарных праздников. В центре оборудована комната в национальном стиле. Здесь можно познакомиться с предметами быта крымских татар, национальными музыкальными инструментами: даре, давуль, багълама, сантыр, зурна, дудук. Посетители центра могут послушать национальные музыкальные произведения и принять участие в национальных праздниках.	Джанкойский район, с. Заречное, Республика Крым
Культурно-этнографический центр «Одун-базар къапусы» («Джеваль» — квартал гостеприимства в Евпатории)	Музей создан в 2007 г. внутри вновь воссозданной башни главных крепостных ворот средневекового Гезлева (Евпатории) «Одун-базар къапусы». Смысловым центром музея является уникальный макет (размером 5*9 м) Гезлевской крепости, воссоздающий древнюю евпаторию (Гезлев) с точностью до каждого дома. Возле бывших крепостных ворот расположена кофейня «Кезлев къавеси», дизайн которой выдержан в крымско-татарском стиле. Посещение объекта включено в туристический маршрут «Малый Иерусалим».	г. Евпатория, ул. Караева-Караимская, 12/32 Республика Крым http://www.odun-bazar.com
Дом-музей истории, культуры и быта крымских татар	В фондах музея находятся уникальные археологические находки — монеты, глиняная посуда, мебель. Большинство экспонатов — семейные реликвии: кофемолки, подносы, конфетницы, джезве, кувшины и множество других предметов домашней утвари. В рамках экскурсии по музею можно узнать о народных традициях, культуре и быте крымских татар.	Кировский район, г. Старый Крым, ул. Калинина, 29 Республика Крым
Музей имени Эшрефа Шемьязаде	В музее можно узнать о биографии и жизни крымско-татарского писателя Эшрефа Шемьязаде. В нем представлен этнографический уголок «Культура и быт крымских татар» и уголок «Многонациональный Крым». Также здесь можно посмотреть памятный альбом жителей села Льговское (Кировский район).	Кировский район, с. Льговское, ул. Маяковского, 24А Республика Крым

Продолжение таблицы 3

1	2	3
Школьный крымско-татарский этнографический музей	В музее представлены работы крымских медников и гончаров, крымско-татарская вышивка и старинные изделия быта, старые фотографии и предметы довоенного Крыма, связанные с жизнью и бытом крымских татар. В музее можно ознакомиться с деятельностью крымско-татарских писателей и поэтов в довоенный период и во время войны, с работами художника Нури Якубова.	пгт Нижнегорский, ул. Придорожная, 3 Республика Крым
Центр культуры крымских татар «Достлук»	В центре представлен уголок крымско-татарской культуры. Здесь можно узнать об обычаях, традициях, музыке, литературе, укладе жизни крымско-татарского народа.	Первомайский район, с. Сары-Баш, ул. Зеленая, 34 Республика Крым
Музей-гостиница истории и культуры крымско-татарского народа	Музей знакомит с традициями крымских татар, национальной одеждой, с их депортацией, деятелями культуры, известными писателями и поэтами, героями ВОВ.	г. Саки, ул. Строительная, 22 Республика Крым
Этнографический музей крымско-татарского народа	В музее представлена посуда и предметы домашнего обихода крымских татар, изделия ручного прикладного искусства, Коран издания XIX века.	Сакский район, с. Веселовка, пер. Школьный, 1А Республика Крым
Музей культуры, быта и традиций крымских татар	В музее представлены предметы домашнего обихода, для совершения религиозных обрядов, национальная одежда, работы народных мастериц-вышивальщиц.	Сакский район, с. Журавли, ул. Виноградная, 1А
ГБУ РК «Крымско-татарский музей культурно-исторического наследия»	Фонды музея насчитывают около 10 тысяч единиц хранения, в числе которых произведения изобразительного искусства, ценные коллекции декоративно-прикладного искусства, религиозные книги, археологическая и этнографическая коллекция, фотографии и материалы, раскрывающие факты о депортации и истории крымско-татарского национального движения.	г. Симферополь, ул. Чехова д.17 Республика Крым
Этнографический музей «Мусафирхане»	В этнографическом музее представлены экспозиции традиций культуры крымско-татарского народа. Имеется экспозиция гонимых предметов, народных костюмов, утвари, обрядовых вещей.	Симферопольский район, с. Винницкое, ул. Терешковой, 8 Республика Крым

Источник: составлено автором по материалам Министерства курортов и туризма Республики Крым.

Культура украинского этноса в Крыму представлена музеем этнографии в селе Новониколаевка Ленинского муниципального района.

В селе Партизанское Симферопольского района сохранилась часовня конца XIX в.

К этнографическим объектам украинской культуры в Крыму можно отнести ряд объектов, представленных в табл. 4.

Таблица 4

Этнографические объекты украинской культуры в республике Крым

Название объекта	Описание	Место расположения
Этнографический музей «Берегиня»	Музей оформлен в традициях украинской культуры XIX века. Представлены предметы быта и ремесла, которые использовались в традиционных обрядах и обычаях.	г. Алушта, ул. Красноармейская, 11, Республика Крым
Этно-центр «Славянская деревня»	«Славянская деревня» — это первый в Крыму этнический скансен (музей под открытым небом). Старинные хаты преобразованы в украинскую, российскую и белорусскую — так образовалась этнографическая «деревня».	Бахчисарайский район, с. Красный Мак, ул. Бахчисарайская, 1 Республика Крым
Музей этнографии «Истоки»	В музее представлены гончарные изделия, деревянные бытовые вещи и орудия труда, украинская вышивка.	г. Джанкой, ул. Советская, 47 Республика Крым
Марьинский этнографический музей	Музей был воссоздан в 2013 году. В нем представлены экспонаты культурной жизни и быта украинского народа. В помещении музея воссоздана модель украинской избы: печь, кровать, сундук, лавка, представлены национальные костюмы и предметы быта, украшенные вышивкой, а также различная домашняя утварь.	Джанкойский район, с. Марьино, ул. Артиллеристов, 30А Республика Крым
Украинский национальный культурный центр	Центр создан в 2000 году. В нем создана музейная комната в виде «Украинской хаты», интерьер которой отображает жизненный уклад украинского народа. В музее собраны экспонаты народной одежды, мебели, деревянной и глиняной посуды, народные музыкальные инструменты.	Джанкойский район, с. Новостепное, ул. Бульварная, 11 Республика Крым
Музей украинской стародавности	В музее представлены украинские народные костюмы, предметы быта, кухонные принадлежности, детские игрушки.	пгт Кировское, ул. Р.Люксембург, 52 Республика Крым
Этнографический музей «Светлица»	В музее представлена традиционная мебель, украшение жилища, орудия труда, промыслы и ремесла украинцев.	г. Красноперекоск, мкрн.10, д.21 Республика Крым
Музей «Украинская хата»	На территории музея располагается экспозиция из 60 экспонатов, в частности вышиванки, мебель, одежда, предметы быта украинского народа.	Нижнегорский район, с.Червоное, ул. Школьная, 1, Республика Крым
Этнографический музей	В музее 85 экспонатов. В нем представлена экспозиция из 4-х разделов: быт, культура и искусство Древней Руси, быт и культура русских Крыма, быт и культура украинцев Крыма, быт и культура крымских татар.	г. Симферополь, пр-т Победы, 58 МБОУ «Школа-гимназия № 25» Республика Крым

Составлено автором по материалам Министерства курортов и туризма Республики Крым.

Большинство объектов русской культуры в Крыму имеют мировое значение и охраняются государством. К числу таких объектов можно отнести: Воронцовский дворец (г. Алушка), Ливадийский дворец (г. Ялта), Симферопольские Петропавловский православный собор, кафедральный Свято-Троицкий собор, церковь Трех Святителей, Центр русской культуры. Все перечисленные объекты отражают дух русского народа, его стремление к прекрасному и умение создавать это прекрасное собственными руками.

Перечень музейных объектов русской культуры на территории Крыма представлен в табл. 5.

Таблица 5

Центры и музеи русской культуры в Крыму

Название музея	Описание	Место расположения
Историко–краеведческий музей	Музей открыт в январе 2006 года для более глубокого изучения прошлого родного края, сбора материалов об односельчанах, защищавших селов период ВОВ. В музее имеется экспозиция гонимых предметов, начиная со скифского периода.	Симферопольский район, с. Чистенькое, ул. Чапаева, 54 МБОУ «Чистенская школа-гимназия» Республика Крым
Музей истории с. Новоандреевка	Музей расположен в здании Новоандреевского сельского дома культуры. Включает зал трудовой славы, этнографическую и интернациональную комнаты. Этнографическая комната открыта в 1988 году. Здесь размещены этнографические экспонаты быта.	Симферопольский район, с. Новоандреевка, ул. Победы, 43А Филиал МБУК «Симферопольский районный музей им. Островского» Республика Крым
ГБУ РК «Крымский этнографический музей»	Крымский этнографический музей открыт в 1992 году. Является одним из ведущих культурно–просветительских и научных учреждений Крыма. Его коллекция насчитывает более 13 000 экспонатов, и дает представление о культурах 25 народов и этнических групп полуострова. В музее постоянно действуют экспозиции народов Крыма.	г. Симферополь, ул. Пушкина, 18 Республика Крым
Центр русской культуры «Живи, российская глубинка!»	В Центре представлен уголок русской культуры. Здесь можно узнать о традициях, музыке, литературе, укладе жизни русского народа.	Первомайский район, с. Правда, ул. Школьная, 40 Республика Крым
МБУК «Нижнегорский историко–краеведческий музей»	Нижнегорский районный историко–краеведческий музей был открыт в 1988 году. В его фондах собрано 1485 предметов. В музее представлен уголок предметов культуры и быта русского народа. Также музей знакомит с историко–краеведческими сведениями о Нижнегорье, историческими событиями, участниками ВОВ. Экспонируются бытовые предметы конца XIX–начала XX вв., женская одежда, настенные часы.	пгт Нижнегорский, ул. Гагарина, 5 Республика Крым
Джанкойский районный историко–краеведческий музей	Музей создан в 1993 году. С предметами культурной жизни и быта славянских народов можно познакомиться в экспозиции «Славянская изба». В музее представлены экспозиции по археологии, боевым действиям времен ВОВ и материалы, посвященные «Крымской весне».	г. Джанкой, ул. К. Маркса, 9 Республика Крым
Этнографический музей	В музее представлен интерьер избы XIX–XX вв., вышитые полотенца и рушники, украинская и русская одежда, предметы крестьянского быта, женские и мужские орудия труда, церковные книги на старославянском языке.	г. Краснопереконск, ул. Менделеева, 3 Республика Крым

Источник: составлено автором по материалам Министерства курортов и туризма Республики Крым.

Особое место в сохранении русской культуры в Крыму принадлежит Севастополю. Здесь собраны памятники военной истории неразрывно связанные с историей русской государственности. «В Севастополе сохранился Владимирский собор — усыпальница адмиралов М. П. Лазарева, В. А. Корнилова, В. И. Истомина, П. С. Нахимова (построен в 1881г. архитектором К. А. Тоном)» [5]. Сохранение русского культурного наследия в Севастополе и его рациональное использование имеют определяющее значение для привлечения туристских потоков и популярности этнографического туризма в современном Крыму.

Одним из этапов развития этнографического туризма является создание и деятельность этнографических центров.

Наиболее известными этнографическими центрами Крыма являются: «Немецкий культурно-этнографический центр «Клуб-кафе Кроненталь» в Симферопольском районе; «Крымско-татарский историко-этнографический центр «Текие-дервиш» в Евпатории; «Украинский культурно-этнографический центр «Явір» в Симферопольском районе; Греческий культурно-этнографический центр «Карачоль» в Белогорском районе; Крымскотатарский культурно-этнографический центр «Капсихор–Ай-Серез».

Каждый из этнографических центров представлен своим уникальным собранием старинных предметов, мастерами, национальной кухней. В настоящее время в Крыму действуют шесть этнографических центров, но экскурсии предоставляют только некоторые из них, а именно: «Этно-туристский комплекс на основе старинной крымско-татарской усадьбы» (с. Богатое Ущелье, Бахчисарайского района), и «Культурно-этнографический центр «Одун-базар кьапусы»» («Джеваль» — квартал гостеприимства в Евпатории).

Результаты и обсуждения

В развитии крымского этнографического туризма существует ряд проблем: 1) недостаточная государственная поддержка данного вида туризма; 2) отсутствие чётких территориальных характеристик в области организации и управления развитием этнографического туризма; 3) неопределенное место этнографического туризма в уже разработанных классификациях этого вида отдыха; 4) отсутствие на туристском рынке квалифицированных кадров, специализирующихся преимущественно или исключительно на этнографических турах.

Для выявления проблем и перспективных направлений дальнейшего развития данного вида туризма нами проведён SWOT-анализ (см. табл. 6).

Рассмотрев сильные и слабые стороны, возможности и угрозы развитию этнографического туризма в Крыму, SWOT-анализ позволил сделать вывод о том, что главная угроза этому виду отдыха заключается в слабом профессионализме тех, кто берётся его организовывать в условиях устаревающей материально-технической базы и слабого финансирования.

В рамках ФЦП «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2030 года» одной из стратегических задач названа «реализация мероприятий, направленных на национально-культурное и духовное возрождение народов Республики Крым» [6]. В этом же документе указано на необходимость наращивания конкурентных преимуществ различных видов туризма в этом регионе в период 2027–2030 годов, обозначена высокая этнополитическая стабильность в республике, которая позволит это осуществить.

Таблица 6

Swot-анализ развития этнографического туризма в Крыму

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	СЛАБЫЕ СТОРОНЫ
• Крым — многонациональная территория; • Густая сеть этнографических музеев; • Обширное историко–культурное наследие; • Доступность музеев; • Высокое культурное разнообразие территории; • Устоявшиеся контакты с научно–образовательными центрами и учреждениями; • Открыты круглый год; • Наличие информационных табличек (в том числе и на иностранном языке) в городах с указанием расстояния до музеев от места нахождения.	• Наличие депрессивных районов в плане развития этнографического туризма; • Устаревающая материально–техническая база музеев; • Высокая зависимость от внешней среды; • Отсутствие рекламы; • Отсутствие единого координационного центра по развитию, функционированию музеев; • Плохое состояние дорог, улиц, парков низкий уровень благоустройства исторического ядра; • Нет туристского путеводителя по городу и информационных центров.
ВОЗМОЖНОСТИ	УГРОЗЫ
• Спрос осенью и зимой — расширение сезонности; • Внедрение скидок; • Реставрация музеев; • Расширение и постоянное экспозиций; • Включение музеев в разрабатываемые этнографические туры по Крыму; • Развитие туризма может инициировать экономическое развитие города; • Проведение фестивалей, ярмарок, конференций и спортивных мероприятий; • Привлечение инвестиций малого и среднего бизнеса в туристскую индустрию	• Недостаток информации о городе приводит к отвлечению внимания потенциальных туристов; • Недостаток собственных финансовых ресурсов, направляемых на ремонт достопримечательностей; • Разрушение исторического наследия; • Потеря потенциальных туристов; • Большинство музеев в школах, что делает их труднодоступными.

Разработано автором

Рассмотрев сильные и слабые стороны, возможности и угрозы развитию этнографического туризма в Крыму, SWOT–анализ позволил сделать вывод о том, что главная угроза этому виду отдыха заключается в слабом профессионализме тех, кто берётся его организовывать в условиях устаревающей материально–технической базы и слабого финансирования.

В рамках ФЦП «Социально–экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2030 года» одной из стратегических задач названа «реализация мероприятий, направленных на национально–культурное и духовное возрождение народов Республики Крым» [6]. В этом же документе указано на необходимость наращивания конкурентных преимуществ различных видов туризма в этом регионе в период 2027–2030 годов, обозначена высокая этнополитическая стабильность в республике, которая позволит это осуществить.

Для решения упомянутых проблем развития этнографического туризма необходимо усилить государственное регулирование туристского бизнеса, совершенствовать законодательную базу туристского комплекса, содействовать взаимодействию между государственными органами власти и организациями, которые имеют отношение к этнографическому туризму.

Выводы

По мнению специалистов по туризму объекты этнографического направления включены в туры, относящиеся к культурно-познавательному туризму.

Туристско-ресурсный потенциал Крыма позволяет разработать новый турпродукт с элементами национального характера, например, этнографические туры: культурно-развлекательные, религиозные, учебные, на базе этнических общностей. Места их компактного проживания в различных частях полуострова представляют уникальную базу для организации объектов туристской и экскурсионной деятельности: жилище, религиозные объекты, колодцы, мастерские, кладбища, а также самобытность традиций, национальное искусство, народное мастерство, предметы ремесел.

Поэтому необходимо развивать этнографический туризм как самостоятельное направление, которое позволит детальнее изучать историю, географию Крыма, способствовать сохранению этнической культуры, развитию народных промыслов, а также созданию новых рабочих мест для местного населения и предоставит возможность для развития малого и среднего бизнеса.

Таким образом, сохранение культурного наследия и его рациональное использование имеют определяющее значение для устойчивого привлечения туристских потоков и сохранения популярности конкретного туристского направления.

Республике Крым еще предстоит сформировать имидж уникальных туристских центров этнографического туризма, работа которых будет направлена на собрание традиционных ценностей всех проживающих на территории республики народов, а также на укрепление межнациональной стабильности, гражданского мира и согласия, определенных как одна из задач национальной политики, проводимой в Республике Крым.

Литература

1. Воскресенский, В. Ю. Международный туризм [Текст]: учеб. пособ. М.: Юнити-Дана, 2006. 255 с.
2. Биржаков, М. Б. Введение в туризм Изд. 9 перераб. и доп. СПб: Издательский дом «Герда», 2007. 576 с.
3. Малова Н. А. Этнический туризм: проблемы, тенденции, перспективы. Туризм и культурное наследие. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://tourlib.net/statti_tourism/alova.htm
4. Ворона Т. Ю., Войтенко М. В. «Особенности развития этнографического туризма на современном туристском рынке». Барнаул, 2011. С. 201-213.
5. Этнографические объекты Крымского полуострова. Реферат. 2010 Библиофонд Электронная библиотека студента. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bibliofond.ru/detail.aspx?id=451847>
6. Федеральная Целевая Программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2030 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/413918280>

E. Logvina

Development of ethnographic tourism in the Crimea

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: vivat.log.1474@mail.ru.

Annotation. *The article deals with the development of ethnic tourism in the Republic of Crimea. The dynamics of the national composition of Crimea and Sevastopol is considered. The review of cultural and historical objects of some representatives of ethnic groups of the Crimea is given. The SWOT analysis made it possible to identify problems and identify opportunities for the development of this type of tourism. Conclusions are made for the further development of ethnic tourism..*

Keywords: *ethnographic tourism, ethnoses, cultural heritage, resource potential, Karaites, Crimean Tatars, Greeks, Russians, ethnic tourism, population of Crimea*

References

1. Voskresenskij, V. Ju. Mezhdunarodnyj turizm [Tekst]: ucheb. posob. M.: Juniti-Dana, 2006. 255 s. (in Russian)
2. Birzhakov, M. B. Vvedenie v turizm Izd. 9 pererab. i dop. SPb: Izdatel'skij dom «Gerda», 2007. 576 s. (in Russian)
3. Malova N. A. Jetnicheskij turizm: problemy, tendencii, perspektivy. Turizm i kul'turnoe nasledie. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Vypusk 1. URL: http://tourlib.net/statti_tourism/malova.htm. (in Russian)
4. Vorona T. Ju., Vojtenko M. V. «Osobennosti razvitija jetnograficheskogo turizma na sovremennom turistskom rvnke». Barnaul, 2011. С. 201-213. (in Russian)
5. Jetnograficheskie ob#ekty Krymskogo poluostrova. Referat. 2010 Bibliofond Jelektronnaja biblioteka studenta. URL: <http://bibliofond.ru/detail.aspx?id=451847>. (in Russian)
6. Federal'naja Celevaja Programma «Social'no-jekonomicheskoe razvitie Respubliki Krym i g. Sevastopolja do 2030 goda» URL: <http://docs.cntd.ru/document/413918280>. (in Russian)

Поступила в редакцию 14.07.2020 г.

УДК 913:314

N. N. Loginova¹,

I. A. Semina²

Ethno-demographic dynamics of the Slavs and its influence on the fate of Slavic civilization in the future

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation
e-mail: ¹log-nina@yandex.ru, ²Isemina@mail.ru

Abstract. *Population changes of the Russians and other Slavs are an important original indicator of demographic, economic, political and cultural analysis of over 300 million Slavic inhabitants in Central, Eastern and Southeastern Europe. The indicators are conditioned by the large number of people executed in the World War I and World War II, significant economic migrations, the disintegration of the Soviet Union, Yugoslavia and Czechoslovakia. Utilizing data from official reports, the authors proceed to analyze the demographic tendencies in order to find out the relationship between modern demographic trends and political and economic events over the past years. The results showed that economic and demographic stagnation, which favor religious and national (ethnic) ambivalence, influence strengthening of groups ethnically isolated or religiously differentiated in the observed macroregions of Eurasia. The contemporary challenges of modern society in terms of global politics (e.g. terrorism and migrations) will be more pronounced and turbulent in these areas. For these reasons, the original data represent an important segment of the study of Slavic history, demography and politics throughout the turbulent 20th century and the beginning of the new millennium.*

Keywords: *slaves, historical geography, population trends, demographic stagnation, ethnic groups, Russia and other Slavic countries.*

Introduction

Among a multitude of aspects and conditions that have shaped the history and development of Slavic countries, demographical trends have a special role to play. Based on the contemporary trends, the progress of population will surely become vitally relevant for the destiny of Slavic civilization in the future. Modern human societies become progressively aware of national heritage as an indispensable condition for its development [Mazurov & Slipenchuk, 2016] at every level — from an individual to the national one. What is required most urgently in this context is harmonization of all the aspects that constitute the population policy, including those that come as a result of the latest processes in the modern society and may affect the demographical phenomenon itself.

As the most populous Slavic country on the globe, Russia will be on the focus of this study. The analyzed and presented demographic data of this country will focus on the following: number of inhabitants and the share of the population by national structure, dynamics of natural increase and the summary coefficient of growth by ethnic groups, national composition of the population, natural increase segments in the regions with a large share of the Russian population, population and natural increase in Russian federal districts according to the 2014 data, etc. Along the data gained from Russian resources, the demographic data from other (predominantly) Slavic countries will also

be included in the paper, showing population and natural increase, birth rate, mortality and general natural increase in %. The findings represent a real demographic image of a Slavic population in Europe on the shift between the old and the new millennium. The unfavorable economic and political situation in most of the Slavic countries accompanying to the transition from the state to a market economy, respectively the privatization of state enterprises after the era of communism, had a significant impact on the disapproving demographic situation in the observed countries.

The aim of this article is to point the distinctions of demographic trends in Russia compared with other Slavic countries with somewhat different population tendencies, according to official data in 1950, 2010, 2014 and 2018/2019. The end of communism has changed all spheres of life of the inhabitants of the Slavic countries (former communist states). Even more, later political and social transition, even after two decades, reflected in the determining of modern demographic trends in the observed European societies. Another aim is to show that demographic processes are not so easy to understand in the essence of what is happening. General (raw) demographic coefficients are often misused in political discussions. The last aim was to trace the relationship of modern demographic trends with political and economic events of the past years. The economy cannot be developed without understanding of quantitative and qualitative changes in the population. As soon as economic relations change, there is a need to know the laws of population development. Authors will try to give a geographical picture of the demographic situation in modern European countries with a predominant population of Slavs. This approach is interesting in itself and can provide information accessible to a wide range of readers, since the data were analyzed in comparison with other historical periods and countries.

Materials and methods

When considering demographic indicators of the analyzed countries, two approaches were applied. The first one, which is used in the vast majority of countries, is an approach that describes the demographic trends in the analyzed countries in terms of official statistical data. Another method relies on the analysis of the historical observation of social phenomena in the observed areas.

Quantitative analysis is based on official data and vital statistics of the Russian Federal State Statistic Service — ROSSTAT, conducted in different timeframes (depending of the demographic scope). All necessary demographic information was obtained by various types of population accounting (by coverage). Basically, the research was based on the use of demographic data from population censuses (especially for Russia), which were conducted throughout the country and have provided full demographic coverage. In addition, the materials of micro-censuses (sample surveys of the country's population) were used to analyze the processes of population reproduction, the demographic situation of various ethnic groups on the countries' territory and their decisions regarding the creation of a family, child birth, etc. The materials from registers (lists) were also used, and these registers contained records on all demographic events that occurred in the family on a permanent basis. Rossiyskoy Gazety (the results of the all-Russian population census in 2010) was used, as well as the data from the Population Reference Bureau as the official demographic sources for Russia and other Slavic countries. The next step was the comparison of data related to population and natural increase, together with birth rate, mortality and general natural increase of all Slavic countries. The analysis was conducted according to the data from

population censuses in 1950, 2010 and 2014 and 2018/2019, provided by the Population Reference Bureau. The use of data from 1950 was determined by the fact that approximately this period marked the transition of demographic science to the modern state. There was increased attention in studying the interrelationships of demographic, social and economic factors of social development. In the post-war period, there were significant quantitative and qualitative changes in the population of European countries. Data from 2000 shows significant changes in the political, economic and social spheres of the Slavic countries. The Slavic States of Europe took a course towards the formation of social states. The goal was to ensure decent living conditions and prosperity for all citizens of the country. In 2010, market relations have exacerbated social problems and led to a decline in living standards and that was the result of the government's activities in the field of social and demographic policy. The demographic situation in many Slavic countries has become critical. Data from 2014, 2018 and 2019 marks a modern period. The changes in the management system of socio-economic and demographic processes were summarized. Much attention is paid to demographic processes, since the population is both a participant in economic processes and a consumer of performance results, and the most important object of management in the social sphere. The research was performed by a conventional method of demographic and statistical analysis used during the study of the characteristics and the trends of a particular population contingent.

Result and Discussion

The first comprehensive census of the Russian Empire was held in 1897, counting approximately 67,5 million inhabitants. Orthodox Christians constituted 69,9%, Muslims 10,8%, Roman Catholics 8,9%, Protestants 4,8% and Jews — 4,0% [Rashin, 1956]. The Christians had an absolute advantage in number. The native population of the Russian Federation is basically the Russian population.

The most important stage in the formation of the Russian nation was in the 14th century when the Moscow Russia was formed, which will become the center of the gathering of the Russians and the core of the future Empire. During the 15th and 16th centuries, the process of state formation lasted, especially in the European regions, and in time, cultural zones were formed: North-Russian, South-Russian and Middle-Russian. All the aforementioned groups of the Russians preserved their unique customs, culture, dialect and mentality [Loginova, 2011; Weber & Goodman, 1981].

According to the aforementioned census of 1897, the national composition of the Russian Empire was distinguished by a multitude of people, the largest numbers of which was the Russians. The total number of Slavs in Russia (together with the Russians) was about 75%. [Bruk, 1981; Rashin, 1956].

The first Soviet census of 1926, which covered the whole territory of the Soviet Union, showed that the number of inhabitants was around 147 million (of which 92 million lived in Russia), but 190 ethnicities and 150 languages (dialects) were registered. There were 74 million Russians in the territory of Russia, 7.9 million of the Ukrainians and 638,000 of the Belarusians. In the same time, Ukraine had 23,2 million of the Ukrainians, 2,7 million of the Russians and 75,8 thousand of the Belarusians. In the territory of Belarus, there were 4 million of the Belarusians, 383,8 thousand of the Russians and 34,6 thousand of the Ukrainians [Leasure & Lewis, 1967; Weber & Goodman, 1981]. Data that presents demographic development of Russia from the 19th

century was used for better understanding of the demographic tendencies of the Slavic ethnic group.

Until today, according to the national composition, the entire Russian region are North-west, Central, Central-chernozem regions, precisely at the places where the Russian state was created. The number of Russians in these areas is about 93%. Since the Russians are inhabited unevenly in regions such as Chechnya, Dagestan and Ingushetia, they constitute about 4% of the population.

In the territory of Russia, the Ukrainians are mostly inhabited in the areas of Kursk, Voronezh and Rostov, in the Northern Caucasus, Southern Ural and Siberia. The state borders of Ukraine and Russia are not in this sense the borders of population settings. The nature of changes in the way of life and the policy of birth in the Soviet Union reflected on the general natural increase coefficient, which can be seen through the mean number of born children in real time. In the new model of state policy of birth, factors of ethnic differentiation also occur (Table 1).

Table 1

Dynamics of natural increase, ‰

Year	Crude Birth Rate	Crude Death Rate	Natural increase	Infant mortality rate	Summary Crude Birth Rate
1896-1897*	50.5	34.8	15.7	326	7.5
1928	48.9	26.8	22.1	203	6.6
1939	39.8	23.9	15.9	189	4.9
1950	27.8	11.5	16.7	41.2	2.9
1960	23.2	7.4	15.8	25.3	2.6
1970	14.6	8.7	5.9	28.0	2.0
1980	15.9	11.0	4.9	22.6	1.9
1990	13.4	11.2	2.2	17.8	1.9
2000	8.6	15.2	-6.6	16.9	1.2
2014	13.3	13.1	+0.2	10.3	1.8
2019	10.1	12.3	-2.2	4.9	1.6

*Numbers refer to the European part of Russia

Source: *Population Reference Bureau, 2020.*

The number of Russians and other Slavs grew on the territory of Russia, especially in the period 1897–1926 (by 18 million), and then from 1926 to 1989, for another 36.3 million people. The decline in the population from 1989 to 2002 was particularly fast and dramatic. The number of Russians fell by 4 million, Ukrainians by 1,5 million, Belarusians by 400,000. Such a tendency with mild oscillations continued in the period from 2002 to 2010. The average age of population also testifies to the problem of an increase, the so-called aging of the nations (Russians and Ukrainians) and the expansion of the young nations (Chechens) [Weiner & Teitelbaum, 2001]. Thus, in the most recent period of Russian history, the number of Slavs fell by almost 12,1 million (Russians — 8,9, Ukrainians — 2,5 and Belarusians — 700,000).

This situation has its explanation due to three main historical factors. The first factor is related to the natural increase of an ethnic group. The second one is related to the processes of national (ethnic) self-knowledge, and the third factor is internal migration. Thus, there is a decline in the population in the areas where the Russians are the majority. Particularly strong natural increase is found in the territories where the Russians are a minority (Tyumen Region) or the example of the City of Moscow, which

has received a significant number of inhabitants due to migrations. Regions with weaker natural increase and the highest percentage of the Russian population are the following: Pskov, Tula, Tver, Tambov and Novgorod, with -7–5 ‰ or -0,7–0,5% per year. The share of Russians in these regions is 87-95% approximately.

According to the results from 2010, in Russia, households that consist of two members prevail with 62% at Belarusians, 59% at Ukrainians and 41% at Russians. From the general picture (number) of households from families with more than two members, 66% have one child, 27% have two children, and 7% have three and more children. The largest percentage of families with one child is at Belarusians (74%), Ukrainians (71%) and Russians (69%). The number of families with three or more children is very small: Ukrainians and Belarusians (4% each) and Russians (5%). The number of families with only one person is quite large: 15% of Belarusians, 13% of Ukrainians and 10% of Russians. According to the 2010 data, the higher natural increase was in the federal republics of Chechnya, Ingushetia, Dagestan and Tuva. The people of the Caucasus have a significant number of families with four or more persons. The share of families with small children ranges from 55% to 81% [Rossiyskoy Gazety, 2010]. These figures described changes in the family structure and family typology of the Slavic population: there were more single people, legally unregistered marriages, families with one child, and families with one parent. In this case, the figures demonstrated the concept of "egalitarian family development". It also recognized that sexual relations go beyond strict family boundaries, the birth of children is planned and strictly controlled, the value of children changes, marriages and births are postponed, spouses become equal and specialization in marriage is blurred. These figures emphasized that the increase in life expectancy leads to the fact that the process of reproduction becomes more economical. The number of children in families is rapidly decreasing, and there are more and more single people. This dynamic is clearly observed in Slavic families and in Slavic countries, where the process of reproduction is "fading". This is clearly visible if childbearing by ethnic group is compared. Natural increase in areas of the Russian Federation with less than 40%.

The modern situation in Russia is connected with two main current tendencies: stable increase of the level of birth rate and migration of foreign population. The number of residents of the Russian Federation in 2014 was about 143.7 million people — about 70% live in urban areas and 30% in the countryside. The growth of the Russian population has been observed since 2009 and it increased both at the expense of significantly decreased natural losses, and as a result of the progressive migratory flow [Goldstone, Kaufmann, & Toft, 2012; Lović Obradović, Babović, & Shpak, 2016]. Moreover, the Russians are absolutely the largest Slavic community of over 150 million people worldwide, which represents circa one half of a total number of the Slavs in Eurasia (about 300 million).

In addition to the Russians, in this macroregion (Eurasia), there are approximate numbers of 9 million of the Serbs, 8.5 million of the Bulgarians, 6 million of the Croatians, 2 million of the Slovenians, 2 million of the Macedonians, 42 million of the Ukrainians, 10 million of the Belarusians, 45 million of the Poles, 11 million of the Czechs, 6 million of the Slovaks and 60,000 of the Sorbs (Lusatians). Orthodox Christianity is practiced by the majority of Slavs (Eastern Europe and most of the central, eastern and southern Balkans), while the second most common religion is Roman Catholicism (mainly in Central Europe and in western parts of the Balkans). There are also substantial Protestant and Lutheran minorities (especially amongst the

West Slavs), as well as Muslim Slavs, mostly inhabited in some territories of the former Yugoslavia [Mazurov & Vartapetov, 2001].

In the last fifty years of the 20th century (period from 1950 to 2000), the number of the Slavs was generally increasing in Central and Southeastern Europe. Nevertheless, due to significant economic migrations from Poland, Czech Republic and Slovakia, West Slavs face many serious demographic challenges in their homelands (Eberhardt & Owsinski, 1996). Most of them are immigrants in the USA, Canada, Germany and Australia. As Josipović (2016) stated, the whole ex-Yugoslavia agonized a loss of about 5 million inhabitants involving the permanent emigration of the former guest-workers. Excluding Slovenia, and stagnating Montenegro and North Macedonia, all other Yugoslav countries have lost more or less of their population. When it comes to demographic trends in Serbia – the largest former Yugoslav republic, do not lag behind the other Slavic countries. According to Lović Obradović et al. (2016), Serbia has lately recorded a constant population decline and comparing the data from the 2011 census with previous one in 2002, a town of 311,139 inhabitants disappeared. The total fertility rate is 1.41, which is unsatisfactory for the expanded population reproduction. With the reduction in fertility, an increase in the share of the population older than 65 years is recorded, as well as an increase in life expectancy. In this sense, there is a change in the balance of the old and the number of the active population and the increasing burden on the social fund. Nowadays, the demographic image of Serbia is characterized by depopulation processes due to the reduced fertility rates, increasing life expectancy, as well as the share of population older than 65 years. The fertility rate of the youngest fertile contingent is higher than the European average, as well as the rate of infant mortality, but significantly lower in relation to the values from previous years. Population and natural increase of Slavic countries according to censuses in 1950, 2000 and 2014 will be presented in detail in Table 2.

Table 2

Population and natural increase of Slavic countries

Name of the country	Population				
	1950	2000	Growth (+), Fall (-) (1950-2000)	2019	Growth (+), Fall (-) (2000-2019)
Slavic countries in Central and Eastern Europe					
Poland	24.0	38.3	+14.3	38.6	+0.3
Czech Republic	8.8	10.2	+1.4	10.5	+0.3
Slovakia	3.4	5.3	+1.9	5.4	+0.1
Belarus	7.7	10.3	+2.6	9.5	-0.8
Ukraine	37.3	48.9	+11.6	41.9	-7.0
Russia	102.7	146.8	+44.1	146.7	-0.1
Slavic countries in Southeastern Europe					
Slovenia	1.5	1.9	+0.4	2.1	+0.2
Croatia	3.8	4.5	+0.7	4.2	+0.3
Bosnia and Herzegovina	2.7	3.7	+1.0	3.8	+0.1
Montenegro	0.4	0.6	+0.2	0.6	+0.0
Serbia	6.7	10.1	+3.4	8.6	-1.5
North Macedonia	1.2	2.1	+0.9	2.0	-0.1
Bulgaria	7.2	8.0	+0.8	6.9	-1.1

Source: Population Reference Bureau, 2020.

The beginning of the 21st century brought changes and a decrease in the number of Slavs in Central and Southeastern Europe. Czech Republic, Poland, Slovenia, Slovakia, North Macedonia and Bosnia and Herzegovina recorded a slight increase, and Montenegro remained at the same number, while in other countries a decline was recorded. Economic factors, migrations and poor state policy (when it comes to childbearing) are the main causes of this phenomenon (Table 3).

Table 3

Birth and death rate, and general natural increase of Slavic countries, ‰

Name of the country	Crude Birth rate		Crude Death Rate		Natural Increase		Summarized coefficient	
	1970	2018	1970	2018	1970	2018	1970	2018
Slavic countries in Central and Eastern Europe								
Poland	16.6	11.0	8.1	11.0	+8.5	0.0	2.2	1.4
Czech Republic		11.0		11.0		0.0	2.0	1.7
Slovakia	15.9	11.0	11.6	10.0	+4.3	+1.0	2.0	1.5
Belarus	16.2	11.0	7.6	13.0	+8.6	-2.0	2.3	1.5
Ukraine	15.2	9.0	8.8	14.0	+6.4	-5.0	2.0	1.3
Russia	14.6	12.0	8.7	12.1	+5.9	-0.1	1.9	1.6
Slavic countries in Southeastern Europe								
Slovenia		10.0		10.0		0.0		1.6
Croatia		9.0		12.0		-3.0		1.4
Bosnia and Herzegovina		9.0		10.0		-1.0		1.3
Montenegro	17.8		8.9		+8.9		2.3	
		12.0		11.0		+1.0		1.8
Serbia		9.0		14.0		-5.0		1.5
North Macedonia		11.0		10.0		+1.0		1.4
Bulgaria	16.3	9.0	9.1	16.0	+7.2	-7.0	2.2	1.6

Source: Population Reference Bureau, 2020.

The decline in the population in the Slavic countries of Eastern and Southern Europe is due to the unfavorable demographic situation. As the analysis shows, it deteriorated in the late XX–early XXI centuries. Demographic processes were characterized by low birth rates and fairly high mortality rates, which predetermined the natural decline of the population in many countries of Eastern and Southern Europe. As shown in Table 10, in 2014, the highest birth rate was recorded in Russia, Montenegro and Belarus, while in other countries was at the level of 1–10%. The highest death rates were recorded in Bulgaria, Ukraine and Serbia, while relatively lower death rates were recorded in North Macedonia, Bosnia and Herzegovina, and Slovenia. As a result, high natural population loss was recorded in Bulgaria and Serbia. In Poland, Belarus, and Bosnia and Herzegovina, the natural population decline is low, and country such as the Czech Republic has a balance of birth and death rates.

Conclusion

The current demographic status quo in Russia is generally characterized by depopulation trends, mainly because of the economic process which started in the 1990-es transition. Nevertheless, the reduced fertility rate is compensated by the migration of

population from 10 post-Soviet republics (CIS countries) mostly by economic reasons [Arel, 2002]. On the other hand, the adolescent fertility rate in Russia is one of the highest in the Slavic world, which also argues for the improvement of the demographic situation in Russia in the future.

The diverse demographic patterns in former communist Slavic countries show the relevant role of political factors in determining demographic pictures of the countries. In the case of the observed countries, that impact was negative, and the final result of that influence is depopulation. Generally observed, the number of Slavs is in the overall decline in Russia and in Southeastern Europe (the situation among Western Slavs — Poles, Czechs and Slovaks is somewhat different). Persistent migrations, economic underdevelopment and weak industrial indicators, with insufficient care of the state (effective birth control), are one of the main causes of this decline. Most of the Slavic countries shared a similar fate in terms of other demographic tendencies as well: reducing fertility rates, increasing life expectancy and a growing share of the population older than 65 years.

The epochs of the World War I and World War II, then the political collapse of the Soviet Union (1991) the disintegration of Yugoslavia (1991) and peaceful dissolution of Czechoslovakia (1993) brought to economic stagnation and demographic regression, which favor religious and national (ethnic) ambivalence, as well as the strengthening of groups ethnically isolated or religiously differentiated both in Russia and rest of Slavic world. The contemporary challenges of modern society in terms of global politics (terrorism and migrations) and economic transformations will, in particular, be more pronounced and turbulent in Slavic societies.

The threshold for natural reproduction is determined by a coefficient of 2.11. If it is higher than this value, the number of the nation increases, and below it — decreases. The lower threshold of natural reproduction is determined by a coefficient of 1.5, if it is lower — the nation dies out. In 2018, a relatively high crude birth rate of 1.7–1.8 was recorded in the Czech Republic and Montenegro, while the lowest coefficient — 1.3 — was recorded in Ukraine and Bosnia and Herzegovina. In other countries, it was at the level of 1.6–1.4. In 2018–2020, General and special coefficients that characterize the dynamics of demographic processes did not improve. Depopulation was observed in almost all Slavic countries in Europe. This situation allows the conclusion that in all countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe, the Slavic peoples did not reproduce themselves. Therefore, the main problems of the Slavic States of Europe, along with climate change and urbanization, included the problems of the crisis demographic situation.

One of the reasons that hinder the growth of demographic potential is the poverty of the Slavic population. The gross national income per capita, taking into account purchasing power parity, is one of the lowest in Eastern and Southern Europe. In 2017, in the developed countries of the world, it amounted to 43,400 dollars, in the European Union — 41,200, in Southern Europe — 34,400, and in the Eastern Europe — 23,000 dollars. The lowest incomes were recorded in Ukraine (8,900 dollars), Bosnia and Herzegovina (12,800) and Serbia (14,000). Relatively higher income was recorded in the Czech Republic (35,000 dollars.), in Slovenia (33,900) and Slovakia (31,400). In Russia and Croatia, the revenue exceeded 25 thousand dollars per capita, and in other countries it varied from 20 to 18 thousand dollars.

The reasons for the modern problems of the Slavic peoples of Europe, can be formulated as follows: 1) Low income of the population in the Slavic countries of

Western and Eastern Europe; 2). The crisis of the ideological and spiritual state of the population (changes in value orientations, late marriages and later birth of children, lack of children, a large number of divorces); 3) Lack of civilization cohesion and identity, and 4) Weak targeted measures of regional state demographic policy. There are solutions for the unfavorable demographic situation. It is necessary to weaken the inertia of demographic processes and increase the level of population reproduction. Also, it is necessary to set and solve a priority difficult task — to reduce the demographic balance to zero in the near future. To do this, it is important to increase the fertility of women in all age groups and ensure an increase in the fertility rate to 1.8–2.0. In order to maintain the interests of the so — called "natural family" — a stable traditional family represented by a man, woman and their children, certain measures are required. In an era of changing views on the family and devaluation of traditional values, it is necessary to fund the programs to support the ideals of the natural family to a greater extent than other social programs, such as support for sexual minorities, family planning, etc. The idea of supporting a natural (traditional) family can be aimed at improving the quality of people's life, provided that the parity of individual and family rights is observed.

References

1. Mazurov, Y., & Slipenchuk, M. (2016). Historical Heritage of Slavic Peoples as a Field of Academic and Applied Studies. *Journal of the Geographical Institute "Jovan Cvijić" SASA*, 66(1), 157–167. DOI: 10.2298/IJGI1601157M
2. Rashin, A. G. (1956). *Naselenie Rossii za 100 let (1811-1913 gg.)*. Moscow: Nauka
3. Loginova, N. N. (2011). *Naselenie Respubliki Mordoviya: geodemograficheskaya situatsiya, dinamika i struktura*. Saransk: National Research Mordovia State University
4. Weber, C., & Goodman, A. (1981). The Demographic Policy Debate in the USSR. *Population and Development Review*, 7(2), P. 279–295. DOI: 10.2307/1972624
5. Bruk, S. I. (1981). *Naselenie mira: Etnodemograficheskii spravochnik*. Moscow: Nauka
6. Rossiyskoy Gazety (2010). ROSSTAT on the results of the all-Russian population census in 2010 (internet-portal). URL: <http://www.rg.ru/2011/12/16/stat.html>
7. Leasure, J. W., & Lewis, R. A. (1967). Internal migration in the USSR: 1897–1926. *Demography*, 4(2), P. 479–496. DOI: 10.2307/2060294
8. Weiner, M., & Teitelbaum, M. (eds) (2001). *Political Demography, Demographic Engineering*. New York: Berghahn Books
9. Goldstone, J. A., Kaufmann, E. P., & Toft, M. D. (eds) (2012). *Political demography: How population changes are reshaping international security and national politics*. Oxford: Oxford University Press
10. Arel, D. (2002). Demography and Politics in the First Post-Soviet Census: Mistrusted State, Contested Identities. *Population*, 57 (6), P. 801–827. DOI: 10.3917/popu.206.0791
11. ROSSTAT (2020). *Statistical Database (electronic source)*. Moscow: Russian Federal State Statistic Service (ROSSTAT). Retrieved from <http://www.gks.ru>

Н. Н. Логинова¹,
И. А. Семина²

Этнодемографическая динамика славян и ее влияние на судьбу славянской цивилизации в будущем

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева», г. Саранск, Республика Мордовия,
Российская Федерация
e-mail: ¹log-nina@yandex.ru, ²Isemina@mail.ru

Аннотация. Изменения этнодемографической динамики славян России и стран зарубежной Европы являются важным оригинальным показателем демографического, экономического, политического и культурного анализа более чем 300 миллионного славянского населения Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Они обусловлены значительными жертвами в годы Первой и Второй мировых войн, экономической миграцией, распадом Советского Союза, Югославии и Чехословакии. Результаты исследования свидетельствуют, что экономическая и демографическая стагнация в странах Европы с преимущественно славянским населением, способствует религиозной и этнической двойственности, укреплению этнически изолированных и религиозно дифференцированных групп. Следовательно, острые проблемы современного общества, например, бедность, терроризм и миграция, более выраженными могут быть именно в славянских странах Европы. В связи с этим этнодемографическая динамика славян и ее влияние на судьбы славянской цивилизации, представляет собой важный сегмент изучения славянской истории, демографии и политики бурного XX века и начала нового тысячелетия.

Ключевые слова: славяне, историческая география, демографические изменения, демографическая ситуация, этносы, Россия, славянские страны.

Литература

1. Mazurov, Y., & Slipenchuk, M. (2016). Historical Heritage of Slavic Peoples as a Field of Academic and Applied Studies. Journal of the Geographical Institute "Jovan Cvijić" SASA, 66(1), 157–167. DOI: 10.2298/IJGI1601157M. (in English)
2. Рашин, А. Г. (1956). Население России за 100 лет (1811-1913 гг.). Москва. Наука. (in Russian)
3. Логинова, Н. Н. (2011). Население Республики Мордовия: геодемографическая ситуация, динамика и структура. Саранск. (in Russian)
4. Weber, C., & Goodman, A. (1981). The Demographic Policy Debate in the USSR. Population and Development Review, 7(2), 279–295. DOI: 10.2307/1972624. (in English)
5. Брук, С. И. (1981). Население мира: Етнодемографический справочник
6. Rossiyskoy Gazety (2010). ROSSTAT on the results of the all-Russian population census in 2010 (internet-portal). URL: <http://www.rg.ru/2011/12/16/stat.html>. (in English)
7. Leasure, J. W., & Lewis, R. A. (1967). Internal migration in the USSR: 1897–1926. Demography, 4(2), 479–496. DOI: 10.2307/2060294. (in English)

8. Weiner, M., & Teitelbaum, M. (eds) (2001). Political Demography, Demographic Engineering. New York: Berghahn Books. (in English)
9. Goldstone, J. A., Kaufmann, E. P., & Toft, M. D. (eds) (2012). Political demography: How population changes are reshaping international security and national politics. Oxford: Oxford University Press. (in English)
10. Arel, D. (2002). Demography and Politics in the First Post-Soviet Census: Mistrusted State, Contested Identities. *Population*, 57(6), 801–827. DOI: 10.3917/popu.206.0791. (in English)
11. ROSSTAT (2020). Statistical Database (electronic source). Moscow: Russian Federal State Statistic Service (ROSSTAT). Retrieved from <http://www.gks.ru>. (in Russian)

Поступила в редакцию 20.06.2020 г.

УДК 911.3

А. М. Носонов

Инновационный потенциал финно-угорских республик России

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»,
г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация
e-mail: artno@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена изучению демографического потенциала как одного из факторов инновационного развития финно-угорских республик. Были проанализированы тенденции изменения динамики населения данных республик, выявлены и оценены количественные и качественные характеристики демографического потенциала, доля титульных народов в населении регионов. Дана характеристика основных компонентов региональных инновационных систем, проведен сравнительный анализ инновационного потенциала финно-угорских республик. Выявлена его зависимость от следующих факторов: уровня развития технико-технологической инфраструктуры, качественных параметров демографического потенциала и проводимой региональной научно-технологической политики.*

Ключевые слова: *демографическая ситуация, финно-угорские регионы, научно-технический потенциал, инновационное развитие.*

Введение

Развитие современного общества основано на формировании экономики, которая базируется на генерации новых знаний, совершенствовании технико-технологических основ производства, что требует эффективного взаимодействия государства, науки, образования и бизнеса. Основной прирост валового внутреннего продукта большинства стран мира в настоящее время достигается не в результате использования природного потенциала территории, а благодаря интенсивному внедрению технико-технологических нововведений и высокому качеству трудовых ресурсов. Наивысший уровень социально-экономического развития и наилучшая конкурентоспособность характерна для регионов, которые в наибольшей степени используют преимущества инноваций в производстве товаров и услуг, передовые технику и технологию, что достигается благодаря эффективной коммерциализации инноваций [1; 2]. Создание и распространение знаний, результаты научно-технологических исследований становятся важным компонентом рыночных отношений, основой конкурентной борьбы государства за лидерство в области научно-технологического развития [3].

Современная экономика России все в большей степени применяет новые технические и технологические решения, что способствует повышению эффективности использования природных ресурсов территории, социально-экономических и институциональных факторов. Эти процессы свидетельствуют о начале перехода российской экономики преимущественно к инновационному развитию. Роль природных ресурсов как факторов социально-экономического развития современной экономике страны закономерно снижается. На первый план выдвигаются человеческие ресурсы и уровень их квалификации, что во многом

зависит от демографического потенциала регионов, который сформировался на фоне демографического кризиса последних десятилетий в России, который отразился на всех аспектах воспроизводства населения [4]. При этом очевидно, что устойчивая демографическая ситуация в регионах России является важным условием повышения их конкурентоспособности и главным фактором экономического роста в условиях рыночных отношений. Инновационное развитие регионов может быть обеспечено только при устойчивой демографической ситуации, которая определяет высокие показатели уровня и качества жизни населения, повышение средней продолжительности жизни.

Целью работы является рассмотрение этнодемографической ситуации в финно-угорских республиках России и оценка их вклада в инновационное развитие страны.

Материалы и методы

Главным направлением исследования социально-экономического развития стран и регионов стало выявление и анализ факторов инновационной деятельности как важной предпосылки их экономического роста. Одним из важнейших факторов инновационного развития является демографический потенциал региона. Существует два основных методических приема оценки демографического потенциала территорий: традиционный (количественный) и системный (качественный) [5]. Демографический потенциал при использовании традиционного подхода исследуется на основе количественных параметров: численности населения; соотношения родившихся и умерших; естественного прироста (убыли), сальдо миграций, доли городского населения (уровень урбанизации), количества трудовых ресурсов, возрастной и половой структуры населения и т.п. Все эти показатели необходимы для обоснования наиболее эффективного использования имеющегося демографического потенциала в региональной экономике. Системный подход в большей степени рассматривает качественные параметры демографического потенциала. Это имеет первостепенное значение для исследования инновационного развития регионов, где решающее значение принадлежит качественным, а не количественным характеристикам населения (уровень образования и квалификации, состояние здоровья, наличие дополнительного образования и др.) [6]. Для качественной оценки демографического потенциала широко используется интегральный показатель — индекс развития человеческого потенциала.

Демографическая структура оказывает влияние на креативность регионов, что во многом определяет их уровень инновационного развития. В. Л. Бабурин предложил подход, который базируется на разных креативных и акцепторных способностях сообщества в зависимости от доли разных возрастов в демографической структуре. Люди младших возрастов (0–25 лет) наиболее активно акцептируют информацию. В дальнейшем, в возрасте 25–50 лет, они являются главными инноваторами, которые создают и коммерциализируют социальные и технологические нововведения. После 50 лет люди становятся консервативным элементом общества, придавая ему устойчивость [1]. В соответствии с этим все регионы страны были разделены на районы, которые являются основными генераторами новой техники, технологий (креативные «доноры») и районы- потребители передовых технологий («акцепторы»).

Объектом исследования в нашей работе финно-угорские республики России: Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, предметом — изучение количественных и качественных характеристик демографического потенциала как важного фактора инновационного развития финно-угорских регионов. Для сравнительного анализа уровня инновационного развития финно-угорских республик страны использованы данные Федеральной службы государственной статистики [7], результаты оценки уровня инновационного развития субъектов Российской Федерации, выполненные учеными Высшей школой экономики [8], специалистами Ассоциации инновационных регионов России [9] и др.

Результаты исследования

На территории России проживает более 3 млн человек финно-угорских народов, среди которых самыми многочисленными являются мордва (около 744 тыс. чел.), удмурты (около 552 тыс. чел.), марийцы (около 547 тыс. чел.) [10]. Пять представителей финно-угорских народов имеют собственные национально-территориальные образования — республики. Во всех финно-угорских республиках титульный народ занимает второе место после русских, сильно варьируя по доле в общей численности населения (табл. 1). Наибольшая доля титульного народа в общей численности населения республик характерна для Марий Эл (около 43%), составляя в Мордовии, Коми и Удмуртии 25–32%. В Республике Карелия доля титульного народа составляет всего 9%. За пределами собственных республик на территории страны проживает больше всего мордвы (55%) и марийцев (46%). Большая часть коми, карелов и удмуртов находятся в пределах своих регионов (табл. 1).

Демографическая ситуация в финно-угорских республиках России в целом соответствует общероссийским тенденциям. Она характеризуется следующими негативными этнодемографическими процессами: снижением численности населения в результате его естественной убыли, больших темпов снижения численности титульных народов, нарастанием оттока населения и др. Коэффициент естественной убыли населения на 1000 человек в 2018 г. был близок к критическому в Республике Карелия и Республике Мордовия (-5). В других финно-угорских республиках он варьировал от -1,1 до -1,9. С 2000 по 2018 гг. население финно-угорских республик сократилось на 1238 тыс. чел. (почти на 25%), составив в 2018 г. 3813 тыс. чел. [7].

Другим фактором уменьшения численности населения республик является отток населения из регионов. Коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения в 2018 г. был максимальным в Республике Коми (-111) и Республике Мордовия (-69). Значительно ниже этот показатель был в Республике Марий Эл (-10), Республике Карелия (-21) и Удмуртской Республике (-27). Высокие показатели миграции в Республике Коми объясняются неблагоприятными природными условиями на большей части территории региона и закрытием ряда предприятий, прежде всего, в угольной промышленности; в Республике Мордовия — близостью крупнейшего центра притяжения трудовых ресурсов — г. Москва. Во всех финно-угорских республиках в целом хорошая обеспеченность трудовыми ресурсами. Доля населения в трудоспособном возрасте от общей численности населения варьировала в них от 53% в Республике Коми до 56% в Республике Мордовия. Уровень зарегистрированной безработицы в

2018 г. в Республике Коми и Республике Карелия был выше общероссийского уровня (1,5 и 1,9%), в республиках Марий Эл, Мордовия и Удмуртия — ниже (0,8–0,9%) [7]. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2018 г. в большинстве финно-угорских республик была ниже, чем в среднем по России (73 года): в республиках Коми и Карелия этот показатель составлял 71 год, в Марий Эл — 72 года. В Удмуртской Республике средняя продолжительность жизни соответствовала общероссийскому уровню (73 года), в Республике Мордовия была несколько выше — 74 года.

Таблица 1

Основные этнодемографические показатели по финно-угорским республикам России

Показатели	Республика Карелия	Республика Коми	Республика Марий Эл	Республика Мордовия	Удмуртская Республика
Численность населения, 2018 г, тыс. чел.	618	830	681	795	1 507
Изменение численности населения 2018 к 2005 гг., %	91,4	86,2	86,7	91,9	97,5
Доля титульного народа, %	9,2	25,2	42,9	31,9	29,3
Доля русских, %	76,6	59,6	47,5	60,8	60,1
Доля титульного народа, проживающего за пределами регионов, %	24,6	11,4	46,8	55,2	25,5
Удельный вес городского населения, %	80,7	78,2	66,2	63,4	66,0
Население в трудоспособном возрасте от общей численности населения, %	53,9	53,4	54,0	56,3	53,9
Коэффициент естественной убыли населения на 1 000 человек населения, 2018 г.	-5,0	-1,7	-1,9	-5,1	-1,1
Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения, 2018 г.	-21	-111	-10	-69	-27
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	71	71	72	74	73

Знак (-) означает убыль

Составлено по: [7; 10].

В целом, несмотря на присущие финно-угорским республикам негативные этнодемографические процессы, они обладают достаточным демографическим потенциалом (в количественном и качественном выражении) для успешного осуществления инновационной деятельности.

Уровень инновационного развития финно-угорских республик России крайне неравномерен, что обусловлено как объективными причинами (численностью населения, количеством ученых, территориальной концентрацией высших учебных заведений и научно-исследовательских организаций и др.), так и проводимой региональной инновационной политикой, что проявляется в уровне

развития производственно-технологической инфраструктуры, взаимодействия региональных властей с бизнесом, стимулировании инноваторов и пр.

Интегральным показателем уровня развития инновационной деятельности и ее вклада в социально-экономическое развитие регионов является доля инновационной продукции в валовом региональном продукте (ВРП). Самые высокие значения этого параметра отмечаются в Республике Мордовия и Удмуртской Республике (соответственно, около 23 и 19%), достигая минимума в Республике Коми (около 2%) и Республике Карелия (0,2%) (табл. 2). Важнейшим компонентом региональной инновационной системы являются технопарки, научные и промышленные парки, в которых разрабатывается большая часть технических и технологических инноваций. Данная форма производственно-технологической инфраструктуры представляет собой организационно оформленную локальную территорию, на которой размещаются все необходимые компоненты, позволяющие успешно функционировать и развиваться высокотехнологичному бизнесу. Для этих целей технопарки предоставляют инноваторам необходимые услуги, оборудование, приборы, информационные системы, средства коммуникации, научные и испытательные лаборатории, офисные помещения и пр. [11].

Безусловными лидерами инновационного развития среди финно-угорских республик являются Республика Мордовия и Удмуртская Республика. Они отличаются развитой инновационной технико-технологической инфраструктурой, высокой публикационной и патентной активностью, значительным объемом производимых инновационных товаров услуг и работ. Также для этих регионов характерна высокая доля населения с высшим и неполным высшим образованием на 1000 чел. населения: Мордовия — 253, Удмуртия — 236 чел. и количество используемых передовых производственных технологий (соответственно 2716 и 6352 единицы). Инновационный комплекс этих республик базируется на исторически сложившейся промышленной специализации: в Республике Мордовия — это светотехническая промышленность, в Удмуртской Республике — предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК), которые традиционно являются наиболее наукоемкими отраслями производства.

Основой региональных инновационных систем является соответствующая инфраструктура, представленная научными и индустриальными парками, технопарками, промышленными кластерами, бизнес-инкубаторами, центрами трансфера технологий, венчурными фондами и др. Большое значение имеют научно-технический потенциал, уровень квалификации трудовых ресурсов, патентная и публикационная активность.

Каждая из финно-угорских республик имеет специфическую специализацию инновационного комплекса, которая сформировалась под влиянием исторических, природных, социально-экономических и военно-стратегических факторов. В Республике Мордовия еще в СССР сформировался мощный светотехнический комплекс, который в настоящее время продолжает развиваться на инновационной основе. Сегодня главные отрасли специализации региональной инновационной системы — энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением. В последние годы это направление дополнилось разработкой и производством композитных и наноматериалов, точным приборостроением и микроэлектроникой.

Таблица 2

Основные показатели инновационного развития финно-угорских республик России

	Республика Карелия	Республика Коми	Республика Марий Эл	Республика Мордовия	Удмуртская Республика
Инновационная инфраструктура					
Бизнес-инкубаторы	1	1	2	2	3
Технопарки, научные и промышленные парки	1	1	2	2	2
Центры трансфера технологий	–	–	1	2	1
Промышленные кластеры	–	1	–	1	2
Научно-технический потенциал					
Организации, выполнявшие научные исследования и разработки, ед.	23	27	8	19	31
Число исследователей, чел.	542	843	91	515	1 206
Внутренние затраты на НИОКР, млн руб.	1094	2020	246	1002	2344
Число статей (цитирований), опубликованных в рецензируемых журналах, индексируемых в РИНЦ, тыс. ед.	33,1 (96,0)	42,5 (120,8)	52,4 (83,0)	63,7 (124,0)	85,3 (195,2)
Получено патентов на изобретения и полезные модели, ед.	82	56	146	87	229
Население с высшим и неполным высшим образованием на 1000 чел. населения, чел.	230	221	225	253	236
Параметры инновационной деятельности					
Доля инновационных товаров, работ, услуг в ВРП, %	0,2	2,3	7,2	23,2	15,8
Объем инновационных товаров, работ, услуг, млрд руб.	4,9	7,9	3,9	52,7	80,2
Разработанные передовые технологии, ед.	9	1	5	7	9
Используемые передовые технологии, ед.	719	1039	1013	2716	6352
Место в рейтинге ВШЭ (АИРР)	60 (60)	57 (55)	46 (41)	22 (13)	52 (29)

Составлено по: [7; 8; 9; 12].

Инновационный комплекс Удмуртской Республики специализируется на разработке боевого и гражданского стрелкового оружия, экипировки и снаряжения, беспилотных систем (Концерн «Калашников»), космическом ракетостроении (Воткинский завод), а также производстве высокотехнологичного нефтегазового оборудования, станков, медицинской техники, автомобилей и др. Республика Марий Эл специализируется на таких инновационных отраслях, как: промышленная робототехника, информационные технологии, разработка и

реализация дистанционных систем обучения, когнитивные технологии дистанционного мониторинга лесов, разработка вакуумной технологии получения тонких пленок из различных материалов, создание специальных видов транспортных средств и др. В Республике Коми формируется инновационный лесопромышленный кластер, который специализируется на лесоводстве и материалосберегающей деревообработке, целлюлозно-бумажном производстве с использованием экологических технологий. В Республике Карелия разрабатываются передовые технологические решения в области утилизации отходов горнорудной промышленности, способы экологически безопасной разработки и эксплуатации месторождений минеральных ресурсов, производстве уникальных генераторов холодной плазмы для биомедицинских исследований, созданы нанодобавки для производства жаростойких сплавов и др.

Выводы

1. Демографический потенциал финно-угорских республик России подвержен влиянию негативных социально-демографических процессов, присущих большинству регионов страны: снижению численности населения как в результате естественной убыли населения, так и отрицательного сальдо миграций.

2. Демографическая ситуация в финно-угорских регионах страны в ближайшие годы существенно не изменится, сохраняются негативные воспроизводственные тенденции и отток населения в более благополучные в социально-экономическом отношении регионы. Несколько смягчить этот процесс может проводимая федеральная и региональная социально-демографическая политика, а также активные меры местных органов власти по созданию высокооплачиваемых рабочих мест и создания условий для привлечения инвестиций, прежде всего, в инновационные отрасли производства.

3. Инновационное развитие финно-угорских республик России характеризуется неравномерностью этого процесса, обусловленного различным уровнем сформированности инновационной инфраструктуры, научно-техническим потенциалом, квалификацией трудовых ресурсов. В дальнейшем по мере совершенствования технико-технологической инфраструктуры, повышения размеров государственных и частных инвестиций в высокотехнологические производства эти различия будут сглаживаться. Это требует усиления государственного управления инновационной деятельностью и развития государственно-частного партнерства при реализации инновационных проектов.

4. Финно-угорские республики вносят существенный вклад в формирование национальной системы инноваций, участвуя в разработке и создании высокотехнологичных товаров и услуг, которые нередко характеризуются отсутствием аналогов в мировой практике.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-05-00066

Литература

1. Бабурин В. Л., Земцов С. П. Инновационный потенциал регионов России. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2017. 358 с.

2. Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания / Отв. ред. А. Н. Пилясов. Смоленск: Ойкумена, 2012. 760 с.
3. Носонов А. М. Инновационное развитие регионов России: факторы и пространственно-временные закономерности // *European Social Science Journal* = Европейский журнал социальных наук. 2016. №2. С. 27–34.
4. Калмыков Н. Н., Логинова Н. Н., Харчикова Н. В. О демографической ситуации в России: анализ, проблемы и перспективы развития // *Актуальные проблемы современности: наука и общество*. 2018. №3(20). С. 3–13.
5. Смиренникова Е. В., Уханова А. В., Воронина Л. В. Обзор современных методических подходов к оценке демографического потенциала // *Фундаментальные исследования*. 2018. №11(2). С. 307–313.
6. Луценко Е. Л., Говако А. В., Голик А. С. Демографический потенциал территории как фактор сдерживания экономического развития // *Наука Красноярья*. 2017. №3. С. 68–82.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.
8. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 6 / Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов, П. Д. Бахтин и др.; под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 264 с.
9. Рейтинг инновационных регионов России. Версия 2018 / Ассоциация инновационных регионов России. М.: АИРР, 2019. 53 с.
10. Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm# (дата обращения 12.05.2020).
11. Костюнина Г. М., Баронов В. И. Технопарки в зарубежной и российской практике // *Вестник МГИМО-Университета*. №3 (24). 2012. С. 91–99.
12. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 14.05.2020).

A. M. Nosonov

Innovative potential of the Finno-Ugric republics of Russia

N. P. Ogarev National Research Mordovian State University,
Saransk, Russian Federation,
e-mail: artno@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the study of demographic potential as one of the factors of innovative development of Finno-Ugric republics. Trends in the population dynamics of these republics were analyzed, quantitative and qualitative characteristics of demographic potential, the share of title peoples in the population of the regions were identified and evaluated. The main components of regional innovation systems are described, comparative analysis of innovative potential of Finno-Ugric republics is carried out. Its dependence on the following factors was revealed: the level of development of technological infrastructure, qualitative parameters of demographic potential and the regional scientific and technological policy.*

Keywords: *demographic situation, Finno-Ugric regions, scientific and technical potential, innovative development.*

References

1. Baburin V. L., Zemcov S. P. Innovacionnyj potencial regionov Rossii. M.: «KDU», «Universitetskaya kniga», 2017. 358 s. (in Russian).
2. Sinergiya prostranstva: regional'nye innovacionnye sistemy, klastery i peretoki znaniya / Otv. red. A. N. Pilyasov. Smolensk: Ojkumena, 2012. 760 s. (in Russian).
3. Nosonov A. M. Innovatsionnoye razvitiye regionov Rossii: faktory i prostranstvenno-vremennyye zakonomernosti. Yevropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk. 2016, №2. S. 27–34. (in Russian).
4. Kalmykov N. N., Loginova N. N., Kharchikova N. V. O demograficheskoy situatsii v Rossii: analiz, problemy i perspektivy razvitiya // Aktual'nyye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo. 2018. №3(20). S. 3–13. (in Russian).
5. Smirennikova Ye. V., Ukhanova A. V., Voronina L. V. Obzor sovremennykh metodicheskikh podkhodov k otsenke demograficheskogo potentsiala // Fundamental'nyye issledovaniya. 2018. №11(2). S. 307–313. (in Russian).
6. Lutsenko Ye. L., Govako A. V., Golik A. S. Demograficheskiy potentsial territorii kak faktor sderzhivaniya ekonomicheskogo razvitiya // Nauka Krasnoyar'ya. 2017. №3. S. 68–82. (in Russian).
7. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2019. Stat. digest, 2019, Moscow, 1204 s. (in Russian).
8. Reyting innovatsionnogo razvitiya sub'yektov Rossiyskoy Federatsii [Russian Regional Innovation Scoreboard]. Issue 6 / G. Abdrakhmanova, S. Artemov, P. Bakhtin et al.; L. Gokhberg (ed.); National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE, 2020. 264 s. (in Russian).
9. Reyting innovatsionnykh regionov Rossii. Versiya 2018 / Assotsiatsiya innovatsionnykh regionov Rossii. M.: AIRR, 2019. 53 s. (in Russian).
10. Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm# (12.05.2020). (in Russian).
11. Kostyunina G. M., Baronov V. I. Tekhnoparki v zarubezhnoy i rossiyskoy praktike // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2012, №3 (24). S. 91–99. (in Russian).
12. Nauchnaya elektronnyaya biblioteka eLIBRARY.RU. 2020. URL: <https://elibrary.ru/> (14.05.2020). (in Russian).

Поступила в редакцию 23.06.2020 г.

УДК 911.373.3

С. В. Панков

***Особенности этно-ландшафтного
взаимодействия в процессе сельского
расселения тамбовщины***

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина», г. Тамбов, Российская Федерация
e-mail: psv69tmb@mail.ru

Аннотация. Тамбовская земля, занимающая практически половину Окско-Донской равнины и западные склоны Приволжской возвышенности, характеризуется как специфическим сочетанием ландшафтных комплексов, так и историей развития данной территории. Весь ландшафтно-исторический облик нашей земли несет на себе следы контрастности, где существовали лес и степь, низменности и возвышенности, племена кочевников и оседлых земледельцев. Современное состояние ландшафтов Тамбовской области в значительной степени определено не столько естественным развитием природы, сколько все возрастающей хозяйственной деятельностью человека. Однако исходные природные ландшафты, формирование которых произошло на последних этапах геологической истории, стали той палеогеографической основой, на которой в дальнейшем сложились антропогенные комплексы.

Ключевые слова: сельские поселения, селитебная территория, топографическое положение, природная среда, ландшафтные условия.

Введение

Неотъемлемым атрибутом любой исторической эпохи, любых народов являлись поселения — места проживания и хозяйственной деятельности человека. Со сменой исторических формаций менялись и типы поселений: от стоянок неолита, городищ и селищ железного века до современных деревень, сел, поселков, городов. Но всегда оставалась связь между размещением поселений и природными условиями. Влияние оказывали социальные, экономические, военно-политические факторы, однако географический фактор чаще становился ведущим при выборе места под поселение. С. А. Ковалев отмечает: «В определенном топографическом положении селений отражаются требования общества к географической среде на известном историческом этапе» [1, с. 87]. В целом зависимость размещения поселений от естественно-географических условий не вызывает сомнений ни у историков, ни у географов, хотя этот фактор оценивается по-разному.

Влияние географической среды, в частности топографических условий, особенно сильно на ранних ступенях развития общества, когда низкий уровень производительных сил не дает возможности затрачивать достаточное количество труда на преодоление естественных препятствий или разрушительных сил природы, а характер производственных отношений не обеспечивает участия в необходимых работах достаточно больших и хорошо организованных коллективов. Недооценка или игнорирование природного фактора приводит к необъективности в анализе условий формирования отдельных поселений и всей селитебной территории в целом. Необходимо учитывать и иные факторы, значение которых на определенных этапах может доминировать.

Природная среда оказывает на расселение и размещение населенных пунктов определенное влияние не только через хозяйство (как естественная база хозяйства и его территориальных различий). Сказывается и более прямое «техническое» воздействие среды, создающей различные условия, удобства или трудности, для размещения и строительства населенных пунктов; степень этого воздействия, в свою очередь, исторически меняется в зависимости от уровня развития производительных сил и с учетом этого уровня должна быть оценена. Наконец, существующее размещение поселений в его различиях может быть понято только при историческом подходе к нему.

Материалы и методы

Результаты разработок отдельных вопросов по истории поселений, районной планировке, ландшафтоведению, географии населения и расселения, обеспечили междисциплинарный характер исследования.

Особое внимание нами уделялось изучению ландшафтной структуры края — закономерного «сочетания и пространственного расположения составляющих его комплексов, обеспечивающего выполнение ландшафтом определенных функций» [1], отражающего генетические, эволюционные, динамические связи геокомпонентов и геокомплексов. Проведены селитебно-ландшафтные исследования. Они позволили составить селитебно-ландшафтные карты Тамбовской области и ключевых участков; дать характеристику и провести оценку ландшафтных комплексов топологического и локального уровней.

Выявлены основные направления и уровни влияния ландшафтных комплексов на расселение, предложены рабочие модели влияния, проведена оценка селитебного потенциала доминирующих видов местностей и физико-географических районов. Изучены особенности ландшафтного положения сельских поселений Тамбовской области.

На разных этапах работы, в зависимости от целей и задач исследований, были задействованы различные методы. Сравнительно-описательный (географический и исторический аспекты) применялся при изучении отдельных процессов в период заселения края, выявлении природно-территориальных особенностей групп поселений, сопоставлении намеченных ареалов и районов с характеристикой их состава и т.д. При расшифровке основных закономерностей той или иной территории на примере наиболее типичных участков (отдельных поселений) использовался метод ключей, но в некоторых случаях мы намеренно уходили от критерия «типичности», чтобы показать «и такие населенные пункты, в которых ... выражены черты нового, на примере которых можно видеть основные современные тенденции развития ... в данном ареале» [2, с. 289]. При раскрытии генезиса поселений, роли исторических процессов в их развитии, преемственности в современной структуре поселений находят применение методы историко-археологический и историко-генетических рядов, имеющие и определенное практическое значение. По словам С. А. Ковалева [там же, с. 290], «такая работа не входит в задачи историков, так как речь идет не о поселениях прошлых эпох, а об историческом наследии в современном расселении».

Основой изучения сельских поселений стал экспедиционный метод, включающий три вида работы: 1) маршрутные наблюдения с охватом максимального числа сельских поселений определенной территории и кратковременным (несколько часов) пребыванием в них; 2) исследования

структуры современных ландшафтов в группе поселений, выделенных по какому-либо признаку; 3) изучение типичного селения в полномасштабном объеме (с картографированием, опросом населения, описанием).

Результаты и обсуждение

Сельские поселения как места жительства и трудовой деятельности людей предъявляют определенные требования к условиям водоснабжения, к рельефу и грунтам, к микроклиматическим условиям, требуют возможной степени безопасности от стихийных явлений и т.д. Любой участок земной поверхности в этом отношении обладает различным сочетанием «селитебных» условий — от полной непригодности для использования в качестве строительной площадки при современном уровне техники, через длинный ряд относительно пригодных участков до оптимальных условий. Первая ступень этого ряда отбрасывается: здесь природа прямо и непосредственно лимитирует расселение. Лучшие места используются в первую очередь при прочих равных условиях.

При этом понятия удобства и пригодности различных мест с точки зрения их использования для поселения относительны, они исторически изменяются в зависимости от условий жизни людей и от возможностей преобразования природной среды, преодоления ее неблагоприятных сторон. Следовательно, степень влияния природной среды на расположение поселений, их планировки и т.п. нужно оценивать применительно к определенному историческому этапу.

Воздействие природных условий проявляется не только при строительстве населенных пунктов, но и в течение всей их жизни... Приобретение определенных черт (главным образом, в рисунке расселения, топографическом положении, облике поселений, ландшафтных особенностях) под влиянием условий природной среды представляет одну из закономерностей расселения [2].

Другой группе факторов, определяемых уровнем развития общества, совершенствованием орудий труда, политической выгодой, военной целесообразностью и влияющих на размещение поселений, также принадлежит заметная роль, но лишь в те моменты исторического процесса, когда это вызвано необходимостью, и учет местных природных условий отходит на второй план.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что поселения есть историческая категория, взаимоувязывающая природные условия, общественное развитие, техническое совершенство, этнические особенности и многое другое, где наслоения последующих времен отражались на плане, ландшафтах, усложняя и дополняя их структуру и формы.

В IV–XII вв. н. э. формирование поселений Тамбовщины можно охарактеризовать как период образования новой мордовско-русской межэтнической общности. Ее образование повлекло за собой иной ход исторического развития, и, как следствие, изменился процесс формирования поселений.

Коллективизм предыдущих эпох, когда ведение хозяйства проводилось общиной, становится излишним, сковывает хозяйственную инициативу. Все чаще проявляется стремление отдельных семей обосноваться вне своего старого общинного гнезда, чтобы использовать возможности новой земледельческой техники для индивидуального хозяйства. Процесс распада общин сказывается и на планировке новых селений. Их размеры уже не связаны с величиной отдельной семейной общины и определяются теперь наличием в ближайшем окружении

удобных пахотных земель.

В середине первого тысячелетия новой эры в бассейне реки Цны происходил процесс образования новой народности — мордва-мокша. Она складывалась из многочисленных местных финно-угорских племен. Раскопки мордовских могильников (Крюковско-Кужновский, Елизавето-Михайловский, Лядинский и др.) раскрывают черты хозяйственной и бытовой деятельности местного населения. Оно занималось скотоводством, охотой, бортничеством, рыболовством, разнообразными ремеслами. В VI–VII вв. у мордвы появляется пашенное земледелие. Оно в корне изменило всю систему земледелия и создало возможность для обработки земли уже не силами целого коллектива, а отдельной семьи.

В связи с этим небольшие поселения мордовских племен располагались вдоль берегов Цны и ее притоков. Мордва жила на правом берегу Цны, мещера — преимущественно на левом. Другие мордовские племена (чудь, меря, весь, мурома, черемисы) селились в темных лесных чащах вдоль цнинских притоков: Челновой, Серпа, Пичаевки, Липовицы, Керши, Кермиси и др.

Необходимо отметить, что в расположении поселений выделяются две характерные черты: 1) их ареал локализован в пределах одного бассейна, в отличие от предыдущих эпох; 2) многие поселения основаны на «унаследованных» от прошлых времен местах. Первое обстоятельство, по-видимому, обусловлено тем, что бассейн Цны — исторический район проживания мордовских племен на Тамбовщине. Река и лес давали все необходимое для жизнедеятельности людей, и поэтому не было необходимости выходить на водоразделы и, наконец, защита от набегов кочевников в лесных массивах была более эффективной.

Второе обстоятельство говорит уже о некоей преемственности в выборе местоположения поселений. Примером тому могут служить поселение Галдым I, расположенное на останце террасы левого берега Цны. Памятник многослойный: неолит, эпоха бронзы, городецкая культура раннего железного века, поселение мордвы-мокши. Стоянка Тихий Угол «Могилище» расположена на дюне правого берега р. Цны. Памятник многослойный: неолит, ранний железный век, мордва [4].

Определенной вехой в заселении Тамбовского края стало продвижение на эти земли первых русских поселенцев (IX век). Оно проходило в направлении север-юг и ограничивалось линией р. Матыра — район Семиречья (место впадения в Цну ее основных южных притоков) — среднее течение реки Вороны. Южнее заселение проходило значительно позднее, видимо, из-за меньшей облесенности территории и вторжений кочевников. Главными районами расположения славянских поселений были бассейн р. Цны, среднее течение р. Матыры, место слияния Лесного и Польного Воронежа и редкие поселения по р. Вороне и ее притокам.

Расселение славян в бассейне Цны способствовало расширению их контактов с мордовскими племенами. В IX веке среди мордвы славянское население составляло более 15%. По данным И. И. Ляпушкина [3], восточнославянские поселения лесостепной полосы располагались в VIII–IX вв. гнездами по 3–4 поселения, отстоящие одно от другого на расстояние до 5 км. Однако на территории Тамбовщины есть иные примеры. Так на левом берегу Цны, в устье речки Поганки (земли современного села Малиновка), было сосредоточено семь русских поселений в непосредственной близости друг от

друга.

В целом, русские деревни располагались в местах, богатых лугами и водой, размеры их были невелики, иногда использовались древние заброшенные городища (V–VII вв. н. э.) на невысоких речных берегах. Нередки случаи, когда русские селения соседствовали с мордовскими. Среди мордовских могильников встречаются захоронения русских переселенцев.

Население Тамбовского края, бывшего в XI–XIV вв. южной и юго-восточной окраиной обширного Рязанского княжества, вынуждено было нести сторожевую службу. С этой целью на наиболее вероятных путях продвижения татар были выстроены караулы (сторожи). Редкие караулы русских служилых людей по рекам Хопру, Вороне, Дону и другим вели наблюдение «за степью», откуда могли появиться татары. Местом для сторожи служит ровное поле, видное на далеком расстоянии, часто гребень горы (острожек на Лысой горе) или высокий берег реки (острожек на реке Липовице). Напротив, запрещалось стоять в местах закрытых, например, в лесах.

Как и в случаях с городищами железного века, выбор местоположения для караулов проводился с максимальным учетом особенностей ландшафта, в целом сводившимся к следующим условиям: 1) оборонительно-селитебный комплекс должен доминировать над окружающей местностью; 2) необходим надлежащий обзор на три стороны; 3) тыловая сторона острожка должна иметь естественную защиту (река, лес, овраг) для отхода обороняющихся и для снижения мобильности конницы кочевников.

К концу указанного периода (начало XIII века) ландшафтная обстановка изменилась незначительно. Хозяйственному воздействию подвергались все те же участки речных долин (Цны, Воронежа и их притоков). Правда, из-за увеличившейся численности поселений площади возделываемых земель расширились. Появились новые очаги хозяйственного освоения по Матыре и Кермисе. Способами воздействия на природные ландшафты продолжали оставаться вырубки, пастьба, земледелие, степные палы. Последние служили не только в целях хозяйствования, но и в целях обороны [4].

Выводы

В целом зависимость размещения поселений от естественно-географических условий не вызывает сомнений ни у историков, ни у географов, хотя этот фактор оценивается по-разному. Наконец, существующее размещение поселений в его различиях может быть понято только при историческом подходе к нему. Следовательно, степень влияния природной среды на расположение поселений, их планировки и т.п. нужно оценивать применительно к определенному историческому этапу. Воздействие природных условий проявляется не только при строительстве населенных пунктов, но и в течение всей их жизни. Приобретение определенных черт (главным образом, в рисунке расселения, топографическом положении, облике поселений, ландшафтных особенностях) под влиянием условий природной среды представляет одну из закономерностей расселения.

Испытывая целенаправленное воздействие человека на протяжении многих столетий, ландшафты Тамбовской равнины несут в себе следы его прошлой хозяйственной деятельности. Взаимодействие населения и географической среды через преобразование природно-территориальных комплексов разного ранга окончательно сформировали антропогенный облик края.

Литература

1. Ковалев С. А. География сельских населенных пунктов в областях Черноземного Центра // Вопросы географии. 1953. Сб. 32. С. 66–116.
2. Ковалев С. А. Сельское расселение. М.: Изд-во МГУ, 1963. 371 с.
3. Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII–первая половина IX вв.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 128 с.
4. Панков С. В. Формирование селитебной территории / Тамбовская лесостепь: природа и общество: монография / науч. ред. Н. И. Дудник, отв. ред. Е. Е. Инякина, С. В. Панков; М-во обр. и науки РФ [и др.]. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2013. С. 212–240.

S. Pankov

Features of ethno-landscape interaction in the process of rural settlement of Tambov region

Derzhavin Tambov State University, Tambov,
Russian Federation
e-mail: psv69tmb@mail.ru

Abstract. *Tambov land, which occupies almost half of the Oka-Don plain and the Western slopes of the Volga upland, is characterized by a specific combination of landscape complexes and the history of the territory. The whole landscape and historical appearance of our land bears the traces of contrast, where there were forest and steppe, lowlands and hills, tribes of nomads and settled farmers. The current state of the landscape of the Tambov region is largely determined not so much by the natural development of nature as by the increasing economic activity of man. However, the original natural landscapes, the formation of which took place in the last stages of geological history, became the paleogeographic basis on which later formed anthropogenic complexes.*

Keywords: *rural settlements, residential area, topographic location, natural environment, landscape conditions.*

References

1. Kovalev S. A. Geografiya sel'skikh naselennykh punktov v oblastiakh Chernozemnogo Tsentra // Voprosy geografii. 1953. Sb. 32. S. 66–116. (in Russian)
2. Kovalev S. A. Sel'skoye rasseleniye. M.: Izd-vo MGU, 1963. 371 s. (in Russian)
3. Lyapushkin I. I. Slavyane Vostochnoy Yevropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva (VIII–pervaya polovina IX vv.). L.: Izd-vo LGU, 1968. 128 s. (in Russian)
4. Pankov S. V. Formirovaniye selitebnoy territorii / Tambovskaya lesostep': priroda i obshchestvo: monografiya / nauch. red. N. I. Dudnik, otv. red. Ye. Ye. Inyakina, S. V. Pankov; M-vo obr. i nauki RF [i dr.]. Tambov: Izdatel'skiy dom TGU imeni G.R. Derzhavina, 2013. S. 212–240. (in Russian)

Поступила в редакцию 21.07.2020 г.

УДК 911.3:314.4

А. Р. Погорелов

***Медико-демографическая ситуация в
районах компактного проживания
народов Севера Камчатского края***

ФГБУН «Тихоокеанский институт географии» ДВО РАН,
г. Владивосток, Российская Федерация
e-mail: pogorelov_ar@mail.ru

Аннотация. Представлена медико-демографическая характеристика районов компактного проживания народов Севера Камчатского края. Субрегиональные особенности описаны за период 2011–2019 гг. по следующим показателям: рождаемость, смертность, естественное движение, заболеваемость. Установлено, что в структуре заболеваемости населения районов преобладают болезни органов дыхания, системы кровообращения, органов пищеварения и глаза. В целом для районов компактного проживания народов Севера Камчатского края характерна неблагоприятная медико-демографическая ситуация.

Ключевые слова: медико-демографическая ситуация, медико-демографические показатели, заболеваемость, смертность, общественное здоровье, коренные малочисленные народы Севера, Крайний Север, Корякский округ, Камчатский край.

Введение

Важнейшей задачей на пути к экономическому и социальному развитию различных регионов является повышение качества жизни их жителей, что в свою очередь требует улучшения системы охраны здоровья населения и решения имеющихся медико-демографических проблем. Решение подобных проблем особенно актуально для отдаленных районов компактного проживания коренных народов Крайнего Севера, для которых типичны явления малолюдности, значительной удаленности поселений, отток населения в связи с различными проблемами жизнеобеспечения. Подобные районы, входящие в состав Камчатского края, требуют проведения медико-демографических и иных смежных исследований. Анализ сложившихся и происходящих медико-демографических процессов в определенной мере позволяет более полно раскрыть проблемы не только качества жизни, но и комфортности проживания местного населения.

Проблемам общественного здоровья камчатского населения, в том числе коренных малочисленных народов, посвящено немногочисленное количество работ, среди которых следует выделить исследования А. А. Клочкова [1; 2], И. В. Грицай [3; 4], Т. А. Наймушиной и Е. В. Шмелевой [5]. В отмеченных работах показано, что для местного населения различных районов Камчатского региона характерен низкий уровень здоровья, обусловленный особенностями самосохранительного поведения и отдельными, в основном — социально-экономическими, факторами внешней среды. Рассматриваемая проблематика остается достаточно актуальной, а разноплановые аспекты формирования и изменения общественного здоровья населения районов компактного проживания

малочисленных народов Севера в Камчатском крае до сих пор недостаточно изучены, что определяет необходимость проводимой нами работы.

Цель работы состояла в анализе медико-демографической ситуации в районах компактного проживания народов Севера Камчатского края.

Материалы и методы

Территориальный охват исследования объединил все 6 районов компактного проживания малочисленных народов Севера в Камчатском крае, утвержденных согласно Постановлению Правительства РФ от 01.10.2015 г. № 1049 (ред. от 13.04.2019 г.) [6]: Алеутский, Быстринский, Карагинский, Олюторский, Пенжинский, Тигильский муниципальные районы. Медико-демографическая ситуация в этих районах охарактеризована по следующим показателям: рождаемость, смертность, естественное движение (убыль/прирост), младенческая смертность, общая заболеваемость. Временной охват данных составил 2011–2019 годы. Информационная база основывается на официальных статистических материалах территориального органа Росстата в Камчатском крае — Камчатстата [7] и Камчатского краевого медицинского информационно-аналитического центра [8-10].

Результаты и обсуждение

Во всех районах компактного проживания малочисленных народов Севера Камчатского края совокупно проживает 18,9 тыс. чел., из которых коренные малочисленные народы Севера (коряки, чукчи, эвены, ительмены, алеуты) составляют 42,7%. Доля коренных малочисленных народов в национальном составе всего населения различна для отдельных районов и представлена следующим образом: Пенжинский — 56,1% (коряки — 42,9%, эвены — 13,2%), Тигильский — 47,8% (коряки — 28,3%, ительмены — 19,5%), Олюторский — 44,5% (коряки — 21,5%, чукчи — 23,0%), Быстринский — 37,6% (эвены — 29,9%, коряки — 5,6%, ительмены — 2,1%), Алеутский — 37,1% (алеуты), Карагинский — 31,8% (коряки). Очевидно, что особенности этнонационального состава населения в данных районах определяют специфику сложившейся в них медико-демографической ситуации, отличной от других районов Камчатского края.

Рассмотрим общую медико-демографическую ситуацию за период 2011–2019 гг. совокупно во всех районах компактного проживания малочисленных народов Севера (табл. 1), представив их как единую территориальную группу (субрегион Камчатского края). Средний многолетний общий коэффициент рождаемости в этой группе составляет 13,9‰. В целом рождаемость снизилась на 22,8%. Общий коэффициент смертности показывает относительно стабильную динамику и остается в пределах своего среднего многолетнего значения (16,3‰). В то же время смертность здесь выше аналогичного общерегионального показателя на 30,7%, что негативно характеризует состояние общественного здоровья населения в пределах не только рассматриваемого субрегиона, но и всего Камчатского края.

Для большинства районов типичны негативные тенденции в показателе естественного движения населения со стабильным сохранением отрицательных значений. Это отражает в том числе среднее для всех районов значение естественной убыли за период 2011–2019 гг. (-2,4‰). Исключением являются Быстринский и Пенжинский районы, в которых отмечен естественный прирост +3,0‰ и +3,1‰

соответственно. Наряду с вышеперечисленными показателями необходимо кратко отметить особенности младенческой смертности, что позволяет более полно отразить сложившиеся медико-демографические проблемы. Этот медико-демографический показатель на субрегиональном уровне в среднем за 2011-2019 гг. составил 20,2‰ (для сравнения в Камчатском крае — 9,0‰). Несмотря на высокое значение, в динамике младенческой смертности произошли некоторые позитивные изменения. Так, например, с 2011 по 2019 гг. она снизилась на 69,8%.

Таблица 1

Средние многолетние медико-демографические показатели в разрезе районов компактного проживания населения Севера Камчатского края за период 2011–2019 гг., в ‰

№	Район	Общий коэффициент рождаемости	Общий коэффициент смертности	Естественная убыль (-)/прирост (+)	Общая заболеваемость
1	Алеутский	8,1	14,7	-6,6	1 755,8
2	Быстринский	16,7	13,7	+3,0	2 292,5
3	Карагинский	13,2	18,1	-4,9	2 015,5
4	Олюторский	13,5	18,4	-4,9	2 184,2
5	Пенжинский	18,2	15,1	+3,1	2 316,0
6	Тигильский	13,8	17,6	-3,8	2 401,6
-	Все районы	13,9	16,3	-2,4	2 160,9
-	Камчатский край	12,3	11,3	+1,0	1 587,6

Составлено автором

Рассмотрим на субрегиональном уровне особенности заболеваемости местного населения. Общая заболеваемость в анализируемой группе районов в период 2011–2019 гг. увеличилась на 7,2% и в среднем составила за этот временной период 2 160,9‰, что на 26,5% выше общерегионального показателя. В структуре заболеваемости населения субрегиона, как и во всем Камчатском крае, преобладают болезни органов дыхания (32,2%) и системы кровообращения (11,7%). Существенный (отличный от общерегиональных тенденций) вклад в структуру заболеваемости вносят болезни органов пищеварения (7,8%), глаза и его придаточного аппарата (7,2%). Безусловно внутри этого субрегиона существуют и наблюдаются межрайонные различия (рис. 1), которые рассмотрим более подробно ниже. Например, во всех районах средние многолетние показатели заболеваемости значительно выше общерегионального значения.

Алеутский район отличается наименьшей заболеваемостью населения среди остальных районов компактного проживания населения Севера в Камчатском крае. Говорить об относительной благополучности по рассматриваемому явлению рано, что подтверждается превышением заболеваемости в районе на 9,6%, по сравнению с аналогичным общерегиональным показателем. Также за период 2011–2019 гг. наблюдался рост заболеваемости, составивший 17,1%. Район отличается специфической структурой заболеваемости населения. Здесь преимущественно преобладают болезни системы кровообращения (17,7%), органов пищеварения (15,7%) и дыхания (13,5%). В целом многолетняя заболеваемость в этом островном районе отчетливо установилась на уровне — выше среднего.

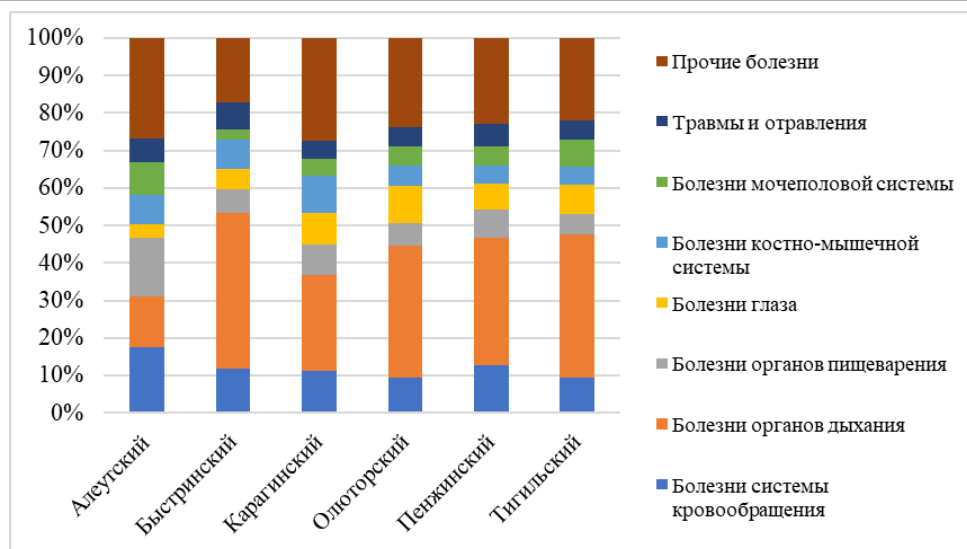

Рис. 1. Структура заболеваемости населения районов компактного проживания малочисленных народов Севера в Камчатском крае в 2019 г., в %
Составлено автором

Остальные районы компактного проживания населения Севера в Камчатском крае характеризуются высокими уровнями заболеваемости населения, но при этом имеют внутренние различия в динамическом и структурном аспектах. Так в Быстринском районе за исследуемый период динамика заболеваемости характеризовалась незначительными колебаниями (общий прирост составил не более 0,1%). В структуре заболеваемости преобладают болезни органов дыхания (41,5%), а также заболевания системы кровообращения (12,1%), костно-мышечной системы (7,7%).

Наихудшая динамика заболеваемости наблюдалась в Карагинском районе, в котором она возросла на 20,2% за рассматриваемый период времени. Преобладающими классами болезней в структуре заболеваемости, как и в Быстринском районе, остаются болезни органов дыхания (25,7%), системы кровообращения (11,2%) и костно-мышечной системы (10,1%).

В Олуторском районе так же наблюдался существенный рост заболеваемости, который составил 19,8%. Наибольшая доля в структуре заболеваемости населения этого района приходится на болезни органов дыхания (35,3%), глаза и его придаточного аппарата (9,9%) и системы кровообращения (9,5%).

Положительная динамика заболеваемости наблюдалась лишь в одном районе компактного проживания народов Севера — Пенжинском. Здесь за исследуемый период заболеваемость снизилась на 24,4%. В Пенжинском районе заметны некоторые различия в структуре заболеваемости населения, в которой преобладают болезни органов дыхания (34,1%), системы кровообращения (12,6%) и органов пищеварения (7,8%).

В Тигильском районе заболеваемость населения увеличилась на 12,4% и составила в среднем 2 401,6‰, что является наихудшим значением не только для рассматриваемых районов компактного проживания малочисленных народов Севера, но и для всей территории Камчатского края. Структура заболеваемости населения Тигильского района в определенной мере схожа с Олуторским районом. Здесь так

же преобладают болезни органов дыхания (38,1%), системы кровообращения (9,5%), глаза и его придаточного аппарата (7,7%).

Сложившаяся медико-демографическая ситуация в районах компактного проживания народов Севера определяется множеством факторов, как медико-биологическими и поведенческими особенностями местного населения, так и особенностями внешней природной и социально-хозяйственной среды. Учет особенностей общественного здоровья, в более широком смысле медико-демографических процессов, и его детерминирующих факторов необходим для дальнейшего развития этих территорий Камчатского региона. В связи с этим возникает необходимость улучшения существующей региональной политики и разработки новых мероприятий, направленных на улучшение, прежде всего, медико-социальных условий. Последнее должно предусматривать не только улучшение материально-технического и кадрового потенциала учреждений здравоохранения, но и повышение качества диагностики, услуг, предоставляемых в области медицинской и социальной помощи населению.

Выводы

В настоящий период в районах компактного проживания коренных народов Севера Камчатского края сложилась напряженная и весьма нестабильная медико-демографическая ситуация. Основные её особенности можно свести к следующему:

1. Медико-демографическая ситуация на протяжении 2011–2019 гг. в рассмотренном субрегионе, в населении которого 42,7% приходится на коренные малочисленные народы Севера (коряки, чукчи, эвены, ительмены, алеуты), остается напряженной и весьма нестабильной, при этом наблюдаются определенные межрайонные различия.

2. В рассмотренном субрегионе за период 2011–2019 гг. наблюдалась естественная убыль населения (-2,4‰), обусловленная негативными тенденциями рождаемости и смертности, средние многолетние коэффициенты которых составили 13,9‰ и 16,3‰ соответственно.

3. Заболеваемость населения районов компактного проживания коренных народов Севера в Камчатском крае отличается весьма высоким уровнем и негативной динамикой на протяжении 2011–2019 гг. (рост составил 7,2%). Основной вклад в заболеваемость местного населения вносят болезни органов дыхания, системы кровообращения, а также органов пищеварения, глаза и его придаточного аппарата. В субрегионе наибольшая заболеваемость зафиксирована в Тигильском районе, а наименьшая — в Алеутском.

Требуется дальнейшее проведение исследований, задача которых состоит в более детальном пространственно-временном анализе медико-демографических процессов в этих районах. Кроме этого, необходимо изучение влияния неблагоприятных факторов внешней среды на состояние здоровья населения, а также определение и оценка рисков здоровью коренных малочисленных народов Севера, проживающих в пределах Камчатского края.

Исследование выполнено при поддержке гранта президиума ДВО РАН №18-5-056.

Литература

1. Клочков А. А. Роль факторов среды обитания на развитие онкопатологии среди коренных жителей Камчатки // *Личность в экстремальных условиях*. Ч. 1. Петропавловск-Камчатский: КамГУ, 2005. С. 57–66.
2. Клочков А. А. Использование природных ресурсов, питание и онкозаболеваемость желудочно-кишечного тракта населения Камчатки // *Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей*. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2006. С. 220–223.
3. Грицай И. В. Оценка состояния здоровья коренных народов Камчатки к началу 90-х годов прошлого века // *Вестник Камчатского государственного технического университета*. 2004. № 3. С. 187–192.
4. Грицай И. В. Состояние здоровья коренных малочисленных народов Камчатки к концу советского периода // *Вестник Камчатского государственного технического университета*. 2010. № 11. С. 98–100.
5. Наймушина Т. А., Шмелева Е. В. Территория Камчатки как среда обитания этносов // *Камчатка разными народами обитаема: XXIV Крашенинниковские чтения*. Петропавловск-Камчатский: Камчатская областная научная библиотека им. С. П. Крашенинникова, 2007. С. 129–132.
6. Постановление Правительства РФ от 01.10.2015 №1049 (ред. от 13.04.2019) «Об утверждении перечня малочисленных народов Севера и перечня районов проживания малочисленных народов Севера» // Правовой портал «Консультант Плюс», 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186844/faa50614eb718181ea37a6d26b982bba72e81e9d/
7. База данных показателей муниципальных образований Камчатского края // Территориальный орган Росстата в Камчатском крае – Камчатстат, 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gks.ru/dbscripts/munst/munst30/DBInet.cgi>
8. Основные показатели здоровья населения и деятельности учреждений здравоохранения Камчатского края за 2011–2012 годы. Вып. 12. Т. 2. Петропавловск-Камчатский: Камчатский краевой медицинский информационно-аналитический центр, 2013. 209 с.
9. Основные показатели здоровья населения и деятельности учреждений здравоохранения Камчатского края за 2015–2016 годы. Вып. 16. Т. 2. Петропавловск-Камчатский: Камчатский краевой медицинский информационно-аналитический центр, 2017. 196 с.
10. Основные показатели здоровья населения и деятельности медицинских организаций Камчатского края за 2018–2019 годы. Вып. 19. Петропавловск-Камчатский: Камчатский краевой медицинский информационно-аналитический центр, 2020. 211 с.

A. R. Pogorelov

Medico-demographic situation in districts of compact residence of indigenous peoples of the Kamchatka Region

Pacific Geographical Institute FAR-Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation
e-mail: pogorelov_ar@mail.ru

Abstract. The article presents the medico-demographic characteristics for districts of compact residence of indigenous peoples of the North (Kamchatka Region). Subregional features are described for the period 2011-2019 according to several indicators (birthrate, mortality, vital population movement, morbidity). It was revealed that respiratory, circulatory, digestive and eye diseases predominate in the morbidity structure. The studied districts of the Kamchatka Region are characterized by a dysfunctional and unstable medico-demographic situation.

Keywords: medico-demographic situation, medical and demographic parameters, morbidity, mortality, public health, indigenous peoples, Koryakia, Kamchatka

References

1. Klochkov A. A. Rol' faktorov sredy obitaniya na razvitie onkopatologii sredi korennykh zhitelej Kamchatki // Lichnost' v jekstremal'nykh usloviyakh. Ch. 1. Petropavlovsk-Kamchatskij: KamGU, 2005. S. 57–66 (In Russian).
2. Klochkov A. A. Ispol'zovanie prirodnykh resursov, pitanie i onkozabolevaemost' zheludочно-kishechnogo trakta naseleniya Kamchatki // Sohranenie bioraznoobraziya Kamchatki i privilegijushhih morej. Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatpress, 2006. S. 220-223 (In Russian).
3. Gricaj I. V. Ocenka sostojaniya zdorov'ja korennykh narodov Kamchatki k nachalu 90-h godov proshlogo veka // Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2004. № 3. S. 187–192 (In Russian).
4. Gricaj I. V. Sostojanie zdorov'ja korennykh malochislennykh narodov Kamchatki k koncu sovetskogo perioda // Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2010. № 11. S. 98–100 (In Russian).
5. Najmushina T. A., Shmeleva E. V. Territorija Kamchatki kak sreda obitaniya jetnosov // Kamchatka raznymi narodami obitaema: XHIV Krasheninnikovskie chtenija. Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatskaja oblastnaja nauchnaja biblioteka im. S. P. Krasheninnikova, 2007. S. 129–132 (In Russian).
6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01.10.2015 № 1049 (red. ot 13.04.2019) «Ob utverzhdenii perechnja malochislennykh narodov Severa i perechnja rajonov prozhivaniya malochislennykh narodov Severa» // Pravovoj portal «Konsul'tant Pljus», 2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186844/faa50614eb718181ea37a6d26b982bba72e81e9d/ (In Russian).
7. Baza dannykh pokazatelej municipal'nykh obrazovanij Kamchatskogo kraja // Territorial'nyj organ Rosstat v Kamchatskom krae – Kamchatstat, 2020. URL: <https://gks.ru/dbscripts/munst/munst30/DBInet.cgi> (In Russian).
8. Osnovnye pokazateli zdorov'ja naseleniya i dejatel'nosti uchrezhdenij zdavoohranenija Kamchatskogo kraja za 2011–2012 gody. Vyp. 12. T. 2.

- Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatskij kraevoj medicinskij informacionno-analiticheskij centr, 2013. 209 s. (In Russian).
9. Osnovnye pokazateli zdorov'ja naselenija i dejatel'nosti uchrezhdenij zdravoohranenija Kamchatskogo kraja za 2015-2016 gody. Vyp. 16. T. 2. Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatskij kraevoj medicinskij informacionno-analiticheskij centr, 2017. 196 s. (In Russian).
 10. Osnovnye pokazateli zdorov'ja naselenija i dejatel'nosti medicinskih organizacij Kamchatskogo kraja za 2018–2019 gody. Vyp. 19. Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatskij kraevoj medicinskij informacionno-analiticheskij centr, 2020. 211 s. (In Russian).

Поступила в редакцию 12.06.2020 г.

DOI: 10.37279/2309-7663-2020-6-3-251-259

УДК 911.3:32(571.53)

Ю. С. Размахнина

Влияние этнического фактора на итоги избирательных кампаний в Восточной Сибири

ФГБУ «Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН»,
г. Иркутск, Российская Федерация
e-mail: juliarazm@gmail.com

Аннотация. *Коренным народам Восточной Сибири присуща контролируемая электоральная культура, которая влияет на результаты выборов, что выражается в высоком уровне явки и специфических политических предпочтениях. В данной связи анализируется степень взаимосвязи этнической компоненты с двумя вышеуказанными показателями с помощью корреляционного анализа математической статистики.*

Ключевые слова: *Восточная Сибирь, коренные народы, выборы, избирательные кампании, явка, политические предпочтения, контролируемая электоральная культура, коэффициенты корреляции.*

Введение

В структуре политической географии важное место занимает электоральная география, которая изучает электоральное поведение граждан в зависимости от действия территориальных факторов — места проживания (город или село), социально-экономических условий регионов и пунктов, этнической принадлежности и др. Влияние национального состава регионов России на итоги избирательных кампаний на данный момент изучено недостаточно в научных кругах, однако имеющаяся информация позволяет сделать вывод о том, что коренные этносы отличаются высокой степенью поддержки правящих партий и политиков и более высоким уровнем явки на избирательные участки. Причина такого поведения состоит в особой («контролируемой») электоральной культуре, для которой присущи вышеуказанные особенности. В отличие от коренных этносов, русское население характеризуется изменчивым характером уровня явки и более ситуативными политическими предпочтениями.

В Восточной Сибири по данным Всероссийской переписи–2010 проживает 1 309 625 представителей коренных народов, что составляет от общей численности, обозначивших свою национальность — 14,8%. Эти народы занимают значительную долю как в национальных республиках, так и субъектах с преобладающей долей русского населения — Иркутской области, Забайкальском и Красноярском краях. В свою очередь, существенная концентрация одной или двух коренных национальностей в пределах территориальной единицы (город, район и др.), зачастую приводит к специфическим результатам голосования, отличающимся от местностей, населенных русскими.

Целью данной работы является изучение степени влияния этничности в Восточной Сибири на результаты выборов в муниципальных образованиях (МО) нижнего (сельские поселения) и верхнего (муниципальные районы и городские округа) порядка, областного, краевого или республиканского значения (выборы

губернаторов, депутатов законодательного собрания), а также федеральных избирательных кампаний (выборы Президента, депутатов Государственной Думы).

При недостаточной степени изученности данной проблемы в научных кругах следует отметить работу Р. Ф. Туровского [1], где исследователем освещаются различные факторы, влияющие на итоги избирательных кампаний, проводится типология районов субъектов по особенностям электорального поведения и т.д. В статье Н. В. Гришина [2] изучается вопрос влияния этнического состава регионов юга России на результаты выборов в Государственную Думу 2003 г. Е. В. Белова [3], как и предыдущий исследователь, обращается к особенностям политических предпочтений коренных этносов, более подробно останавливаясь на эмоциональных причинах неприятия, таких партий как ЛДПР и КПРФ, лозунгами которых некоторое время служили следующие высказывания — «Защитить русских!», «Вставайте, люди русские!» и др. Е. В. Данзанов [4] в своем диссертационном исследовании анализирует политические предпочтения жителей Бурятии, у которых достаточно сильно выражена степень неприятия ЛДПР, в частности, коэффициент корреляции с 1993 по 2002 гг. на уровне территориальных избирательных комиссий (ТИК) составил — 0,91 [4]. Среди иркутских исследователей электоральной географии следует выделить работы А. А. Черенёва [5, 6, 7], в которых автор обращает внимание на проблемы и технологии формирования избирательных округов, также подчеркивая значимость влияния этнического фактора на результаты выборов. Работы М. Н. Арбатской затрагивают такие феномены избирательного процесса, как почасовую активность на избирательных участках, проблему завышения данных о количестве избирателей, выездной тип голосования, голосование «против всех» и др. [8, 9].

Зарубежные исследования в большой степени носят междисциплинарный характер, значительно выходя за поле политической географии. Рассматриваются такие проблемы, как коммуникация в рамках полиэтнического общества, что способно осложнить работу местных правительств [10]. Анализируется взаимосвязь между популизмом и этнонационализмом, выделяются умеренный и радикальный типы этнического национализма, подчеркивается соотношение политической и этнической идентичности в привязке к решению Великобритании о выходе из ЕС [11]. Уделяется внимание этнорегионализму, который особенно развит в странах Европейского союза и выражается в том, что этнические меньшинства имеют представительство и реальный политический вес в Европарламенте [12].

Материалы и методы

Гипотеза данного исследования строится на предположении влияния этничности на результаты избирательных кампаний. Как упомянуто выше, наиболее предсказуемым электоральным поведением характеризуются представители коренных народов. На наш взгляд, основными показателями итогов избирательных кампаний служат политические предпочтения и уровень явки, которые контрастно прослеживаются при анализе результатов выборов на этнических территориях.

Нами были проанализированы вышеупомянутые показатели МО верхнего уровня, а также при наличии информации — нижнего уровня. Учитывались те МО, где доля коренных народов составляла не менее 0,1%.

В качестве субъектов Восточной Сибири нами рассматриваются республики Бурятия, Саха (Якутия), Хакасия и Тыва, Забайкальский и Красноярский края, Иркутская область. Особое внимание уделяется бывшим автономным округам данных регионов — Усть-Ордынскому (УОБО), Агинскому (АБО) бурятским округам в Иркутской области и Забайкальском крае соответственно, Таймырскому Долгано-Ненецкому и Эвенкийскому в Красноярском крае.

Были тщательно проанализированы муниципальные избирательные кампании на уровне нижних и верхних МО по уровню явки (выборы мэров, глав поселений и депутатов). В то время как связь между этничностью и политическими предпочтениями хорошо проявилась при анализе выборов в Государственную Думу 2011 и 2016 гг., Президента 2012 и 2018 гг., губернаторских выборов, депутатов законодательного собрания.

Материалами исследования послужили данные Всероссийской переписи населения–2010 по субъектам макрорегиона [13] в совокупности со сведениями о результатах выборов избирательных комиссий восточносибирских регионов [14]. Опора на эту информацию предполагает использование в работе статистических методов, что отразилось в применении метода корреляционного анализа математической статистики. Корреляционный анализ позволил определить степень взаимосвязи между долей коренного населения и уровнем явки, а также политическими предпочтениями для муниципальных образований регионов Восточной Сибири.

Результаты и обсуждение

Специфическое поведение коренных этносов, влияющее на итоги избирательных кампаний, исходит из особенностей политической культуры. Р. Ф. Туровским — специалистом по электоральной географии, в конце 1990-х была предложена типология политической культуры применительно к Иркутской области. Разумеется, что некоторые предложенные им типы к настоящему времени видоизменились, однако один тип проявил заметную устойчивость. Это тип контролируемой электоральной культуры, распространенный на территории Усть-Ордынского Бурятского округа (УОБО). В своей активной форме указанная культура существует в Баяндаевском (60,9% коренного населения), Нукутском (46,5%) и Осинском (46,9%) районах, а также в Ольхонском районе, не входящем в состав УОБО, но имеющем высокую долю коренного населения (49,7%). Пассивная контролируемая электоральная культура наблюдается в Эхирит-Булагатском районе (51%). Несколько менее контролируема ситуация в Аларском (25,1%) и Боханском (21,5%) районах [1, с. 371], одной из причин чего является, на наш взгляд, именно меньшая доля коренных жителей в национальном составе их населения. Полагаем, что вышеуказанный тип в разных его проявлениях присущ и для других регионов Восточной Сибири, в муниципалитетах которых проживает значительная доля крупных коренных народов (буряты, якуты, тувинцы и хакасы) и коренных малочисленных народов Севера (КМНС).

Анализируя в целом явку по Восточной Сибири на муниципальных выборах (нижний и верхний уровни МО), нами были получены следующие коэффициенты:

0,58 и 0,56 — выборы глав поселений и депутатов по Иркутской области, республикам Бурятия, Якутия и Тыва (по имеющимся данным). Выборы, проведенные на верхнем уровне МО по семи субъектам, демонстрируют более высокую степень взаимосвязи доли коренного населения и явки: 0,69 — выборы мэров районов и городских округов и 0,71 — выборы депутатов.

Более узко характеризуя взаимосвязь между долей коренного населения и уровнем явки, необходимо рассмотреть коэффициенты по регионам. Наивысшую тесноту связи показала Якутия: 0,52 — выборы мэров по нижнему уровню МО, 0,71 и 0,57 — выборы мэров и депутатов по высшему уровню МО. Следом идет Иркутская область: 0,5 — выборы депутатов поселений за 2010–2013 гг., 0,54 и 0,63 (2014–2019) — выборы мэров и депутатов по высшему уровню МО. Бурятия также продемонстрировала среднюю тесноту связи (0,58) на выборах мэров и депутатов по районам и городским округам. Выборы депутатов районов и городских округов в Забайкальском крае показали среднюю корреляцию (0,54). Корреляционный анализ, проведенный по итогам выборов мэров нижнего уровня МО в Республике Тыве, выявил среднюю тесноту взаимосвязи (0,69). В то же время, выборы, проведенные на верхнем уровне МО в Красноярском крае и Республике Хакасии, продемонстрировали достаточно низкие показатели (от 0,12 до 0,21).

Явка на выборы регионального значения, а именно, губернатора и законодательного собрания, в некоторых субъектах демонстрируют более высокую степень связи. В частности, к таким избирательным кампаниям относятся: выборы губернатора в Забайкальском крае в 2013 г. — 0,75, законодательного собрания 2013 г. — 0,74; главы Республики Саха в 2014 г. — 0,75 и в 2018 г. — 0,80.

Далее рассмотрим явку избирательных кампаний федерального уровня (выборы в Государственную Думу 2011 и 2016 гг., Президента в 2012 и 2018 гг.) по всем восточносибирским регионам. В данном случае, теснота связи является более высокой: 0,79 — выборы в Государственную Думу 2011 г.; 0,85 — выборы Президента (рис. 1), ГосДумы в 2012 и 2016 гг.; 0,69 — выборы Президента в 2018 г.

На уровне муниципальных избирательных кампаний анализ показал отсутствие какой-либо связи между долей коренного населения и политическими предпочтениями. На наш взгляд, это связано с тем, что в муниципальных выборах чаще всего принимают участие самовыдвиженцы, среди которых много кандидатов, в том числе принявших решение не представлять собой определенные партии по конкретным причинам.

Политические предпочтения на уровне региональных избирательных кампаний, выявленные с помощью корреляционного анализа, продемонстрировали высокую степень поддержки ЕР и отрицательное отношение к левым партиям, значительней всего к ЛДПР, а также к Справедливой России и КПРФ. Наиболее сильно негативное восприятие ЛДПР проявилось на выборах губернатора Якутии в 2014 (-0,96) и 2018 (-0,90) гг. относительно кандидатуры от ЛДПР — Парахнина Г. П., а также кандидатуры Френта А. И. на пост президента Республики Тыва в 2018 г. (-0,91). В то же время, имеются исключения, например, выдвижение на пост губернатора Забайкальского края Ильковского К. В. от Справедливой России. Коэффициент корреляции в данном случае составил 0,68. Полагаем, это объясняется, главным образом, тем, что на данных выборах от ЕР

не было выдвинуто соответствующей кандидатуры. Кроме того, в Хакасии на выборах губернатора 2013 г. был весьма лояльно воспринят коренным народом политик от «Коммунистов России» Бразаускас Д. П. (0,96), а также данная партия (0,52) по итогам избирательной кампании в Законодательное Собрание этого же года.

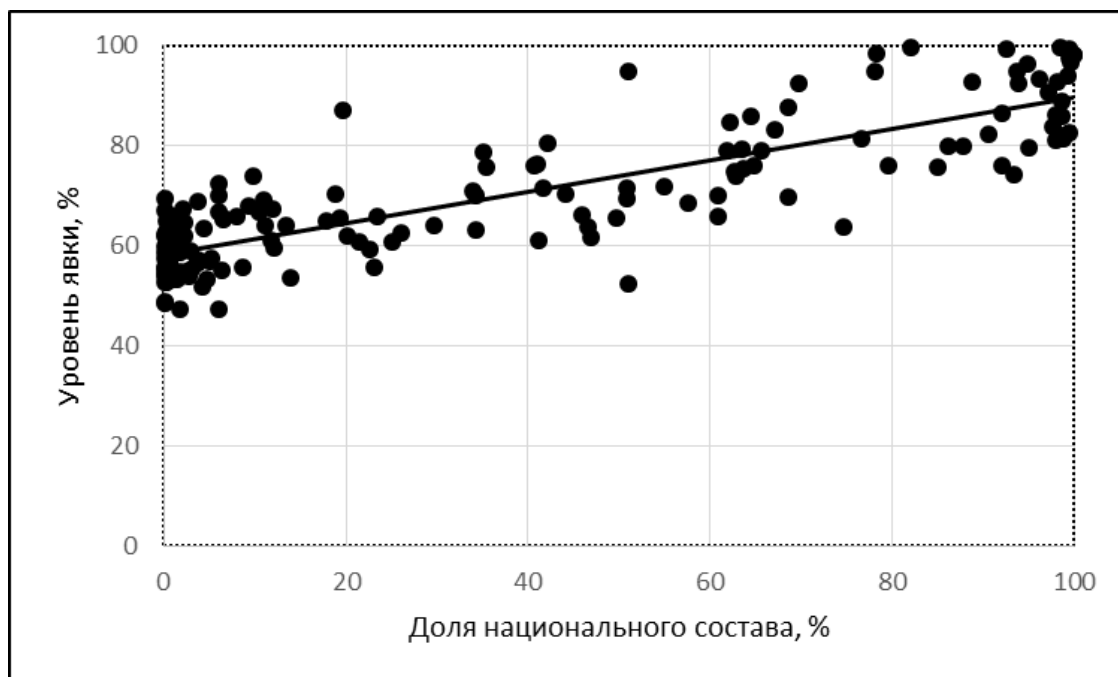

Рис. 1. Взаимосвязь доли коренного населения Восточной Сибири и уровня явки на выборах Президента 2012 гг.
Составлено автором

Политические предпочтения, зафиксированные по итогам выборов федерального значения, показали более сильные коэффициенты корреляции в 2011–2012 гг. На выборах в Государственную Думу 2011 г. партия ЛДПР и кандидатура Жириновского В. В. на пост президента продемонстрировали крайне высокую степень неприятия у коренных народов: (-0,91) и (-0,96) соответственно (рис. 2). ЕР и В. В. Путин, напротив, снискали поддержку коренных этносов: 0,78 и 0,79. КПРФ и Зюганов Г. В., как и ЛДПР, но в значительно меньшей степени были восприняты в негативном ключе — (-0,63) по итогам двух избирательных кампаний. Итоги выборов в Государственную Думу 2016 г. выявили следующие коэффициенты: ЕР — 0,69, ЛДПР — (-0,83), КПРФ — (-0,51). Выборы Президента 2018 г. вновь продемонстрировали лишь отрицательное отношение к В. В. Жириновскому (-0,78).

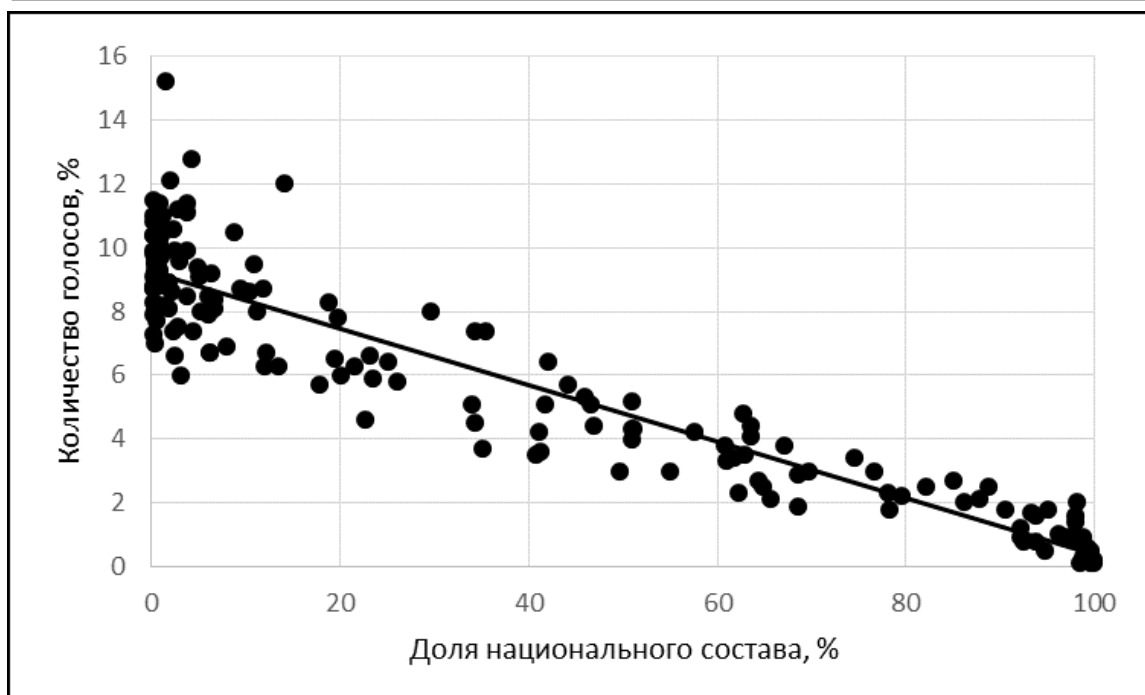

Рис. 2. Взаимосвязь доли коренного населения Восточной Сибири и количеством голосов за В. В. Жириновского на выборах Президента в 2012 г.

Составлено автором

Выводы

Этнический состав Восточной Сибири является неотъемлемой частью регионального электорального пространства, к особенностям которого относятся предсказуемые итоги выборов на территориях проживания коренных народов. Полученные результаты показали в основном среднюю тесноту связи между долей коренного населения и явкой на муниципальные выборы (от 0,50 до 0,71), в то время как анализ явки на выборах регионального значения (губернаторские, законодательного собрания) и избирательных кампаниях федерального значения (президентские, Государственной Думы) свидетельствует о коэффициентах, достигающих максимального значения до 0,85. Связь между долей коренного населения и политическими предпочтениями, в отличие от явки, не просматривается на муниципальных выборах, однако результаты выборов более высокого уровня демонстрируют иногда очень высокую степень связи — от 0,90 и выше.

Высокая явка и политические предпочтения, выражающиеся в поддержке «Единой России» и неприятии левых партий, особенно ЛДПР, объясняются специфической электоральной (контролируемой) культурой. Это явление заключается в том, что местная власть имеет рычаги воздействия на электорат, для того, чтобы обеспечить нужный уровень участия в выборах и голосования за определенных кандидатов. Такое влияние чаще всего достигается путем близкородственных связей и является более значительным в сельских поселениях. Для коренных народов в большей степени сохранила свою значимость традиционная культура, чертами которой является уважение авторитета старших,

в политической сфере это выражается в поддержке правящих партий и политиков, обладающих имиджем сильных и уверенных лидеров.

Литература

1. Туровский Р. Ф. Политическая география. М. Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. 381 с.
2. Гришин Н. В. Влияние этноконфессионального фактора на политические предпочтения населения юга России // Вестник АГТУ. 2006. № 5 (34). С. 108–114.
3. Белова Е. В. Влияние этнического фактора на результаты парламентских выборов 4 декабря 2011 года // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2015. Т. 5. С. 163–169.
4. Данзанов Е. С. Пространственно-временная структура электоральных предпочтений в Республике Бурятия: автореф. дис. канд. геогр. наук. Улан-Удэ, 2010. 23 с.
5. Черенев А. А. Политико-географические методы и факторы в формировании избирательных участков // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 126–133.
6. Черенев А. А. Территориальная дифференциация электоральных процессов муниципального уровня: на примере Иркутской области: автореф. дис. канд. геогр. наук. Иркутск, 2010. 23 с.
7. Черенев А. А. Условия формирования электоральных предпочтений в сельской местности (на примере Иркутской области) // География и природные ресурсы. 2009. № 4. С. 134–139.
8. Арбатская М. Н. Контурная карта электоральной России. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2003. 172 с.
9. Арбатская М. Н. Трансформация публичной политики и электоральное пространство. Иркутск: Избирательная комиссия Иркутской области, 2006. 219 с.
10. Bonikowsky B. Ethno-nationalist populism and the mobilization of collective resentment // The British Journal of Sociology. 2017. Vol. 68. P. 181–213. URL: <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12325> (Accessed: 23 July 2019).
11. Nandi A., Platt L. The relationship between political and ethnic identity among UK ethnic minority and majority populations // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. SI. pp. 1–24. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1539286> (Accessed: 28 July 2019).
12. Sandri G. Ethno-Regionalist Parties and Political Representation: The Case of Union Valdotaie // Federalisme Regionalisme. 2008. Vol. 8. № 2. URL: <https://popups.uliege.be/1374-3864/index.php?id=747> (Accessed: 25 July 2019).
13. Всероссийская перепись населения-2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.12.2019).
14. Итоги выборов и референдумов по Восточной Сибири в 2010–2019 / Сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 08.12.2019).

Yu. Razmakhnina

The influence of ethnic factor on the results of election campaigns in Eastern Siberia

Institute of Geography. V. B. Sochava SB RAS,
Irkutsk, Russian Federation
e-mail: juliarazm@gmail.com

Abstract. *Indigenous peoples of Eastern Siberia have a controlled electoral culture, which affects the election results. It expresses in a high level of turnout and specific political preferences. In this regard, the degree of interconnection of the ethnic component with the two above indicators is analyzing using the correlation analysis of mathematical statistics.*

Keywords: *Eastern Siberia, indigenous peoples, elections, electoral campaigns, a turnout, political preferences, the controlled electoral culture, correlation coefficients.*

References

1. Turovskij R. F. Politicheskaja geografija. M. Smolensk: Izd-vo SGU, 1999. 381 s. (in Russian).
2. Grishin N. V. Vlijanie jetnokonfessional'nogo faktora na politicheskie predpochtenija naselenija juga Rossii // Vestnik AGTU. 2006. № 5 (34). S. 108–114. (in Russian).
3. Belova E. V. Vlijanie jetnicheskogo faktora na rezul'taty parlamentskih vyborov 4 dekabrja 2011 goda // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i Filologija. 2015. T. 5. S. 163–169 (in Russian).
4. Danzanov E. S. Prostranstvenno-vremennaja struktura jelektoral'nyh predpochtenij v Respublike Burjatija: avtoref. dis. kand. geogr. nauk. Ulan-Udje, 2010. 23 s. (in Russian).
5. Cherenev A. A. Politiko-geograficheskie metody i faktory v formirovanii izbiratel'nyh uchastkov // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Politologija. Religiovedenie. 2017. T. 21. S. 126–133. (in Russian).
6. Cherenev A. A. Territorial'naja differenciacija jelektoral'nyh processov municipal'nogo urovnja: na primere Irkutskoj oblasti: avtoref. dis. kand. geogr. nauk. Irkutsk, 2010. 23 s. (in Russian).
7. Cherenev A. A. Uslovija formirovanija jelektoral'nyh predpochtenij v sel'skoj mestnosti (na primere Irkutskoj oblasti) // Geografija i prirodnye resursy. 2009. № 4. S. 134–139. (in Russian).
8. Arbatskaja M. N. Konturnaja karta jelektoral'noj Rossii. Irkutsk: Izd-vo IG SO RAN, 2003. 172 s. (in Russian).
9. Arbatskaja M. N. Transformacija publichnoj politiki i jelektoral'noe prostranstvo. Irkutsk: Izbiratel'naja komissija Irkutskoj oblasti, 2006. 219 s. (in Russian).
10. Bonikowsky B. Ethno-nationalist populism and the mobilization of collective resentment // The British Journal of Sociology. 2017. Vol. 68. P. 181–213. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12325> (Accessed: 23 July 2019).
11. Nandi A., Platt L. The relationship between political and ethnic identity among UK ethnic minority and majority populations // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. SI. pp. 1–24. URL: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1539286> (Accessed: 28 July 2019).

12. Sandri G. Ethno-Regionalist Parties and Political Representation: The Case of Union Valdaine [Electronic resource] // Federalisme Regionalisme. 2008. Vol. 8. № 2. URL: <https://popups.uliege.be/1374-3864/index.php?id=747> (Accessed: 25 July 2019).
13. Vserossijskaja perepis' naselenija-2010 [Sajt]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (data obrashhenija: 20.12.2019). (in Russian).
14. Itogi vyborov i referendumov po Vostochnoj Sibiri v 2010–2019 [Cajt Central'noj izbiratel'noj komissii Rossijskoj Federacii]. URL: <http://www.cikrf.ru/> (data obrashhenija: 08.12.2019). (in Russian).

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

УДК 528.9+314.9

Е. В. Рыгалов¹,
Е. В. Пронина²

Картографический анализ этнической структуры населения Республики Алтай

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
г. Барнаул, Российская Федерация
e-mail: ¹rugalov@mail.ru, ²elizaveta.pronina.2000@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается этническая структура населения муниципальных образований Республики Алтай, проводится классификация районов по количественным показателям структуры населения (индекс этнической мозаичности, степень влияния (преобладания) этнической группы в структуре населения). Также особое внимание уделяется характеристике титульной нации Республики Алтай.

Ключевые слова: этническая структура населения, картографирование, классификация, Республика Алтай, титульная нация.

Введение

Изучение национального вопроса во все времена являлось очень важной задачей для многих государств. В нашей стране, где по результатам последней переписи населения проживает более 190 национальностей, эта тема также крайне актуальна.

Важность и актуальность связана с несколькими основными причинами: необходимость учета этнических общностей важна с целью сохранения этнической идентичности, культурных особенностей и традиций народов; учет этнических особенностей необходим в зоне контактов различных этносов с целью недопущения этнических конфликтов. Особо актуальны эти моменты в автономных округах и национальных республиках Российской Федерации. По результатам Всероссийской переписи 2010 г. в Республике Алтай представлены более 70 этносов [6], по своей численности они очень сильно различаются, также отличается и их ареал расселения. В регионе не отмечается ярко выраженных этнических противоречий, но в отдельных районах, где в равной степени представлены большие группы национальных общностей, локальные конфликты все же имеют место (например, Кош-Агачский район, где почти в равной степени представлены казахи — чуть более 50% и алтайцы — чуть более 40%). Вопросам изучения этнических общностей и определения этнической мозаичности, выявлению межэтнических контактных зон и оценке потенциальных этнических конфликтов посвящено достаточно много работ как по территории России в целом [3; 8; 10], так и ее отдельным регионам [5; 9; 11], по национальным республикам [12] а также и по другим странам [4].

Материалы и методы

С целью определения количественного соотношения этнических групп в общем составе населения территории (для измерения многонациональности) используется индекс мозаичности национального состава или индекс этнической мозаичности (ИЭМ). Вопрос о количественном определении этнической пестроты

населения ставился и в более ранних работах, но более подробно был освещен и обоснован Б. М. Эккелем [13].

Расчет индекса представляет собой сумму квадратов долей каждой этнической группы, вычтенной из общей совокупности населения рассматриваемой территории.

$$ИЭМ = 1 - \sum (P_i)^2 \quad (1),$$

где P_i – доля i -ой национальности в регионе исследования

По мнению Эккеля определение ИЭМ (индекс этнической мозаичности Эккеля) — попытка определения этнической мозаичности через вероятность интенсивности межнациональных контактов. Величина ИЭМ территории будет напрямую зависеть от количества национальных групп, от величины этих групп и от равномерности распределения населения по этим национальным группам.

Величина ИЭМ отражает этническое разнообразие (чем больше ИЭМ, тем оно выше), кроме того, значение индекса характеризует теоретическую вероятность интенсивности межэтнических контактов (чем больше индекс, тем их вероятность выше).

Использование только ИЭМ для характеристики этнической структуры населения не дает полной характеристики территории, поэтому наряду с этим показателем важно применение такой характеристики как доля коренной национальности, и доля преобладающих национальностей.

Что касается территориального межэтнического взаимодействия, то в сельской местности оно не столь значительно, как в крупных городах, а тем более в агломерациях [2]. Учитывая, что в Республике Алтай подавляющая часть населения — это сельские жители, то данный показатель нужно дополнять более детальным анализом внутренней (внутрирайонной) дифференциации.

ИЭМ в своем расчете предполагает учет всех национальностей на рассматриваемой территории, но фактически на его величину влияют только крупные по численности этнические группы. При расчете ИЭМ были использованы данные по этническим группам внутри муниципальных образований (МО), превышающим 0,5% от общей доли населения МО. Менее многочисленные группы дают очень незначительные изменения ИЭМ (порядка 0,0001), которые имеют несущественное влияние на изменение итогового значения.

Использование только ИЭМ не дает полной этнической картины территории, поэтому наряду с этим показателем важно применение такой характеристики как доля коренной национальности, и доля преобладающих национальностей.

Основным источником статистических данных, лежащих в основе исследования являются официальные данные Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай, а также материалы переписей населения 1989–2010 гг.

Результаты и обсуждение

Для оценки территориальных этнических различий был рассчитан ИЭМ по данным трех переписей населения (1989, 2002, 2010 гг.). Опираясь на опыт

выделения классов территорий по ИЭМ [3; 5], можно сказать, что в целом все районы Республики Алтай показывают значимый коэффициент этнической мозаичности: в группу с низким ИЭМ (до 0,200) не вошло ни одно МО, среднюю группу (от 0,200 до 0,450) составили большинство МО — 6, также была выделена группа районов с переходным от среднего к высокому ИЭМ (от 0,450 до 0,499), в группу с высоким ИЭМ (от 0,500 и более) вошли Кош-Агачский и Шебалинский районы (рис. 1.). В группу с минимальными значениями попадают Майминский (0,265) и Чойский (0,224) районы, это объясняется значительной представленностью преобладающей этнической группой (русские), и большим количеством малых национальных групп в общей численности населения. Максимальными значениями индекса характеризуются Кош-Агачский (0,550) и Шебалинский (0,535) районы. Здесь значительный вклад вносят 2 основные национальности (алтайцы и казахи в Кош-Агачском районе и русские и алтайцы в Шебалинском), а также менее представленные по численности этнические группы.

Анализ изменений ИЭМ с 1989 по 2010 г. (по Чемальскому и Шебалинскому району за период с 2002 по 2010 г.: Чемальский район образован в 1992 г. путем выделения из состава Шебалинского) показал изменения как в сторону увеличения этнического разнообразия (г. Горно-Алтайск, Кош-Агачский, Майминский, Турочакский, Чойский, Шебалинский районы), так и в сторону его снижения (Онгудайский, Улаганский, Усть-Канский, Усть-Коксинский, Чемальский районы). В целом эти изменения незначительны и в среднем составляют 0,011, но особо заметен прирост в г. Горно-Алтайск — 0,200.

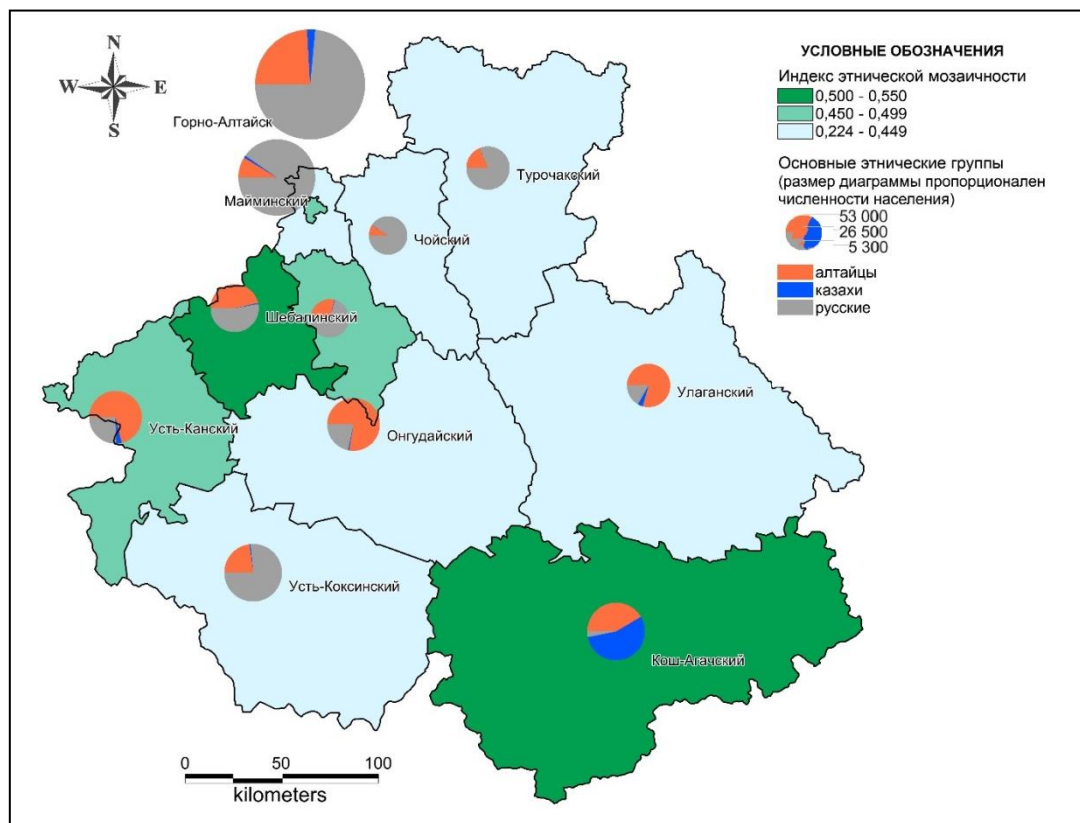

Рис. 1. Основные показатели характеристики этнической структуры населения Республики Алтай на 2010 г.

Составлено авторами по [6].

Для более полной характеристики этнической структуры МО были проанализированы такие показатели, как доля коренной национальности, и доля преобладающих национальностей (рис. 1). Во всех без исключения МО преобладающими национальностями являются алтайцы, казахи, русские. Максимальная доля алтайцев — более 50% от общей численности населения представлена в трех районах: Онгудайский (76%), Улаганский (77%), Усть-Канский (70%), немногим менее 50% — в Шебалинском (45%) и Кош-Агачском (40%). Минимальная доля алтайцев в Майминском (8%) и Чойском (9%) районах, в остальных МО представители этого этноса составляют от 19 до 28%.

Доля казахов превышает 50% только в Кош-Агачском районе (53%), в остальных МО их доля незначительна: Улаганский, Усть-Канский районы — немногим более 3%, в Горно-Алтайске чуть более 2%, в остальных районах — менее 1%.

Доля русских превышает 50% в большинстве МО: в 7 из 11. Максимальные значения в Чойском (88%) и Майминском (85%) районах, далее идут Усть-Коксинский (74%) и Турочакский (73%) районы, чуть меньшее значение в Горно-Алтайске (68%), минимальный показатель в Кош-Агачском районе — 3%.

Показатель доли этнической группы является важной характеристикой взаимодействия и взаимного влияния этнических групп в общей структуре населения. Основываясь на теоретических обобщениях и принципах определения степени влияния этнических групп в структуре населения [1] была проведена группировка МО по данному показателю (таблица 1). Принцип определения степени влияния этнических групп основан на доле этнической группы (Дэ) в общей структуре населения.

Таблица 1

Группировка муниципальных образований Республики Алтай по степени влияния (преобладания) этнических групп в общей структуре населения, 2010 г.

Степень влияния этнической группы	Основные этнические группы		
	Алтайцы	Казахи	Русские
1	2	3	4
Абсолютное преобладание ($100\% \geq Дэ \geq 90\%$)	—	—	—
Доминирующее преобладание ($90\% > Дэ > 50\%$)	Онгудайский, Улаганский, Усть-Канский	Кош-Агачский	Горно-Алтайск, Майминский, Турочакский, Усть-Коксинский, Чемальский, Чойский, Шебалинский
Относительное преобладание ($50\% \geq Дэ \geq 25\%$)	Кош-Агачский, Чемальский, Шебалинский		Усть-Канский
Существенное влияние ($25\% > Дэ \geq 5\%$)	Горно-Алтайск, Майминский, Турочакский, Усть-Коксинский, Чойский		

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Ощутимое влияние ($5\% > Дэ \geq 0,5\%$)		Горно-Алтайск, Майминский, Онгудайский, Улаганский, Усть-Канский, Усть- Коксинский, Шебалинский	Кош-Агачский
Незначительное влияние ($0,5\% > Дэ > 0\%$)		Турочакский, Чемальский, Чойский.	

Дэ — доля этнической группы
Составлено авторами.

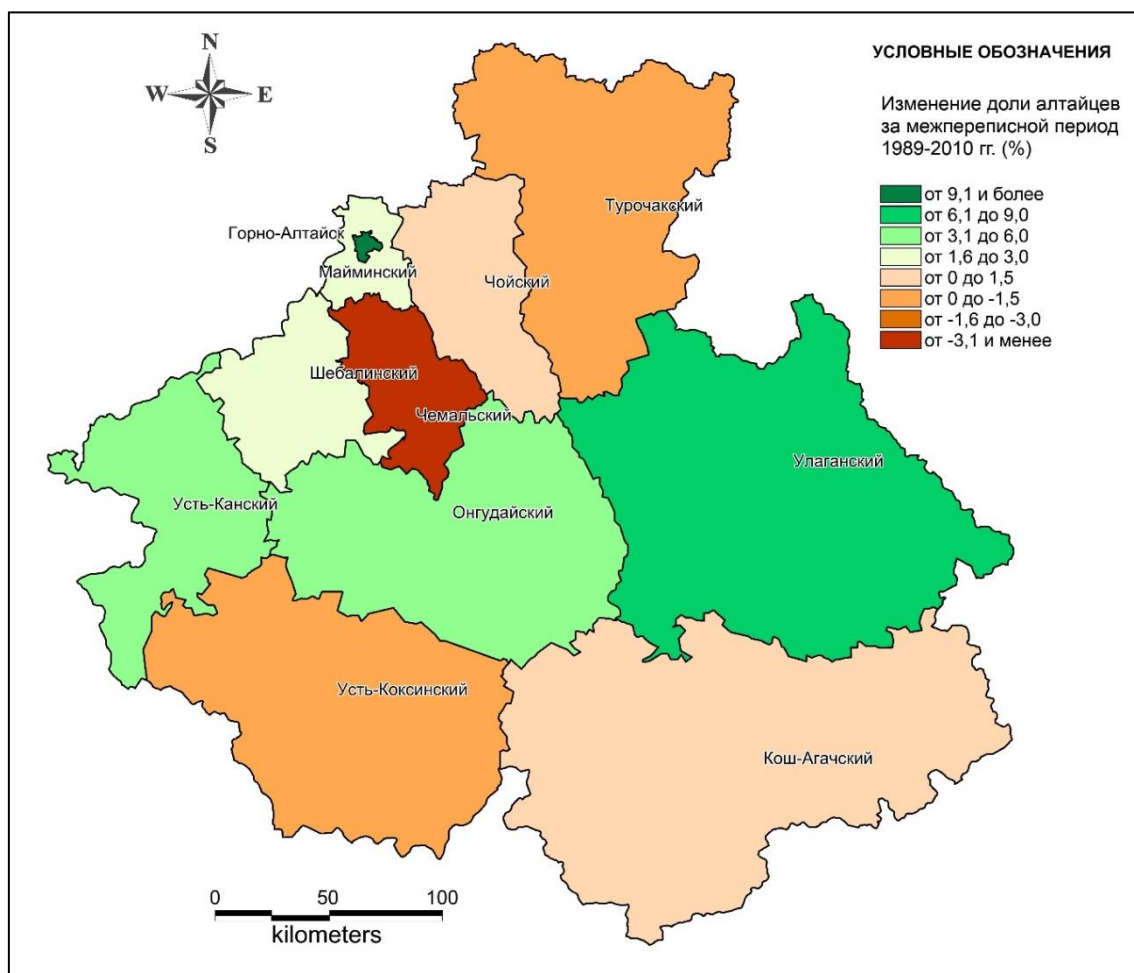

Рис. 2. Изменение доли алтайцев в общем населении муниципальных образований Республики Алтай 1989–2010 гг.

Составлено авторами по: [6; 7].

Отрицательную динамику доли титульной нации демонстрируют Усть-Коксинский (-0,9%) и Турочакский районы (-1,1%), а максимальное снижение произошло в Чемальском районе (-3,4%). Во всех трех районах достаточно высока доля русского населения — более 50%.

Выводы

Национальные республики являются достаточно интересным объектом для изучения этнической структуры. Население Республики Алтай представлено более чем 70 этносами, но основу её этнической структуры населения составляют три национальности: алтайцы, казахи, русские. Внутри региона этническая ситуация достаточно неоднозначна: выделяются районы с преобладанием различных национальностей, и в целом индекс этнической мозаичности показывает значимый результат по всем муниципальным образованиям. Динамика изменения доли этносов также различна. Казахи демонстрируют относительную стабильность по всем территориям своего проживания, русские в большинстве районов незначительно, но снижают свою долю в общей структуре населения, алтайцы же, напротив — показывают рост в большинстве муниципальных территорий и в особенности в региональном центре. В целом по региону общая доля титульной нации за период между последними переписями населения в Российской Федерации незначительно возрастает.

Литература

1. Асаул А. Н., Джаман М. А., Шуканов П. В. Этнополитическая мозаичность антропосферы / под ред. Заслуженного деятеля науки РФ, д-ра экон. наук, проф. А. Н. Асаула. СПб.: ГАСУ. 2010. 167 с.
2. Гарипов Я. З. О методике количественного измерения уровня межэтнического общения // Вестник экономики, права и социологии, 2015, № 3. С. 194–197.
3. Дорофеева Д. Ю., Савоскул М. С. Изменение этнической мозаичности регионов России // Этническая демография: сборник статей под ред. И. А. Даниловой, О. А. Хараевой М.: МАКС Пресс, 2010. С. 73–93.
4. Кельман Ю. Ф. Географический анализ этнокультурного разнообразия населения США. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2014. № 5. С. 22–29.
5. Манаков А. Г. Динамика этнической мозаичности территорий Северо-Западной России В 1897–2010 гг. // Региональные исследования № 2 (52), 2016. С. 72–75.
6. Национальный состав и владение языками, гражданство // Статистический сборник Алтайстат. г. Горно-Алтайск, 2013. 419 с.
7. Национальный состав населения по Республике Алтай: Стат. Сборник Алтайстат. г. Горно-Алтайск, 2004. 111 с.
8. Пелина А. Н. Количественная характеристика этнического разнообразия в регионах РФ (по данным ВПН 2002 года) // Человеческое измерение в региональном развитии. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Нижневартовск, 4–7 декабря 2008. Нижневартовск: НГГУ, 2009. С. 194–196.
9. Пелина А. Н. Геоинформационное картографирование этнической структуры населения по данным ВПН 2010 г.: Краснодарский край / под ред. А.В.

- Погорелова // Географические исследования Краснодарского края. Краснодар. 2015. С. 302–309.
10. Рязанцев С. В., Тикунова И. Н., Тимонин С. А. Математико-картографическая оценка этнического разнообразия в регионах России // Материалы международной конференции Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт, ИнтерКарто/ИнтерГИС 17. Белокуриха, Денпасар, 2011. С. 15–21.
 11. Сикач К. Ю., Швец А. Б. Картографирование этнического пространства Крыма // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 5 (15). Вып. 3. 2019 г. С. 211–222.
 12. Стерхов Д. А. Динамика этнической структуры национальных субъектов РФ Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Теория и практика современных географических исследований», посвященной 180-летию российского путешественника и натуралиста, исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского в рамках XV Большого географического фестиваля. М.: Издательство «Каллиграф», 2019. С. 95–97.
 13. Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.

Е. В. Rygalov¹,
Е. В. Pronina²

Cartographic analysis of the ethnic structure of the Altai Republic population

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

e-mail: ¹rugalov@mail.ru, ²elizaveta.pronina.2000@mail.ru

Abstract. *The article discusses the ethnic structure of the population of municipalities of the Altai Republic, classifies the districts by quantitative indicators of the population structure (ethnic mosaic index, the degree of influence (prevalence) of an ethnic group in the population structure). Special attention is also paid to the characteristics of the titular nation of the Altai Republic.*

Keywords: *ethnic structure of the population, mapping, classification, Altai Republic, title nation.*

References

1. Asaul A. N., Dzhaman M. A., Shukanov P. V. Etnopoliticheskaya mozaichnost' antroposfery / pod red. Zasluzhennogo deyatelya nauki RF, d-ra ekon. nauk, prof. A. N. Asaula. SPb.: GASU. 2010. 167 s. (in Russian)
2. Garipov Ya. Z. O metodike kolichestvennogo izmereniya urovnya mezhetnicheskogo obshcheniya // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii, 2015, № 3. S. 194–197. (in Russian)
3. Dorofeeva D. Yu, Savoskul M. S. Izmenenie etnicheskoj mozaichnosti regionov Rossii // Etnicheskaya demografiya: sbornik statej pod red. I. A. Danilovoj, O. A. Haraevoj M.: MAKSS Press, 2010. S. 73–93. (in Russian)
4. Kel'man Yu. F. Geograficheskij analiz etnokul'turnogo raznoobraziya naseleniya SSHA. // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 5. Geografiya. 2014. № 5. S. 22–29. (in Russian)

5. Manakov A. G. Dinamika etnicheskoy mozaichnosti territorij Severo-Zapadnoj Rossii V 1897–2010 gg. // Regional'nye issledovaniya №2 (52), 2016. S. 72–75. (in Russian)
6. Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo // Statisticheskij sbornik Altajstat. g. Gorno-Altajsk, 2013. 419 s. (in Russian)
7. Nacional'nyj sostav naseleniya po Respublike Altaj: Stat. Sbornik Altajstat. g. Gorno-Altajsk, 2004. 111 s. (in Russian)
8. Pelina A. N. Kolichestvennaya harakteristika etnicheskogo raznoobraziya v regionah RF (po dannym VPN 2002 goda) // Chelovecheskoe izmerenie v regional'nom razvitii. Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Nizhnevartovsk, 4-7 dekabrya 2008. Nizhnevartovsk: NGGU, 2009. S. 194–196. (in Russian)
9. Pelina A. N. Geoinformacionnoe kartografirovanie etnicheskoy struktury naseleniya po dannym VPN 2010 g.: Krasnodarskij kraj / pod red. A. V. Pogorelova // Geograficheskie issledovaniya Krasnodarskogo kraja. Krasnodar. 2015. S. 30–309. (in Russian)
10. Ryazancev S. V., Tikunova I. N., Timonin S. A. Matematiko-kartograficheskaya ocenka etnicheskogo raznoobraziya v regionah Rossii // Materialy mezhdunarodnoj konferencii Ustojchivoe razvitie territorij: teoriya GIS i prakticheskij opyt, InterKarto/InterGIS 17. Belokuriha, Denpasar, 2011. S. 15–21. (in Russian)
11. Sikach K. Yu., Shvec A. B. Kartografirovanie etnicheskogo prostranstva Kryma Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Tom 5 (15). Vyp. 3. 2019 g. S. 211–222. (in Russian)
12. Sterhov D.A. Dinamika etnicheskoy struktury nacional'nyh sub"ektov RF Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh «Teoriya i praktika sovremennyh geograficheskikh issledovanij», posvyashchennoj 180-letiyu rossijskogo puteshestvennika i naturalista, issledovatelya Central'noj Azii N. M. Przheval'skogo v ramkah XV Bol'shogo geograficheskogo festivalya. M.: Izdatel'stvo «Kalligraf», 2019. S. 95–97. (in Russian)
13. Ekkel' B. M. Opredelenie indeksa mozaichnosti nacional'nogo sostava respublik, kraev i oblastej SSSR // Sovetskaya etnografiya. 1976. № 2. S. 33–39. (in Russian)

Поступила в редакцию 28.06.2020 г.

УДК: 314.04; 314.7

И. А. Соловьев¹,
В. С. Белозеров²,
Н. А. Щитова³

Демографическое развитие городских агломераций Северного Кавказа

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Институт математики и естественных наук (структурное подразделение), г. Ставрополь, Ставропольский край, Российская Федерация
e-mail: ¹soloivan@mail.ru, ²vsbelozerov@yandex.ru, ³stavgeo@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию тенденций развития демографических и миграционных процессов в городских агломерациях Северного Кавказа. Анализ актуальных статистических материалов позволил установить, что численность населения в большинстве агломерации растет, но за счет разных источников. В агломерациях равнинной части преобладает миграционный прирост, а горной — прирост обеспечивается за счет естественного воспроизводства. Наиболее быстро развиваются Краснодарская и Сочинская агломерации. Обнаружены внутриагломерационные диспропорции в демографической ситуации.

Ключевые слова: городская агломерация, демографическое развитие, демографические, миграционные процессы, Северный Кавказ.

Введение

Северный Кавказ — слабо урбанизированная территория, в 40% регионов не преодолен урбанизационный переход. С 2012 по 2019 гг. численность населения увеличилась с 19,5 млн чел., до 20,2 млн чел., т.е. почти на 9%, но при этом городское население выросло только с 10,6 млн чел. до 11,2 млн чел., всего на 6%. Почти половина прироста городского населения приходится на Краснодарский край, по 13–14% — на Ингушетию, Чечню, Дагестан и 8% — на Ставропольский край. В отдельных регионах численность городского населения сократилась (Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария). На демографической карте России Северный Кавказ выделяется: устойчивым приростом численности населения (в 1989 г. на его территории проживало 11,4% населения страны, в 2019 г. — 13,7%) и высокой долей в общем приросте численности населения страны (от 30% до 40%). Поэтому и агломерационные процессы развиваются здесь в несколько иных демографических условиях, по сравнению с остальной Россией.

В постсоветское время в демографическом развитии России достаточно четко обозначились две основные тенденции — смена миграционного тренда с восточного на западный и нарастание депопуляционных процессов. Кроме того, территории с положительным сальдо миграции сокращаются, а число депопулирующих регионов увеличивается.

На Северном Кавказе образовалось два ареала с различными демографическо-миграционными трендами — равнинный и горный. В регионах равнинной части (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область) депопуляционные процессы сочетаются с миграционным приростом, в горных —

ситуация зеркально противоположна, с небольшими межрегиональными отличиями. В «восточных» горных регионах (Чеченская, Ингушская Республики, Дагестан) расширенное естественное воспроизводство перекрывает существенный миграционный отток, а в «западных» (Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания) — неустойчивый положительный естественный прирост не компенсирует отрицательное сальдо миграции [6; 11].

Современная государственная политика в области пространственного развития России ориентирована на поддержку городских агломераций, как ключевых узловых ареалов системы расселения. Общеизвестно, что именно в городских агломерациях сосредоточена основная масса населения, а следовательно, и основной инновационный потенциал. Однако не вполне ясен характер и направленность основных составляющих демографического развития агломераций. Городские агломерации Северного Кавказа отличаются разнообразием и заметно различаются по ряду критериев. В связи с этим был сформулирован ряд вопросов: сохраняется ли положительная динамика роста численности населения во всех агломерациях, каковы механизмы и специфика демографического развития агломераций разного типа, каковы внутриагломерационные особенности распределения населения. Не претендуя на всеохватное исследование, данная работа направлена на получение ответов на поставленные вопросы, в частности, — выявление динамики численности населения и установление соотношения миграционной и воспроизводственной составляющей демографического развития городских агломераций Северного Кавказа.

Агломерационная проблематика достаточно широко освещается в российской урбанистике. Теоретические походы к изучению городских агломераций получили развитие в трудах Г. М. Лаппо, П. М. Поляна, Н. В. Зубаревич и др. [7; 12; 15]. Имеются немало работ, посвященных изучению отдельных агломераций, в том числе и северокавказских [3; 9]. В ряде публикаций демографические и миграционные процессы рассматриваются как ведущий фактор развития городских агломераций [4; 5; 7]. Однако комплексных работ, нацеленных на интегральный анализ территориальных особенностей демографического развития городских агломераций России, не обнаружено, что и обуславливает актуальность данной работы.

Материалы и методы

Работа опирается на анализ статистических данных Росстата за 2012–2019 гг., размещенных в открытом доступе. Делимитация городских агломераций и статистические расчёты произведены в границах, определенных нормативными документами [17; 18; 19].

Однозначного и четкого определения понятия «демографическое развитие» пока не выработано. Имеются два более или менее выраженных подхода — философско-категориальный направленный на глубинное исследование сущности понятия и инструментальный, рассматривающий данную категорию как инструмент для эмпирического анализа или выработки практических решений [10; 16].

В данной работе под демографическим развитием городской агломерации понимается изменение численности населения и его структуры в конкретных

пространственных границах. Основное внимание направлено на анализ количественных абсолютных и относительных показателей динамики общей численности населения, соотношения миграционных и воспроизводственных процессов в городских агломерациях разного типа на основе данных официального статистического учета населения. По данным Г. М. Лаппо, П. М. Поляна и Т. И. Селивановой, на 2002 год в России насчитывалось 52 сформировавшихся и 9 потенциальных агломерации [13], в том числе, на Северном Кавказе — 6 сформировавшихся (Ростовская, Краснодарская, Ставропольская, Махачкалинская, Кавминводская, Владикавказская) и 2 потенциальные (Грозненская, Сочинская). Расчеты по данным на 2019 год позволяют отнести две последние агломерации к числу сформировавшихся. Таким образом, в представленном исследовании рассмотрены демографические процессы в 8 агломерациях, отличающихся по степени развитости (на основе коэффициента развитости городских агломераций П. М. Поляна). Четыре агломерации относятся к числу крупнейших. Среди них выделяется Ростовская, которая входит в группу сильно развитых, остальные три (Кавминводская, Ставропольская и Краснодарская) относятся к слабо развитым. Однако, именно для них характерны более высокие темпы увеличения коэффициента развитости. Особенно быстро развивается Краснодарская агломерация, что выделяет ее среди других крупнейших российских агломераций (у 5 из них коэффициент развитости не изменился, а у 3 — снизился) [1; 14]. Северокавказские агломерации играют важную роль в демографической ситуации регионов. В большинстве из них сосредоточена основная часть населения, и доля его возрастает (табл. 1).

Таблица 1

Доля населения регионов Северного Кавказа, проживающих на территории городских агломераций (%)

№	Регионы	2012 г.	2019 г.
1.	Северная Осетия-Алания	83,2	82,8
2.	Чечня	78,2	77,8
3.	Ставропольский край	65,4	67,0
4.	Ростовская область	51,9	53,8
5.	Краснодарский край	43,1	47,0
6.	Дагестан	35,5	36,0
7.	Адыгея	23,6	26,2

Составлено по [2; 18]

Результаты и обсуждение

Во втором десятилетии XXI в. численность населения в большинстве городских агломераций района увеличивалась, хотя и разными темпами (табл. 2). Наиболее значительный рост наблюдался в Краснодарской агломерации, заметно прибавили Грозненская и Сочинская. Рост Ростовской и Ставропольской был, по сравнению с ними, вдвое ниже, а Кавминводская — практически, не выросла. Исключение составила Владикавказская агломерация, численность населения которой сократилась.

Таблица 2
Численность населения городских агломераций Северного Кавказа (тыс. чел.)

<i>Названия агломераций</i>	<i>2012 г.</i>	<i>2019 г.</i>	<i>Изменение численности населения, +/-</i>	<i>в т.ч. в ядре агломерации</i>
1. Краснодарская	1 256,9	1 462,9	206,1	154,1
2. Грозненская	1 018,8	1 142,4	123,6	25,2
3. Сочинская	437,6	524,0	86,4	83,6
4. Махачкалинская	1 039,5	1 110,6	71,1	27,3
5. Ростовская	2 211,5	2 260,8	49,3	34,3
6. Ставропольская	900,0	944,7	44,7	32,3
7. Кавминводская	925,8	931,7	5,9	3,9
8. Владикавказская	590,4	579,3	-11,1	-5,1

Составлено по [2; 18]

Основная часть прироста численности населения в Краснодарской, Ростовской, Ставропольской, Сочинской и Кавминводской агломераций была обеспечена за счет городов-ядер, в других — за счет близлежащих к ним городов-спутников и пригородных сельских поселений. Так, в Грозненской и Махачкалинской агломерациях вклад пригородной зоны в прирост населения составил 79,3% и 61,5% соответственно. Значимость пригородных территорий в демографическом развитии существенна и для агломераций с быстрорастущими центральными городами. В пригородах Ростовской агломерации наибольшие темпы роста наблюдались в г. Батайске, Аксайском и Мясниковском районах, в Ставропольской агломерации — в г. Михайловске, а в Кавминводской — в Предгорном районе.

В агломерациях равнинных и приморских территорий (кроме Ростовской) невысокий естественный прирост сочетался с миграционным (Ставропольская, Краснодарская, Кавминводская). Одновременно в агломерациях горной части района (Грозненская, Махачкалинская) рост населения обеспечивался исключительно за счет естественного движения, что могло бы привести и к более заметному увеличению численности населения, но сдерживалось миграционным оттоком. И только во Владикавказской агломерации миграционный отток перекрыл естественный прирост, вследствие чего численность населения сократилась. Противоположная ситуация сложилась в Ростовской агломерации, численность которой росла за счет миграций, в то время как отрицательный естественный прирост этому препятствовал. Вклад миграций в увеличение численности населения заметно выше по сравнению с естественным приростом во всех агломерациях равнинной и приморской территорий, исключение представляет Кавминводская агломерация со слабо выраженной тенденцией роста. Демографическая ситуация здесь развивается по сценарию больше напоминающему агломерации горных территорий (табл. 3).

Таблица 3

**Компоненты прироста населения агломераций Северного Кавказа
в 2012–2018 гг. (тыс. чел.)**

<i>Названия агломераций</i>	<i>Естественный прирост</i>	<i>Миграционный прирост</i>
1. Краснодарская	27,5	156,8
2. Грозненская	128,0	-21,7
3. Сочинская	13,8	47,6
4. Махачкалинская	22,6*	-11,8**
5. Ростовская	-21,3	44,3
6. Ставропольская	11,4***	27,1
7. Кавминводская	3,9	0,9
8. Владикавказская	15,0	-25,7

Составлено по [2]

Знак «-» означает отсутствие данных

** — данные за 2017–2018 гг.*

*** — неполные данные*

**** — без учета данных за 2012–2013 гг. по муниципальным районам*

Внутриагломерационная динамика численности населения достаточно пестра, но имеет свои территориальные особенности. Как уже отмечалось, Грозненская и Махачкалинская агломерации растут за счет естественного прироста на фоне миграционного оттока. Коэффициент естественного прироста в ядре агломерации — Грозном значительно ниже, чем в пригороде и колеблется от 16,8 до 18,5 чел. на 1 000 населения. В пригородах показатели выше, хотя и постепенно сокращаются. Например, в Аргуне было отмечено почти 2-х кратное сокращение коэффициента естественного прироста — с 48,1‰ 2012 г. до 21,7‰ в 2018 г. Из 8 сельских муниципальных районов, входящих в агломерации, только в четырех сохранились высокие показатели естественного прироста — в Гудермесском и Урус-Мартановском (27,1‰ и 21,8‰), в Курчалоевском и Шалинском районах (18,8‰ и 19,5‰). В остальных показатели ниже: в Сунженском — 10,9‰, Ачхой-Мартановском — 12,9‰, Грозненском 14,1‰.

Демографическая ситуация в Махачкалинской агломерации развивается по тому же сценарию. В центральном городе показатели естественного прироста около 8–9‰, не выше они и в городах второго порядка (Каспийске и Буйнакске). В пригородных же сельских муниципальных районах (Кумторкалинский, Буйнакский, Карабудахкентский районы) естественный прирост в 1,5–2 раза выше и составляет 13,2–19,6‰. Т.о., для городских агломераций горных регионов Северного Кавказа симптоматично, что наименьшие показатели естественного прироста отмечаются в городах, в сельской местности они намного выше, хотя постепенно сокращаются и здесь.

В миграционном отношении для большей части России республики Северного Кавказа являются регионами-донорами. Не сокращаются миграционные потери в Махачкалинской и Грозненской агломерациях. Отрицательное сальдо миграции наблюдается почти во всех поселениях, включая ядра. Исключение составляют некоторые пригородные поселения: Каспийск (Махачкала), Аргун, селения Урус-Мартановского района (Грозный), в которых сохраняется невысокий миграционный прирост внутрорегиональной направленности. Максимальный миграционный отток характерен для

периферийных районов. Это Ардонский и Правобережный районы во Владикавказской агломерации, Кумторкалинский и Буйнакский — в Махачкалинской, Курчалоевский — в Грозненской. Наиболее интенсивен миграционный отток из Владикавказской агломерации, в которой поселений с положительным сальдо миграции не осталось.

Рост населения в агломерациях равнинной части Северного Кавказа (Краснодарской, Ставропольской, Ростовской) обеспечивается, преимущественно, за счет положительного сальдо миграции, естественное движение протекает неравномерно и противоречиво.

Самая крупная Ростовская агломерация растет сравнительно медленно. Даже ее центр (единственный на Северном Кавказе город-миллионер) не приобрел метрополитенской притягательности. В первые постсоветские годы население здесь сокращалось, слабый рост начался только с начала второго десятилетия, а более-менее заметное прибавление наблюдается не более пяти последних лет. Естественный прирост отрицательный, а миграционный — слабоположительный. Наиболее трагично демографическая ситуация складывается в самых больших промышленных городах агломерации — Таганроге, Шахтах, Новочеркасске, численность населения которых сокращается. Высокая естественная убыль населения (5–6‰) не покрывается ничтожно малым миграционным приростом. Наиболее привлекательны для мигрантов поселения ближней агломерационной периферии (Батайск, Мясниковский и Аксайский районы), активно застраиваемой многоквартирными жилыми зданиями, обладающие более низкой стоимостью жизни. Здесь максимальные величины миграционного прироста, достигают 20–23‰, а естественный прирост не опускается ниже нуля.

Краснодарская агломерация — безусловный лидер по всем демографическим (и не только) позициям, а Краснодар — самый быстро завоевывающий приоритетные позиции метрополис. На протяжении всего постсоветского периода в Краснодарском крае (как и везде в стране) отмечались депопуляционные процессы, в том числе, в поселениях, втянутых в Краснодарскую агломерацию. Естественная убыль не прекращается и в последние годы. Однако ее показатели не столь критичны (около — 1‰). Максимальны они в поселениях Адыгеи (-4‰). На этом фоне быстро растущий Краснодар с положительным естественным приростом выделялся особенно. В последние годы почти во всех поселениях агломерации сохраняется приток мигрантов. Особенно велики показатели в ближней периферии (Северский, Динской, районы. Горячий Ключ, Тахтамукайский район Республики Адыгея). Но и Краснодар не теряет миграционной привлекательности (миграционный прирост 16,6‰), особенно по сравнению со своими соседями намного ему уступающими: Ставрополь (4,6‰) и Ростов-на-Дону (1,3‰).

Похоже, развивалась и Ставропольская агломерация, численность которой увеличивалась, преимущественно, за счет города-ядра с положительным не только миграционным, но и естественным приростом. Правда, в отличие от своего западного соседа, в отдельных пригородных районах Ставропольской агломерации (Шпаковский, Грачевский районы) естественный прирост также сохранялся. Миграционная привлекательность Ставропольской агломерации значительно ниже. Только поселения ядерной зоны, включая пригородные Шпаковский и Грачевский районы, имеют положительный миграционный баланс,

остальные — теряют население (Кочубеевский, Труновский районы, Изобильненский городской округ, Невинномысск).

Высока демографическая благоприятность Сочинской агломерации, которая растет, как за счет естественного, так и миграционного движения населения. Своеобразно развивается единственная полицентрическая Кавминводская агломерация, включающая три больших (Пятигорск, Кисловодск и Ессентуки), два средних (Георгиевск и Минеральные Воды) и два малых города (Железноводск и Лермонтов). В настоящее время только часть поселений имеет слабоположительное сальдо миграции (Лермонтов, Пятигорск, Ессентуки, Железноводск и Предгорный район), в остальных — преобладает миграционный отток (Кисловодск, Георгиевский, Минераловодские городские округа). Естественный прирост также невелик. Положительных значений он достигает в Кисловодске, Ессентуках, некоторых поселениях Предгорного района. В остальных территориях прослеживается суженное воспроизводство.

Выводы

1. Численность населения в большинстве агломерации Северного Кавказа увеличивается, однако источники роста различны. Наиболее привлекательны в миграционном отношении Краснодарская, Сочинская и Ростовская агломерации, имеющие миграционный прирост во всех трех переселенческих потоках — международном, межрегиональном и внутрирегиональном. Им уступает в этом отношении Ставропольская агломерация, которая растет за счет внутрирегиональных миграций, но теряет — за счет межрегиональных. Агломерации в горной части Северного Кавказа (Махачкалинская и Грозненская) увеличиваются благодаря естественному приросту, перекрывающему пока высокий миграционный отток. Однако нарастание тенденций, связанных с вступлением мажоритарных титульных этносов в следующую фазу демографического, перехода может привести к приостановлению, или даже снижению темпов прироста численности населения, что и наблюдается во Владикавказской агломерации.

2. Достаточно велики внутриагломерационных диспропорции в демографической ситуации. Города-ядра растут, но темпы их роста постепенно снижаются. Наиболее стремительно, практически во всех агломерациях, увеличивается демографический потенциал в поселениях ближней пригородной зоны, где более низкие цены на жилье, социальные услуги, и где проще обустроиться переселенцам. Периферийные поселения находятся в менее выводных условиях. Особенно явна демографическая стагнация в малых, вторых и третьих промышленных городах Ростовской (Таганрог, Шахты и др.) и Ставропольской (Невинномысск) агломераций.

3. Самые перспективные в демографическом отношении — Краснодарская и Сочинская агломерации, возглавляемые активно развивающимися центрами. Успешному демографическому доминированию благоприятствуют расположение в благоприятных природных условиях и сформировавшийся положительный имидж. Все их поселения обладают неплохими демографическими показателями и развиваются достаточно позитивно.

4. Существенно отстает от Сочинской Кавминводская агломерация с низкими темпами прироста численности населения и заметными колебаниями

между разными населенными пунктами. Позиционный фактор (положение между горными и равнинными агломерациями) способствует формированию «промежуточного» демографического сценария и не позволяет наращивать демографический потенциал за счет привлекательной рекреационной специализации

5. Ростовская агломерация заметно проигрывает конкуренцию за демографические ресурсы Краснодарской агломерации.

Примечание: Северный Кавказ в данной работе рассматривается в рамках классической общественно-географической традиции как Северо-Кавказский экономический район и включает Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, Республики Адыгею, Дагестан, Северную-Осетию-Аланию, Чеченскую, Ингушскую, Кабардино-Балкарскую, Карачаево-Черкесскую Республики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-05-00386 А.

Литература

1. Антонов Е. В., Махрова А. Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения наагломерационного уровня в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. №4. С. 31–45.
2. База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (Дата обращения: 28.05.2020 г.).
3. Багомедов М. А. Социально-демографические проблемы развития Махачкалинско-Каспийской агломерации // Вопросы структуризации экономики. 2013. №4.
4. Гайнанов Д. А., Уляева А. Г. Внутрорегиональная миграция как фактор усиления агломерационных процессов // Научное обозрение. 2017. №5.
5. Григоричев К. В. Миграционные процессы в зоне Иркутской агломерации на рубеже XX–XXI вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. №4–1 (72).
6. Естественный прирост населения за год / «Витрина статистических данных» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://showdata.gks.ru/report/297702/> (Дата обращения: 15.06.2020 г.).
7. Зубаревич Н. В. Развитие и конкуренция российских агломераций // Экономическая политика. 2008. №5. С. 15–23.
8. Зубаревич Н. В. Развитие российских агломераций: тенденции, ресурсы и возможности управления // Общественные науки и современность. 2017. № 6. С. 5–21.
9. Каратунов А. В. Управление развитием агломерации Кавказских Минеральных Вод // Вестник экспертного совета. 2015. № 3.
10. Концепция демографического развития города Москвы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alppp.ru/law/konstitucionnyj-stroj/naselenie/10/postanovlenie-pravitelstva-moskvy-ot-28-06-2005--482-pp.pdf> (Дата обращения: 15.06.2020 г.).
11. Коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения / «Витрина статистических данных» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://showdata.gks.ru/report/279008/> (Дата обращения: 15.06.2020 г.).

12. Лаппо Г. М. Агломерации России. Инновационный потенциал страны // Градостроительство, 2011. №1.
13. Лаппо Г. М., Полян П. М., Селиванова Т. И. Агломерации России в XXI веке. Городские агломерации. России // Демоскоп Weekly. 2010. С 407–408.
14. Меринов Ю. Н., Меринова Ю. Ю. Делимитация Ростовской агломерации // Интернет-журнал «Науковедение», 2014. №6.
15. Полян П. М. Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. Ч. 1. М.: ИГАН СССР, 1988.
16. Стешенко В. С. О содержании понятий «демографическое развитие» и «человеческое развитие» тождества и различия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0583/nauka04.php> (Дата обращения: 15.06.2020 г.).
17. Стратегия развития Ставропольского края до 2035 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.giprogor.ru/project/15-2018-02-22-10-29-39/48-2018-02-22-11-42-44>. (Дата обращения: 15.06.2020 г.).
18. Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края на долгосрочный период [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mprkk.ru/media/main/attachment/attach/proekt_strategii.pdf (Дата обращения: 28.05.2020 г.).
19. Три агломерации создадут в Дагестане [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yugsn.ru/tri-agglomeracii-sozdadut-v-dagestane/> (Дата обращения: 28.05.2020 г.).
20. Численность постоянного населения на 1 января / «Витрина статистических данных» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://showdata.gks.ru/report/278928/> (Дата обращения: 28.05.2020 г.).

I. Soloviev¹,
V. Belozеров²,
N. Shchitova³

Demographic development of urban agglomerations of the North Caucasus

North Caucasus Federal University (NCFU), Institute of Mathematics and Natural Sciences, Stavropol, Stavropol Territory, Russian Federation
e-mail: ¹soloivan@mail.ru, ²vsbelozеров@yandex.ru, ³stavgeo@mail.ru

Abstract. *The paper presents the results of the demographic processes and migratory movement analyses study in North Caucasus metropolitan areas. The authors perform an analysis of statistical data and revealed that the population base is growing for most of metropolitan areas but driven by different sources: positive migration balance prevails for plainlike areas while mountainous areas are mostly backed up by natural reproduction. Krasnodar and Sochi areas have the population's most rapid growth. The imbalance of in-metropolitan area demographic development was discovered.*

Keywords: *urban agglomeration, demographic development, demographic, migration processes, the North Caucasus.*

References

1. Antonov E. V., Mahrova A. G. Krupnejshie gorodskie aglomeracii i formy rasseleniya nadaglomeracionnogo urovnya v Rossii // *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 2019. №4. S. 31–45. (in Russian).
2. Baza dannyh pokazatelej municipal'nyh obrazovanij URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (Data obrashcheniya: 28.05.2020 g.). (in Russian).
3. Bagomedov M. A. Social'no-demograficheskie problemy razvitiya Mahachkalinsko-Kaspijskoj aglomeracii // *Voprosy strukturizacii ekonomiki*. 2013. №4. (in Russian).
4. Gajnanov D. A., Ulyaeva A. G. Vnutriregional'naya migraciya kak faktor usileniya aglomeracionnyh processov // *Nauchnoe obozrenie*. 2017. №5. (in Russian).
5. Grigorichev K. V. Migracionnye processy v zone Irkutskoj aglomeracii na rubezhe XX-XXI vv. // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. №4–1 (72). (in Russian).
6. Estestvennyj prirost naseleniya za god / «Vitrina statisticheskikh dannyh». URL: <https://showdata.gks.ru/report/297702/> (data obrashcheniya: 15.06.2020 g.). (in Russian).
7. Zubarevich N. V. Razvitie i konkurenciya rossijskikh aglomeracij // *Ekonomicheskaya politika*. 2008. №5. S. 15–23. (in Russian).
8. Zubarevich N. V. Razvitie rossijskikh aglomeracij: tendencii, resursy i vozmozhnosti upravleniya // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2017. №6. S. 5–21. (in Russian).
9. Karatunov A. V. Upravlenie razvitiem aglomeracii Kavkazskih Mineral'nyh Vod // *Vestnik ekspertnogo soveta*, 2015. №3. (in Russian).
10. koncepciya demograficheskogo razvitiya goroda Moskvy URL: <http://www.alppp.ru/law/konstitucionnyj-stroj/naselenie/10/postanovlenie-pravitelstva-moskvy-ot-28-06-2005--482-pp.pdf> (data obrashcheniya: 15.06.2020 g.). (in Russian).
11. Koefficient migracionnogo prirosta na 10 000 chelovek naseleniya / «Vitrina statisticheskikh dannyh» URL: <https://showdata.gks.ru/report/279008/> (data obrashcheniya: 15.06.2020 g.). (in Russian).
12. Lappo G. M. Aglomeracii Rossii. Innovacionnyj potencial strany // *Gradostroitel'stvo*. 2011. № 1. (in Russian).
13. Lappo G. M., Polyan P. M., Selivanova T. I. Aglomeracii Rossii v XXI veke. Gorodskie aglomeracii. Rossii // *Demoskop Weekly*. 2010. № 407–408. (in Russian).
14. Merinov YU. N., Merinova YU. YU. Delimitaciya Rostovskoj aglomeracii // *Internet-zhurnal «Naukovedenie»* 2014. № 6. (in Russian).
15. Polyan P. M. Metodika vydeleniya i analiza opornogo karkasa rasseleniya. CH. 1. M.: IGAN SSSR, 1988. (in Russian).
16. Steshenko V. S. O soderzhanii ponyatij "demograficheskoe razvitie" i "chelovecheskoe razvitie" tozhdestva i razlichiya URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0583/nauka04.php> (data obrashcheniya: 15.06.2020 g.). (in Russian).
17. Strategiya razvitiya Stavropol'skogo kraja do 2035 g. URL: <http://www.giprogor.ru/project/15-2018-02-22-10-29-39/48-2018-02-22-11-42-44>. (in Russian).

18. Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Krasnodarskogo kraia na dolgo-srochnyj period URL: http://www.mprkk.ru/media/main/attachment/attach/proekt_strategii.pdf (Data obrashcheniya: 28.05.2020 g.). (in Russian).
19. Tri aglomeracii sozdatut v Dagestane URL: <https://yugsn.ru/tri-aglomeracii-sozdatut-v-dagestane/> (Data obrashcheniya: 28.05.2020 g.). (in Russian).
20. CHislennost' postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya / «Vitrina statisticheskikh dannyh» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928/> (Data obrashcheniya: 28.05.2020 g.). (in Russian).

Поступила в редакцию 29.06.2020 г.

УДК 910.3:556(477.75)

Л. М. Соцкова

***Демографические тенденции населения
Краснопереконского района Республики
Крым в условиях детериорантного
природопользования***

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное
подразделение), г. Симферополь, Республика Крым,
Российская Федерация
e-mail: slms2986@mail.ru

Аннотация. Проведен сбор, анализ, систематизация и обобщение статистических, литературных, фондовых материалов и личных полевых исследований об особенностях демографических тенденций, численности и динамики естественного движения населения Краснопереконского района Республики Крым в условиях детериорантного природопользования. Выбор в качестве модельного таксона региона Северного Присивашья обоснован влиянием совмещения здесь с 1980-х годов развития химической промышленности и орошаемого земледелия, проявлением повышенной техногенной нагрузки и последующей резкой интенсивностью деградационных процессов.

Ключевые слова: демография, численность населения, динамика естественного движения населения, детериорантное природопользование.

Введение

Территория Краснопереконского района составляет 1 231 км² и занимает 4,7% от площади Республики Крым. Регион имеет выход к Черному (Каркинитский залив) и Азовскому (Сиваш-Лагуна) морям. Наиболее яркими природными особенностями является наличие группы соленых озер, общая площадь котловин которых составляет 117 км². Регион является своего рода модельной территорией, отражающей важнейшие демографические тенденции населения Крыма в зависимости от типичных характеристик сложившегося природопользования, в свою очередь формирующего сложное взаимодействие экономических, социальных и демографических факторов.

Активное заселение Перекопского Присивашья традиционно связывают с миграцией переселенцев после отмены крепостного права. Именно к этому периоду относят восстановление и застройку сохранившихся и заложение новых поселений — Воинка, Знаменка, Карпова балка, Филатовка. Несмотря на исторические сведения о том, что уже к концу XIX века свободных земель практически не было, необходимо отметить, что, сложившееся природопользование соответствовало природно-ресурсному потенциалу территории. Территориальная дифференциация ресурсов, закономерное сочетание степных и приозерных ландшафтов, садка соли в значительной степени компенсировали исконное маловодье территории. Поэтому даже в начале XX века население традиционно занималось овцеводством, зерноводством и соляным

промыслом. На казенных землях соледобытчиков и сейчас располагаются села Карпова Балка, Почетное, Танковое.

Рост численности населения и, соответственно, трудовых ресурсов обеспечивался за счет, как естественного, так и механического движения. Доля этих составляющих в динамике населения и трудовых ресурсов различалась на протяжении достаточно длительной истории освоения земель региона. Необходимо заметить, что хозяйственная деятельность, с одной стороны, базировалась на использовании местных природных ресурсов, с другой — на активной трансформации их в условиях противодействия природно-ресурсному потенциалу региона.

Материалы и методы

Актуальность исследования состоит в анализе возможного влияния детериорантного природопользования, характеризующегося истощающим влиянием на средообразующие функции природных геосистем, на особенности движения населения в Красноперекопском районе Республики Крым.

В целях формирования банка данных по исследуемой территории использовались следующие материалы: численность населения СССР на 17 января 1939 г. по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам; численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015; 2016; 2017; 2018, 2019 гг.; цифровые модели источников загрязнения атмосферного воздуха и качества внутренних вод; данные полевых исследований на территории Красноперекопского района.

Результаты и обсуждение

Начиная с 1930 годов в силу различных причин, и, прежде всего, индустриализации (функционирование бромного завода), природопользование в исследуемом районе постепенно приобретало характер ресурсопользования, преимущественно сырьевого направления. Достоверные сведения о численности населения приведены в табл.1.

В 1939 г. численность населения современного Красноперекопского района уступала данным за 2019 г на 215 чел. Количественный пик численности населения в 54044 чел приходился на 1970 г. Этот рост связан с развитием химической промышленности и агрокомплекса на основе интенсивного развития водного хозяйства в Красноперекопской и иных северных районах Крыма. Устойчивое функционирование Северо-Крымского канала, стремительное пополнение водного баланса территории, возможность использования огромных масс воды способствовали интенсивному внедрению водоемких технологий. Выбор расположения промышленных площадок и специализации таких предприятий, как ПАО «Крымский содовый завод» и ПАО «Бромный завод» определило наличие сырья в виде рапы Сиваша, вод Северо-Крымского канала и возможности сброса отходов производства в соленые озера.

Естественным образом потребность в трудовых ресурсах инициировала механическое движение населения в районе и его рост за 11 лет (с 1959 по 1970 гг.) более, чем на 200%.

Таблица 1

**Динамика численности населения Краснопереконского района
Республики Крым**

Годы	Численность населения, чел.	Годы	Численность населения, чел.
1939	23 529	2013	29 540
1959	21 986	2014	24 738
1970	54 044	2015	24 787
1979	31 608	2016	24 625
1989	31 177	2017	24 369
2001	31 516	2018	24 053
2009	29 879	2019	23 844

Составлено автором по: [1;2;3;4;5;6].

Именно в этот исторический период формируется детериорантное природопользование в его классическом варианте с антропогенной трансформацией ландшафтов и водных ресурсов территории.

Экологическая безопасность общественного производства определяется видами природопользования как социокультурного процесса пользования природными ресурсами и экологическими средообразующими услугами геосистем, отличающихся пространственным разнообразием. Развитие химического производства, масштабное орошение, строительство ответвлений Северо-Крымского канала и резервов с разными параметрами заметно изменило внешний облик территории и оказало значительное влияние на экологическое состояние территории Краснопереконского района. Регион постепенно преобразовывается в арену проявления острых экологических ситуаций.

С 2014 г. в состав Краснопереконского района входит 38 населенных пунктов. Плотность населения составляет 19,8 чел./км². Современная концентрация населения в целом отражает унаследованное размещение важнейших хозяйственных объектов, особенности процессов распределения и перераспределения населения по территории, функциональные территориальные взаимосвязи населения и как результат — систему сельских поселений.

В настоящее время «пояса» высокой плотности населения в Краснопереконском районе образуют 9 крупнейших и крупных сел, в которых проживают 29 894 чел., в средних — 3 424, а в мелких и мельчайших, соответственно 420 чел.

Особенности территориальной дифференциации размещения населения Краснопереконского района приведены в табл. 2. С 2001 года в Крыму резко сократилось потребление днепровской воды (до 1,1 млрд м³ против 3,0–3,5 млрд м³ в 1980-х годах. В сёлах Магазинка, Почетное, Ильинка, расположенных в наиболее трансформированной части водосборного бассейна Краснопереконских озер, число проживающих снизилось соответственно на 476; 397 и 226 чел.

Наиболее сильные изменения численности населения характерны для автономного типа расселения, характеризующегося отсутствием или слабым развитием межселенных контактов на территории района. В частности, в селе Знаменка число проживающих уменьшилось в 20 раз. В первую очередь это связано с отсутствием свободного доступа к чистой пресной воде и снижению качества параметров окружающей среды.

Таблица 2

Населенные пункты с максимальной и минимальной численностью населения в Краснопереконском районе Республики Крым

Населенный пункт	Муниципальное образование с 2014 года	Население (чел)	
		2018 г.	2001г.
Воинка	Воинское сельское поселение	4 725	4 392
Ишунь	Ишуньское сельское поселение	2 913	2 480
Магазинка	Магазинское сельское поселение	1 168	1 644
Почётное	Почётненское сельское поселение	1 247	1 644
Ильинка	Ильинское сельское поселение	1 140	1 366
Карпова Балка	Филатовское сельское поселение	54	170
Уткино	Вишнёвское сельское поселение	32	78
Смушкино	Красноармейское сельское поселение	17	72
Знаменка	Орловское сельское поселение	3	46

Составлено автором по: [9]

Весьма примечательны данные по состоянию атмосферного воздуха в Краснопереконском районе за 2015 г (рис.1). Например, в воздухе города Краснопереконск отмечалось повышенное среднее содержание по пыли — 2 ПДК; по диоксиду серы — 1,48 ПДК; оксиду углерода — равное ПДК; по диоксиду азота — 1,25 ПДК; по фтористому водороду — 1,2 ПДК; по хлористому водороду — 1,2 ПДК; по аммиаку и серной кислоте — ниже норм ПДК; по формальдегиду — 1,1 ПДК. Максимальные концентрации достигали по пыли — 1,8 ПДК; по диоксиду серы — 1,06 ПДК; оксиду углерода — 1,8 ПДК; по диоксиду азота — 3,05 ПДК; фтористому водороду — 3,2 ПДК; по хлористому водороду — 6,45 ПДК; по формальдегиду — 1,66 ПДК; по аммиаку и серной кислоте — ниже норм ПДК [7]. Причины высоких загрязнений связаны с аварийными ситуациями и выбросами химических предприятий (АФ ООО «Титановые инвестиции», ПАО «Крымский содовый завод», ПАО «Бром»), их нестабильной работой, выбросами автотранспорта.

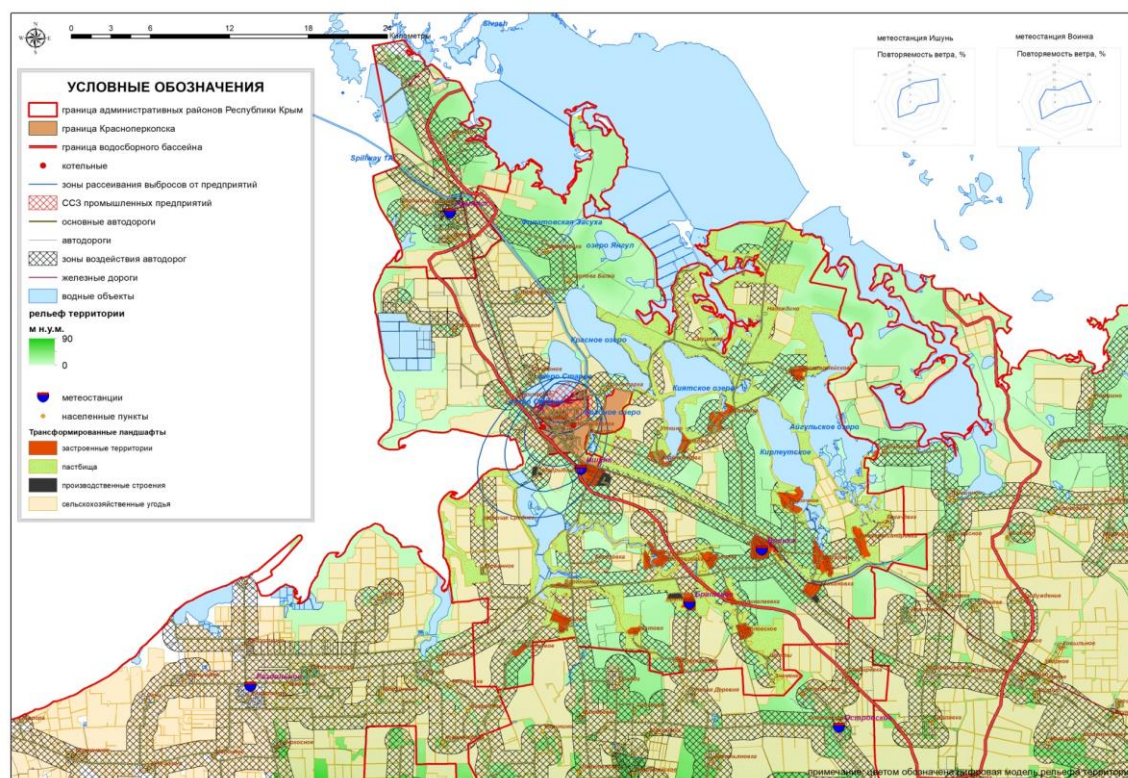

Рис. 1. Источники загрязнения атмосферного воздуха на территории Краснопереконского района Республики Крым
Составлено автором.

Загрязнение почв, почвенных и поверхностных вод в Краснопереконском районе сформировались вследствие комплексного воздействия химических предприятий и орошения. В значительной степени этому содействовал кардинальный перевод озер — Старое, Красное и Кирлеутское — в водоемы-накопители путем расчленения на отдельные субводоемы для сброса в них сточных вод. В частности, отсек — накопитель озера Старое использовался бромным заводом для сброса хлоро- и нитроорганических высокотоксичных загрязнителей. Северный отсек озера Красное десятки лет использовался в качестве отстойника для промышленных сточных вод, а южный — для дренажно-фильтрационных вод с орошаемых земель. Расчленение озер, захоронение в них химических отходов, сброс неочищенных промышленных стоков и дренажно-ирригационных вод, нарушили естественные условия существования озёр и спровоцировали проявление опасных экологических последствий [8].

По результатам отбора проб [9], позволяющих оценить деятельность ООО «Титановые инвестиции» — «Крымский Титан», ПАО «Сивашский анилино-красочный завод», ПАО «Крымский содовый завод», ПАО «Бром», было установлено, что в упомянутых выше озёрах Краснопереконского района продолжает сохраняться ареол загрязнения токсичными металлами. В вертикальном разрезе он охватывает три водоносных горизонта четвертичных, плиоценовых и понт-меотис-сарматских отложений.

В Краснопереконском районе по-прежнему продолжает ухудшаться демографическая ситуация, проявляется системный кризис унаследованного

детериорантного природопользования, а наличествующие тенденции естественного движения населения (табл. 3) представляются важнейшим маркером их проявления.

Таблица 3

Динамика естественного движения населения [10] за 2015-2017 гг.

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Число родившихся на 1 тыс. чел.	13,3	11,8	11,8
Число умерших на 1 тыс. чел.	15,8	14,5	16,3
Естественный прирост, убыль (-) на 1 тыс. чел.	-2,5	-2,7	-4,5
Число прибывших	242	195	186
Число убывших	341	386	393
Миграционный прирост, убыль (-)	-99	-191	-207

Составлено автором по: [9].

Следует признать, что неравномерность и территориальная дифференциация распределения населения Краснопереконского района как непосредственного участника производственной деятельности в качестве трудовых ресурсов тесно связана с формированием окружающей его среды, а также имеет большое социальное, экономическое и экологическое значение.

Выводы

Таким образом, демографические тенденции, отмеченные в населении Краснопереконского района Республики Крым, в условиях детериорантного природопользования определяются в показателях отрицательного естественного прироста и миграционной убыли, и, соответственно, увеличении демографической нагрузки.

Стратегия социально-экономического развития территории Краснопереконского района должна базироваться на выявлении и обосновании оптимальной для каждого сельского поселения структуры экологических (качество атмосферного воздуха, вод и почв) и социальных критериев (сохранение или увеличение занятости населения, обеспечение экономического роста, стабильном водопотреблении, повышении уровня и качества жизни населения, проживающего в сельской местности). Выявление возможностей антропогенного преобразования территории в рамках оптимизационных вариантов, развитие современного природоохранного комплекса являются альтернативой сложившемуся детериорантному природопользованию.

Литература

1. Численность населения СССР на 17 января 1939 г.: по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. М.: Госпланиздат, 1941. 266 с.
2. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.
3. База данных показателей муниципальных образований на 1 января 2016 года [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики.

4. База данных показателей муниципальных образований на 1 января 2017 года [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики.
5. База данных показателей муниципальных образований на 1 января 2018 года [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики.
6. База данных показателей муниципальных образований на 1 января 2019 года [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики.
7. Доклад о состоянии и охране окружающей среды на территории Республики Крым в 2015 году. Симферополь, 2016, 294 с.
8. Соцкова Л. М. Смирнов В. О., Процев А. В., Филь П. П. Проблемы сохранения соленых озер северо-западного и западного побережий Крыма // Ученые записки КФУ, География. Геология Научный журнал. Том 3 (69), С. 234–245.
9. Естественное движение населения по городским округам и муниципальным районам Республики Крым за 2018 год (по данным регистрации органов ЗАГС)

L. M. Sotskova

Demographic trends of the population of the Krasnoperekopsky district of the Republic of Crimea in the conditions of deteriorating nature management

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: slms2986@mail.ru

Abstract. *The collection, analysis, systematization and generalization of statistical, literary, stock materials and personal field research on the features of demographic trends, the number and dynamics of natural movement of the population of the Krasnoperekopsky district in the conditions of determinant nature management. The choice of the Northern Sivash region as a model taxon is justified by the influence of combining the development of the chemical industry and irrigation since the 80th years of the last century, the manifestation of an increased technogenic load and the subsequent sharp intensity of degradation processes.*

Keywords: *Demographics, number, dynamics of natural population movement, determinant nature management.*

References

1. Chislennost` naseleniya SSSR na 17 yanvarya 1939 g.: po rajonam, rajonny`m centram, gorodam, rabochim poselkam i krupny`m sel`skim naselenny`m punktam. M.: Gosplanizdat, 1941. 266 s. (in Russian)
2. Itogi perepisi naseleniya v Krymskom federal'nom okruge / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. M.: IIC «Statistika Rossii», 2015. 279 s. (in Russian)
3. Database of indicators of municipalities na 1 yanvarya 2016 goda: Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm. (in Russian)
4. Database of indicators of municipalities na 1 yanvarya 2017 goda: Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm. (in Russian)

5. Database of indicators of municipalities na 1 yanvary 2018 goda: Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm. (in Russian)
6. Database of indicators of municipalities na 1 yanvary 2019 goda: Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm. (in Russian)
7. Doklad o sostoyanii i ohrane okruzhayushhej sredy` na territorii Respubliki Kry`m v 2015 godu. Simferopol`, 2016, 294 s. (in Russian)
8. Soczkova L. M. Smirnov V. O., Prociv A. V., Fil` P. P. Problemy` soxraneniya soleny`x ozer severo-zapadnogo i zapadnogo poberezhij Kry`ma //Ucheny`e zapiski KFU, Geografiya. Geologiya Nauchny`j zhurnal. Tom 3 (69), S. 234–245. (in Russian)
9. Estestvennoe dvizhenie naseleniya po gorodskim okrugam i municipal`ny`m rajonam Respubliki Kry`m za 2018 god (po dannym registracii organov ZAGS). (in Russian)

Поступила в редакцию 05.07.2020 г.

DOI: 10.37279/2309-7663-2020-6-3-287-293

УДК 528.94:004:004.9:912.43:911:911.3:911.37(470.345)

С. А. Тесленок¹,
М. Ю. Исхакова²

Картографирование пространственно-временной динамики расселения татар на территории Республики Мордовия

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация
e-mail: ¹teslserg@mail.ru ²ishakova.maryam@yandex.ru

Аннотация. *Представлены результаты картографирования пространственно-временных особенностей размещения татарского населения в Республике Мордовия в период с 1959 по 2010 гг. по данным переписей населения. Результатом работы стала серия карт состояния и изменения численности татарского населения Мордовии, полученных на основе применения ГИС-технологий. В частности, в работе представлена одна из них — результирующая, отражающая динамику численности татарского населения в республике.*

Ключевые слова: *ГИС, геоинформационные технологии, ГИС-картографирование, карты, пространственно-временная динамика, татары, татарское население, переписи населения, расселение, Республика Мордовия.*

Введение

В настоящее время проблема изучения систем расселения является одним из важнейших направлений исследования географии населения, т.к. они всегда оказывали и продолжают оказывать большое влияние на состояние и ход многих социально-экономических процессов как в мире в целом, так и в отдельных странах и их регионах.

Систему расселения населения можно охарактеризовать, как сложное явление, которое меняется под воздействием многих факторов, как внешних, так и внутренних. Сейчас в Российской Федерации (РФ) и ее регионах происходят миграционные процессы, активно влияющие на изменение национального состава населения. Татары, как и другие народы, населяющие территорию страны, подчиняются общим законам демографического развития ее населения. Всестороннее рассмотрение данного вопроса позволяет изучить динамику изменения численности татарского населения на территории Республики Мордовия (РМ), а также выявить ряд факторов, способствующих изменениям в системе расселения татарского населения.

В качестве объекта исследования выступает татарское население РМ. Предметом изучения являются теоретические, методические и практические подходы при решении вопросов геоинформационного картографирования региональной динамики расселения татарского населения. *Целью* исследования стало изучение особенностей пространственно-временной динамики расселения татар на территории РМ по итогам Всесоюзных и Всероссийских переписей населения 1959–2010 гг. (далее — переписей) с применением технологий географических информационных систем (ГИС-технологий). В соответствии с

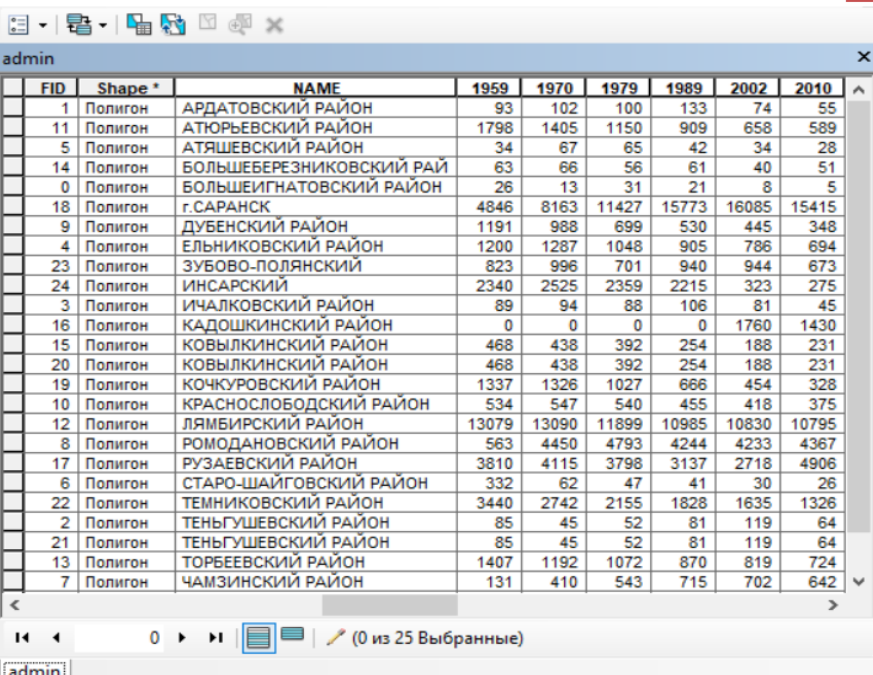
целью исследования были определены такие задачи, как: подготовка исходных статистических, литературных и картографических источников для последующего их использования в проектировании и составлении тематических карт расселения татарского населения; подготовка цифровых карт-основ административно-территориального деления РМ для изучаемого периода; разработка тематической карты, отражающей особенности пространственно-временной динамики численности татарского населения на территории РМ в период с 1959 по 2010 гг. Использование ГИС-технологий для решения указанных задач в целом направлено на картографо-геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий [5; 7].

Материалы и методы

Для обработки наборов векторных, растровых и табличных данных, которые использовались для решения поставленных задач, были использованы возможности программного обеспечения ГИС-пакета ArcGIS 10.0.

Данные переписей населения на территории РМ представлены в ряде статистических источников [например, 8]. Полученная из Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РМ статистическая информация по национальному составу населенных пунктов и муниципальных районов, после ее обработки и анализа была внесена в атрибутивные таблицы базы данных ГИС (рис. 1.).

Таблица

FID	Shape *	NAME	1959	1970	1979	1989	2002	2010
1	Полигон	АРДАТОВСКИЙ РАЙОН	93	102	100	133	74	55
11	Полигон	АТЮРЬЕВСКИЙ РАЙОН	1798	1405	1150	909	658	589
5	Полигон	АТЯШЕВСКИЙ РАЙОН	34	67	65	42	34	28
14	Полигон	БОЛЬШЕБЕРЕЗНИКОВСКИЙ РАЙ	63	66	56	61	40	51
0	Полигон	БОЛЬШЕИГНАТОВСКИЙ РАЙОН	26	13	31	21	8	5
18	Полигон	г.САРАНСК	4846	8163	11427	15773	16085	15415
9	Полигон	ДУБЕНСКИЙ РАЙОН	1191	988	699	530	445	348
4	Полигон	ЕЛЬНИКОВСКИЙ РАЙОН	1200	1287	1048	905	786	694
23	Полигон	ЗУБОВО-ПОЛЯНСКИЙ	823	996	701	940	944	673
24	Полигон	ИНСАРСКИЙ	2340	2525	2359	2215	323	275
3	Полигон	ИЧАЛКОВСКИЙ РАЙОН	89	94	88	106	81	45
16	Полигон	КАДОШКИНСКИЙ РАЙОН	0	0	0	0	1760	1430
15	Полигон	КОВЫЛКИНСКИЙ РАЙОН	468	438	392	254	188	231
20	Полигон	КОВЫЛКИНСКИЙ РАЙОН	468	438	392	254	188	231
19	Полигон	КОЧУРОВСКИЙ РАЙОН	1337	1326	1027	666	454	328
10	Полигон	КРАСНОСЛОБОДСКИЙ РАЙОН	534	547	540	455	418	375
12	Полигон	ЛЯМБИРСКИЙ РАЙОН	13079	13090	11899	10985	10830	10795
8	Полигон	РОМОДАНОВСКИЙ РАЙОН	563	4450	4793	4244	4233	4367
17	Полигон	РУЗАЕВСКИЙ РАЙОН	3810	4115	3798	3137	2718	4906
6	Полигон	СТАРО-ШАЙГОВСКИЙ РАЙОН	332	62	47	41	30	26
22	Полигон	ТЕМНИКОВСКИЙ РАЙОН	3440	2742	2155	1828	1635	1326
2	Полигон	ТЕНЬГУШЕВСКИЙ РАЙОН	85	45	52	81	119	64
21	Полигон	ТЕНЬГУШЕВСКИЙ РАЙОН	85	45	52	81	119	64
13	Полигон	ТОРБЕЕВСКИЙ РАЙОН	1407	1192	1072	870	819	724
7	Полигон	ЧАМЗИНСКИЙ РАЙОН	131	410	543	715	702	642

Рис. 1. Статистические данные в атрибутивной таблице ГИС ArcGIS 10.0

Составлено авторами

В качестве источника цифровой картографической информации был использован исходный набор векторных данных на территорию РМ масштаба 1:200000, созданный на географическом факультете НИ МГУ им. Н. П. Огарева в

рамках формирования региональной ГИС [3]. Из его состава были использованы следующие векторные слои: границ муниципальных районов, гидрографической сети (линейный и полигональный) и населенных пунктов.

С назначением и содержанием проектируемых и создаваемых карт неразрывно связан выбор математической основы, которая в большей степени характеризует полноту картографируемых объектов [1; 2; 9; 10]. Для серии карт была выбрана равноугольная поперечно-цилиндрическая проекция Гаусса-Крюгера и прямоугольная система координат Пулково 1942 г. (СК-42) (рис. 2). Масштаб выбирался, исходя из размера картографируемой территории. С целью отображения всей площади РМ, при одновременном сохранении наглядности и читаемости карты, был выбран масштаб 1:1 400 000.

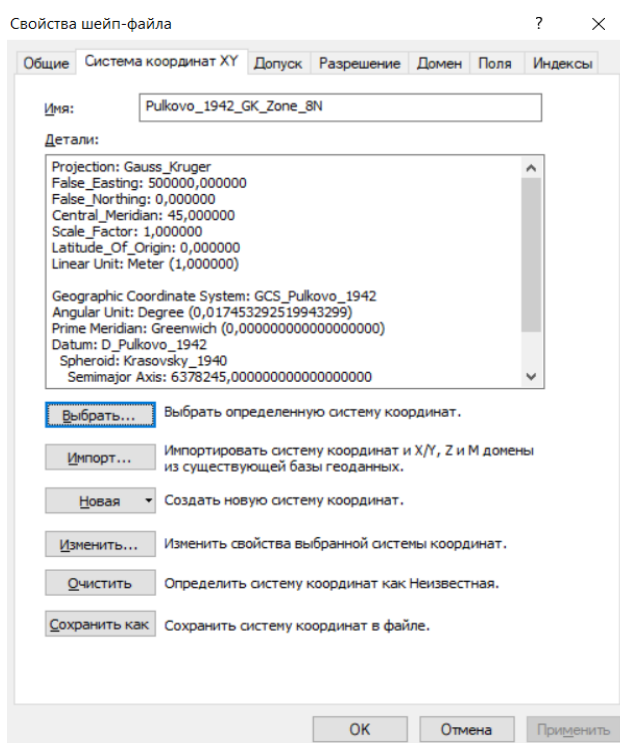

Рис. 2. Окно определения системы координат в ГИС ArcGIS 10.0
Составлено авторами

Системы условных обозначений, применяемые для передачи объектов и явлений, различающихся характером пространственной локализации и размещения, называют способами картографического изображения [1]. Для нашей карты были выбраны и с помощью возможностей целевой ГИС реализованы способы линейных знаков и шкалы условных знаков. Для визуализации на карте характеристик численности татарского населения в РМ за последнюю перепись (2010 г.) была применена условная ступенчатая шкала значков (рис. 3.). Как видим, ступенчатая шкала имеет неравномерные интервалы, что объясняется тем, что татары крайне неравномерно распределены на территории РМ и их численность в значительной степени колеблется по административным районам и отдельным населенным пунктам. Поэтому было необходимо решить задачу выбора ступеней и самих размеров знаков [1; 2; 9; 10], так как человеческий глаз способен нормально различить только 6–8 градаций шкалы.

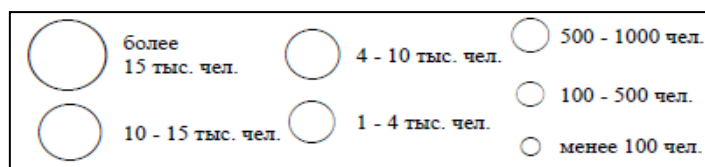

Рис. 3. Условная ступенчатая шкала численности татарского населения на 2010 г.
Составлено авторами

В таблице 1 показана зависимость размеров знаков от численности татарского населения в муниципальных районах республики.

Таблица 1

Размеры знаков численности татарского населения

Численность татарского населения (чел.)	Размер знака (пт)
менее 100	11
100 – 500	16
500 – 1 000	21
1 000 – 4 000	26
4 000 – 10 000	31
10 000 – 15 000	35
более 15 000	44

Составлено авторами

Для того, чтобы передать информацию об изменении численности татарского населения с 1959 по 2010 гг., было решено использовать специально разработанную цветовую шкалу (рис. 4).

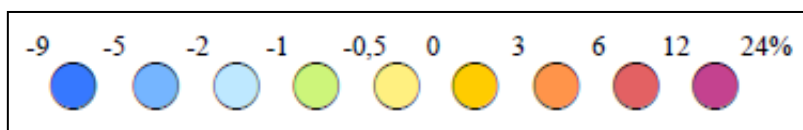

Рис. 4. Представление показателя изменения численности татарского населения с 1959 по 2010 гг. с помощью цветовой шкалы

Составлено авторами

Результаты и обсуждение

Татары по численности занимают второе место в РФ после русских, а в РМ — третье, уступая русским и коренному ее населению — мордве [4]. Данные переписи 2010 г. показали проживание в республике 43 392 человек татарской национальности, или 5,2% от общего количества жителей [4]. Возможности ГИС-технологий позволили провести геоинформационно-картографический анализ данных переписей населения и выявить особенности динамики изменения пространственного размещения и численности татар в РМ. С их использованием, без чего сейчас уже не обходится создание картографических произведений [1–10], была создана карта, наглядно отражающая пространственно-временные особенности изменения численности татарского населения в республике (рис. 5).

Карта визуализирует два основных показателя. Первый — численность татарского населения на момент последней переписи (2010 г.), которая показана условной ступенчатой шкалой, второй — динамика ее изменения за 1959–2010 гг. — способом цветового решения. Основные элементы содержания карты:

административные границы, столица и центры муниципальных районов, элементы гидрографической сети (рис. 5.).

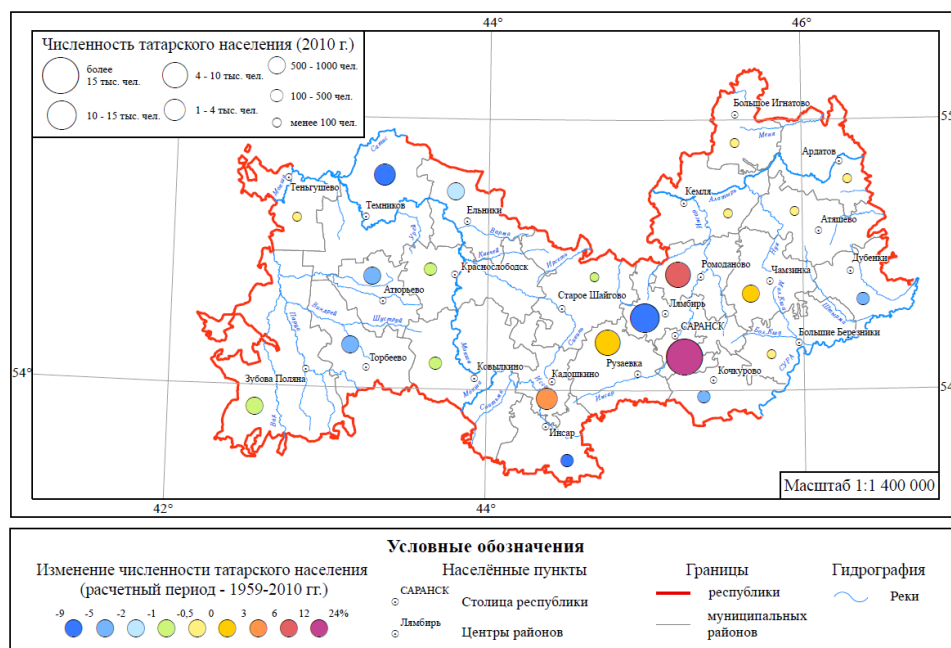

Рис. 5. Динамика численности татарского населения Мордовии в 1959–2010 гг.
Составлено авторами

Привлечение дополнительных литературных источников о татарском населении и других национальностях Мордовии позволяет детализировать результаты пространственно-временного анализа [4]. Например, можно получить сведения о том, каким образом происходило расселение татарского населения по территории республики, в каких ее районах наблюдается его увеличение, а в каких — снижение и т.п. Использование геоинформационных методов картографирования значительно облегчает визуальное восприятие динамики изменения показателя численность населения по административным районам исследуемой территории. Таким образом, есть возможность с их помощью выявить и подтвердить заключения, которые обычным способом сделать было бы весьма затруднительно.

Выводы

Большой объем данных, которые были получены по результатам переписей населения, можно оперативно использовать в ходе разнообразных исследований на основе ГИС и геоинформационных технологий.

В результате выполнения данной работы на основе данных переписей населения была разработана и составлена карта пространственно-временной динамики численности татар на территории РМ (рис. 5.). Данная карта может быть полезна, в первую очередь, при изучении особенностей размещения населения, специфики его расселения по территории и пространственно-временной динамики расселения.

Также она может быть использована в других областях науки и производственно-хозяйственной деятельности. Прежде всего — в исследованиях

сельской местности, особенностей организации сельскохозяйственного производства в местах, как компактного проживания представителей отдельных национальных групп, так и их чересполосного размещения, что очень характерно для территории Мордовии. При этом появляется возможность использования результатов картографирования региональных этнодемографических процессов в практике управления и развития территорий [3–5; 7; 9; 10]. В частности, с учетом особенностей и уровней инновационного развития отдельных регионов и их территорий и специфики распространения инноваций [5; 6] с учетом этнодемографических особенностей населения.

Изучение особенностей расселения татарского населения интересно еще и сточки зрения их взаимосвязи со спецификой пространственно-временной характеристики процессов диффузии инноваций в сельском хозяйстве — их ясно выраженного перемещения от инновационных ядер и субъядер на инновационную субпериферию и периферию, из регионов-доноров в регионы-реципиенты [5; 6]. Особенно четко это выражено в случае главных центров размещения татарского населения в Российской Федерации — республик Татарстан и Башкортостан, входящих в число инновационных ядер и являющихся районами интенсивного земледелия и регионами-донорами инноваций, а так же их столиц (Казани и Уфы), входящих в число крупнейших городов и одновременно – ведущих научно-технических центров страны [5; 6].

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект №19-05-00066).

Литература

1. Берлянт А. М. Картография: учеб. для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 336 с.
2. Воробьев А. Н. Геоинформационное картографирование динамики населения региона: дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2019. 165 с.
3. Тесленок К. С., Создаев А. А., Манухов В. Ф. Геоинформационное картографирование потенциала поля расселения населения Республики Мордовия // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15). Вып. 3. С. 223–230.
4. Тесленок С. А., Макарова К. П. Геоинформационное картографирование расселения народов на территории Республики Мордовия // Современные проблемы территориального развития: электрон. журн. 2017. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://terjournal.ru/2017/id09/>.
5. Тесленок С. А., Калашникова Л. Г. ГИС-картографирование инновационного развития сельского хозяйства России в целях регионального управления // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15). Вып. 3. С. 353–360.
6. Тесленок С. А., Носонов А. М., Тесленок К. С. Геоинформационное моделирование диффузии инноваций // Материалы Междунар. конф. «ИнтерКарто/ИнтерГИС». 2014. № 20. С. 159–169. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.24057/2414-9179-2014-1-20-159-169>.
7. Тикунов В. С., Цапук Д. А. Устойчивое развитие территорий: картографо-геоинформационное обеспечение. М., Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. 176 с.
8. Численность и размещение населения Республики Мордовия (по итогам переписей населения): стат. сб. № 923. Саранск: Мордовиястат, 2012. 77 с.
9. Курач Т. М. Методика картографування динаміки населення // Український географічний журнал. 2001. № 4. С. 29–33.
10. Pribytkova I. Application of Cartographic Modeling as a research method when monitoring the spatial behaviour of population // Социология: теория, методы, маркетинг. 2015. No3. Pp. 153–166.

S. A. Teslenok¹,
M. Yu. Ishakova²

Mapping the spatial and temporal dynamics of the resettlement of Tatars in the Republic of Mordovia

N. P. Ogarev National Research Mordovian State University,
Saransk, Russian Federation
e-mail: ¹teslserg@mail.ru ²ishakova.maryam@yandex.ru

Abstract. *The results of mapping the spatial and temporal features of the Tatar population in the Republic of Mordovia in the period from 1959 to 2010 are presented. Census data was used. The result of the work was a series of maps of the state and changes in the number of the Tatar population of Mordovia, obtained on the basis of GIS-technologies. In particular, the paper presents one of them — the resulting one, which reflects the dynamics of the Tatar population in the Republic.*

Keywords: *GIS, geoinformation technologies, GIS mapping, maps, spatio-temporal dynamics, Tatars, Tatar population, population censuses, resettlement, Republic of Mordovia.*

References

1. Berljant A. M. Kartografija: ucheb. dlja vuzov. M.: Aspekt Press, 2002. 336 s. (in Russian)
2. Vorob'ev A. N. Geoinformacionnoe kartografirovanie dinamiki naselenija regiona: dis. ... kand. geogr. nauk. Irkutsk, 2019. 165 s. (in Russian)
3. Teslenok K. S., Sozdaev A. A., Manuhov V. F. Geoinformacionnoe kartografirovanie potenciala polja rasselenija naselenija Respubliki Mordovija // Geopolitika i jekogeodinamika regionov. 2019. T. 5 (15). Vyp. 3. S. 223–230 (in Russian)
4. Teslenok C. A., Makarova K. P. Geoinformacionnoe kartografirovanie rasseleniya narodov na territorii Respubliki Mordoviya // Sovremennye problemy territorial'nogo razvitiya: elektron. zhurn. 2017. No 2. URL: <https://terjournal.ru/2017/id09/> (in Russian)
5. Teslenok S. A., Kalashnikova L. G. GIS-kartografirovanie innovacionnogo razvitiya sel'skogo hozjajstva Rossii v celjah regional'nogo upravlenija // Geopolitika i jekogeodinamika regionov. 2019. T. 5 (15). Vyp. 3. S. 353–360 (in Russian)
6. Teslenok S. A., Nosonov A. M., Teslenok K. S. Geoinformacionnoe modelirovanie diffuzii innovacij // Materialy Mezhdunar. konf. «InterKarto/InterGIS», 2014. № 20. S. 159–169. URL: <https://doi.org/10.24057/2414-9179-2014-1-20-159-169>.
7. Tikunov V. S., Capuk D. A. Ustojchivoe razvitie territorij: kartografo-geoinformacionnoe obespechenie. M., Smolensk: Izd-vo SGU, 1999. 176 s. (in Russian)
8. CHislennost' i razmeshchenie naseleniya Respubliki Mordoviya (po itogam perepisej naseleniya): stat. sb. № 923. Saransk: Mordoviyastat, 2012. 77 s. (in Russian)
9. Курач Т. М. Методика картографування динаміки населення // Український географічний журнал. 2001. № 4. С. 29–33. (in Ukrainian)
10. Pribytkova I. Application of Cartographic Modeling as a research method when monitoring the spatial behaviour of population // Социология: теория, методы, маркетинг. 2015. No3. Pp. 153–166.

Поступила в редакцию 08.07.2020 г.

УДК 314.9+630*9 (571.63)

А. М. Харитонов

Роль лесного комплекса в занятости населения региона лесоресурсного типа (на примере Приморского края)

ФГБУН «Тихоокеанский институт географии ДВО РАН»,
г. Владивосток, Российская Федерация
e-mail: mavr@tig.dvo.ru

Аннотация. В составе Дальнего Востока Приморский край выделяется сравнительно низкой долей населения, занятого в лесопромышленном комплексе. При этом объемы производства в лесном комплексе в составе обрабатывающих производств уступают только соседнему Хабаровскому краю. А вот доля населения, занятого в лесном комплексе по отдельным муниципальным образованиям, статистикой обычно не выделяется, что искажает его роль для отдельных групп сельского населения, в т.ч. аборигенов края. В работе сделана попытка ликвидации этого пробела.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приморский край, расчетная лесосека, лесная промышленность, занятость населения, сельское население, экспорт древесины, лесозаготовки, численность населения.

Введение

На 164,7 тыс. км² территории Приморского края на начало 2010 г. проживало 1 965 тыс. чел., в т.ч. сельское население составляло 24,6%. В 2019 г. численность населения края снизилась по расчетам до 1 903 тыс., а сельского до 22,6% [1].

Краевая статистика относит к лесоводству и лесопромышленной деятельности в крае труд 14,5 тыс. чел., что составляло порядка 1,5% всех занятых в экономике Приморского края в 2017 и 2018 гг. [7].

По этой и иным причинам в валовом региональном продукте современная доля лесопромышленного комплекса в Приморском крае выглядит незначительной — 1,8% в 2016 и 2017 г. На долю деревообрабатывающих производств приходилось 21% из этого количества. Всего в лесопромышленном комплексе края заняты 10,4 тыс. человек, при этом более 45% работающих в нем трудятся на лесозаготовках.

В 2018 году в Дальневосточном федеральном округе было заготовлено необработанных лесоматериалов 11,9 млн плотных м³ (12,6 млн годом ранее), на Приморский край приходилось 38,6% этого объема. Производство лесоматериалов необработанных в 2017 году в Приморском крае выросло и составило 4 579,2 тыс. плотных м³, что на 5% больше 2016 года и на 20% — 2013 года. В 2018 г. их производство выросло до 4 602,1 тыс. плотных м³.

В 2018 году на лесозаготовительные организации многолесных Тернейского, Дальнереченского, Красноармейского, Чугуевского, Кавалеровского, Пожарского и Партизанского муниципальных районов пришлось более 63% краевого объема заготовленной древесины. Доля древесины в краевом объеме внешнеторгового оборота составила в 2018 г. 6,1%, тогда как в 2017 году — 6,5% (в 2016 — 7,5%). При этом экспорт древесины по сравнению с 2017 г. вырос на 2% [2].

Материалы и методы

Лесная отрасль принадлежит к «старым» отраслям среди обрабатывающих производств. Совсем недавно ее роль была особенно велика для районов нового освоения, где данная отрасль выступала в качестве пионерной и градообразующей для прибывающего сюда будущего населения и последующего экономического развития территории.

В настоящее время потребность в заготовках древесины для промышленных и бытовых нужд внутри страны снизилась, что повлекло за собой и определенную деградацию отрасли в величине объемов производства. При этом налагаемые на лесное хозяйство экологические ограничения скорее способствовали развитию «теневых» производств, чем сохранению биоразнообразия приморских лесов.

При этом на обработку древесины в составе обрабатывающих производств по статистике приходилось в крае 4,7%, тогда как в целом по Дальнему Востоку 3,8%, а в Хабаровском крае — 5,6% [4].

Но даже внутри края наблюдаются по-прежнему существенные различия в величине и доле занятого в лесном комплексе населения. Эти различия краевая статистика на уровне отдельных муниципальных районов не прослеживает должным образом по причине чего общая картина занятости населения в производстве несколько искажается.

Нам представляется необходимым сопоставлять долю официально занятых в лесозаготовках лесного комплекса (45%) с общим количеством сельского населения края. В этом случае величина занятости в лесном комплексе края станет намного больше приводимой в настоящее время официальной статистикой.

Следует учесть и более низкую плотность населения в многолесных районах, по сравнению с остальной территорией Приморского края. Это также повышает роль и значимость лесной отрасли в пределах этих территорий для занятости трудоспособного населения. Ведь в условиях перехода к рынку здесь во многом стало нерентабельным сельское хозяйство и заготовки ряда лесных дикоросов, которые ранее обеспечивали едва ли не полную занятость населения с помощью ряда государственных и кооперативных организаций. Во многом это объясняет современные экологические проблемы лесопользования Приморского края с наличием немалой доли «теневых» лесозаготовок (по оценкам, от одной трети до половины от официально зарегистрированных объемов рубок).

Отметим, что даже в условиях кризисных лет лесной комплекс Приморья испытывал меньшие перепады в объемах производства, чем расположенные в тех же районах горно-обогатительные комбинаты. Последние порой больше простаивали, чем работали, постепенно теряя свою роль одного из ведущих направлений пионерного освоения труднодоступных территорий края.

В последние годы Приморский край достиг заметных успехов в увеличении доли переработанной древесины. Правда, основная доля этой переработки свелась пока к производству полуфабрикатов, к которым относят технологическую щепу, шпон и т.п. производства. Тем не менее, это позволило поднять выручку от продажи лесного сырья на экспорт. Ведь запасы древесины в крае исчерпываются. Косвенным подтверждением этому служит значительное снижение величины расчетной лесосеки по краю. В начале 1990-х годов она планировалась в 14,5 млн м³, а на 1.01.2017 г. оценивалась только в 7,4 млн м³ (в т.ч. по хвойному хозяйству — 4,5 млн м³).

Ежегодный объем официальных лесозаготовок в Приморье достигает 4,5 млн м³, из них на переработку древесины направляется до 2 млн м³ (около 50%) заготовленного древесного сырья. До 65% продукции деревопереработки отправляется на экспорт в Японию, Китай и Республику Корея.

Фактический объем лесозаготовок даже по официальным данным должен быть значительно выше, т.к. в объемы заготовленной древесины не включается древесина от рубок ухода (порядка 1 млн м³ за год). Кроме того древесина заготавливается и в ходе прочих рубок при строительстве ряда народнохозяйственных объектов в лесах края. До последних лет это была порой не менее и даже более качественная древесина, чем заготовленная в процессе промышленных рубок. Однако учет использования древесины от рубок ухода и прочих обычно статистикой не велся, что позволяет вести подобные рубки почти бесконтрольно, порой вырубая достаточно ценные массивы даже запрещенного в рубку кедра.

Только к 2017 г. в крае были завершены три крупных проекта по переработке древесины. Так, в поселке Пластун введены мощности по производству 150 тыс. м³ пиломатериалов и 229 тыс. м³ шпона. ООО «Приморсклеспром» ввело в эксплуатацию мощности по производству 130 тыс. м³ пиломатериалов и 50 тыс. м³ клееного бруса. В ближайшей перспективе планируется осуществить еще 6 инвестиционных проектов, в т.ч. деревоперерабатывающий комплекс в Пограничном районе, который один должен был обеспечить 500 рабочих мест [3].

Формально к лесному комплексу следует также причислять и население, занятое обслуживанием охотничьего промысла и любительской охоты. В этой отрасли в крае занято порядка 500 чел. ежегодно [5], не считая собственно охотников-любителей, что для сельского населения достаточно весомый показатель. При этом охотничьи хозяйства 96 из 98 охотпользователей полностью или частично расположены на землях лесного фонда. А вот показатель общей доступности охотугодий в крае составляет только 6,5% при норме в 20%.

Для определения роли лесного комплекса как системообразующей отрасли в экономике отдельных районов Приморья необходимо сопоставить его долю с удельным весом иных производств на территории исследуемых районов. Однако подобные подсчеты современная статистика, как правило, не предусматривает, и нам придется судить о роли лесного комплекса по косвенным показателям еще советской эпохи (табл. 1).

Доля сельского хозяйства в занятости населения многолесных районов Приморского края не очень высока и может не учитываться при подсчетах. Единственной конкурирующей сферой производства может служить горнодобывающая промышленность, но в последние годы объемы производства в ней подвержены сильным колебаниям за исключением добычи угля (здесь важен Пожарский район с Бикинским месторождением).

Наиболее высока доля лесного комплекса в районном производстве Тернейского района (северо-восток края). Высокой долей лесозаготовок характеризуется также территория Чугуевского района, леса которого уже в достаточно высокой степени истощены прежними рубками, но еще сохраняют прежний облик. А вот Анучинский район резко сократил и продолжает сокращать объемы лесозаготовок, по сравнению с прежними периодами. Его территория уже несколько раз пройдена рубками, хотя по-прежнему величина использования расчетной лесосеки в этом районе одна из максимальных по краю.

Кавалеровский, Красноармейский, Дальнегорский районы имели на своей территории горнодобывающие производства, которые могли бы составлять конкуренцию лесным. Правда, кроме Дальнегорского района, они в настоящий момент не работают. Дальнереченский район обладает крупными запасами древесины и рядом деревообрабатывающих предприятий, хотя производство продукции на последних и снизилось, по сравнению с дорыночной эпохой.

Таблица 1.

**Доля лесной и деревообрабатывающей отрасли по некоторым районам и городам Приморского края в 1988 г.
(в % от объема выпускаемой продукции)**

Районы, города	Лесная и деревообрабатывающая промышленность
Анучинский	90,9
Дальнереченский	100
Кавалеровский	19,3
Кировский	16,9
Красноармейский	2,7
Партизанский	26,3
Тернейский	89,7
Чугуевский	53,9
Артем	8,4
Дальнереченск	72,4
Лесозаводск	66,4

Составлено по материалам Госкомстата Приморского края 1989 г. и [6, с.133].

Результаты и обсуждение

Современное влияние лесного комплекса на занятость населения в Приморском крае, рассчитанное с учетом его доли в объемах выпускаемой по районам края промышленной продукции, охарактеризовано на рис. 1. В целом отраслевая структура промышленности края в период установления рыночных отношений не слишком сильно изменилась. Это позволило нам частично использовать данные об этой структуре за прошедший 30-летний период.

Заметим, что методика подсчета доли лесной промышленности в советской и современной российской статистике различны. По этой причине доля лесного комплекса Приморья в советской статистике значительно выше, чем в настоящее время. Современная российская статистика не учитывает «теневые» заготовки, доля которых по некоторым оценкам составляет в крае от одной трети до половины лесозаготовок.

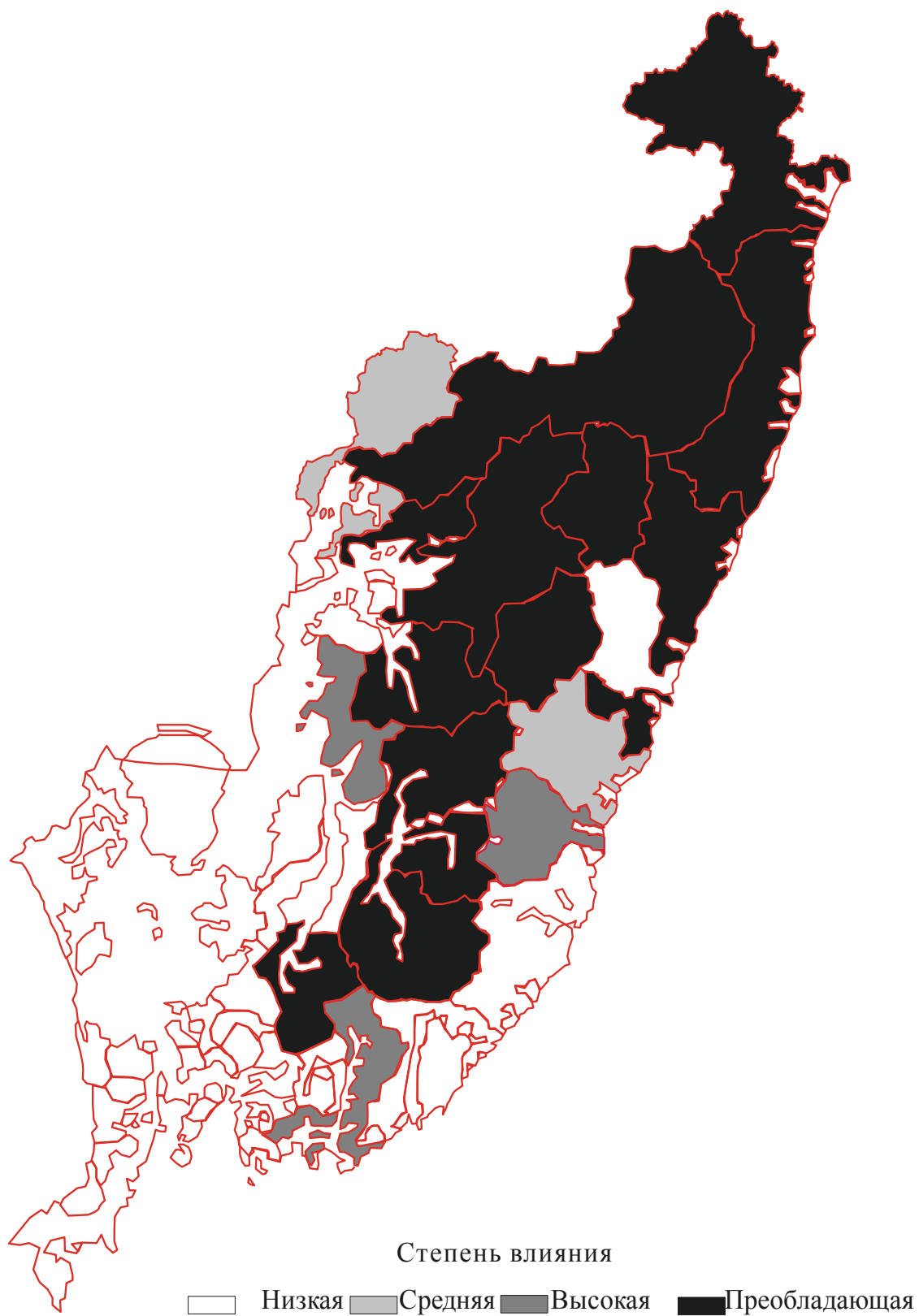

Рис.1. Влияние лесного комплекса на занятость населения в Приморском крае.

Полученные нами результаты подтверждают мысль о том, что и в условиях рынка лесной комплекс в Приморском крае способен предоставить работу значительной части сельского населения. Лесозаготовительные предприятия комплекса оказались более устойчивы к процессам рыночной трансформации, по сравнению с горнодобывающими.

Именно лесная отрасль обеспечивает выживание сельской глубинки Приморья, особенно в таежных районах края, хотя уровень оплаты труда в этой отрасли составлял лишь 80% от среднекраевой в 2018 г. (на лесозаготовках зарплата в среднем на 30% выше). На деревообрабатывающих предприятиях уровень зарплаты ниже на треть, а в производстве бумажных изделий — на четверть, по сравнению со средним по отрасли.

Работа в лесном комплексе достаточно опасна — несчастные случаи на производстве не так уж редки, в т. ч. и со смертельными исходами. А деятельность деревообрабатывающих предприятий, в частности мебельных производств, менее устойчива к кризисным явлениям, т. к. в большой степени зависит от спроса со стороны не слишком богатого местного населения.

Однако с учетом «теневых лесозаготовок» можно утверждать, что в настоящее время лесной комплекс Приморья не только достиг уровня производства советских времен, но и значительно его превзошел. Последнее крайне отрицательно сказывается на экологическом состоянии лесов края. Появившиеся предположения экологов об исчезновении наиболее доступных среди них в течение ближайших 5–7 лет, к сожалению, не лишены оснований. Более полное представление о состоянии лесного хозяйства Приморья может дать анализ лесоустройства края, который не проводился уже несколько лет из-за перевода финансирования этой процедуры в расходы местного бюджета.

Остается лишь надеяться на то, что аборигенное население Приморского края не позволит окончательно исчезнуть последним массивам кедровников в его северо-восточных районах, жизненно необходимых для поддержания его традиционного землепользования. Известно, что в «лихие» 1990-е годы жители северо-востока Приморья были готовы применить охотничье оружие против нелегальных лесозаготовителей, вплотную подобравшихся к ныне заповедным кедровым массивам.

Результаты исследований, представленные в статье, получены в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (тема «Географические и геополитические факторы в инерционности, динамике и развитии разноранговых территориальных структур хозяйства и расселения населения Тихоокеанской России», №АААА-А16-116110810013-5. Раздел 1).

Литература

1. Демографический ежегодник Приморского края: Статистический сборник / Приморскстат, 2019. 90 с.
2. Лесопромышленный комплекс Приморья: Сборник с аналитической запиской / Приморскстат, 2019. 32 с.
3. Лесной план Приморского края. Т. 1. Владивосток, 2018. 169 с.

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.
5. Сельское и лесное хозяйство Приморского края. Статистический сборник / Приморскстат. 2019. 98 с.
6. Стратегия территориальной организации хозяйства Приморского края. Владивосток: ДВО АН СССР, 1991. 260с.
7. Труд и занятость населения в Приморском крае: Сборник / Приморскстат, 2019. 100 с.

A. M. Kharitonov

The role of the forest complex in the employment of the population of the region of forest resource type (on the example of the Primorsky Krai)

Pacific Geographical Institute of the FAR Eastern Branch of
the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russian Federation
e-mail: mavr@tigdvo.ru

Abstract. *As part of the Far East, Primorsky Krai is distinguished by a relatively low share of the population employed in the timber industry. At the same time, the volume of production in the forest complex as part of manufacturing industries is second only to the neighboring Khabarovsk territory. But the share of the population employed in the forest complex for individual municipalities is usually not allocated by statistics, which distorts its role for certain groups of the rural population, including the natives of the region. We will try to partially fill this gap.*

Keywords: *the Far East, Primorsky Krai, the settlement cutting area, forest industry, employment, rural population, a timber export, logging, population.*

References

1. Demograficheskij ezhegodnik Primorskogo kraja: Statisticheskij sbornik/ Primorskstat, 2019. 90 с. (in Russian)
2. Lesopromyshlennyj kompleks Primor'ya: Sbornik s analiticheskoy zapiskoj / Primorskstat, 2019. 32 s. (in Russian)
3. Lesnoj plan Primorskogo kraja. T.1. Vladivostok, 2018. 169 s. (in Russian)
4. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2018: Stat. sb. / Rosstat. M., 2018. 1162 s. (in Russian)
5. Sel'skoe i lesnoe hozyajstvo Primorskogo kraja. Statisticheskij sbornik/ Primorskstat. 2019. 98 s. (in Russian)
6. Strategiya territorial'noj organizacii hozyajstva Primorskogo kraja. Vladivostok: DVO AN SSSR, 1991. 260s. (in Russian)
7. Trud i zanyatost' naseleniya v Primorskom krae: Sbornik/ Primorskstat, 2019. 100 s. (in Russian)

Поступила в редакцию 08.07.2020 г.

УДК УДК 911.3-027.21 [911.3:316]-027.21

А. Б. Швец¹,
К. Ю. Сикач²

Новая реальность этнического пространства в российском Крыму

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: ¹fusion10@mail.ru, ²sikach89@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются географические особенности этнического пространства Крыма на современном этапе его развития. Изменение государственной принадлежности Крыма в 2014 году повлияло на характер этнических процессов в его населении. Новая этническая реальность сформирована рубежным цивилизационным и геополитическим положением Крымского полуострова. Влияние этой рубежности нашло отражение в сужении полиэтничности Крыма, особенно в городских поселениях, изменении соотношения основных славянских этносов (русских и украинцев), уменьшении удельного веса крымско-татарского населения, дальнейшем снижении численности малых этносов Крыма.

Ключевые слова: этническое пространство, этносы, Крым, Республика Крым, город Севастополь.

Введение

Этническое пространство Крыма — это сложная динамично изменяющаяся в пространстве и времени система, сформированная многочисленными этносами полуострова и влияющая практически на все сферы жизни в его пределах.

Судьбоносные геополитические трансформации 2014 года сформировали предпосылки для изменения динамики и территориальных особенностей этнической системы Крыма. Общей характеристикой этих изменений можно считать усиление влияния на этнические процессы рубежного положения Крымского полуострова на геополитической периферии Черноморского сектора Евразии.

Особенно ярко влияние порубежья проявлено в поле этнического взаимодействия доминирующих в Крыму славяно-тюркских этносов. Для большинства славян современная геополитическая рубежность полуострова получила тренд воссоединения с пространством «Большой Родины» — Россией. Маркером этого тренда стало позитивное увеличение численности русских в этнической системе Крыма. Украинская часть славянского этнического блока в Крыму проявила тренд сокращения численности, связанный со сменой идентичности и незначительным возвращением на Украину. Тюркский этнос Крыма, представленный в основном крымскими татарами, находится в состоянии интеграции в российскую систему государственных ценностей, сохраняя востребованным ментальный конструкт о нереализованном проекте создания в Крыму национальной автономии.

Целью работы стало выявление влияния новой геополитической рубежности Крыма на формирование его этнического пространства.

Материалы и методы

В работе введено понятие «этническое пространство», что обусловлено поливариантностью изучения этноса. Этнос является объектом исследования для многих наук и научных дисциплин, среди которых хотелось бы выделить этнокультурную географию, где были разработаны концепции геоэтнокультурных систем и этноконтактных зон. В этой области знания А. Г. Дружинин и С. Я. Суций ввели в научный оборот понятие *геоэтнокультурная система* (ГЭКС), под которой понимается территориальная целостность, локализованная в пределах определенного ареала и формируемая взаимодействием этнических общностей, антропогенезированных природных комплексов (ландшафтов) и особых форм пространственной организации общества (территориальных общественных систем) в процессе природопользования [4]. Крымский полуостров является одной из модельных территориями, где сформировалась динамичная многокомпонентная ГЭКС, которая требует непрерывного исследования и наблюдения.

Географические особенности этнического пространства Крыма рассматриваются в многочисленных работах географов А. Б. Швеца, А. Г. Шевчука, А. Н. Яковлева и других исследователей [9; 10; 11; 12]. После возвращения Крыма в состав России и проведения переписи населения в 2014 году внимание на этнические процессы в Крыму обратили исследователи Института этнологии и антропологии РАН [13; 15].

В работе применена методология системно-структурного изучения сложных географических явлений, а также методика их статистико-математической и картографической интерпретации. Большая часть статистических данных в работе получена по материалам переписей 1989, 2001 и 2014 гг. и более ранних периодов, что позволило использовать методику выявления временных срезов в процессе современной трансформации этнических процессов в Крыму.

Регионом исследования являются территории Республики Крым и г. Севастополь.

Результаты и обсуждение

В процессе демографического старения и депопуляции общая численность населения Крыма сократилось с 2001 г. на 5,8%, а среди лиц, указавших свою национальную принадлежность на 8,1%. По итогам переписи 2014 года 14 тысяч опрошенных отказались указывать свою национальную принадлежность. За счет миграционной активности к началу 2020 года численность населения Крыма выросла на 3,3%, более точно оценить этнический состав мигрантов дадут итоги предстоящей переписи 2020 года. Таким образом, влияние фактора естественной убыли населения не изменилось в момент появления новой геополитической рубежности Крыма — его население сокращалось и этот процесс не компенсировался миграционным приростом в течение всех пяти лет нахождения Крыма в составе Российской Федерации. Исключением из общей ситуации стал город федерального значения Севастополь. Всё время пребывания его в составе России город демонстрирует устойчивый рост населения.

В настоящее время этническое пространство Крыма формируют более 120 этносов. Среди них выделяются четыре доминирующих этнических группы: русские, украинцы, крымские татары и татары (последняя группа сформирована не только этническими, но и крымскими татарами, назвавшими себя во время переписи 2014 года «татарами»). Вместе перечисленные выше этносы составляют 96,2% общей численности населения Крыма, указавшего свою национальную принадлежность [5]. Подобное соотношение доминирующих этнических групп характерно практически для всех муниципальных районов и городских округов полуострова. Иные этносы Крыма составляют 3,8%, в числе которых наиболее многочисленны белорусы (1%) и армяне (0,5%) (рис.1).

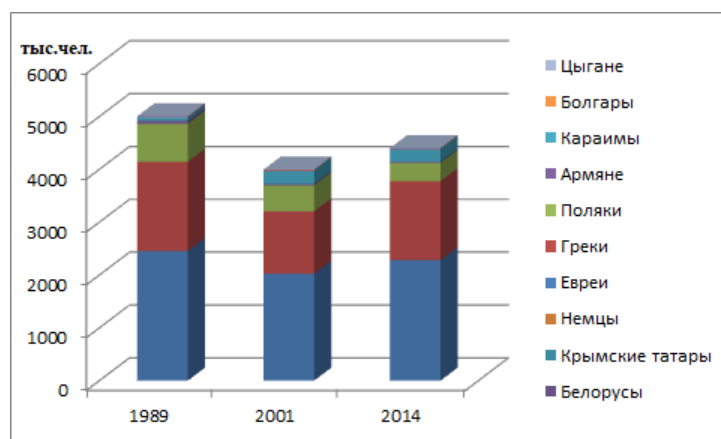

Рис.1. Динамика численности крымских татар и малых этносов Крыма 198–2014 гг. (тыс. чел.)

Составлено авторами по: [5; 8].

Проведенная в 2014 г. перепись населения в Крымском федеральном округе во многом подтвердила наше представление о влиянии новой геополитической рубежности полуострова на процессы в его этническом пространстве, хотя становление этой рубежности ещё не завершено.

Во-первых, численность русских в этническом пространстве Крыма находилась и до событий 2014 г. в состоянии постоянного изменения, что могло быть связано и с наличием двойной идентичности у многих граждан, и с внутренними миграциями. Так значительное уменьшение числа русских в 2001 г. (на 11%), по сравнению с 1989 г., сменилось ростом их численности в 2014 г. Последняя перепись населения зафиксировала в Крыму 67,9%, русских (Республика Крым — 65,2%, Севастополь — 81,1%) и 15,7% украинцев. Среди административных единиц Крыма наибольший процент в структуре населения русские составляли в г. Керчь (87,3%) и г. Севастополь (81,1%). В пространственной структуре населения Крыма численность русских увеличивалась с севера на юг, при этом русские значительно преобладали в приморских городах и столице Республики Крым. В 2001 г. доля украинского этноса в Крыму была выше на 8,4%. Число украинцев снизилось в Республике Крым на 41%, а в г. Севастополь — на 37%. Сокращение численности украинцев отмечено во всех муниципальных образованиях Крыма. География расселения украинцев по результатам переписи 2014 года не изменилась. Большинство представителей этого этноса проживает в приграничных с Украиной районах:

Красноперекопском и Раздольненском, а также в городах Армянск и Красноперекопск. В перечисленных административных единицах доля украинцев в структуре населения составляет 29–30%, а в соседних Черноморском и Джанкойском районах — 20%. География расселения украинцев в Крыму обратна рисунку размещения русских: их численность уменьшается с севера на юг полуострова.

Уже в 2017 г. по результатам опроса Центра восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) этническими русскими себя считали 67,8% крымчан, а украинцами — только 7,5%. [16]. Сокращение численности украинцев Крыма, связанное в основном со сменой их этнической идентичности, после событий 2014 года дополнялась эмиграцией на Украину. В условиях информационного противостояния России и Украины сложно определить истинную величину этой миграционной волны. Официальная информация по количеству выехавших на Украину жителей Крыма была озвучена Председателем Государственного совета Республики Крым В. А. Константиновым в ноябре 2019 года [17]. Из неё следовало, что из 87 тыс. человек, покинувших Крым за пятилетие его вхождения в Российскую Федерацию, только 7 тысяч переехали на постоянное место жительства на Украину, остальные 80 тысяч — в регионы России. На Украине количество переселенцев из Крыма или «внутренне перемещённых лиц» оценивают за истекшее пятилетие примерно в 5,8 раз больше. В Министерстве социальной политики Украины на официальном учёте состоит 1,4 млн внутренне перемещённых лиц, из них в 2019 году выходцы из Крыма составляли 40,7 тыс. человек или 2,8% [18].

Во-вторых, репатриация крымских татар и других депортированных народов, повлекла значительные изменения в этническом пространстве Крыма. Произошло восполнение утраченной в период депортации этнической мозаичности полуострова. Перепись населения 2014 года зафиксировала 10,6% крымских татар в общей численности населения полуострова, указавшего свою национальную принадлежность. По сравнению с 2001 г., этот этнос сократил свою численность в указанном сегменте населения на 5,3% (в Республике Крым уменьшение на 5,7%, в г. Севастополь увеличение в 1,5 раза). При этом в общей численности населения Крыма доля крымских татар выросла на 0,3%. Перепись 2014 г. показала, что в Крыму в 3,3 раза, по сравнению с 2001 г., увеличилось число лиц, назвавших себя «татарами» (в Республике Крым в 3,8 раза, в г. Севастополь на 9,2%). В составе этой этнической группы насчитывается более 20 тыс. чел., местом рождения которых является Узбекистан.

Результаты опроса, упоминавшегося выше Центра восточноевропейских и международных исследований (ZOiS), показали, что в 2017 году крымскими татарами себя считали уже почти 12% жителей Крыма. Это косвенно подтверждает наше предположение о том, что и в этой этнической группе, подобно славянской, идентичность проявляется ситуативно. Однако рост самосознания среди крымских татар свидетельствует о сохранении у них потенциала не только этнической, но и гражданской идентичности, подпитываемый идеей о нереализованном национальном самоопределении, которое они надеялись осуществить в составе Украины. Гражданская идентичность крымских татар в российском Крыму существует на двух уровнях: формальном как лояльность российскому государству и реальном как эмоциональная память об украинском государстве, первым принявшем на себя проблему их обустройства в процессе репатриации.

Крымские татары расселены по территории Крыма весьма неравномерно (рис. 2). Как в 2001, так и в 2014 году наблюдалось увеличение доли крымских татар в общей структуре населения сельской местности. В городских округах Крыма широкая представленность крымско-татарского этноса отсутствует. В городах Керчь и Севастополь последняя перепись зафиксировала минимальные показатели удельного веса данного этноса в структуре населения. Лишь г. Судак можно назвать городской территорией с высокой концентрацией крымско-татарского населения. Среди муниципальных районов Крыма высокий удельный вес крымских татар отмечен в Белогорском и Кировском районах. Здесь этот этнос составляет почти треть населения. И тенденция увеличения численности крымских татар в этих муниципальных единицах стойко сохраняется.

В некоторых муниципальных районах крымские татары стали вторым по численности этносом. В число этих территорий вошли: городской округ Судак и Бахчисарайский, Белогорский, Кировский, Красногвардейский, Симферопольский и Советский муниципальные районы. Причем, несмотря на уменьшение численности крымских татар в других районах Крыма, в перечисленных выше территориях, по сравнению с 2001 годом, удельный вес и общее количество крымских татар постоянно увеличивалось. В пределах указанных районов Крыма сформировался ареал устойчивого роста территориального присутствия тюркского компонента [10]. Данные регионы также отличаются высоким значением индекса полиэтничности.

Происходит миграция крымских татар, в особенности молодого поколения, за пределы Крымского полуострова. Политизированность этой проблемы не позволяет подсчитать масштабы современной крымско-татарской миграции на Украину и в Турцию. Вместе с тем, имеются свидетельства крымских политиков, утверждавших в 2015 году, что «массового оттока татар из Крыма нет», а также заявления украинских политиков о том, что после референдума 2014 года Крым покинуло 7–8 тыс. татар [19].

В-третьих, все малые народы Крыма, в той или иной степени, испытывают процесс ассимиляции. Статистически отмечается ускорение процесса ассимиляции и старение караимов и крымчаков. Ассимиляционные процессы затронули крымских греков, немногочисленных немцев, болгар, белорусов, поляков. Представители этих малых этносов не указывают свой язык как родной, чаще относят себя к русскоговорящим, утрачивая этническую самобытность.

Третий по численности славянский этнос Крыма — белорусы, составляющий в структуре населения по результатам переписи 2014 года около 1%, не имеет четко выраженных территориальных закономерностей размещения. С 1989 года происходит сокращение удельного веса данного этноса в общей структуре населения. В целом по Республике Крым он составил в 2014 году 0,9%.

Единственным малым этносом Крыма, численность представителей которого увеличивалась либо оставалась стабильной, стали армяне. Армянский этнос проживает в Крыму на протяжении многих столетий. Несмотря на свою малочисленность и сложные испытания он демонстрирует этническую устойчивость к ассимиляции. Чаще всего армяне Крыма компактно расселяются в городах. Наибольшие по численности армянскими общинами находятся в Симферополе, Ялте, Феодосии и Евпатории. В сельской местности расселение армянского этноса не имеет четко выраженных ареалов и центров локализации.

Еврейский этнос, составлявший в прошедшем двадцатилетии значительную долю в структуре населения Крыма, в настоящее время крайне малочисленен и расселён в основном по городам. В целом по Крыму удельный вес евреев составляет 0,13%.

В северных районах Крыма отмечаются места компактного проживания цыган. В структуре населения Джанкойского городского округа, Краснопереконского и Красногвардейского муниципальных районов цыгане составляют более 1%. Одна из причин локализации цыганского населения в означенных выше территориях заключена в их близости к объектам транспортной инфраструктуры. В городском округе Армянска транспортный фактор повлиял на появление в его населении турок и молдаван.

В аграрных районах Крыма — Джанкойском, Советском, Кировском, Красногвардейском, Раздольненском — в этническом пространстве присутствуют корейцы, что определяется их широкой занятостью в различных сферах сельскохозяйственного труда. Привлекательность почвенного покрова в предгорном и степном Крыму стала историко-географическим фактором появления и развития в этих регионах сельского хозяйства, которое организовали в начале XIX в. переселенцы из Германии, Швейцарии, Болгарии. В настоящее время крымские немцы, швейцарцы и болгары практически не представлены в структуре населения Крыма, составляя в ней менее 0,1%.

В некоторых городах Крыма присутствуют немногочисленные азербайджанские и молдавские общины.

Интересным фактом, зафиксированным переписью 2014 года, стало появление в этническом пространстве Крыма узбеков (около 0,3%). Показатель численности узбеков коррелирует с количеством крымских татар. Возможно, длительное пребывание крымско-татарского этноса в Средней Азии привело к его некоторой ассимиляции и создало трудности в самоопределении после возвращения в Крым.

В Нижнегорском, Кировском и Белогорском муниципальных районах сохранились греческие общины.

Согласно переписи 2014 г. в Крыму по-прежнему сохраняются этнические сообщества таких малых народов, как караимы (535 чел.) и крымчаки (228 чел.), проживающие преимущественно в крупных городах полуострова.

Этническое пространство Крымского полуострова интегрирует общность языка межэтнической коммуникации. В общем количестве учтенного населения Крыма перепись 2014 г. зафиксировала 2,26 млн чел., владеющих русским языком, что составило 98,9%. Вне зависимости от национальной принадлежности своим родным языком назвали русский — 1,84 млн чел. или 84,1%. Родным русский язык является для 99,8% русских, 79,7% украинцев, 91,1% белорусов, 97,7% евреев, 95% крымчаков, 94% караимов, 92% немцев, 86% поляков, 83% греков, 81% болгар, 73% молдаван. Среди армян русский язык назвали родным 47%, а также 37% цыган, 32% азербайджанцев, 8,7% крымских татар и татар. В остальных случаях представители перечисленных народов родным языком указывали язык своего этноса [13].

Немаловажным вопросом в исследовании этнического пространства Крыма является выявление особенностей контактности и концентрации этносов в пределах различных муниципальных образований. По материалам Всеукраинской переписи населения 2001 года А. Б. Шве́ц и А. Г. Шевчук, выделили на

территории Крыма четыре группы районов. Они отличались друг от друга степенью концентрации (мозаичности) различных этносов: «районы слабой смешанности населения» ($P_j < 0,4$); «средней смешанности населения» ($0,4 < P_j < 0,6$), «с сильно смешанным населением» ($0,6 < P_j < 0,7$) и районы со «сверхсмешанным населением» ($P_j > 0,7$) [9; 12]. Перепись населения Крыма 2014 года внесла некоторые коррективы в территориальные особенности этнической мозаичности полуострова (табл. 1).

Таблица 1

**Территориальные изменения в этнической мозаичности
муниципальных единиц Крыма**

Степень этнической концентрации населения территории	2001 год	2014 год
«Районы слабой смешанности населения»	<u>Города:</u> Керчь	<u>Города:</u> Керчь, Севастополь
«Районы средней смешанности населения»	<u>Города:</u> Алушта, Армянск, Джанкой, Евпатория, Красноперекоск, Саки, Севастополь, Симферополь, Судак, Феодосия, Ялта	<u>Города:</u> Алушта, Армянск, Джанкой, Евпатория, Красноперекоск, Симферополь, Саки, Судак, Феодосия, Ялта, <u>Районы:</u> Ленинский, Черноморский
«С сильно смешанным населением»	<u>Районы:</u> Бахчисарайский, Белогорский, Кировский, Красногвардейский, Красноперекоский, Ленинский, Нижнегорский, Первомайский, Раздольненский, Сакский, Симферопольский, Советский, Черноморский	<u>Районы:</u> Бахчисарайский, Белогорский, Джанкойский, Кировский, Красногвардейский, Красноперекоский, Нижнегорский, Первомайский, Раздольненский, Сакский, Симферопольский, Советский
«Сверхсмешанным населением»	<u>Районы:</u> Джанкойский	—

Составлено авторами

Отметим, что практически во всех муниципальных единицах Крыма произошло сужение этнической мозаичности населения. Максимальный показатель этого сужения отмечен в г. Керчь. Здесь индекс этнической мозаичности уменьшился с 0,35 до 0,23. Исключением стал Красноперекоский район, где показатель этнической мозаичности населения несущественным образом увеличился на 0,02. Подобные изменения индекса этнической

мозаичности в Крыму стали следствием дальнейшей ассимиляции его малых народов, видоизменения структуры присутствия на полуострове славянских этносов и определённой раздвоенности самоидентификации крымских татар во время переписи 2014 года. Некоторые районы Крыма переместились в группы с меньшим уровнем этнической смешанности населения, чем ранее — г. Севастополь, Ленинский, Черноморский и Джанкойский районы. В этническом пространстве Крыма исчезли территории со сверхсмешанным населением.

Процесс нивелирования этнической мозаичности в Крыму отмечался ещё советскими переписями населения. Возвращение крымских татар затормозило этот процесс и придало ему вектор увеличения этнической мозаичности, что зафиксировала Всеукраинская перепись населения 2001 года. Воссоединение Крыма с Российской Федерацией вновь изменило вектор этнической мозаичности на полуострове в сторону сглаживания резких различий между выделяемыми ранее категориями территорий. Очевидно, этот процесс связан с объективной необходимостью формирования в Крыму общероссийской гражданской идентичности («мы-россияне»), которая несколько сглаживает идентичность этническую. Процесс приобретения гражданской идентичности разными этническими группами Крыма, вероятно, происходит с разной скоростью, поэтому быстрой смены сложившейся картины этнической мозаичности на полуострове не произойдет, но отдельные её сюжеты будут изменять свои параметры.

Корреляционный анализ этнической и конфессиональной мозаичности, проведённый авторами для российского Крыма, показал их слабую зависимость. Тем не менее изменения в конфессиональной структуре населения Крыма также оказали определенное влияние на его этническое пространство. После 2014 года изменились условия регистрация религиозных организаций. Российское законодательство, в сравнении с украинским, более жёстко выдает разрешительные документы на регистрацию религиозных организаций и общин. Многие из них до сих пор не прошли регистрационную процедуру в Крыму. Среди незарегистрированных общины Украинской православной церкви Киевского патриархата и мусульманские общины, не примкнувшие к Духовному управлению мусульман Республики Крым и г. Севастополя. В результате в конфессиональной структуре населения Крыма до сих пор не восстановлена численность религиозных общин начала 2014 года. Важнейшими событиями в религиозной жизни Крыма стало восстановление Александро-Невского кафедрального собора в столице Республики Крым и строительство Симферопольской соборной мечети, создание которой в период административной принадлежности Крыма Украине имело характер фактора политической манипуляции сознанием мусульман полуострова.

Выводы

Этническое пространство Республики Крым активно изменяющийся объект междисциплинарных исследований. Среди территориальных особенностей его развития отметим главные:

— воссоединение Крыма с Российской Федерацией создало условия для формирования новой реальности в его этническом пространстве, содержание

которой определяется влиянием цивилизационной и геополитической рубежности территории Крымского полуострова;

— в этническом пространстве Крыма сохранилось доминирование трёх этносов: русских, украинцев и крымских татар, в идентичности всех перечисленных этносов отмечено присутствие некоторой ситуативности;

— русские преобладают во всех муниципальных единицах Крыма, в городах их удельный вес в структуре населения выше;

— доля украинцев в этническом пространстве Крыма сократилась после 2014 года, но рисунок их расселения сохранился в северных, приграничных с Украиной, районах полуострова и в целом изменяется в сторону уменьшения украинского присутствия в его южных регионах

— крымские татары преимущественно проживают в крымском предгорье, северо-восточном и юго-восточном Крыму, этнос активно сохраняет этническую идентичность и формируют двойную гражданскую идентичность;

— малые народы Крыма находятся в состоянии активной ассимиляции, расселены преимущественно в сельской местности: турки, узбеки, цыгане, марийцы, таджики, удмурты, чуваша и мордва; преимущественно в городах: арабы, грузины, осетины, армяне, азербайджанцы, болгары.

— на территории Республики Крым и города Севастополя наблюдается постепенное сужение этнической мозаичности населения, что, вероятно, связано приобретением различными этническими группами общероссийской гражданской идентичности;

— крымские города имеют менее выраженную степень полиэтничности, в сравнении, с сельской местностью.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-05-00725 А.

Литература

1. Баранов А. В. Изменения этнической структуры населения Крыма в постсоветский период: дрейф идентичностей и миграционные процессы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14). Вып. 3. С.351–360.
2. Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII–конце XX в.: Численность, размещение, этнический состав / Институт российской истории РАН. М.: ИРИ РАН, 2003. 160 с.
3. Дементьев В. С. Трансформация поселенческой и этноконфессиональной структуры населения Псковского региона в XVIII–начале XXI вв. дисс. канд. геогр. наук 25.00.24. Псков 2019. 232 с.
4. Дружинин А. Г., Суций С. Я. География русской культуры: подходы к исследованию // Изв. РГО. Т. 125. 1993. Вып. 6. С. 27–36.
5. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.
6. Киселёва Н. В., Мальгин А. В., Петров В. П., Форманчук А. А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы решения Симферополь: Салта, 2015. 352 с.

7. Сикач К. Ю., Швец А. Б. Картографирование этнического пространства Крыма // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15). Вып. 3. С. 211–222.
8. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>.
9. Швец А. Б. Особенности взаимодействия доминирующих этносов в культурных ландшафтах Крыма // Ученые записки ТНУ. Серия География. Том 21 (60). № 3. С. 393–399.
10. Швец А. Б. Полиэтничность Крыма как фактор выстраивания регионом баланса «внутристрановых» и трансграничных связей в системе «Большой Евразии» // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15). Вып. 4. С. 29–46.
11. Швец А. Б., Беднарский И. Г., Яковлев А. Н. Проявления социокультурной конфликтности в Крыму // Культура народов Причерноморья. 2006. № 73. С. 165–176.
12. Шевчук А. Г. Регионология этноконфессиональных процессов в социокультурном пространстве Автономной Республики Крым // Этнокультурные и межконфессиональные и этнические конфликты в условиях геополитической конкуренции. - Севастополь: Вебер. С. 277–282.
13. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / под. ред. В. Ю. Зорина, Р. А. Старченко, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН. 2017. 216 с.
14. Этническая история Крыма в таблицах, картосхемах и диаграммах (по данным переписей населения): информационно-справочное пособие / Автор-сост. А. С. Петроградская. Симферополь: АнтикВА, 2007. 20 с., 5 карт.
15. Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: ИЭА РАН, 2018. 561 с.
16. Как изменился Крым в составе России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3909406#id1721452> – (дата обращения: 28.07.2020).
17. Названо число переехавших в Крым украинцев после присоединения полуострова к Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/news/2019/11/13/n_13693250.shtml – (дата обращения: 28.07.2020).
18. Внутрішньо переміщені особи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.msp.gov.ua/timeline/Vnutrishno-peremishcheni-osobi.html> – (дата обращения: 28.07.2020).
19. Бальбек: массового оттока татар из Крыма нет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20150319/1053407659.html> – (дата обращения: 30.07.2020).

А. Shvets¹,
К. Sikach²

The new reality of ethnic space in the Russian Crimea

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Simferopol, Russian Federation
e-mail: ¹fusion10@mail.ru, ²sikach89@gmail.com

Abstract. *The article considers the geographical features of the ethnic space of the Crimea at the present stage of its development. The change in the state affiliation of Crimea in 2014 affected the nature of ethnic processes in its population. The new ethnic reality is formed by the frontier civilizational and geopolitical situation of the Crimean Peninsula. The impact of this rubinacci reflected in the narrowing of the multi-ethnicity of Crimea, especially in urban areas, the change of the ratio of the major Slavic ethnic groups (Russians and Ukrainians), reducing the specific weight of the Crimean Tatar population, the further reduction in the number of small ethnic groups of the Crimea.*

Keywords: *ethnic space, ethnic groups, Crimea, Republic of Crimea, Sevastopol*

References

1. Baranov A. V. Izmeneniya etnicheskoj struktury naseleniya Kryma v postsovetский period: dreyf identichnostej i migracionnye processy // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2018. T.4 (14). Vyp. 3. S. 351–360. (in Russian)
2. Vodarskij YA. E., Eliseeva O. I., Kabuzan V. M. Naselenie Kryma v konce XVIII–konce XX v.: CHislennost', razmeshchenie, etnicheskij sostav / Institut rossijskoj istorii RAN. M.: IRI RAN, 2003. 160 s. (in Russian)
3. Dement'ev V. S. Transformaciya poselencheskoy i etnokonfessional'noj struktury naseleniya Pskovskogo regiona v XVIII–nachale XXI vv. diss. kand. geogr. nauk 25.00.24. Pskov 2019. 232 s. (in Russian).
4. Druzhinin A. G., Sushchij S. YA. Geografiya russkoj kul'tury: podhody k issledovaniyu // Izv. RGO. T.125. 1993. Vyp.6. S. 27–36 (in Russian).
5. Itogi perepisi naseleniya v Krymskom federal'nom okruge /Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. M.: IIC «Statistika Rossii», 2015. 279 s. (in Russian).
6. Kiselyova N. V., Mal'gin A. V., Petrov V. P., Formanchuk A. A. Etnopoliticheskie processy v Krymu: istoricheskij opyt, sovremennye problemy i perspektivy resheniya Simferopol': Salta, 2015. 352 s. (in Russian).
7. Sikach K. YU., SHvec A. B. Kartografirovaniye etnicheskogo prostranstva Kryma» // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2019. T. 5 (15). Vyp. 3. S. 211–222. (in Russian)
8. CHislennost' i sostav naseleniya Ukrainy po itogam Vseukrainskoj perepisi naseleniya 2001 g. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>.(in Russian).
9. SHvec A. B. Osobennosti vzaimodejstviya dominiruyushchih etnosov v kul'turnyh landshaftah Kryma // Uchenye zapiski TNU. Seriya Geografiya. Tom 21(60). № 3. S. 393–399 (in Russian).
10. SHvec A. B. Polietnichnost' Kryma kak faktor vystraivaniya regionom balansa «vnutristranovyh» i transgranichnyh svyazej v sisteme «Bol'shoj Evrazii»// Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2019. T. 5 (15). Vyp. 4. S. 29–46 (in Russian).
11. SHvec A. B., Bednarskij I. G., YAKovlev A. N. Proyavleniya sociokul'turnoj konfliktnosti v Krymu // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2006. №73.S. 165–176. (in Russian).
12. SHEvchuk A. G. Regionolizaciya etnokonfessional'nyh processov v sociokul'turnom prostranstve Avtonomnoj Respubliki Krym // Etnokul'turnye i mezhkonfessional'nye i etnicheskie konflikty v usloviyah geopoliticheskoy konkurencii. Sevastopol': Veber. S.277–282 (in Russian).

13. Etnicheskaya i etnopoliticheskaya karta Kryma. Organizaciya monitoringa i rannego preduprezhdeniya etnicheskikh i religioznykh konfliktov / pod. red. V. YU. Zorina, R. A. Starchenko, V. V. Stepanova. M.: IEA RAN. 2017. 216 s. (in Russian).
14. Etnicheskaya istoriya Kryma v tablicah, kartoskhemah i diagrammah (po dannym perepisej naseleniya): informacionno-spravochnoe posobie / Avtor-sost. A.S. Petrogradskaya. Simferopol': AntikvA, 2007. 20 s., 5 kart (in Russian).
15. Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii / pod red. V. A. Tishkova, V. V. Stepanova. Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe. M.: IEA RAN, 2018. 561 s. (in Russian).
16. Kak izmenilsya Krym v sostave Rossii URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3909406#id1721452> – (data obrashcheniya: 28.07.2020) (in Russian).
17. Nazvano chislo pereekhavshih v Krym ukraincev posle prisoedineniya poluostrova k Rossijskoj Federacii URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2019/11/13/n_13693250.shtml – (data obrashcheniya: 28.07.2020) (in Russian).
18. Vnutrishn'o peremishcheni osobi URL: <https://www.msp.gov.ua/timeline/Vnutrishno-peremishcheni-osobi.html> – (data obrashcheniya: 28.07.2020) (in Russian).
19. Bal'bek: massovogo ottoka tatar iz Kryma net URL: <https://ria.ru/20150319/1053407659.html> – (data obrashcheniya 30.07.2020) (in Russian).

Поступила в редакцию 09.07.2020 г.

УДК 911.3-027.21 [911.3:316]-027.21

А. Н. Яковлев

***Картографическое изучение динамики
этноконфессиональных противоречий в
Крым***

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное
подразделение), г. Симферополь, Республика Крым,
Российская Федерация
e-mail: andrey_yakovlev84@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена специфика картографического изучения этноконфессиональных противоречий в Крыму, анализируются возможности картографического мониторинга этой разновидности социокультурных противоречий, приводится вариант картосхемы этноконфессиональных противоречий на примере выяснения их территориальной динамики в 1990–2015 гг.

Ключевые слова: социокультурные противоречия, конфликтогенность, этноконфессиональные противоречия, форма организации противоречий, ареал конфликтогенности, уровень локализации противоречий, Крым, общественная география.

Введение

Исследование социокультурных процессов в Крыму, важной составляющей которых является этноконфессиональные противоречия и конфликты, представителями общественно-географической науки проводится уже не первое десятилетие. Сложный полиэтнический регион, часто находящийся в фокусе мировых и региональных геополитических процессов, создает географам оригинальный полигон для политико-географических исследований таких территорий.

Среди множества аспектов подобных исследований выделим главные с позиций общественной географии. В разряд подобного рода процессов отнесём: возникновение, локализация, динамика противоречий, характер их территориальных трансформаций, формы организации противоречий как ресурсной составляющей территории, территориальная иерархия противоречий и причинно-следственные связи их возникновения.

Картографическое изучение социокультурных противоречий в Крымском регионе для исследователя сопряжено с целым рядом трудностей, среди которых особо отметим отсутствие официальных статистических данных о самом объекте исследования — социокультурных противоречиях. Указанным сегментом статистического учёта не занимались государственные и региональные органы управления ни в бытность Крыма в составе украинского государства, ни после его воссоединения с Россией. Одним из наиболее доступных и эффективных вариантов сбора информации о проявлениях социокультурных противоречий, считаем авторский мониторинг СМИ, где каждое упоминание о проявлениях противоречий доступно широкому читателю, а, следовательно, приобретает определенный общественный резонанс, фиксируя локализацию, время события и

его сущностное описание. К числу иных причин, лимитирующих возможности картографического анализа социокультурных противоречий, отнесем: высокую пространственно-временную динамику объекта исследования, его ситуативность и соподчинённость происходящим внешним и внутренним для региона политическим и социально-экономическим процессам, разномасштабность покрытия территории информационным контентом — наличие в регионе так называемой «информационной тени», в которой по разным причинам оказываются отдельные районы и населенные пункты Крымского полуострова.

Целью работы является описание специфических проблем, возникающих в процессе динамического изучения и картографирования этноконфессиональных противоречий, возникавших в Крыму в 1990–2015 годах.

Материалы и методы

В работе использованы материалы авторского мониторинга СМИ, отобразивших в период 1990–2015 гг. появление и развитие противоречий, возникавших в этноконфессиональном пространстве Крыма.

В основу анализа территориальной специфики указанного вида противоречий положены представления о роли географической науки и географов-обществоведов в исследовании столь многогранной и междисциплинарной проблематики, заложенные в работах Н. В. Багрова, отводившего исследованию социокультурных процессов, место одного из основных факторов устойчивого ноосферного развития региональной общественной системы [1; 2].

Фрагментарность географических исследований этноконфессиональных противоречий, часто возникающая несостоятельность их объяснительной базы, редкость картографической аналитики происходящих на полиэтнических территориях, подобных Крыму, социокультурных процессов, позволила автору предложить вариант картографической интерпретации трансформационных изменений в сфере межэтнических отношений на полуострове. Среди авторов, использующих картографический анализ в качестве объяснительной базы этноконфессиональных противоречий, возникавших в различные периоды новейшей крымской истории, отметим работы А. Б. Швеца [3; 4; 5,6], А. Г. Шевчука [7], Н. В. Киселевой. [8;9], и С. Н. Киселева [10].

В работе введено понятие «противоречие», несущее смысловую нагрузку непроявленного конфликта, понимаемого нами в контексте непримиримого противостояния различных субъектов. Противоречие трактуется в работе как предконфликт, наступление которого неявно, а разрешение мирными средствами возможно.

Результаты и обсуждение

Одним из ключевых вариантов исследования социокультурных противоречий является установление *динамики* их территориально-временного проявления. Динамика может фиксироваться для разных временных интервалов: месяц, сезон года, весь календарный год и при этом давать достаточно полные результаты развития социокультурных процессов в отношении одной и той же территории исследования. Не менее значимой является уровень генерализации территории исследования — сельский населенный пункт, город, городской округ, район,

федеральный округ, весь полуостров, что так же дает разные варианты общей картины происходящих в регионе процессов конфликтогенного характера. Наиболее показательными для длительных временных промежутков являются пятилетние ряды, с установленными из СМИ количественными показателями интенсивности проявления противоречий на определенной территории.

В исследовании этноконфессиональных противоречий и конфликтов не маловажное значение обретает картирование *форм организации конфликтных проявлений и противоречий*, то есть того, в какой форме проходила их актуализация: протесты, митинги, акции гражданского неповиновения, акты вандализма и другие. Отдельные формы организации противоречий в свою очередь могут быть объединены в более крупные типологические группы — *контактные, бесконтактные* и т.д. Картирование форм организации противоречий дает возможность устанавливать территории с преобладанием той или иной формы актуализации конфликтогенных проявлений и маркировать проблемные стороны развития общественной системы. Ключевым элементом картографического изучения этноконфессиональных противоречий в регионе является установление территорий с разным уровнем конфликтогенности, и дальнейшее объединение их в более масштабные территориальные образования — ареалы, зоны с высоким, средним или низким уровнем конфликтогенности.

Наиболее оптимальным вариантом установления особенностей локализации противоречий в этноконфессиональной среде является расчет *уровня локализации противоречий*. Данный показатель рассчитывается по формуле (1-1):

$$Pr = Dp / Dn \quad (1-1),$$

где **Pr** – индекс уровня локализации противоречий в регионе; **Dp** – доля региона в общем числе противоречий, зафиксированных СМИ; **Dn** – доля региона в численности его населения.

Полученный индекс фиксирует регионы, где его значение <1 (низкий уровень локализации противоречий); >1 (высокий уровень локализации противоречий). Средний уровень устанавливается исходя из совокупности вычисленных показателей максимально приближенных, но не превышающих единицу (≤ 1).

Важную роль в географических исследованиях этноконфессиональных противоречий и конфликтов может сыграть метод картографического моделирования. Выполняя функцию отражения пространственно-временной дифференциации противоречий в регионе, тематические карты могут использоваться как средство установления географических закономерностей в генезисе, проявлении и разрешении региональных противоречий [11].

Для изучения динамики социокультурных противоречий в Крыму была разработана серия разновременных одномасштабных карт, отражающих случаи проявления конфликтных ситуаций. В работе как пример, приводится интегральная картосхема «Динамика этноконфессиональных противоречий в Крыму, 1990–2015 гг.». Она позволяет установить частоту возникновения этноконфессиональных противоречий, их структуру и обозначить фокусы и ареалы социокультурной напряженности (рис. 1).

Для объяснения сюжета, отображенного на упомянутой выше картосхеме, важен её сопряжённый анализ с картосхемами динамики этноконфессиональной

структуры населения, геодемографической ситуации, важнейших параметров экономической деятельности в регионе. Сопряжённый анализ указанных выше картосхем позволяет выявить и оценить причины конфликтогенности. В сопряженном анализе, как правило, используются карты аналитического типа с отбором наиболее репрезентативных исходных показателей. На картах оценочного типа также отображаются результаты специальных расчетных методик (индексы этнической, религиозной мозаичности и гетерогенности, индексы конфликтогенности, индексы напряженности противоречий и конфликтов и др.) [11].

На завершающем этапе исследования этноконфессиональных противоречий и конфликтов в регионе разрабатывается синтетическая карта поликритериальной типологии регионов Крыма по факторам развития, содержанию и пространственно-временной динамике проявления противоречий и конфликтов. Традиционной для типологических разработок является проблема отбора критериев типологии. Изучение социокультурных противоречий и конфликтов предполагает, по нашему мнению, сочетание многоаспектности и динамичности критериальных параметров. Многоаспектность придаёт типологии характер интегральной характеристики, а динамичность позволяет выявить траекторию изменений в проявлениях конфликтногенного поведения [11].

Картосхема «Динамика этноконфессиональных противоречий в Крыму, 1990–2015 гг.» отображает результаты авторского мониторинга проявлений этноконфессиональных противоречий и конфликтов, зафиксированных региональными СМИ в период с 1990 по 2015 годы. Последний из указанных годов выбран рубежным не случайно. В 2014 году — крымское региональное сообщество пережило события «Крымской весны», создавшие в этноконфессиональном пространстве полуострова острую системную трансформацию, связанную с изменением государственной принадлежности (субъектности) Крыма. Смена субъектности автоматически привела к мощным мобилизационным процессам в межэтнических отношениях, отмеченных максимальными за весь исследуемый период противоречиями (72 случая конфликтных проявлений) [12,13]. 2015 год, унаследовал инерцию развития конфликтогенных процессов, однако именно с этого года начинаются выраженные трансформации в их интенсивности и формах организации [14].

Изменение интенсивности и форм проявления противоречий связано с трансформацией политико-правовой среды в Крыму после его воссоединения с Российской Федерацией. В новой правовой среде произошло подчинение случаев конфликтогенного поведения, имевших место в период административного вхождения Крыма в состав Украины, «букве закона». В результате конфликтные ситуации постепенно приобрели латентную форму, не создающую общественного резонанса, а напоминающую скорее будничную работу правоохранительных органов по сохранению общественного порядка. Важным фактором трансформации и практического нивелирования этноконфессиональных противоречий стала планомерно проводимая руководством Крыма политика становления толерантного гражданского общества и добрососедства различных этнических групп [13].

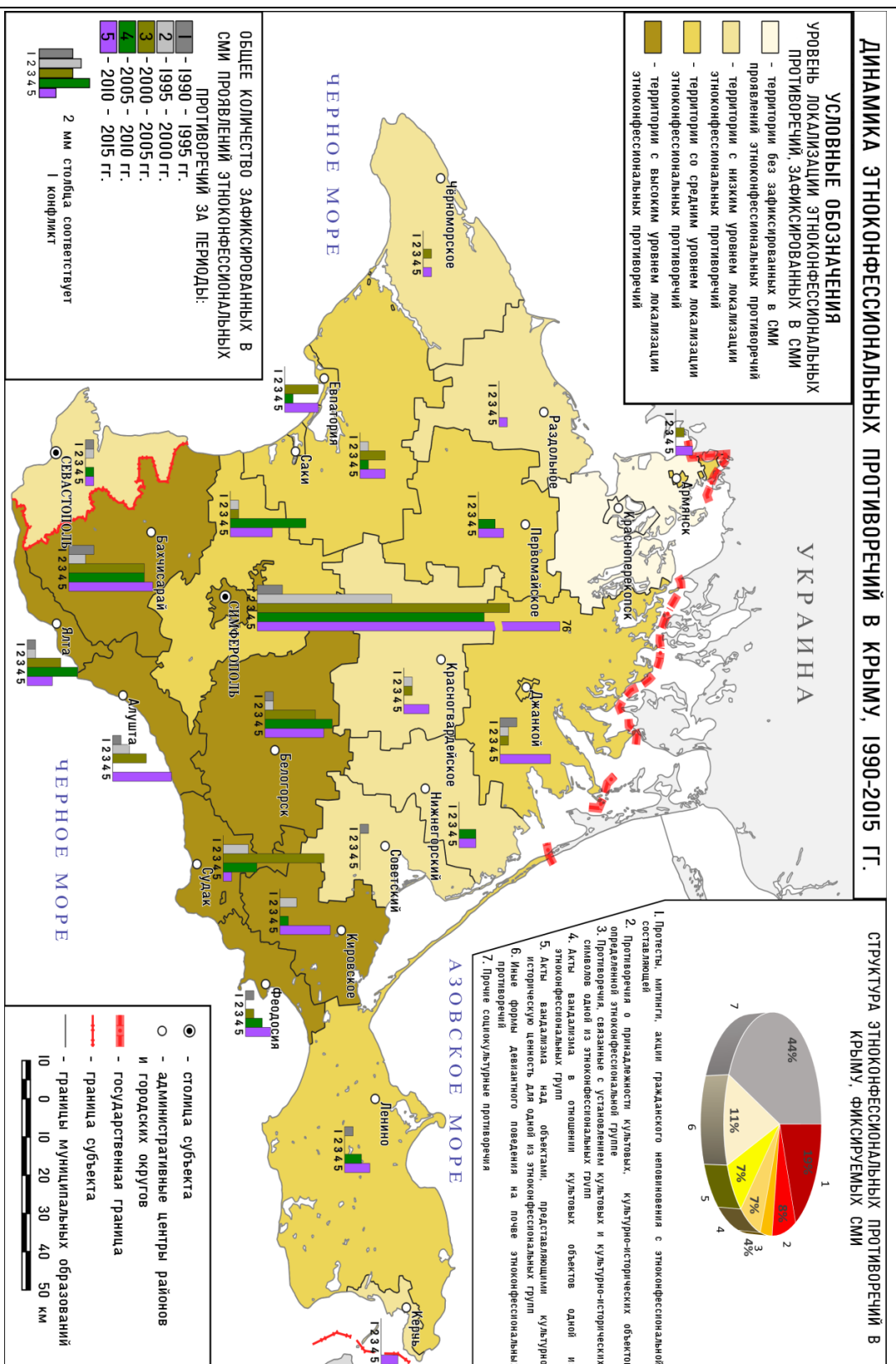

Рис. 1. Динамика этноконфессиональных противоречий в Крыму, 1990–2015 гг.

Основная масса противоречий, выявленных за тридцатилетний период в Крыму, локализована в определенной группе регионов, формируя ареал с высоким уровнем конфликтности, приуроченный к центральным предгорным территориям и югобережным районам Крыма. Районы и городские округа равнинного Крыма демонстрируют низкий и средний уровень локализации этноконфессиональных противоречий. Единственным районом, не затронутым этноконфессиональными противоречиями, зафиксированными региональными СМИ, является Красноперекопский.

Концентрацию основной массы социокультурных противоречий в г. Симферополе можно объяснить его административным статусом столицы Республики Крым. В этом статусе Симферополь выполняет роль определенного «резонатора» социокультурных процессов. Дело в том, что большинство социокультурных противоречий, возникающих в общественной системе полуострова, имеет продолжение или манифестирование в столице, где сосредоточены те лица и учреждения, способные принять управленческое решение по урегулированию конкретного противоречия или уже сложившейся конфликтной ситуации [15].

В структуре социокультурных противоречий, зафиксированных в Крыму в исследуемый период, этноконфессиональные преобладают, составляя 56% от всего количества выявленных на полуострове противоречий. Противоречия, имеющие социально-экономический характер, составляют в итоге 44% и в подавляющем большинстве случаев представлены конфликтными ситуациями, актуализация которых пришлась на 1990-е—начало двухтысячных годов. По форме организации социально-экономические противоречия были представлены земельными «самозахватами» [3].

В структуре этноконфессиональных противоречий, отмеченных на картосхеме во врезке, преобладают протесты, митинги, акции гражданского неповиновения с этноконфессиональной составляющей (19% общей численности социокультурных противоречий в регионе). Наименьшей долей — 4% отмечены противоречия, связанные с установлением культовых символов одной из этноконфессиональных групп. Имеется ввиду установление поклонных крестов православной церковью при въезде в населённые пункты Крыма. Незначительность этой группы противоречий в структуре этноконфессиональных, зафиксированных в регионе за исследуемый период, не совпадает с их резонансностью. Это наиболее остро проявившая себя в начале 2000-х годов группа противоречий, вошедшая в крымскую новейшую историю под названием «крестоповала» [3]. Поклонные кресты разрушались представителями мусульманских общин в разных регионах Крыма.

Семью процентами отмечены акты вандализма над объектами, представляющими культурно-историческую ценность для одной из этноконфессиональных групп и акты вандализма в отношении культовых объектов одной из этноконфессиональных групп. В эту группу противоречий нами отнесены акты вандализма над культовыми сооружениями (мечети, храмы, синагоги), а так же серия актов вандализма на мусульманских и православных кладбищах и отдельных почитаемых мусульманами захоронениях (азизах) особенно резонансно проявившихся в регионе с середины 2000-х годов. 8% от общего числа социокультурных противоречий зафиксированных в регионе за исследуемый период приходится на противоречия о принадлежности культовых и культурно-исторических объектов одной из этноконфессиональных групп.

Следует отметить, что упомянутый выше сегмент противоречий включает в себя самые длительные по времени актуализации — *пролонгированные* — противоречия, урегулирование которых требовало длительной разработки компромиссных решений, при активном участии местных органов самоуправления и региональной власти, а так же уполномоченных представителей религиозных и конфессиональных лидеров. 11% приходится на иные формы девиантного поведения, актуализация которых практически не фиксируется на современном этапе развития крымского социума, однако нередко возникавшая до 2014 года, в форме оскорблений, переходивших в массовые столкновения на национальной почве.

Выводы

Перспектива географического изучения этноконфессиональных противоречий в Крыму связана с дальнейшей детализацией территориальных форм их локализации. Подобная детализация позволит типологизировать социокультурные противоречия в современном Крыму. Необходимым представляется проведение дальнейшего мониторинга противоречий в межэтноконфессиональных отношениях Крыма для определения основных тенденций и причин их актуализации, с учетом внешних факторов влияния на происходящий в регионе процесс становления толерантной общественной системы.

В задачи географов обществоведов не входит процесс менеджмента социокультурной противоречий, но формирование представлений о возможных изменениях пространственных границ этого явления, выявление очагов конфликтогенных проявлений, исследование взаимосвязи возникающих противоречий с историко-культурными, этнодемографическими, социально-экономическими, природно-географическими и другими характеристиками региона — перспективная линия исследований на границе географии и политологии.

Поскольку сам феномен социокультурных противоречий отличается высокой пространственно-временной динамикой, одной из наиболее перспективных форм отображения происходящих в регионе социокультурных процессов является построение картографических материалов, как мощного пространственно-временного информационного базиса для принятия компетентных управленческих решений в сфере предупреждения возникновения и преодоления существующих противоречий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-05-00725 А.

Литература

1. Багров Н. В. Региональная геополитика устойчивого развития: монография. К.: Либідь, 2002. 256 с.
2. Багров Н. В. Устойчиво-ноосферное развитие региона. Проблемы. Решения: монография. Симферополь: ДОЛЯ, 2010. 206 с.

3. Швец А. Б., Беднарский И. Г., Яковлев А. Н. Проявления социокультурной конфликтности в Крыму // Культура народов Причерноморья. 2006. № 73. С. 165–175.
4. Швец А. Б. География неустойчивого развития в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2007. Т. 20 (59). С. 123–130.
5. Швец А. Б., Яковлев А. Н. Некоторые особенности географического изучения резонансных случаев вандализма в современном Крыму // Ученые записки ТНУ, серия «география», Т. 24 (63), №1 (2011), С. 267–277.
6. Швец А. Б., Вольхин Д. А., Яковлев А. Н. Проблема пространственного анализа социокультурных противоречий в Крыму В сборнике: Материалы к истории Причерноморья в Новое время Симферополь, 2016. С. 100–109.
7. Шевчук А. Г., Ишин А. В. Православие и ислам в Крыму: проблемы взаимодействия // Пилигримы Крыма. Сб. науч. Статей и материалов. Вып. 2 (7). Новая и новейшая история Крыма. Симферополь: Крымский Архив. 2003. С. 269–272.
8. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения: [монография] / Наталья Киселёва, Андрей Мальгин, Вадим Петров, Александр Форманчук. Симферополь: Салта, 2015. 351 с. : ил., цв. ил.; 22 см.
9. Киселёва Н. В. Республика Крым. Анализ межэтнических отношений и религиозной ситуации/ Е. В. Гросфельд, Н. В. Киселёва, А. Н. Мануйлов, А. С. Филатов, В. В. Харабуга // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад 2015 / Ред. Тишков В. А., Мануйлов А. Н., Степанов В. В. Москва–Симферополь: ООО «Антиква», 2015. 88 с.
10. Киселев С. Н., Киселева Н. В. Размышления о Крыме и геополитике Симферополь: Крымский архив, 1994. 64 с.
11. Швец А. Б., Яковенко И. М., Яковлев А. Н. Исследование динамики и картографирование социокультурной конфликтности в Крыму. Материалы международной научной конференции в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Ответственный редактор Н. И. Быков. 2018 Издательство: Алтайский государственный университет (Барнаул). Стр. 234–239
12. Яковлев А. Н. Внешние риски развития социокультурной конфликтности в Крыму. Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14). №4. С. 405–414.
13. Яковлев А. Н. Трансформация социокультурной конфликтности в Крыму в новых геополитических реалиях Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14). №2. С. 63–70.
14. Яковлев А. Н. Факторы трансформации социокультурных противоречий в изменившемся геополитическом пространстве Крыма (2015). Материалы международной научной конференции (Седьмая Ежегодная научная Ассамблея АРГО). Под общей редакцией А. Г. Дружинина. 2016 Издательство: Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) С. 542–547
15. Яковлев А. Н. Территориальные особенности социокультурных конфликтов в российском Крыму (2014) Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: География. 2014. Т. 27 (66). №3. С. 52–60.

A. Yakovlev

Cartographic study of the dynamics of ethnic and religious contradictions in the Crimea

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Simferopol, Russian Federation
e-mail: andrey_yakovlev84@mail.ru

Abstract. *The article considers the specifics of cartographic study of ethnic and religious contradictions in the Crimea, analyzes the possibilities of cartographic monitoring of this type of socio-cultural contradictions, provides a version of the map of ethnic and religious contradictions on the example of clarifying their territorial dynamics in 1990–2015.*

Keywords: *socio-cultural contradictions, conflicts, ethno-religious contradictions, the form of organization of contradictions, the area of conflict, the level of localization of contradictions, Crimea, human geography.*

References

1. Bagrov N. V. Regional geopolitics of sustainable development: monograph. K.: LIBID, 2002. 256 s. (in Russian)
2. Bagrov N. V. Sustainable noospheric development of the region. Problems. Solutions: monograph. Simferopol: DOLYA, 2010. 206 s. (in Russian)
3. Shvets A. B., Bednarsky I. G., Yakovlev A. N. Manifestations of socio-cultural conflict in the Crimea // Culture of the peoples of the black sea region. 2006. №73. S. 165–175. (in Russian)
4. Shvets A. B. Geography of unstable development in the Crimea // Geopolitics and ecogeodynamics of regions. 2007. Vol. 20 (59). S. 123–130. (in Russian)
5. Shvets A. B., Yakovlev A. N. Some features of geographical study of resonant cases of vandalism in modern Crimea. // Scientific notes of TNU, series "geography", vol. 24 (63), №1 (2011), S. 267–277. (in Russian)
6. Shvets A. B., Volkhin D. A., Yakovlev A. N. the Problem of spatial analysis of socio-cultural contradictions in the Crimea in the collection: Materials for the history of the black sea region in Modern times Simferopol, 2016. S. 100–109.
7. Shevchuk A. G., Ishin A. V. Orthodoxy and Islam in the Crimea: problems of interaction. Sat. nauch. Articles and materials. Issue 2 (7). New and modern history of the Crimea. Simferopol: Crimean Archive. 2003. S. 269–272. (in Russian)
8. Ethno-Political processes in the Crimea: historical experience, modern problems and prospects for their solution. [monograph] / Natalia Kiseleva, Andrey Malgin, Vadim Petrov, Alexander Formanchuk. Simferopol: Salta, 2015. 351 s.: Il., TSV. Il.; 22 cm. (in Russian)
9. Kiseleva N. V. Republic Of Crimea. Analysis of interethnic relations and religious situation/ E. V. Grosfeld, N. V. Kiseleva, A. N. Manuylov, A. S. Filatov, V. V. Kharabuga // Interethnic relations and religious situation in the Crimean Federal district. Expert report 2015 / Ed. Tishkov V. A., Manuylov A. N., Stepanov V. V. Moscow-Simferopol: Antikva LLC, 2015. 88 s. (in Russian)
10. Kiselev S. N., Kiseleva N. V. Reflections on Crimea and geopolitics-Simferopol: Crimean archive, 1994. 64 s. (in Russian)
11. Shvets A. B., Yakovenko I. M., Yakovlev A. N. Research of dynamics and mapping of socio-cultural conflict in the Crimea. Materials of the international

- scientific conference in the framework of the IX annual scientific Assembly of the Association of Russian geographers and social scientists. Responsible editor N. I. Bykov. 2018 Publisher: Altai state University (Barnaul). S. 234–239 (in Russian)
12. Yakovlev A. N. External risks of socio-cultural conflict development in Crimea. Geopolitics and ecogeodynamics of regions. 2018. Vol. 4 (14). No. 4. S. 405–414. (in Russian)
 13. Yakovlev A. N. Transformation of socio-cultural conflict in the Crimea in the new geopolitical realities of Geopolitics and ecogeodynamics of regions. 2018. Vol. 4 (14). No. 2. S. 63–70. (in Russian)
 14. Yakovlev A. N. Factors of transformation of socio-cultural contradictions in the changed geopolitical space of the Crimea (2015). Materials of the international scientific conference (Seventh Annual scientific Assembly of ARGO). Under the General editorship of A. G. Druzhinin. 2016 (in Russian)
 15. Publishing house: Southern Federal University (Rostov-on-don) S. 542–547 (in Russian)
 16. Yakovlev A. N. Territorial features of socio-cultural conflicts in the Russian Crimea (2014) Scientific notes of the Tauride national University named after V. I. Vernadsky. Series: Geography. 2014. Vol. 27 (66). No. 3. S. 52–60. (in Russian)

Поступила в редакцию 19.07.2020 г.

DOI: 10.37279/2309-7663-2020-6-3-324-331

УДК 913 (314)

Р. Ш. Ахметов¹,
Н. Ю. Святоха²,
И. Ю. Филимонова³

Этническая самоидентификация детей в межнациональных семьях (на примере Оренбургской области)

¹ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Российская Федерация
^{2,3}Институт степи Уральского отделения Российской академии наук — обособленное структурное подразделение ФГБУН «Оренбургский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН», г. Оренбург, Российская Федерация
e-mail: ¹renat_57@mail.ru, ²osugeo@yandex.ru, ³filimovirina@yandex.ru

Аннотация. Оренбургская область — полиэтнический регион с большой долей межэтнических браков. Проведенный авторами социологический опрос в целях определения специфики национального самосознания у детей из межнациональных семей в Оренбуржье и выявления тенденций в процессе формирования национального самосознания, позволил сделать выводы: развивается этническое самоопределение в форме отказа от ассоциации личности с определенным этносом. При этом такая форма этнического самоопределения наблюдается не только в межнациональных семьях, где она преобладает, но и в однонациональных. По мнению авторов, мы являемся свидетелями процесса перехода от традиционного общества с обязательной фиксацией этнической принадлежности по рождению к современной гражданской нации, с более свободным отношением к этнической самоидентификации, который был запущен отменой обязательного указания национальности в паспорте в советский период.

Ключевые слова: межэтнический брак, экзогамия, однонациональная семья, межнациональная семья, этническое самоопределение, этническая идентичность

Введение

Процессы глобализации, культурного обмена, а также усиление миграционных потоков приводят к формированию мультикультурного общества, в котором активно проходит процесс интеграции и сближения различных культур. Процессы интеграции могут проявляться по-разному, в частности, посредством экзогамии или межэтнических браков.

Межэтнический брак — это результат вступления в брачные отношения представителей разных этнических групп. Исследователи [1] подчеркивают, что увеличение количества межэтнических браков в регионе является итоговой стадией ассимиляции и этнического принятия у населения. Межнациональные семьи, их доля в статистике браков — это своеобразный показатель дистанции между этносами, они способствуют распространению толерантного сознания в

полиэтническом обществе. Анализ таких браков позволяет делать выводы о направленности и темпах ассимиляции тех или иных народов.

Рост доли межэтнических браков — общемировая тенденция, затронувшая различные регионы мира [2–5]. Причины этого роста различны. Так, рассуждая о причинах роста доли межэтнических браков в странах Африки к югу от Сахары, Дж. Креспин-Буко [6] делает вывод о влиянии общего уровня образованности населения, а также роста урбанизации и расширении процессов глобализации. В результате меняются социальные нормы, и этнические границы становятся более прозрачными.

Анализ современной литературы позволил выявить несколько направлений научной мысли по данной проблематике. Наиболее часто встречаются работы, посвященные социологическим аспектам межэтнического взаимодействия в национально-смешанных семьях, психологическим аспектам этнической идентичности детей из межэтнических семей [7; 8]. Еще одно исследование, посвященное анализу роста количества межэтнических браков у коренных народов Южной Сибири [5], в котором в качестве одной из причин подобных тенденций отмечается рост мобильности населения, динамичные миграционные процессы.

Современные работы географов в данном направлении практически не встречаются. К сожалению, региональные статистические данные по межэтническим бракам, которые позволили бы выявить территориальные особенности развития и распространения экзогамии, в открытом доступе отсутствуют.

Оренбургская область — один из самых многонациональных регионов России с большой долей межэтнических браков. *Цель* исследования — определить специфику и новые тенденции в формировании национального самосознания у детей из межнациональных семей в Оренбуржье.

Как правило, формирование национального самосознания реализуется в рамках семьи и традиционно происходило через ассоциацию с этносом, к которому принадлежат родители (или один из родителей). Однако ряд фактов и небольших интервью показал, что в этом процессе в последнее время появляются новые явления и тенденции.

Различные аспекты межэтнических браков находятся в сфере интересов специалистов ряда отраслей науки — демографии, этнографии, социологии и других.

Доля межэтнических браков в нашей стране — 12% (2010 г.) [9]. Межэтнические браки в области составляют около 25%. Таким образом, их доля в Оренбургской области в 2 раза выше, чем в среднем по России (рис. 1), что объясняет выбор данного региона в качестве объекта исследования.

В социологических исследованиях, направленных на выявление этнической структуры общества, респондентам, как правило, предлагается выбрать определенную национальность. Отсутствие выбора трактуется исследователями, как затруднение, сбой. Таким образом, априори предполагается, что национальная принадлежность присуща каждому и в норме должна осознаваться человеком (например, [13]).

Гипотеза нашего исследования состояла в том, что имеется немалое и в последнее время увеличивающееся количество людей, которые по разным

причинам не испытывают потребности и не ассоциируют себя с определенной национальностью. Это не затруднение, а позиция личности, мироощущение, вариант нормы.

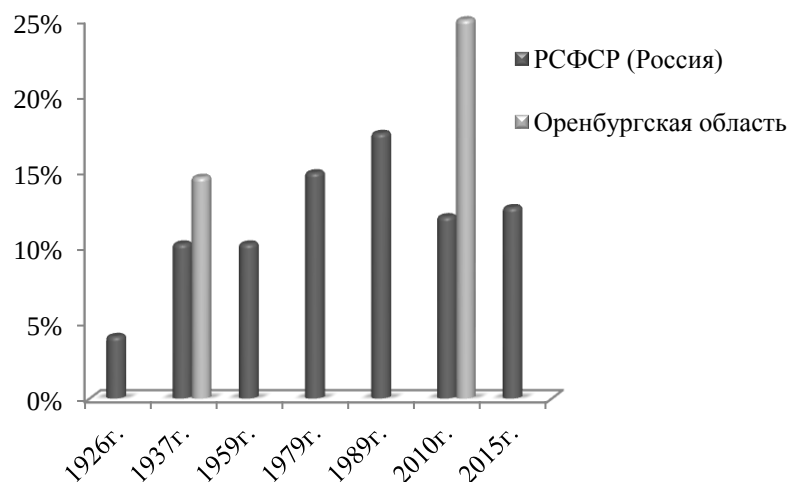

Рис. 1. Динамика доли межэтнических браков
Составлено авторами по: [9–12].

Гипотеза нашего исследования состояла в том, что имеется немало и в последнее время увеличивающееся количество людей, которые по разным причинам не испытывают потребности и не ассоциируют себя с определенной национальностью. Это не затруднение, а позиция личности, мироощущение, вариант нормы.

Для проверки гипотезы мы в своем опросе предоставили респондентам возможность сделать выбор, не ассоциирующий человека с определённой национальностью, в качестве равноценного выбору по национальной идентичности.

Материалы и методы

Для достижения цели исследования нами был проведен социологический опрос. Разработка анкеты и анкетирование населения Оренбургской области проводились с помощью сервиса Google Forms (анкета и ее результаты доступны по ссылке [14]).

С нашей точки зрения этническая самоидентификация и этническое позиционирование проявляют себя не на уровне личности, а в межличностном общении, на уровне социальных групп и, прежде всего, в семьях, в семейном общении. Поэтому анкета была составлена с целью выявления этнического позиционирования респондентов из межнациональных и мононациональных семей.

Вопросы были направлены на выявление уровня владения языками родителей у детей из межэтнических семей, наличия у них национального самосознания, определения преимущественного языка общения в семьях, отношения к межэтническим бракам детей из моноэтнических и межэтнических семей и т.д.

Анкета состояла из двух блоков. Часть вопросов предназначалась только для детей из межэтнических семей, ряд вопросов были общими для обоих типов семей.

В рамках обработки и анализа результатов использовались историко-географический и статистический методы исследования.

Результаты и обсуждение

Получение данных о числе межэтнических браков в настоящее время возможно только в рамках специальных обследований. Ранее графа «национальность» была в паспорте, в настоящее время она отсутствует. Сведения о национальности можно получить только из данных, указанных в свидетельстве о заключении брака и при получении свидетельства о рождении. Но, следует отметить, что данные графы не являются обязательными и указываются по желанию.

Для достижения цели исследования мы провели анкетирование среди жителей Оренбургской области. Было опрошено 135 человек, в том числе 59,3% горожан, 40,7% — селян, что приблизительно соответствует фактическому соотношению этих социальных групп в населении области. Большинство опрошенных — женщины (69,6%), а также респонденты в возрасте 18-25 лет — 78,5%.

Были получены следующие результаты.

У 25% опрошенных — родители разных национальностей, что совпадает со статистическими данными переписи 2010 года (рис. 1). Причем, среди горожан доля межнациональных семей ожидаемо выше: 27,8% против 23,2% жителей сельской местности.

При выборе собственной национальной принадлежности 61,5% детей из межнациональных семей не относят себя к определенной национальности. При этом, вопреки ожиданиям, среди сельских жителей таковых оказалось существенно больше, чем среди горожан. Среди представителей однонациональных семей эта доля значительно ниже, но она, тем не менее, весьма существенна — 21%.

Столь значительную долю детей из однонациональных семей, не определивших свою национальную принадлежность, можно было бы представить одной из форм процесса ассимиляции нетитульных национальностей. Такой вывод, однако, не позволяет сделать тот факт, что дети из русских однонациональных семей не определяют свою национальную принадлежность даже чаще (в 25% случаев), чем представители остальных однонациональных семей. Кроме того, лишь 23,1% из числа межнациональных семей с русским компонентом указали свою национальность как русские, остальные — не отнесли себя к какой-либо национальности.

Эти результаты, по нашему мнению, могут указывать на размывание потребности в этнической самоидентификации, как императиве, характерном для советского периода. Представляется, что этот процесс, начал формироваться после отмены обязательного указания национальности в паспорте в 1990-е годы.

Более определенно, по нашему мнению, к процессу ассимиляции можно отнести то, что 15,3% детей из межнациональных семей, обозначивших свою национальность, назвали себя русскими, не имея при этом русских среди своих родителей.

Имеются существенные различия в этнической самоидентификации между отдельными национальностями. Среди респондентов из казахских однонациональных семей доля не определивших себя как представителя казахской национальности существенно ниже, чем у детей из русских и большинства других однонациональных семей — 11,1%. А у респондентов из татарских семей татарами назвали себя все 100% опрошенных. При этом у респондентов, назвавших себя казахами и татарами, общение в семье происходит преимущественно на русском языке (в 87,5 и 62,9 процентах случаев соответственно). Это указывает на то, что данные национальности проявляют большую мотивацию к самосохранению, даже утрачивая существенные объективные признаки своей национальной принадлежности.

Вообще, распространение русского языка, как языка внутрисемейного общения, среди респондентов гораздо более значительно, чем их русская самоидентификация. В межнациональных семьях общение на русском языке происходит у 100% респондентов. А в однонациональных нерусских семьях на русском языке общаются 77,8% респондентов.

Согласно опросу, в межнациональных семьях хорошо владеют одним родным языком родителей (без учета русского языка) 5,8% опрошенных (11,4% респондентов из межнациональных семей владеют в разной степени двумя родными языками (без учета русского языка), а 5,7% не понимают родного языка матери и отца и владеют только русским. Из тех, кто указал национальную принадлежность (без учета русских) все 100 % владеют родным языком указанной национальности (могут объясняться — 66 %, хорошо владеют — 34 %).

Респонденты понимают язык матери несколько лучше, чем язык отца (немного понимают язык матери 23%, отца 17,1%). Пока пусть будет, потом решим, как быть. 31,4% респондентов из межнациональных семей не знают родного языка отца, 17,1% — языка матери. Вероятно, обучение языку происходит в процессе воспитания ребенка в раннем и младшем возрасте, что в этот период, главным образом, лежит на плечах матери.

Хороший тест этнической толерантности — это выявление значимости национальности при выборе брачного партнера. При вступлении в брак национальность партнера имеет значение для 37,1% детей из межнациональных семей и для 33% — из однонациональных. Таким образом, для приблизительно двух третей опрошенных национальность партнера при вступлении в брак не имеет значения. Интересен факт, что около 7% респондентов придают значение национальности при выборе брачного партнера, при том, что сами они не относят себя к какой-либо национальности.

Выводы

Развитие этнического самоопределения у этносов Оренбуржья всё чаще происходит в форме отказа от ассоциации личности с определенным этносом. Такая форма этнического самоопределения характерна не только для межнациональных семей, где она преобладает, но и для однонациональных, где этот показатель ожидаемо ниже.

Нередко дети из межнациональных семей, проживающих в Оренбургской области, в которых ни один из родителей не является русским, обозначают себя как русские. Возможно, это связано с тем, что общение в межнациональных

семьях у всех опрошенных происходит на русском языке, в отличие от однонациональных семей.

Вероятно, мы являемся свидетелями процесса перехода от традиционного общества с обязательной фиксацией этнической принадлежности по рождению к современной гражданской нации, с более мягким и свободным отношением к этнической самоидентификации. Этот процесс был запущен отменой обязательного указания национальности в паспорте ещё в советский период российской истории.

Работа выполнена в рамках государственного задания АААА-А17-117012610022-5.

Литература

1. Furtado D. Ethnic Intermarriage // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2015. P. 118–122. 10.1016/B978-0-08-097086-8.31097-2. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780080970868310972?>
2. Crespin-Boucaud J. Interethnic and interfaith marriages in sub-Saharan Africa // World Development. 2020. V. 125. 104668. 10.1016/j.worlddev.2019.104668. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X1930316X>.
3. Del Rey A., Vilhena D. Marrying after arriving: The role of individuals' networks for immigrant choice of partner's origin // Advances in Life Course Research. 2014. V. 19. P. 28–39. 201319. 10.1016/j.alcr.2013.10.003. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1040260813000336>.
4. Smith S., Maas I., Tubergen F. Irreconcilable differences? Ethnic intermarriage and divorce in the Netherlands, 1995–2008 // Social science research. 2012. V. 41. 1126–37. 10.1016/j.ssresearch.2012.02.004. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0049089X12000348>.
5. Lavryashina M. B., Ulianova M. V., Oktyabrskaya I. V., Nikolaev V. V., Tolochko T. A., Druzhinin V. G. Interethnic Dynamics among the Indigenous Peoples of Southern Siberia (Demographic Aspect) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2013. V. 41. P. 131–142. 10.1016/j.aeae.2013.07.012. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1563011013000391>.
6. Crespin-Boucaud, J. Interethnic and interfaith marriages in sub-Saharan Africa. World Development. 2020. V. 125. 104668. 10.1016/j.worlddev.2019.104668. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X1930316X>.
7. Верещагина А. В. Этнически смешанные семьи на Северном Кавказе: Образование и межэтническая адаптация: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04. Ростов-на-Дону, 2003. 165 с.
8. Ким К. В. Этническая идентичность детей из русско-якутских семей: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05. Санкт-Петербург, 2009. 181 с.
9. Всероссийская перепись населения 2010 года: офиц. изд. / Федер. служба гос. статистики. Электрон. дан. [Б. м.]: [Б. и.], 2010. 1134 с.
10. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: офиц. изд.: в 14 т. / Федер. служба гос. статистики. Москва: Статистика России, 2004–2005. Т. 4, кн. 1: Национальный состав и владение языками, гражданство. 2004. 946 с.
11. Население России в XX веке: ист. очерки: в 3 т. Москва: РОССПЭН, 2000–2001. Т. 2: 1940–1959, 2001. 416 с.

12. Национальный состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. Москва: Финансы и статистика, 1991. 160 с.
13. Межнациональные отношения в России. Результаты опросов общественного мнения о политике, экономике и повседневной жизни россиян. Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». – URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14157>.
14. Межнациональные семьи. Google Forms. Опрос, 2019. URL: https://docs.google.com/forms/d/1EUS0AP1I5AecJ4G_yJZmqXO7EDzYuLQS2VYTuUMDIk/edit?usp=sharing_eip&ts=5eba3d68.

R. Sh. Akhmetov¹,
N. Yu. Sviatokha²,
I. Yu. Filimonova³

Ethnic self-identification of children in interethnic families (on the example of the Orenburg region)

¹ Orenburg state University, Orenburg, Russian Federation
^{2,3} Institute of the steppe of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences – a separate structural division of the Orenburg Federal research center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russian Federation
e-mail: ¹renat_57@mail.ru, ²osugeo@yandex.ru, ³filimo-irina@yandex.ru

Abstract. *The Orenburg region is a multi-ethnic region with a large proportion of inter-ethnic marriages. The authors conducted the sociological survey in order to determine the specifics of national identity of children from interethnic families in Orenburg region and identify trends in the formation of national identity. The survey allowed to make conclusions: ethnic self-determination in such families is developing in the form of refusal to associate a person with a certain ethnic group. At the same time, this form of ethnic self-determination is observed not only in inter-ethnic families, where it prevails, but also in single-ethnic families. According to the authors, we are witnessing a process of transition from a traditional society with mandatory registration of ethnicity by birth to a modern civil nation, with a freer attitude to ethnic self-identification, which was launched by the abolition of mandatory indication of nationality in the passport during the Soviet period.*

Keywords: *interethnic marriage, exogamy, one-nation family, interethnic family, ethnic self-determination, ethnic identity*

References

1. Furtado D. Ethnic Intermarriage // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2015. P. 118-122. 10.1016/B978-0-08-097086-8.31097-2. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780080970?via%3Dihub>. (in English)
2. Crespin-Boucaud J. Interethnic and interfaith marriages in sub-Saharan Africa // World Development. 2020. V. 125. 104668. 10.1016/j.worlddev.2019.104668. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X1930316X>. (in English)

3. Del Rey A., Vilhena D. Marrying after arriving: The role of individuals' networks for immigrant choice of partner's origin // *Advances in Life Course Research*. 2014. V. 19. P. 28-39. 201319. 10.1016/j.alcr.2013.10.003. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1040260813000336>. (in English)
4. Smith S., Maas I., Tubergen F. Irreconcilable differences? Ethnic intermarriage and divorce in the Netherlands, 1995-2008 // *Social science research*. 2012. V. 41. 1126-37. 10.1016/j.ssresearch.2012.02.004. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0049089X12000348>. (in English)
5. Lavryashina, M. B., Ulianova, M. V., Oktyabrskaya I. V., Nikolaev V. V., Tolochko T. A., Druzhinin V. G. Interethnic Dynamics among the Indigenous Peoples of Southern Siberia (Demographic Aspect) // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2013. V. 41. P. 131-142. 10.1016/j.aeae.2013.07.012. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1563011013000391>. (in English)
6. Crespin-Boucaud, J. Interethnic and interfaith marriages in sub-Saharan Africa. *World Development*. 2020. V. 125. 104668. 10.1016/j.worlddev.2019.104668. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X1930316X>. (in English)
7. Vereshchagina A. V. *Etnicheski smeshannye sem'i na Severnom Kavkaze: Obrazovanie i mezhetnicheskaya adaptaciya: dissertaciya ... kandidata sociologicheskikh nauk: 22.00.04. Rostov-na-Donu, 2003. 165 s.* (in Russian)
8. Kim K. V. *Etnicheskaya identichnost' detej iz russko-yakutskih semej: dissertaciya ... kandidata psihologicheskikh nauk: 19.00.05. Sankt-Peterburg, 2009. 181 s.* (in Russian)
9. *Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 goda: ofic. izd. / Feder. sluzhba gos. statistiki. Elektron. dan. [B. m.]: [B. i.], 2010. 1134 s.* (in Russian)
10. *Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2002 g.: ofic. izd.: v 14 t. / Feder. sluzhba gos. statistiki. – Moskva: Statistika Rossii, 2004-2005. T. 4, kn. 1: Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo. 2004. 946 s.* (in Russian)
11. *Naselenie Rossii v HKH veke: ist. ocherki: v 3 t. Moskva: ROSSPEN, 2000–2001. T. 2: 1940-1959, 2001. 416 s.* (in Russian)
12. *Nacional'nyj sostav naseleniya SSSR: po dannym Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g. / Goskomstat SSSR. Moskva: Finansy i statistika, 1991. 160 s.* (in Russian).
13. *Mezhnacional'nye otnosheniya v Rossii. Rezul'taty oprosov obshchestvennogo mneniya o politike, ekonomike i povsednevnoj zhizni rossiyan. Oficial'nyj sayt Fonda «Obshchestvennoe mnenie». URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14157>.* (in Russian)
14. *Mezhnacional'nye sem'i. Google Forms. Opros. URL: https://docs.google.com/forms/d/1EUS0AP1l5AecJ-4G_yJZmqXO7EDzYuLQS2VYTuUMDIk/edit?usp=sharing_eip&ts=5eba3d68.* (in Russian)

Поступила в редакцию 08.06.2020 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафшин Максим Михайлович	Ассистент географического факультета ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (МПГУ), г. Москва, Российская Федерация
Ахметов Ренат Шамильевич	Кандидат географических наук, доцент кафедры географии и регионоведения ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Российская Федерация
Баранов Андрей Владимирович	Доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления факультета управления и психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Российская Федерация
Белозеров Виталий Семенович	Доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-экономической географии, геоинформатики и туризма ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Институт математики и естественных наук, г. Ставрополь, Ставропольский край, Российская Федерация
Биктиримов Нияз Миннахматович	Кандидат географических наук, доцент кафедры сервиса и туризма ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт управления, экономики и финансов, г. Казань, Российская Федерация
Богатуров Дмитрий Сергеевич	Кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Бородина Татьяна Львовна	Кандидат географических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт географии РАН», г. Москва, Российская Федерация
Вольхин Денис Антонович	Старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии и территориального управления факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Воронина Анна Борисовна	Кандидат географических наук, доцент кафедры туризма факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация

Воронин Игорь Николаевич	Доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии и территориального управления факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Грибок Марина Владимировна	Кандидат географических наук, научный сотрудник географического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В.Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
Демидова Елена Евгеньевна	Научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В.Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
Дружинин Александр Георгиевич	Доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону), профессор-исследователь ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта» (г. Калининград), ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт географии РАН» (г. Москва), Российская Федерация
Епринцев Сергей Александрович	Кандидат географических наук, доцент кафедры геоэкологии и мониторинга окружающей среды, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация
Иванищева Надежда Александровна	Доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой географии и методики преподавания географических дисциплин ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Российская Федерация
Исхакова Марьям Юнировна	Обучающаяся направления подготовки «Картография и геоинформатика» ФГБОУ ВО «Национальный Мордовский государственный университет им. Н. П.Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация
Каширина Екатерина Сергеевна	Кандидат географических наук, старший преподаватель филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В.Ломоносова» в городе Севастополе, г. Севастополь, Российская Федерация
Киселёв Сергей Николаевич	Кандидат филологических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация

Киселёва Наталья Васильевна	Кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений наук, Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», руководитель филиала Фонда развития гражданского общества (ФоРГО) в Симферополе, ученый секретарь Крымского отделения РАПН, г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Клепиков Олег Владимирович	Доктор биологических наук, профессор кафедры геоэкологии и мониторинга окружающей среды, кафедры промышленной экологии, оборудования химических и нефтехимических производств ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация
Корнеева Наталья Дмитриевна	Аспирант ФГБУН «Институт географии Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация
Куролап Семён Александрович	Доктор географических наук, профессор, декан факультета географии, геоэкологии и туризма ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация
Логинова Нина Николаевна	Кандидат географических наук, доцент ФГБОУ ВО «Национальный Мордовский государственный университет им. Н. П.Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация
Логвина Елена Владимировна	Кандидат экономических наук, доцент, ученый секретарь факультета географии, геоэкологии и туризма, доцент кафедры туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Сорковская Дарья Николаевна	Обучающаяся ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Российская Федерация
Новиков Антон Алексеевич	Старший преподаватель филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В.Ломоносова» в городе Севастополе, г. Севастополь, Российская Федерация
Носонов Артур Модестович	Доктор географических наук, доцент, профессор кафедры физической и социально-экономической географии, ФГБОУ ВО «Национальный Мордовский государственный университет им. Н. П.Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация

Ожегова Людмила Александровна	Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Панков Сергей Викторович	Доктор географических наук, доцент кафедры природопользования и землеустройства Института математики, естествознания и информационных технологий ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», г. Тамбов, Российская Федерация
Погорелов Артур Русланович	Младший научный сотрудник ФГБУН «Тихоокеанский институт географии ДВО РАН», г. Владивосток, Российская Федерация
Пронина Елизавета Вячеславовна	Обучающаяся ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул, Российская Федерация
Размахнина Юлия Сергеевна	Младший научный сотрудник ФГБУН «Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН», г. Иркутск, Российская Федерация
Рожко Михаил Викторович	Старший преподаватель кафедры сервиса и туризма ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Институт управления, экономики и финансов, г. Казань, Российская Федерация
Рубцов Владимир Анатольевич	Доктор географических наук, профессор, профессор кафедры сервиса и туризма ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Институт управления, экономики и финансов, г. Казань, Российская Федерация
Рыгалов Евгений Владимирович	Старший преподаватель ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул, Российская Федерация
Рыльский Илья Аркадьевич	Кандидат географических наук, старший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
Святоха Наталья Юрьевна	Кандидат географических наук, доцент кафедры географии и регионоведения ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Российская Федерация
Семина Ирина Анатольевна	Кандидат географических наук, доцент, заведующая кафедрой физической и социально-экономической географии ФГБОУ ВО «Национальный Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация

Сикач Ксения Юрьевна	Кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии и территориального управления факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Ситько Юрий Леонидович	Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» в городе Севастополе, г. Севастополь, Республика Крым, Российская Федерация
Собокарь Никита Александрович	Аспирант кафедры экономической и социальной географии и территориального управления факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Соловьев Иван Алексеевич	Кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Институт математики и естественных наук (структурное подразделение), г. Ставрополь, Ставропольский край, Российская Федерация
Соцкова Лидия Михайловна	Кандидат географических наук, доцент кафедры геоэкологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Старикова Александра Вячеславовна	Кандидат географических наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт географии РАН», г. Москва, Российская Федерация
Теплова Любовь Ивановна	Кандидат филологических наук, доцент филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» в городе Севастополе, г. Севастополь, Российская Федерация
Тесленок Сергей Адамович	Кандидат географических наук, доцент кафедры геодезии картографии и геоинформатики ФГБОУ ВО «Национальный Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация
Уставщикова Светлана Владимировна	Кандидат географических наук, доцент ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский университет им. Н. Г. Чернышевского», г. Саратов, Российская Федерация
Филимонова Ирина Юрьевна	Кандидат географических наук, доцент кафедры управления персоналом, сервиса и туризма ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Российская Федерация

Харитонов Александр Михайлович	Научный сотрудник ФГБУН «Тихоокеанский институт географии ДВО РАН», г. Владивосток, Российская Федерация
Чугунова Надежда Васильевна	Кандидат географических наук, доцент ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Российская Федерация
Швец Александра Борисовна	Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Шекоян Сюзанна Вазгеновна	Кандидат технических наук, научный сотрудник ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация
Щитова Наталья Александровна	Доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Институт математики и естественных наук (структурное подразделение), г. Ставрополь, Ставропольский край, Российская Федерация
Яковенко Ирина Михайловна	Доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Яковлев Андрей Николаевич	Старший преподаватель кафедры геоэкологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ	3
Дружинин А. Г. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАСПОР ВЕДУЩИХ ЭТНОСОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПРИМОРСКИХ РЕГИОНАХ РОССИИ.....	5
Бородина Т. Л., Корнеева Н. Д. ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНАХ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ В СУБЪЕКТАХ С ЭТНИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ.....	14
Ожегова Л. А., Сикач К. Ю., Воронин И. Н., Воронина А. Б. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ХОЗЯЙСТВА КРЫМА В СИТУАЦИИ ИЗМЕНИВШЕЙСЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	27
Епринцев С.А., Куролап С.А., Клепиков О.В., Шекоян С.В. ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ ТЕХНОГЕННОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ ВОЗДУШНОЙ СРЕДЫ НА МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ КРУПНЫХ УРБАНИЗИРОВАННЫХ РЕГИОНОВ	43
Рубцов В. А., Рожко М. В., Биктимиров Н. М. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН).....	51
Яковенко И. М. АНАЛИЗ И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ МНОГОЛЕТНЕЙ ДИНАМИКИ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В КРЫМУ	58
Швец А. Б., Вольхин Д. А. ИСЧЕЗАЮЩИЕ СЁЛА КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА КАК ФРАГМЕНТ В ИЗУЧЕНИИ «ИНОГО КРЫМА».....	71
Грибок М. В., Рыльский И. А. ЧАСТОТА ПРОСМОТРОВ СТАТЕЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ «ВИКИПЕДИИ» О РЕГИОНАХ РОССИИ И ЕЁ СООТНОШЕНИЯ С ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ СУБЪЕКТОВ РФ	83
Уставщикова С. В. ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ КАК СТРЕССОР РАЗВИТИЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КРУПНЫХ ГОРОДАХ — ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ РОССИИ	90
Иванишева Н. А. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ	97
Чугунова Н. В., Морковская Д. Н. РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТОЛИЦЫ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РАЙОНА В СТРАТИФИКАЦИИ ЭКИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	106
Агафшин М. М. МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА	116
Демидова Е. Е., Старикова А. В. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ ДО И ПОСЛЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ И ШВЕЦИИ).....	126
Киселёв С. Н., Киселёва Н. В., Яковлев А. Н. ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ КРЫМА: 1991–2014 ГГ.	136
Баранов А. В. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И Г. СЕВАСТОПОЛЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ).....	158

РАЗДЕЛ II. ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ.....	169
Богатуров Д. С. ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	171
Воронин И. Н., Собокаръ Н. А. ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПРОРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В КРЫМУ (КОНЕЦ 1980-Х ГОДОВ–2014 ГОД)	178
Каширина Е. С., Ситько Ю. Л., Новиков А. А., Теплова Л. И. КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВАСТОПОЛЯ ПРИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ...	190
Логвина Е. В. РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В КРЫМУ.....	205
Loginova N. N., Semina I. A. ETHNO-DEMOGRAPHIC DYNAMICS OF THE SLAVS AND ITS INFLUENCE ON THE FATE OF SLAVIC CIVILIZATION IN THE FUTURE	217
Носонов А. М. ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИННО-УГОРСКИХ РЕСПУБЛИК РОССИИ ...	228
Панков С. В. ОСОБЕННОСТИ ЭТНО-ЛАНДШАФТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ТАМБОВЩИНЫ	237
Погорелов А. Р. МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РАЙОНАХ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА КАМЧАТСКОГО КРАЯ	243
Размахнина Ю. С. ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ИТОГИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	251
Рыгалов Е. В., Пронина Е. В. КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ.....	260
Соловьев И. А., Белозеров В. С., Щитова Н. А. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	268
Соцкова Л. М. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОПЕРЕКОПСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В УСЛОВИЯХ ДЕТЕРИОРАНТНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ	279
Тесленок С. А., Исхакова М. Ю. КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ДИНАМИКИ РАССЕЛЕНИЯ ТАТАР НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ	287
Харитонов А. М. РОЛЬ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА В ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА ЛЕСОРЕСУРСНОГО ТИПА (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ).....	294
Швец А. Б., Сикач К. Ю. НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИЙСКОМ КРЫМУ	301
Яковлев А. Н. КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДИНАМИКИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В КРЫМ	314
Ахметов Р. Ш., Святоха Н. Ю., Филимонова И. Ю. ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ДЕТЕЙ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЬЯХ (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ).....	324
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	332